

КОНГРЕСС ПЕТЕРБУРГСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ ОБРАЗОВАНИЯ
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ) РАН

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ПРОФСОЮЗОВ

МИР ГУМАНИТАРНОЙ КУЛЬТУРЫ АКАДЕМИКА Д. С. ЛИХАЧЕВА

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЛИХАЧЕВСКИЕ НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ

24–25 МАЯ 2001 ГОДА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2001

ББК 72
М63

Составитель и ответственный редактор

заведующий кафедрой теории социально-культурной деятельности
Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов,
доктор педагогических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ,
Заслуженный работник культуры РФ **В. Е. Триодин**

Мир гуманитарной культуры академика Д. С. Лихачева:
М 63 Международные Лихачевские научные чтения 24–25 мая
2001 г. — СПб.: СПбГУП, 2001. — 160 с.
ISBN 5–7621–0230–0

В сборник материалов Международных научных чтений «Мир гуманитарной культуры академика Д. С. Лихачева» вошли работы авторов, составляющих цвет интеллектуальной элиты России. Это широко известные деятели науки, культуры, видные общественные деятели. Каждый из них — человек, сохранивший в сознании и душе потребность продолжить дело, которому посвятил себя академик Д. С. Лихачев.

Стержень этого издания — поиск путей возвращения российской интеллигенции — залога жизнеспособности нашего государства.

Сборник предназначен для широкого круга специалистов-гуманитариев и всех читателей, проявляющих интерес к проблемам науки и культуры России.

ББК 72

УКАЗ
ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
«ОБ УВЕКОВЕЧЕНИИ ПАМЯТИ Д. С. ЛИХАЧЕВА»

Отмечая выдающийся вклад Дмитрия Сергеевича Лихачева в развитие отечественной науки и культуры, постановляю:

1. Правительству Российской Федерации:

учредить, начиная с 2001 года, две персональные стипендии имени Д. С. Лихачева в размере 400 рублей каждая для студентов высших учебных заведений Российской Федерации и определить порядок их назначения;

совместно с Правительством Санкт-Петербурга осуществить разработку на конкурсной основе проекта надгробия на могиле Д. С. Лихачева;

совместно с Российской академией наук рассмотреть вопрос о создании фильма, посвященного жизни и деятельности Д. С. Лихачева.

2. Рекомендовать Правительству Санкт-Петербурга:

присвоить имя Дмитрия Сергеевича Лихачева одной из улиц Санкт-Петербурга;

рассмотреть вопрос об установке на здании Института русской литературы Российской академии наук (Пушкинского Дома) памятной доски;

обеспечить в установленном порядке проведение работ по установке надгробия на могиле Д. С. Лихачева.

3. Принять предложения Российской академии наук об учреждении премии Российской академии наук имени Д. С. Лихачева для российских и зарубежных ученых за выдающийся вклад в исследование литературы и культуры Древней Руси, а также об издании собрания научных трудов Д. С. Лихачева.

4. Одобрить инициативу Конгресса петербургской интеллигенции о проведении ежегодно Международных Лихачевских научных чтений, приуроченных к Дню славянской письменности и культуры.

Президент Российской Федерации Владимир Путин
Москва, Кремль, 23 мая 2001 года

ПРИВЕТСТВИЯ УЧАСТНИКАМ ЛИХАЧЕВСКИХ ЧТЕНИЙ

Приветствую участников международной научно-практической конференции «Мир гуманитарной культуры академика Лихачева».

Ваша конференция собрала элиту отечественной и мировой науки и культуры, видных общественных деятелей на ответственный разговор о научном и духовно-нравственном наследии выдающегося российского ученого, академика Дмитрия Сергеевича Лихачева. Верю, у него есть и будут достойные преемники, которые смогут развить его гуманные идеи и воплотить их в жизнь при созидании общечеловеческого дома в XXI веке.

Надеюсь, Лихачевские чтения в Санкт-Петербурге станут со временем важной традицией интеллектуальной жизни России.

Желаю вам, духовным наследникам Дмитрия Сергеевича Лихачева, успешной и плодотворной работы и всего самого доброго.

Президент Российской Федерации
Владимир Путин

Сердечно приветствую вас по случаю открытия международной научно-практической конференции «Мир гуманитарной культуры академика Д. С. Лихачева», проводимой Конгрессом петербургской интеллигенции.

Нет сомнения, что организованная конгрессом конференция станет значимым событием в культурной, научной и общественной жизни не только Санкт-Петербурга, но и всей российской интеллигенции; ибо идеи, выдвинутые академиком Д. С. Лихачевым, продолжают занимать важное место в духовном и мировоззренческом пространстве нашего Отечества.

Желаю всем организаторам и участникам конференции успехов, благополучия и благоденствия. С уважением,

председатель Государственной Думы
Федерального Собрания Российской Федерации
Геннадий Селезнев

От всей души приветствую организаторов, участников и гостей международной научно-практической конференции «Мир гуманитарной культуры академика Д. С. Лихачева».

Проведение Международной конференции, посвященной творческому наследию Д. С. Лихачева, — дань уважения этому прекрасному человеку, много сделавшему для сохранения великой русской культуры и возрождения обновленной России. Дмитрий Сергеевич по праву стал воплощением российского интеллигента для всех граждан нашей страны, имевших счастье видеть этого человека, слушать его выступления, читать его книги и статьи.

Уверен, что конференция станет ярким событием в культурной и общественной жизни Санкт-Петербурга и России.

Желаю всем участникам конференции плодотворной работы во имя утверждения высоких идеалов гуманизма, сохранения и приумножения достижений российской культуры.

Полномочный представитель Президента Российской Федерации
в Северо-Западном федеральном округе
Виктор Черкесов

Я рад приветствовать участников и слушателей первых Лихачевских чтений. Имя академика Дмитрия Сергеевича Лихачева неразрывно связано с историей и культурой Петербурга.

Международная научно-практическая конференция «Мир гуманитарной культуры академика Д. С. Лихачева», которая сегодня проходит в стенах Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, в очередной раз напоминает, как до сих пор важны для нас работы Дмитрия Сергеевича Лихачева. Уверен, что труды академика Лихачева будут востребованы и нашими потомками.

Я благодарю организаторов конференции — Российскую академию наук, Российскую академию образования, Институт русской литературы (Пушкинский Дом), Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов.

Губернатор Санкт-Петербурга
Владимир Яковлев

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ,

ректор СПбГУП, заведующий кафедрой культурологии,
доктор культурологических наук, профессор,
член-корреспондент РАО, Заслуженный деятель науки РФ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Традиционную для Университета майскую научную конференцию мы открываем сегодня Лихачевскими чтениями.

Время летит быстро. Прошло уже чуть больше полутора лет, как не стало великого гуманиария Дмитрия Сергеевича Лихачева. Он относился к тому редкому типу людей, само присутствие которых меняло характер эпохи. Дмитрий Сергеевич и жил так, что усомниться в правоте его идей было невозможно. И потому академик Лихачев вошел в наше сознание как российская национальная святыня, символ отечественной культуры, разум и совесть нации.

Единственное, с чем я решительно не могу согласиться, это с навязчивым журналистским клише о Лихачеве как «последнем из могикан»: последний интеллигент, последний нравственный ориентир, последний образец, последний рыцарь, последний праведник, невосстанавливаемый культурный тип и т. д. Да нет же. Все, что делал Лихачев, направлено было на движение и продолжение, а не на подведение итоговой черты; на развитие, а не на завершение.

Только ленивый не говорит сегодня о Дмитрие Сергеевиче — «последний интеллигент». Но сам-то Дмитрий Сергеевич очень много сделал для того, чтобы не оказаться последним, чтобы след в след за ним шло новое поколение интеллигентов, которое рано или поздно выдвинет из своей среды яркую и масштабную личность. И не одну.

Дмитрий Сергеевич положительно отнесся к нашей идее формирования российского интеллигента в Университете и с интересом присматривался к опыту работы в этом направлении. Он считал, что наш вуз пополняет ряды российских интеллигентов прекрасной образованной, свободно мыслящей молодежью.

Лихачев принимал активное и заинтересованное участие во всех дискуссиях, организованных Гуманитарным университетом профсоюзов, посвященных судьбе российской интеллигенции, ибо связывал возрождение России с возрождением интеллигенции. Известно, что дискуссии консолидировали петербургскую интеллигенцию, привели к возникновению постоянно действующего регионального

общественного движения «Конгресс петербургской интеллигенции», и у нас есть все основания считать Дмитрия Сергеевича его основателем. Дмитрий Сергеевич благословил и Конгресс российской интеллигенции, дал ему морально-этическую путевку в жизнь.

Не могу согласиться, что со смертью Лихачева исчезло ключевое звено в цепи культурной преемственности. У Дмитрия Сергеевича были научная школа, ученики, последователи. В этом ряду мы рассматриваем и Лихачевские чтения как проверку временем и современное осмысление выдвинутых Д. С. Лихачевым положений.

Лихачевские чтения открываются Международной научно-практической конференцией «Мир гуманитарной культуры академика Д. С. Лихачева». В рамках конференции предусмотрены пленарное заседание, круглый стол и секционные заседания.

Понятие «гуманитарная культура» Дмитрий Сергеевич использовал в Декларации прав культуры. Под гуманитарной он понимал культуру, ориентированную на развитие созидательных начал в человеке и обществе. И это понятно: сорняки, если их не искоренять, способны заглушить культурные растения. Ничем не регулируемый, нецивилизованный рынок усиливает экспансию антигуманных ценностей массовой культуры. Если так будет продолжаться и дальше, мы можем стать свидетелями утраты культурой своей существенной функции — быть гуманистическим ориентиром и критерием развития цивилизации и человека. Не случайно величайший гений России — Пушкин — ставил себе в заслугу в первую очередь то, что его поэзия пробуждала в человеке добрые чувства. Государство должно стать гарантом возвращения гуманитарной культуры, которая обеспечивает человеку и обществу нравственную безопасность и возможность духовного возвышения.

Считаю необходимым пояснить, почему Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов выступил одним из учредителей этой конференции и проводит ее в своих стенах.

Есть люди, которым дана особая благодать пропридания.

Когда на вузовской карте Петербурга появился еще один университет, Дмитрий Сергеевич каким-то ему одному свойственным даром прозрения увидел в нем ростки будущего.

«Университет будущего — так мы зовем ваш Университет», — сказал он о Гуманитарном университете профсоюзов. И пожелал связать свое имя с будущим. Он благодарил педагогическое сообщество за оказанную честь — избрание первым Почетным доктором СПбГУП. С тех пор он соединил себя с Университетом и говорил о нем не иначе, как «наш Университет», а себя зачислил в его состав: «Теперь я — ваш».

Вот почему и у нас есть все основания называть академика Лихачева «наш Дмитрий Сергеевич». Избрав Дмитрия Сергеевича своим первым Почетным доктором, новый российский университет как бы подчеркнул, что в большое плавание в сферу университетского образования, науки, гуманитарного знания он отправляется вместе с Ученым и Гражданином, авторитет и репутация которого эталонны.

Известна характеристика, которую дал Пушкин Ломоносову: «Он создал наш первый университет. Он, лучше сказать, сам был первым нашим университетом». И у нас есть все основания говорить, что идеями Дмитрия Сергеевича заложен фундамент нашего Университета, а сам академик Лихачев был нашим первым университетом.

Дмитрий Сергеевич не был парадным Почетным доктором. Он испытывал потребность приходить в Университет, когда им овладела какая-то важная идея.

Итоговым документом всей его жизни была «Декларация прав культуры».

Свое духовное завещание он посчитал возможным представить петербургской обществу в День знаний своего Университета 1 сентября 1995 года. Он радовался, что его первыми слушателями стали студенты. На молодых людей с университетским образованием он возлагал надежду на реализацию идей Декларации.

Дмитрий Сергеевич всегда уделял особое внимание библиотекам, придавая им приоритетное значение в деле формирования интеллигента. Он был уже очень слаб физически, чувствовал недомогание, но когда узнал, что СПбГУП собирает школьных библиотекарей, посчитал необходимым приехать. Это было 24 апреля 1999 года.

Кажется, это было его последнее публичное выступление. Он говорил тогда, что образованность создается чтением и книгами, а не телевизором, и именно библиотека должна быть центром нравственного воспитания.

Культ книги и библиотеки в Университете — это память о нашем Дмитрие Сергеевиче. Университетская библиотека — святая святых, и самое почетное место в ней занимают сочинения Д. С. Лихачева.

В буклете, изданном СПбГУП, в фотовыставке зримо запечатлены важнейшие вехи сотрудничества Д. С. Лихачева с Университетом. С Университетом, который несет в себе отражение его личности.

Широта научных интересов и многообразие идей Дмитрия Сергеевича общеизвестны. Тем не менее не так уж трудно обнаружить его доминирующую идею, системообразующую все остальные. Речь идет о приоритете духовного, нравственного начала, о приоритете культуры. Во все времена, писал Дмитрий Сергеевич, в любом обществе не могут действовать без культуры и нравственности законы экономики, законы юриспруденции, законы исторические. Однако дело не только в том, что нравственность и культура выступают необходимым ингредиентом для того, чтобы привести в действие те или иные законы. Они качественно меняют среду функционирования законов — превращают население в упорядоченное общество.

Но если экономика не может действовать вне нравственности, если, как учил Д. С. Лихачев, экономическое неблагополучие вызвано духовным неблагополучием, тогда действующая экономика должна иметь другое обозначение. Университет в течение последних десяти лет выдвигал идею нравственно ориентированной экономики. Сейчас в ряду наиболее продуктивных концептов общественной мысли стал привычным термин «моральная экономика». К сожалению, модель «моральной экономики» пока не экстраполируется на сложившуюся экономическую ситуацию. Я надеюсь, что работа секции «Экономика и культура: проблемы взаимосвязи» восполнит этот пробел.

Приоритетность культуры означает поддержку ее государственности. Дмитрий Сергеевич не уставал во весь голос говорить о том, что государство несет юридические и моральные обязательства перед прошлым, настоящим и будущим за сохранение и развитие культурного наследия всех народов и этносов, проживающих на его территории.

Уничтожение памятников культуры талибами лишней раз показало не просто актуальность, а злободневность положения Дмитрия Сергеевича о том, что любые действия, ведущие к уничтожению памятников истории и культуры, включая периоды войн, межгосударственных и межэтнических конфликтов, должны быть в международно-правовом плане квалифицированы как преступления про-

тив человечества. На секции «Международно-правовые основы сохранения и развития культуры» будут рассмотрены вопросы о праве культуры на международную защиту.

Свою конференцию мы проводим в День святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. Это день славянской письменности, день книги и день книжности. Никто столько не сделал для утверждения в общественном сознании мысли о том, что книга — наше главное богатство. Ситуацию вокруг книги и литературы исследуют две секции — «Судьба книги» и «Литература и искусство Древней Руси и современность».

Особое значение я придаю работе секции «Российский интеллигент как этический идеал воспитания», потому что она наиболее точно выразила сущностные черты самого Дмитрия Сергеевича. Он был подлинным интеллигентом и навсегда останется для нас этическим идеалом воспитания. Секцию, таким образом, можно рассматривать как своеобразный духовный мемориал, нашу вечную память о Дмитрии Сергеевиче.

Но есть и еще один аспект, притягивающий к работе этой секции общественное внимание.

Мне кажется, нам надо выходить из плоскости затянувшейся дискуссии о понятии «интеллигент», его отношениях с властью, ответственности за судьбу страны и т. д. В основном мы здесь достигли взаимопонимания. Пора осваивать новые направления.

Меня сегодня больше всего беспокоит вопрос о воспитании в молодых людях качеств, свойственных интеллигенту. У нас с Дмитрием Сергеевичем были на эту тему продолжительные беседы, в результате которых выработана общая позиция: учебное заведение теряет право на существование, если не воспитывает в своих учениках интеллигентность. В Гуманитарном университете профсоюзов мы поставили перед собой задачу формирования российского интеллигента. Дмитрий Сергеевич внимательно присматривался к нашим первым шагам. Ему явно импонировала заявленная нами программа. И я уверен, пришло время решать эту задачу в рамках не одного университета, а всего вузовского сообщества, а еще шире — всем миром, потому что, пока у нас не созреет совестливое, интеллигентное общество, — ничего не выйдет.

Более того, модель интеллигента может и должна быть экстраполирована на государство в целом и его институты. Я припоминаю страстную речь Фазиля Искандера (которого очень почитал Д. С. Лихачев, считая его достойным Нобелевской премии) на I Конгрессе Российской интеллигенции. Искандер говорил тогда, что мы должны строить совестливое государ-

ство, что базисом развития общества является совесть, а экономика — одна из важнейших надстроек. Экономика без базиса совести — это зверинец с открытыми клетками, что мы и видим сегодня.

Научная ценность и значимость конференции определяется составом ее участников. В работе «Лихачевских чтений» принимают участие академики Российской академии наук, Российской академии образования, крупнейшие ученые, писатели, поэты, общественные и политические деятели, представители аппарата Президента, правительства, генеральных консульств зарубежных стран.

Мы постараемся всем дать слово. Элите научной и общественной мысли в течение двух дней будут предоставлены трибуны пленарного и секционных заседаний, круглого стола.

Однако наша аудитория — это еще и те, кто по объективным причинам не смог приехать на конференцию, но испытывает глубокое уважение к памяти Дмитрия Сергеевича.

Чтобы мы почувствовали «дыхание», «температуру» поступивших в наш адрес писем, приведу несколько примеров.

Председатель Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации Г. Н. Селезнев выражает уверенность, что организованная Конгрессом конференция станет значимым событием в культурной, научной и общественной жизни не только Санкт-Петербурга, но и всей российской интеллигенции, ибо идеи, выдвинутые академиком Д. С. Лихачевым, продолжают занимать важное место в духовном и мировоззренческом пространстве нашего Отечества.

Заместитель председателя Государственной Думы Георгий Валентинович Боос пишет, что преклоняется перед стремлением организаторов возродить огромное научное наследие, которое оставил в дар россиянам Дмитрий Сергеевич Лихачев.

Сердечное письмо прислал Президент Российской академии наук Юрий Сергеевич Осипов. «Вы знаете, — пишет он, — как высоко я ценил и уважал Дмитрия Сергеевича, и представляете, как мне хотелось бы это приглашение принять, тем более в конце мая, в самое лучшее время года. Однако ранее принятые мной обязательства, к сожалению, вынуждают меня отказать».

Министр труда и социального развития России Александр Петрович Починков выражает уверенность, что конференция сделает величайшее наследие академика Лихачева более доступным широким слоям нашей общественности.

Его Королевское Величество принц Уэльский просил извинить его. Жесткое майское

расписание не позволило ему почтить память Дмитрия Сергеевича.

Генеральный консул Англии госпожа Хей отметила, что академик Лихачев был глубоко уважаем в Англии. Она присоединяется к почитающим его память.

Большое теплое письмо пришло от ректора Санкт-Петербургской Духовной академии и семинарии, епископа Тихвинского Константина. Он обращает внимание на то, что Университет собирает вокруг себя ведущие научные силы России. Праздничные торжества Университета начинаются в День памяти святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, просветителей славян. В этом году университетский праздник совпал с одним из

величайших христианских праздников — Вознесения Господня. Епископ Тихвинский выражает уверенность, что Всемогущий Господь по молитвам своих святых угодников Кирилла и Мефодия ниспошлет участникам конференции благословение.

На этой благословляющей участников конференции ноте я бы и закончил свое вступительное слово. Разве что добавлю вычитанную когда-то у Цицерона мысль, которая имеет отношение в первую очередь к Дмитрию Сергеевичу, но не чужда и каждому из собравшихся здесь:

«Природою дарована нам недолгая жизнь. Но память о прекрасно прожитой жизни вечна».

Н. Н. СКАТОВ,

директор Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН,
главный редактор журнала «Русская литература»,
доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАН

БОРЬБА ЗА ЛИТЕРАТУРУ ЛИТЕРАТУРООБРАЗУЮЩЕЙ НАЦИИ

Я хотел бы не ограничиться общим, пусть пафосным и торжественным, приветствием, а сказать об одной чрезвычайно важной, насущной и очень драматичной для нашей страны вещи. Позволю себе напомнить о том, что академик Лихачев был видным филологом, историком русской литературы. Сейчас русской литературе грозит беда — идет наступление на систему образования в традиционном смысле этого слова.

Мы — литературообразующая нация и не существуем без литературы. Литературу собирают сегодня, по сути, выбросить из школьных программ, оставив ей лишь два часа в неделю. Согласно будущим общестандарт-

ным программам, выбрасываются «Евгений Онегин», «Ревизор», «Мертвые души». В свое время к Евгению Максимовичу Примакову, тогда премьеру, я, академик Лихачев и академик Панченко обращались с соответствующим посланием; боюсь, что оно не было услышано в полной мере.

Нам предстоит очень серьезная, принципиально важная для сохранения нашего национального менталитета борьба — борьба за литературу. И я думаю, что имя выдающегося историка литературы, замечательного медиевиста, академика Дмитрия Сергеевича Лихачева поможет нам в этой борьбе.

М. Б. ПИОТРОВСКИЙ,

директор Государственного Эрмитажа, доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАН и Российской академии художеств

КУЛЬТУРА В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗМА

Дмитрий Сергеевич продолжает жить в нашей памяти не только потому, что мы помним и будем помнить его имя и труды, но и потому, что все, что он сделал, будет иметь продолжение и результаты. То, о чем сказал сейчас Николай Николаевич Скатов, одно из направлений, за которые всю жизнь именно воевал и боролся Дмитрий Сергеевич. Другим направлением его деятельности (более широким) была борьба в защиту культуры (здесь

в Университете впервые оглашалась Декларация прав культуры). Мы видим, что постепенно происходят некие качественные изменения; они происходят неспешно, но происходят в результате той борьбы, активной деятельности, которая идет. Уже о защите культуры говорить, может быть, не нужно, потому что она как-то защитила себя. Мы начинаем сейчас серьезно говорить о наступлении культуры, и это происходит не

только в России, но и во всем мире. А весь мир достаточно сложен, тяжел, нехорош.

Есть такое слово «глобализм», которое всем очень не нравится, поскольку само явление, вроде бы, вызывает много отрицательных эмоций: оно враждебно культуре, так как всех должно нивелировать (в том числе и в культурном смысле). Но само это явление порождает и обратное явление, противодействие, которое может оказаться не менее страшным, чем, например, наш российский социалистически-большевистский эксперимент, потому что это, так сказать, — анархическая волна борьбы против объединения мира. Однако, как ни странно, и для того, и для другого есть общие тормозы и препятствия — это включение культуры в те мировые процессы, которые сами по себе развиваются. Если глобализм будет не глобализмом «макдональдсов» и одинаковых автомобилей, пусть даже «мерседесов», а глобализмом культуры, в том числе и российской, если частью глобализма снова будет изучение русского языка во всем мире (да, его перестали изучать во Франции и в Америке, но его значительно больше изучают сейчас в

Греции и во многих других странах), если это будет глобализм российских художественных выставок и «культурных продуктов», которые создаются в России и вызывают интерес во всем мире, — российских книг, российских фильмов и спектаклей, то это и будет наше продолжение того, что делал Дмитрий Сергеевич. На мировом уровне российская культура обязана сделать немало.

Частью глобального мира, который и хорош, и плох, является мировая глобальная сеть Internet. На самом деле (и я об этом уже не раз говорил), это — страшная помойка. Она перестанет быть помойкой только тогда, когда рядом с выгребными ямами появится (да уже и появляется рядом с ними) настоящая культура, то, что своим высоким уровнем будет притягивать к себе.

Дмитрий Сергеевич в нашем обществе был как раз тем человеком и ученым, который притягивал к себе и заставлял людей забывать многое из того противного, что было вокруг, или стряхивать это противное с себя. Я думаю, что все, о чем мы будем говорить эти несколько дней, будет достойно памяти Дмитрия Сергеевича.

А. А. ВОЗНЕСЕНСКИЙ,

поэт, академик РАО, лауреат Государственной премии СССР,
Почетный доктор СПбГУП

СТРАНА ПРЕОДОЛЕЕТ КРИЗИС, КОГДА ПРОЧТЕТ «СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Для меня Дмитрий Сергеевич Лихачев остается живым человеком. XX век кончился и что от него осталось? Что отличает его от других веков? Дмитрий Сергеевич это понимал — остался авангард, которого не было ни в XIX, XVIII, ни в XIV веках. Но именно Дмитрий Сергеевич Лихачев понимал значение всего этого, потому что не был замшелым академиком, не был ретроградом. Я помню, когда мы были в Италии, он сказал гениальную фразу о том, что Аввакум был первым русским авангардистом, — и за это ему огромное спасибо. И еще. Когда-то я заболел вирусным гриппом, температура была страшная, и об этом узнал Дмитрий Сергеевич Лихачев. И он сказал: «Передайте Вознесенскому, чтобы он не принимал никаких таблеток, а перечитал “Слово о полку Игореве”». Я так и сделал. И действительно, я поправился. Вот если бы наша страна, которая сейчас больна, прочитала бы «Слово о полку Игореве», у нее дела были бы получше.

Сейчас у меня вышли два первых тома из собрания сочинений в шести томах. Я хочу подарить их Университету в память о Дмитрии Сергеевиче Лихачеве, тем более что единственная мантия, которая у него была, вручалась ему здесь. Я сегодня написал стихи и хотел бы их сейчас прочесть. Когда я виделся с Дмитрием Сергеевичем, всегда читал ему новые стихи.

Это было в Туле или в Обнинске.
Крики телефонные равны нулю.
«Баба резанулась! Вы что там, стebнулись?!
Неотложную!»

Скульптор Неизвестный, бинтуй свой мебиус.
Женщина нетрезвая качнет права.
Вспомните про Фурцеву. Ванная — как лобно.
Неотложку, Господи! Еще жива!

Все равно косуде, какой в ней резус.
Так самоубийственно живет трава.
Спишь в хрустальной маске, царевна
Зарезанная. Еще жива...

Паводком в Якутске прорвало плотину.
Лена вскрыла вены.
Речь ненормативная, жизнь ненормативная —
Необыкновенная.

Лена вскрыла ленность
Наших джентльменов.
Лена вскрыла вены.
Все имеет финиш,
Только смерть нетленна.

Лена вскрыла вены.
Мы в беде по крышу
Или по колено.
Вену вскрыла Лена.

Ежедневно Дума кричит о роспуске.
Тише, разговорчивая братва!
Разметав протоки и рукава,
Россия вскрыла вены. Неотложку, Господи!
Если неотложка еще жива.

Э. А. РЯЗАНОВ,

кинорежиссер, Народный артист СССР и РСФСР,
лауреат Государственной премии СССР, Почетный доктор СПбГУП

ПОДВЕРГАТЬ ВСЕ СОМНЕНИЮ — ГЛАВНАЯ ЧЕРТА УЧЕНОГО

Я очень польщен, что мне дали слово в таком интеллигентном, научном и вообще замечательном сообществе. Должен сказать, что я с большим сомнением отношусь к нашей интеллигенции, ибо она замарана в огромном количестве неблагоприятных дел, и только то, что к ее среде принадлежат такие люди, как Андрей Дмитриевич Сахаров и Дмитрий Сергеевич Лихачев, примиряет меня с существованием этой прослойки. Они одни из немногих, которые являются эталоном, на них мы должны равняться. Я отношусь к Дмитрию Сергеевичу с невероятным почтением, нежностью, любовью, преклоняюсь перед этим великим ученым и человеком страшной, трудной судьбы. Он прожил жизнь с невероятным достоинством, и я очень боюсь, чтобы из него не сделали этакого символа просвещенного самодержавия, народности и православия. Я очень боюсь, чтобы мы не превратили живого, скромного и, действительно, очень интеллигентного человека в некую мумию, которой кстати (а в основном нехстати) будем потом потрясать. А такая опасность существует — мы же ни в чем меры не знаем, всегда стараемся превзойти по па в вере и бить свои лбы истово и бессмысленно.

У меня по поводу ряда вещей и явлений есть свои взгляды, отличные от принятых. В частности, мне кажется, что Лихачевские чтения должны состоять не в пересказе сочинений Дмитрия Сергеевича. Они должны стать поводом для того, чтобы каждый из сидящих здесь людей (многие из которых являются гордостью русской культуры) поделился своими мыслями, сомнениями, опасениями. Я убежден — самая главная черта подлинного ученого — это сомнение. Именно сомнение, которому мы должны подвергать незыблемые постулаты, известные нам с детства.

Сегодня мы говорим о Кирилле и Мефодии. Может быть, сейчас я скажу с точки зрения

почтенного собрания слова возмутительные, но я всегда думал: ведь объективно их роль в том, что они оторвали нашу письменность от письменности практически всего Запада. У поляков, скажем, письменность другая, а язык близкий нам, славянский. И я не думаю, что в конечном итоге деятельность Кирилла и Мефодия здесь послужила на пользу. Ведь определенный занавес, который существовал между Россией и Европой, имел место еще и потому, что у нас была другая письменность. Это моя точка зрения, я имею на нее право. Я уважаю авторов славянской письменности, но считаю, что, повторюсь, они объективно послужили разрыву и воздвижению стены между Восточной и Западной Европой. И вообще, у нас в истории очень много спорного.

В одном из сочинений, написанных мной вместе с Григорием Гориным, сказано: История — это сказка, слегка приукрашенная правдой, — для убедительности. Интересно, почему Александра Невского, потопившего в крови своих родных новгородцев, причислили к лику святых? Он был побратимом сына Батыея, и татарская конница помогала ему одерживать победы и на Чудском озере, и на Неве. Об этой помощи «басурманов» никогда и ничего не писалось. Мне кажется, что чем больше тумана мы будем рассеивать над нашей Историей, тем будет лучше. Мы должны знать: от куда мы, кто мы, что мы. Что вообще происходило в то время, про которое мы талдычим: 300 лет татаро-монгольского ига, 300 лет татаро-монгольского ига... Все было не так однозначно, как нам это внушали в школе. Лев Николаевич Гумилев очень много работал и рассказал невероятные вещи о той эпохе.

Сомнение, неуспокоенность, желание познать правду — вот благодаря чему идет вперед наука. У меня ощущение, что мы — все, кто собрались в этом зале, — это своеобразный остров культуры и тяготения к знанию в

огромном море невежества, в котором погрязла вся наша страна. Для меня сейчас самая главная задача — это просветительство, потому что надо вытаскивать наших людей из (как бы поточнее выразиться) этакой коррупции души. Кошелек из материальной стал и моральной категорией: духовная сытость, деньги, довольство — главное, все остальное не имеет никакого значения.

Я благодарен Университету за то, что он занимает неподкупную просветительскую по-

зицию. Это воинствующая позиция людей, которые пытаются (я сейчас выражаюсь выскопарно) зажечь огонь знания и распространить его среди нашего населения, применительно к которому я сейчас даже слово «народ» боюсь употребить. Мы сейчас, скорее, население, которое говорит на одном языке, но мало что помнит, мало что хочет знать.

Я желаю всем успеха на замечательном и благородном поприще просвещения.

В. А. ЯНИН,

заведующий кафедрой археологии исторического факультета
МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор исторических наук,
профессор, академик, член президиума РАН,
Почетный доктор СПбГУП

ПРОШЛОЕ — БУДУЩЕМУ

Когда меня пригласили на эту замечательную конференцию, я задумался о том, что же было той генеральной идеей, которая руководила всем творчеством Дмитрия Сергеевича. Нужно сказать, подобные идеи легко отыскивать в публицистике, а не в научных трудах, для которых, как это очевидно, направляющей идеей является стремление решить конкретную исследовательскую задачу. К счастью, работам Дмитрия Сергеевича свойственно непереносимое сочетание обеих целей: решая конкретную задачу, он всегда умел извлечь из результата исследования высокую и поучительную мысль, направленную на формирование общественного нравственного идеала.

Для того чтобы вы поняли ход моих мыслей, я хотел бы сначала обратиться к опыту личного полувекового общения с Дмитрием Сергеевичем, каждая встреча с которым оставляла глубокий след в памяти. Я познакомился с ним в 1952 году в Новгороде, на раскопках. Он захотел их посетить в связи с продолжающимся второй год открытием берестяных грамот, число которых с каждым днем стремительно увеличивалось. Новгород, как это хорошо известно, был для Дмитрия Сергеевича своего рода Меккой. Начальной истории новгородского летописания была посвящена его диссертация. В 1945 году был опубликован его очерк культуры Новгорода XI—XVII веков, переизданный в 1959 году. Посмертно был опубликован потрясающий альбом его довоенных зарисовок Новгорода — созданная, казалось бы, непрофессиональным художником лирическая сюита; ее главными героями стали не только шедевры архитектуры, но и люди, с которыми Дмитрий Сер-

геевич тогда встречался. Я же, работавший на новгородских раскопках уже четвертый сезон, полагал себя чуть ли не коренным новгородцем и нашел в разговоре с Дмитрием Сергеевичем сюжет, для него неожиданный, а для меня остро пережитый.

Я рассказал ему о первых своих впечатлениях на новгородских раскопках пятилетней давности. В 1947 году, когда я по окончании первого курса приехал в Новгород, города фактически не было. Был громадный пустырь, заросший лопухами и бузиной, на котором там и сям возвышались руины храмов и кирпичные коробки разрушенных зданий. От стен Детинца был виден вал Окольного города, над которым поднимались столбы дыма. Это пока еще немногочисленные жители Новгорода осваивали под временное жилье блиндажи и ходы сообщения немецкой линии обороны, поставив в них печки-буржуйки и соорудив над ними толевые крыши.

Наша археологическая работа началась с прополки. На том самом месте, где потом было построено здание обкома КПСС, а ныне — областной администрации, мы выдирали с корнем лопухи и бузину (ее запах до сих пор мне отвратителен как напоминание о пожарищах и людском горе), а потом вскрыли дерн и сразу вышли на горизонт 1941 года. Это был зольный слой сгоревших деревянных домов, главными находками в котором оказались запертые висячие замки. Покидая Новгород, жители заперли дома с оставшимся в них жалким скарбом. Они рассчитывали вернуться и отпереть эти замки, но, вернувшись через три года оккупации, нашли лишь заросшее бурьяном пепелище.

Мы с Дмитрием Сергеевичем подошли к стене Неревского раскопа, и я показал ему в профиле многочисленные зольные и угольные прослойки культурного слоя — следы периодически уничтожавших город пожаров. Пожары — причина нашей отечественной исторической бедности. В отличие от средневековых горожан Западной Европы, живших в каменных домах и сохранивших в них свои архивы письменных документов, русский горожанин в средние века жил в деревянном доме. Такой дом удобен в нашем климате: зимой в нем тепло, летом прохладно, а строительный материал всегда под рукой. Однако сама скученность городских построек способствовала их неслучайной гибели от пожара. Мы раскопали в Новгороде остатки тысяч домов X—XV веков, и подавляющее их большинство несет на себе следы огня, уничтожившего книги и иконы, берестяные письма и предметы прекрасно украшенной утвари. Чем дальше в глубь столетий, тем меньше письменных и художественных свидетельств нашей истории: что не сгорело в XI веке, догорало в последующие столетия. Тем важнее оказывается работа по кропотливому выявлению и сбору новых источников в земле и архивах, но прежде всего именно в земле.

Об этой первой беседе с Дмитрием Сергеевичем я не раз вспоминал позднее. Она, я думаю, послужила первоначальным толчком к нашей совместной работе в Обществе охраны памятников истории и культуры, возникшем в середине 60-х годов, а потом — в Российском фонде культуры. Беседа вспоминалась мне и при чтении многих журнальных и газетных статей Дмитрия Сергеевича, связанных с этим общественным движением. Эти статьи были потом собраны в большой том под знаковым названием «Прошлое — будущему». Мне думается, что в этом названии и заключена главная, направляющая, общественная, нравственная идея, которую лучше всего поясняют не раз цитированные Дмитрием Сергеевичем устно и в печати пушкинские строки:

Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

Да, мы живем на пепелище нашей истории. И такое же горькое чувство, какое я испытал, глядя на запертые новгородские замки 1941 года, мы испытываем при виде вскрытых лопатой археологов пепелищ древнерусских городов, уничтоженных шквалом татаро-монгольского нашествия XIII века. Жаль, что об этих пепелищах не знали или

не желали знать, не видевшие их, покойный Л. Н. Гумилев и процветающий ныне А. Т. Фоменко! Мне такое пепелище довелось увидеть и раскапывать во Вщиже, где планировка древней улицы определилась только по линии нанесенных на план городища запертых навсегда замков!

А что же сказать об «отеческих гробах»? На глазах родительского и моего поколений одно за другим стирались исторические кладбища. Кажется, в Москве последнее из них погибло при прокладке «Третьего кольца», когда бульдозер прокатился по могиле историка Петра Ивановича Бартенева. Мне особенно горько рассуждать на эту тему: кладбище, на котором погребены мои предки с материнской стороны, в процессе «укрупнения деревень» попало в зону расширения полигона ДОСААФ и стало вместе с сельской церковью объектом учебного бомбометания... Только энтузиазм Марии Юрьевны Барановской и ее сподвижников уберег могилы Веневитинова и Чехова, Гоголя и Левитана, по-видимому, мешавшие строительству социализма. Их останки были перенесены на Новодевичье кладбище. Но кости умерших в московских госпиталях офицеров и солдат, погребенных на Братском кладбище, легли под фундаменты новых домов. Мне памятна ретивая прыть одного из главных архитекторов Новгорода, мечтавшего ликвидировать Петровское кладбище, чтобы на его месте построить детский городок с каруселями и прочими аттракционами. По существу, именно кладбища, пришедшие в омерзительное состояние, с их ободранными церквями и часовнями, стали некими символами бездуховности, формируя неуважительное отношение к предкам, старине и традициям.

Вспоминая сегодня Дмитрия Сергеевича, я хочу обратить внимание, что пушкинскую цитату он продолжал словами так и не дописанного Пушкиным последнего варианта этого великого стихотворения, в котором о двух «дивно близких нам» чувствах говорится:

Животворящая святыня!
Земля б была без них мертва...

Приведя эти строки, Д. С. Лихачев писал: «Поэзия Пушкина мудра. Ни одно слово в ней не лишено смысла. Почему же любовь к “отеческим гробам” “животворящая”? Да потому что она ценностна, творчески активна, потому что она — одно из слагаемых культуры».

«Любовь к отеческим гробам» — синоним уважения традиции. Так же, как и «любовь к родному пепелищу». Это синоним уважения своей истории. У нее есть чему поучиться вопреки расхожему мнению о том, что исто-

рия якобы никого и ничему не учит. Меня не устаёт поражать народное долготерпение в постоянном возрождении традиции на своем пепелище. Живший в деревянном доме наш предок — русский человек — прекрасно знал, что его дом обязательно сгорит. Но как только дом, простояв десять, пятнадцать, от силы тридцать лет, сгорал, погорелец возводил новый и тут же наполнял его резной утварью, украшал разным узорочьем, как будто строил и обустроивал его на века.

Дмитрий Сергеевич назвал сборник своих патриотических статей «Прошлое — будущему». Он знал и желал научить других, показать им, что у истории есть чему поучиться. За примерами обращусь к наиболее близкому мне (и Дмитрию Сергеевичу) Новгороду. Неповторим ли, уникален ли его феномен? В 10-х годах XV столетия в Новгороде была проведена реформа управления, резко расширившая его главный административный орган, который мы вслед за ганзейцами привыкли называть Советом Господ. Форма государственной организации Новгорода стала напоминать венецианскую, что было прекрасно осознано самими новгородцами. В 1420 году началась чеканка собственных серебряных денег — «новгородок», на которых изображена патронесса города святая София, вручающая коленопреклоненному посаднику символы власти. Это очевидная, бьющая в глаза реплика традиционного изображения на венецианских монетах, где патрон города святой Марк вручает коленопреклоненному дожу символы власти. Когда это тождество сюжетов было нами осознано, возникло недоумение. Венеция, как принято считать, была республикой купцов, власть же новгородских бояр основана на крупном землевладении. Значит, полного сходства нет? Напротив: появляется работа итальянского исследователя, доказавшего, что и власть венецианских патрициев опирается на крупное землевладение, естественно, не в лагуне, а по всему Леванту. Значит, все-таки полное сходство? Отнюдь! Венецианские патриции собирались под сводами Дворца Дожей, не колеблемого приливом народных страстей. Новгородские же аристократы обсуждали свои проблемы на вечевой площади, где полноправные «вечники» были окружены толпой, как мы теперь сказали бы, митингующих сограждан. Новгородский политический строй, в отличие от венецианского, нес в себе элемент *гласности*, о которой мы не так давно и так много с надеждой говорили.

Но что такое гласность? Возможность, хотя бы кликами порицания или одобрения, влиять на важные политические процессы, формировать творческую личность. Не отсюда ли

в какой-то степени проистекает знаменитый культурный взлет средневекового Новгорода, в котором были созданы шедевры зодчества, живописи, книжности? Ни отсюда ли непревзойденный уровень грамотности всех слоев его населения? Сегодня из культурного слоя Новгорода извлечены 915 берестяных писем; при том что вскрыты каких-нибудь 2% его древней территории. И это при том, что в землю попадает ничтожная доля того, что когда-либо было написано и не сгорело в печах и в пламени пожаров! (Замечу в скобках, что Дмитрий Сергеевич всегда интересовался нашими берестяными находками, реагируя на их публикации блестящими рецензиями).

Был в Новгороде и еще один завидный элемент политической жизни. С конца XIII века утвердился порядок ежегодного отчета перед вечевым собранием главных должностных лиц государства. Если деятельность посадника за год признавалась удовлетворяющей, ему продлевали полномочия на следующий год. Если же она оказывалась недостаточной, на посадничью степень избирали боярина из другого конца. В XV веке пошли дальше, сократив отчетный срок до полугода. Но это уже был очевидный перегиб, связанный с желанием многих боярских семей хотя бы недолго посидеть у государственного пирога.

Возвращаясь к пушкинским строкам, я все же должен заметить, что философски, как мне представляется, более значителен черновой, почему-то не удовлетворивший Пушкина и зачеркнутый им вариант характеристики «двух дивно близких нам чувств»:

На них основано от века
По воле Бога самого
Самостоянье человека —
Залог величия его.

Вдумайтесь в ключевое слово! Не стертое от постоянного употребления — *самостоятельность*, а гордое — **САМОСТОЯНЬЕ!** Какое емкое слово! В нем органически спаяны понятия свободы, независимости, возможности и готовности к действию и ответственности перед Богом и людьми.

В 1937 году, в столетнюю годовщину со дня смерти Пушкина, Иван Сергеевич Шмелев напечатал эссе «Тайна Пушкина», в котором задал до сих пор животрепещущий вопрос и ответил на него: «Если бы нас спросили о самом *важном*, — чего хотите? — вся Россия сказала бы: “самостоянья своего!”» Вот завет Пушкина, основы национального бытия. Как никогда еще за сто лет, мы тщимся найти «самостоянье» и в разброде, как никогда. Столько претерпев, нельзя оставаться прежними: страдания умудряют — возвышают.

Мы не смеем растрачивать богатства, страданием обретаемого. Должны помнить:

Нет, выстрадай сперва себе богатство,
А там посмотрим, станет ли несчастный
То расточать, что кровью приобрел.

Приведя эту цитату из Шмелева, я должен заметить, что и стихотворение «Два чувства дивно близки нам», и «Скупой рыцарь», из которого взяты только что приведенные строки, созданы Пушкиным в 1830 году, то есть принадлежат к единому кругу взаимосвязанных размышлений поэта.

Надо ли пояснять, почему, перечитывая эти строки, я всякий раз с благодарностью думаю о Дмитрие Сергеевиче Лихачеве!

И все-таки не на этой ноте хотелось бы закончить выступление. Археолог в силу специфики своих занятий не привыкли к адекватному восприятию (даже собратями-историками) добытых ими из земли источников, совсем непохожих на летописи, акты или литературные памятники. Тем значительнее постоянное внимание и понимание со стороны Дмитрия Сергеевича. Всеобъемлющая культура делала его желанным собеседником для людей всех возрастов. Каким молодым огнем зажигались глаза Лихачева

при восприятии наших специфических восторгов. Автор великой формулы «экология культуры» своим примером демонстрировал животворящее воздействие на человека культуры, поддерживающей «экологию души». Дмитрий Сергеевич всегда был много моложе своих лет.

Не откажу себе в удовольствии рассказать один эпизод, о котором я узнал в Нижнем Новгороде от очевидцев.

Дмитрий Сергеевич, будучи в Нижнем, захотел побывать в Макарьевском Желтоводском монастыре. Секретарь нижегородского обкома, зная непристойное состояние этого памятника истории и культуры, стал объяснять, что монастырь недоступен для посещения: «половодьем снесло пристань», «затонул рейсовый пароход» и т. д. Дмитрий Сергеевич огорчился, но его молодые коллеги отвели его на пристань, посадили на пароход и доставили в Макарьев. У входа в монастырь сидела, пригорюнившись, некая бабушка, у которой Дмитрий Сергеевич что-то спросил. Та с трудом подняла голову и сказала: «Ох, сынок! Что ты говоришь, я ничего не слышу. Я ведь стала старая, глухая да глупая! Не поверишь — мне уже 80 лет». Дмитрию Сергеевичу тогда было 83 года.

Н. Я. ПЕТРАКОВ,

директор Института проблем рынка РАН,
доктор экономических наук, профессор, академик РАН

ОПОРА НА ИНТЕЛЛИГЕНЦИЮ — ЗАЛОГ ВЫХОДА РОССИИ ИЗ КРИЗИСА

Все знают, что Дмитрий Сергеевич Лихачев был человеком необычайно образованным и очень ценил образованность в людях. В некоторых своих заметках он прямо говорит о том, что образованность — это одна из черт интеллигенции. Но я бы все-таки считал, что образованность, как говорят математики, условие необходимое, но не достаточное для того, чтобы считать человека интеллигентным, а многознание еще не есть ум. Знания необходимы, чтобы создавать новые знания, новую информацию в обществе, потому что общество — это саморазвивающаяся система (никакие самые лучшие швейцарские часы не обладают свойством саморазвития). А для развития общества и осуществления социального прогресса необходимо возникновение новой информации. Творцом новой информации является истинная интеллигенция; не тот передовой ее отряд, который пресмыкается перед всякой

властью, а действительно творческая интеллигенция.

К сожалению, XX век был для России веком глумления над интеллигенцией. Дело в том, что, обобщив, национализировав «железки» — заводы, фабрики — и землю, большевики национализировали и интеллектуальную собственность — они отобрали плоды труда у интеллигентов. И что бы человек ни изобрел, что бы он ни сделал — все сразу становилось собственностью государства в лице того государственного научно-исследовательского института, в котором получал зарплату данный сотрудник. Примерно такая же ситуация сложилась и в культуре, и в других сферах творческой деятельности. В то время считалось, что гегемон общества — тот, кто стоит у станка. Он, оказывается, важнее того, кто изобрел этот станок, того, кто его совершенствовал. И такая система унижения творцов в конечном счете и привела к

тому, что наша интеллигенция вступила в конфликт с коммунистической властью и коммунистическая власть пала. Кто говорил «красмольные» вещи на кухнях, правда, иногда положив подушку на телефон? Интеллигенты. Кем были диссиденты, которые подвергались гонениям в те годы? Почти все интеллигенты. Кто ходил на демонстрации 1989–1991 годов, призывая к демократическому развитию? Это практически поголовно интеллигенты. Кто приветствовал гласность, свободу выезда за границу, свободу слова? Все это интеллигенция.

Но после того как интеллигенты помогли новой власти прийти в кремлевские кресла, они оказались и этой власти совершенно не нужны. Началась в буквальном смысле слова экономическая война этой власти против интеллигенции — врачей, научных работников, работников культуры. И я думаю, что подоб-

ная политика наших властей самоубийственна, потому что важнейшей производительной силой современного общества является творческая интеллигенция.

Из той ямы, из той пропасти, в которую попала Россия, ее не выведут ни армия, ни банкиры, ни рабочие и крестьяне, ни люмпены, ни криминал. Вывести Россию из кризиса может только тот лидер или та группа, стоящая у власти, которая поймет, что нужно опираться на творческую интеллигенцию. И здесь нет никакого ее противопоставления с рабочим классом — с теми высококвалифицированными людьми, которые должны стоять у новых станков. Но, как говорил Ежи Ленц: «Если водитель трамвая начнет искать новые пути, то трамвай сойдет с рельс». У каждого своя функция в обществе, и я думаю, что если все это поймут, это и спасет нашу страну.

С. А. ФИЛАТОВ,

председатель Исполкома Конгресса российской интеллигенции,
лауреат Государственной премии РФ

ПОРТРЕТ Д. С. ЛИХАЧЕВА КАК РОССИЙСКОГО ИНТЕЛЛИГЕНТА

Сегодня у нас праздник, потому что мы не просто вспоминаем Дмитрия Сергеевича Лихачева; мы как бы поставили себе долгосрочную, многолетнюю задачу — на таких встречах делиться друг с другом теми проблемами, которые всегда держал в уме, о которых всегда говорил, выражая тем самым свою гражданскую позицию, Дмитрий Сергеевич Лихачев. Гуманитарный университет профсоюзов сегодня привлекает российскую и зарубежную интеллектуальную элиту, видных представителей интеллигенции к этому диалогу, и мне кажется, что это не случайно. Все мы долго шли к этому, и у нас с вами должно все получиться. Мне приятно видеть в зале много молодежи, за которой будущее и исправление тех ошибок, которые были совершены в нашем государстве и обществе в прошлом столетии. Именно молодым создавать новое государство в соответствии с Конституцией Российской Федерации, за ней создание нового климата в обществе, за ней создание гражданского общества, которого очень нам с вами не хватает.

Сегодня, по-моему, невозможно говорить об этике, об идеале воспитания, не разобравшись в том, что же собой представляет сама интеллигенция. Мне кажется, что если мы вернемся в те времена, когда в России появились первые земские врачи, учителя, землеустроители, искренне жаждавшие служить людям, то, наверное, увидим, что имен-

но тогда, в XIX веке, у нас уже сформировалось и получило развитие то уникальное явление, которое вошло в историю под названием «интеллигенция», явление, которого не знала ни одна страна в мире. Как говорил Дмитрий Сергеевич Лихачев, для образования интеллигенции нужно было соединение университетских знаний со свободным мышлением и свободным мировоззренческим поведением. Пережив все перипетии двух столетий, наша интеллигенция в основном сохранила в себе, во-первых, жажду знаний и стремление передать их людям, во-вторых, внутреннюю, я бы сказал, врожденную нравственность, то есть порядочность, одержимость в утверждении добра, даже определенную жертвенность и, наконец, в-третьих, готовность служить не только своему народу, но и всему человечеству. Российской интеллигенции всегда было дело до того, что происходило в других странах, что случилось с другими народами. И все перечисленное создавало предпосылки, закладывало фундамент для того, чтобы жизненный подвиг российского интеллигента мог служить и служил примером, духовным ориентиром для сограждан в их повседневных делах и заботах, становился образцом для воспитания последующих поколений.

Возвращаясь в день нынешний, нужно признать и то, что за последние годы, когда начались и продолжаются преобразования в

политической, экономической, социальной жизни страны (практически на уровне революции), в силу объективных причин произошла смена ориентиров в общественном сознании, повлекшая за собой кардинальные изменения и в мироощущении российской интеллигенции. Именно эти изменения, увы, поставили под сомнение первоначальную формулу ее самоценности. Я не могу согласиться с тем, что все это произошло в момент прихода к власти демократов-реформаторов. Мне кажется, причина здесь скрыта гораздо глубже; Николай Яковлевич Петраков уже сказал об этом очень взволнованно и ярко. Я, может быть, повторяюсь, говоря, что в советский период традиция интеллигенции — служить народу (а правильнее сказать — партии) — активно эксплуатировалась и всячески рекламировалась властью, но жестко и, пожалуй, жестоко была подчинена идеологическим установкам. Я вспоминаю слова, которые были сказаны еще во времена Гитлера при зарождающемся фашистском режиме: власть, которая пытается эксплуатировать интеллигенцию и подчинять ее себе, разрушает общество, и этому обществу грозит крах. И мы видели и на примере фашистской Германии, и на примере СССР, как это произошло. Но произошла и подмена самого понятия «интеллигенция».

Александр Исаевич Солженицын в своей статье «Образованщина» делает такой вывод: «Политика советского государства в отношении уцелевших осколков интеллигенции, — я цитирую, — путем зачисления в нее всех государственных служащих, а затем и всех лиц, имеющих образование выше среднего, привела к разложению интеллигенции и к образованию нового слоя, имеющего мало общего с дореволюционной интеллигенцией». Дмитрий Сергеевич Лихачев, продолжая мысль Солженицына, говорил: «Это, может быть, и несколько резко, но Александр Исаевич понимает под обозначением “образованщина” слой людей образованных, однако продажных, просто слабых духом».

Раскрепощение, освобождение от тоталитарного режима открыли дорогу широкой информации о том, какой губительный урон и в каких непомерных масштабах понесла российская интеллигенция в годы Советской власти, какое расслоение по многим параметрам произошло внутри нее. Не случайно сегодня вспыхнули споры и в самой интеллигенции о ее месте в современном обществе, о сущности ее просветительской миссии, о сокрушительной цене ее постоянных рефлексий. Чуть ли не у каждого, кто высказывается сегодня об интеллигенции, возникает горячее желание дать ей свое толкование. Одни

говорят, что понятие «интеллигенция» издавна присуще только России, другие — что это уникальный слой общества, куда, безусловно, входят и все образованные сословия, и культуротворящий слой, третьи — что это интеллектуалы и критически мыслящие личности, четвертые — что подлинная интеллигенция умерла с приходом советской власти. Мне хотелось бы обратить ваше внимание на тезис, которым в 1997 году, накануне I Съезда Конгресса Российской интеллигенции, определил понятие «интеллигент» сам Дмитрий Сергеевич Лихачев. «Интеллигент, — по Лихачеву, — это человек, обладающий умственной порядочностью, свободный в своих убеждениях, не зависящий от экономических, политических условий, не подчиняющийся идеологическим обязательствам». Я читаю эти слова и вижу портрет Дмитрия Сергеевича. Как будто он все это сказал о себе — насколько точно и емко сказано! Но именно эти качества российская интеллигенция в своей массе, к сожалению, утратила при советской власти. Если принять определение Дмитрия Сергеевича за аксиому, то из него следует, что интеллигенция не может быть однородной массой, не может быть объединена в какую-либо партию, тем более — политическую; она состоит из ярких, неординарных личностей со своими взглядами, способностями, но требует для существования определенной среды, некоего сообщества, особой атмосферы, в которых наиболее остро и объемно проявляется и то, и другое. Хочу подчеркнуть, что, по определению Дмитрия Сергеевича, главными составляющими личности интеллигента являются свобода убеждений, независимость жизненной позиции, глубокая нравственность. Именно такой человек вправе стать этическим идеалом для воспитания новых поколений. Именно к такому ряду я бы отнес Дмитрия Сергеевича Лихачева, Андрея Дмитриевича Сахарова, Александра Исаевича Солженицына, а также большое количество живущих и уже ушедших от нас выдающихся представителей творческой и научной интеллигенции.

Если говорить о влиянии таких личностей на воспитание, то оно проявляется даже не столько в их колоссальных научно-просветительских трудах и книгах, сколько в их повседневной позиции, в реакции на события в стране и в мире. Общество ценит в интеллигенции ее нравственность, правдивость, и именно поэтому многие российские интеллигенты, писатели, ученые, артисты, педагоги, философы, деятели кино, политологи, журналисты оказывают такое огромное влияние на души людей, особенно в переломные моменты нашей нынешней жизни. И чем

больше в стране моральных авторитетов, с которыми люди сверяются сами, без указок политической власти, тем надежнее общественное дело и нравственность общества.

Но когда поведение интеллигентов представляет собой метание из стороны в сторону, когда в нем отсутствует критическая оценка происходящего, это автоматически порождает сумятицу в умах людей, разрушает их духовный мир, ведет к раздвоению личности. Однако и тут не все однозначно; наша беда в том, что многие российские интеллигенты оказались на грани нищеты и их гражданская позиция часто стала зависеть от куска хлеба, а на вакантные места властителей дум ринулись полчища зачастую безнравственных интеллектуалов и олигархов. И это другая сторона разрушения духовного мира нашего общества. Поэтому, когда мы говорим об этическом воспитании, подразумевая влияние на него интеллигенции, то прежде всего, на мой взгляд, речь должна идти о философии жизни, основанной на общечеловеческой духовности.

Когда-то Лев Николаевич Толстой говорил, что мораль прошла этапы, когда была дикой, варварской и вступила в этап морали общечеловеческой. Сегодня мы, к сожалению, спустились на ступень ниже общечеловеческой морали во многом по вине как и интеллигенции, так и власти. Мы словно перестали реагировать на порочные шаги власти и присосавшихся к ней олигархов, которые в последние годы так мучили нравственное состояние нашего общества, перестали критически и открыто оценивать эти шаги. Для того чтобы российское общество нравственно выздоравливало, мы должны постоянно помнить о том, что наше письменное и устное слово, позиция, поведение находятся под пристальным вниманием наших сограждан.

Мне представляется очень опасным, что в последнее время часто звучат такие понятия, как «патриотизм» и «державность», как провозглашение сильного государства первичным по отношению к правам человека. Я думаю, что это может в дальнейшем принести большие беды для нашего государства, потому что это уводит нас от завоеваний демократии, которые все-таки были за эти годы. Все это может приблизить нас вновь к тоталитарной системе государства, к отчуждению от всего остального цивилизованного мира. Это как единая идея, о которой говорил еще Дмитрий Сергеевич Лихачев: никогда нельзя иметь одну национальную идею, потому что это всегда ведет к фашизму. Очень важно, чтобы государство не имело идеи державности, патриотизма и прочего, когда можно выстроить общество по разные стороны баррикад, когда одна часть общества будет уничтожать другую (что мы и делали на протяжении 70 лет). Мы должны не допустить трагедии прошлого.

Хочу обратить внимание еще на одну проблему, которая мне представляется важной. Среди интеллигенции нет единства; его, наверное, и не должно быть, но общение внутри интеллигенции, группировки внутри интеллигенции по политическим взглядам — вещь, безусловно, опасная; опаснее всего то, что это ведет к враждебным отношениям внутри самой интеллигенции. И нам нужно добиться интеллигентного общения внутри интеллигенции, уйти от бесконечных распрей и взаимных оскорблений и дать интеллигенции возможность выполнять исторические задачи, возложенные на нее самой жизнью. Это будет самым главным нравственным уроком для этического воспитания нашего общества.

О. В. ТВОРОГОВ,

главный научный сотрудник Отделения древнерусской литературы
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, доктор
филологических наук, профессор, лауреат Государственной премии СССР

ВОЗВРАЩЕНИЕ НАРОДУ ПАМЯТИ О СЕМИ ВЕКАХ СВОЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ

30 сентября 1999 года от нас ушел Дмитрий Сергеевич Лихачев. Особенно тяжело эту утрату переживал Пушкинский Дом, в котором Дмитрий Сергеевич проработал в общей сложности 61 год и 45 лет возглавлял Отдел древнерусской литературы. И поэтому, наверное, естественно, что именно в Пушкинском Доме в первую годовщину его кончины состоялись первые Лихачевские чтения. Это была представительная международная конференция, в которой приняли участие ученые Ита-

лии, Германии, Соединенных Штатов Америки, Японии, Чехии, Польши, Израиля, Грузии и, конечно, нашей страны. Попутно я упомяну, что в Институте открыт мемориальный кабинет Лихачева, ведется разборка и описание его обширного архива. Но вернемся к чтению. Это была именно научная конференция, и это не случайно. Я выскажу свое убеждение, которое, может быть, кому-то покажется крамольным: на мой взгляд, со временем померкнут воспоминания о личности Лихачева,

когда уйдут из жизни друзья и соратники, знавшие его десятки лет. Утратят прежнюю остроту и злободневность некоторые его публицистические выступления, но нетленными и значимыми останутся его научные труды, потому что Дмитрий Сергеевич Лихачев — прежде всего ученый.

Учитывая регламент, я лишь несколькими штрихами попытаюсь очертить вклад Лихачева в отечественную науку и культуру. На вопрос о том, что он считает главной целью своей жизни, Дмитрий Сергеевич ответил: «Возрождение интереса к семи векам древнерусской литературы». И эту задачу он выполнил. Именно после работ Лихачева древнерусская литература предстала перед нами не как сумма памятников, произведений на некой временной шкале, а как непрерывный сложный процесс. Менялись интересы писателей, эволюционировал стиль произведений, осуществлялись те магистральные направления развития литературы, которые уловил, изучил и описал Дмитрий Сергеевич.

Он раскрыл перед нами художественное своеобразие древнерусской литературы. В своей книге «Текстология» он изложил принципы научного анализа литературы прошлого, что особенно важно сейчас, когда кое-кто зачитывается трудами академика Фоменко или Льва Николаевича Гумилева, — трудами, в которых эти научные принципы отвергаются и попираются.

Но Дмитрий Сергеевич, как я уже говорил, хотел пробудить интерес к литературе у широкого круга читателей, сделать ее достоянием общества. И именно по инициативе Лихачева создается многотомный «Словарь книжников и книжности Древней Руси», в котором каждый интересующийся сможет быстро найти справку о всех древнерусских писателях, о сотнях литературных памятников. По его инициативе была также создана и вышла в 1995 году «Энциклопедия “Слова о полку Игореве”», в которой был подведен итог двухсотлетнего изучения этого памятника. Дмитрий Сергеевич хотел, чтобы читатель знал не только «Слова о полку Игореве» и узкий круг воинских повестей, а всю древнерусскую лите-

ратуру в многообразии ее жанров. Так появился двенадцатитомный антологический свод «Памятники литературы Древней Руси», за который Лихачев и его сотрудники были удостоены Государственной премии. По инициативе Лихачева и при его непосредственном участии была задумана новая, более обширная серия — двадцатитомная «Библиотека литературы Древней Руси», девять томов из которой уже вышли в свет. И наш моральный и научный долг — разработать до конца эту серию — последнее поручение Дмитрия Сергеевича.

Как-то Дмитрий Сергеевич вспоминал, что когда он, студент университета, пришел на семинар по древнерусской литературе, который вел профессор Дмитрий Иванович Абрамович, то слушателей было всего двое. А сейчас крупные центры изучения древнерусской литературы есть в Санкт-Петербурге в Пушкинском Доме, в Москве, в Новосибирске, в Нижнем Новгороде, в Ярославле, во Пскове, в Сыктывкаре. Во многих других городах работают коллективы специалистов по древнерусской литературе. Она вошла в нашу жизнь во всей своей полноте, освободившись от идеологических ограничений, — предстала и как христианская, и как европейская литература, а не только (как представлялось ранее) — в качестве утилитарной литературной иллюстрации к истории страны.

Тут была высказана мысль, что, может быть, созданием славянской грамоты Кирилл и Мефодий оторвали нас от Западной Европы. Я не могу с этим согласиться: возможность не только вести богослужение на родном языке, но и читать обширную литературу, восходящую к традициям византийской раннехристианской литературы, в свою очередь наследницы античной культуры, позволила нашей литературе сделать колоссальный «культурный рывок», сравниться по уровню знаний и художественному мастерству со своими византийскими учителями.

Но вернемся к главному. Заслуга Дмитрия Сергеевича Лихачева в изучении и пропаганде древнерусской литературы неоспорима. Возвращение народу памяти о семи веках своей культуры — это его патриотический подвиг.

ИЕРОНИМ ГРАЛЯ,

консул по культуре Генерального консульства Республики Польша,
доктор исторических наук

ВЕЛИЧИНУ БАШНИ ИЗМЕРЯЕТ ЕЕ ТЕНЬ

Для меня великая честь — выступать на столь важной, замечательной конференции среди многих светил русской культуры, науки, видных общественных деятелей. Выступаю перед вами, говоря столь близким ака-

демику Лихачеву языком средневековья, — в двух различных ипостасях: во-первых, как польский дипломат, представитель страны, в которой Дмитрия Сергеевича Лихачева хорошо знали, очень ценили, уважали как

ученого и видного представителя русской интеллигентной элиты. Я бы даже сказал — как стандарт русской прогрессивной интеллигенции в том смысле, в каком всегда уважительно в Польше говорили о русских интеллигентах. Я выступаю здесь от имени моей страны, от имени польской дипломатической миссии в Петербурге, лично от имени господина министра Мельцарека, а также от всей польской интеллигенции, преклоняясь перед светлой памятью академика Лихачева. И раз я получил возможность появиться здесь, то не могу отказать себе в удовольствии выступить еще и в другом качестве.

Я историк-профессионал, воспитанник Варшавского университета. Моя специализация — русская история, причем история Древней Руси и Русского государства XVI–XVII столетий. И конечно, понятно всем, кто находится в этом зале, что в процессе моего университетского обучения я не просто знакомился с трудами Дмитрия Сергеевича Лихачева. Как ученик тех, кто его уважал, ценил, с ним переписывался, — столь видных польских медиевистов, как покойный ныне Александр Гиштор, прекрасно известный питерским медиевистам Андрей Витольдович Поппе, профессор Тадеуш Василевский, я просто обязан был в моей альма-матер изучать наследие (тогда еще не наследие, а работы) академика Лихачева. Это помогало мне совершенствовать свои профессиональные качества и создавать себе, как говорят у нас, станок, чтобы научиться всему тому, что, честно говоря, давал и ныне дает историку-русисту только контакт с русской историографией и с русским литературоведением. Можно и даже нужно спорить с довольно популярным в определенных кругах русской историографии убеждением, что, как правило, западной науке с отечественной не равняться.

Что же касается русского средневековья, то все-таки основной комплекс, основная масса важных трудов — это исследования русских ученых, и как раз в области, в которой работал академик Лихачев, значительное место занимают его труды и труды его сотрудников, соратников, учеников и воспитанников. Таким образом, в какой-то степени благодаря наукам моих мэтров, я имею в определенном смысле право (хотя бы заочно) причислить себя к кругу людей, которые были воспитаны на трудах академика Лихачева. И конечно, выступая здесь, я должен в память о нем выразить огромную благодарность за те работы, которые многие годы были моими настольными книгами. Я читал их, будучи студентом, затем аспирантом Варшавского университета, а позднее

передавал опыт, из них почерпнутый (а иногда просто сами книги), своим студентам и аспирантам.

Хотелось бы еще сказать о некоторых моментах, связанных с более широкой проблематикой нашей конференции и с прениями, которые, судя по докладам выступавших, уже намечаются. Я думаю, что мы здесь, действительно, будем спорить о наследии Кириллы и Мефодия, но хочу обратить внимание на то, что иногда все-таки не понимают, что изобретение славянского шрифта солунскими братьями отнюдь не было их единственным цивилизационным подарком славянам. По существу, они подарили нам литературный язык, и теперь деление славян на тех, которые пользовались тем или другим шрифтом, далеко не всегда является, с моей точки зрения, профессионально обоснованным; тем более что в Речи Посполитой, хотя она принадлежала в большей степени латинской культуре, славянская письменность и славяно-византийская культура развивались тоже, причем нередко при помощи латинского алфавита. И я думаю, не надо забывать о том, что эти несложные, в принципе, тезисы можно как раз найти и в работах академика Лихачева, даже в самых ранних.

Я уверен, что, как обещал здесь профессор Творогов, все идеи академика Лихачева найдут продолжение не только как наследие видного ученого; будут разрабатываться и запускаться на их основе новые проекты, которые позволят ученым лихачевской школы успешно сотрудничать с зарубежными коллегами. И мы тогда сможем пользоваться вашими знаниями, которые станут платформой того сближения, которого многие десятилетия не было по определенным причинам. И если уж говорить о стене, возникшей между Россией и западной цивилизацией, о чем я услышал сегодня в этом зале, то не следует забывать о том, что как раз благодаря усилиям таких людей, как академик Лихачев, а также других видных медиевистов, в том числе присутствующих здесь академиков Валентина Лаврентьевича Янина и Сигурда Оттовича Шмидта, в международной медиевистике такой стены никогда не было. И в том, что такой стены между научным миром Европы и России не было, тоже огромная заслуга академика Лихачева.

Античные римляне говорили, что величину башни измеряет ее тень. Если за тень принять масштабы наследия академика Дмитрия Сергеевича Лихачева, то всем, кто хотя бы немножко знаком с русской историей и историей русской литературы, становится яснее, каким гигантом был этот ученый.

В. В. КРАЕВСКИЙ,академик-секретарь Отделения
философии образования и теории педагогики РАО,
доктор педагогических наук, профессор, академик РАО

ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТЬ КАК ЦЕЛЬ И СОДЕРЖАНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Вопрос о содержании образования — чему учить молодежь — принадлежит к числу вечных. И относится ко всем. На крутых поворотах истории он переходит в разряд общенациональных проблем. Как будут учить наших детей — так они и будут жить. С кого «делать» жизнь? Где искать пример для подражания, жизненный и воспитательный идеал?

В нашем Отечестве для людей таким идеалом был русский интеллигент, человек, по общим представлениям, многое знающий, глубоко чувствующий и сочувствующий, защитник обиженных и оскорбленных. Может быть, интеллигенцию и следует принять за идеал воспитания?

Однако простых и в то же время эффективных решений в сфере образования, как, впрочем, и во всех других, не существует. Само слово «интеллигенция» не однозначно. Оно на другие языки не переводится, поскольку, по более или менее общему признанию, отражает специфическую российскую реальность. Имеющиеся в литературе дефиниции всегда окрашены в цвета эпохи и в явной или неявной форме выражают субъективную эмоционально-ценностную ориентацию авторов. При всем разнообразии дефиниций и оттенков, которые в них отражаются, большинство сходится на том, что в понятие «интеллигент» включаются, кроме высокой степени развитости интеллекта, такие качества, как порядочность, высокая нравственность, приверженность общечеловеческим ценностям и стремление их распространять в обществе. В этом случае интеллигент выступает как представитель, по словам Д. Овсяннико-Куликовского, «образованной части общества, создающей и распространяющей общечеловеческие ценности».

Сочетание интеллектуальности и нравственности порождается особыми социальными условиями, в которых формировалась и существовала русская интеллигенция, по словам самих ее представителей: когда «в окружающей жизни мало простора» (А. Изгоев), когда «демократизация высшей культуры встречает непреодолимые препятствия» (Д. Овсяннико-Куликовский), когда интеллигенции приходилось просить «дозволения говорить вслух» (Н. Михайловский).

По-видимому, в этом направлении следует искать истоки непереводаемости слова «интеллигенция» на другие языки. В нормальном современном обществе нет необходимости в

специальной социальной группе «борцов за правду и справедливость». Там эту функцию берут на себя политические партии, пресса, правозащитные учреждения и другие органы социальной защиты. Интеллигенция — не «образованщина», не ассамблея людей умственного труда. Интеллектуалы еще не составляют интеллигенцию. Вполне актуальна модель П. Н. Миллюкова, представившего интеллигенцию и образованный класс в виде двух концентрических кругов, где интеллигенция обладает инициативой и творчеством, образуя тесный внутренний круг, а большой круг образованных людей является средой непосредственного воздействия интеллигенции.

Интеллигенция — как пружина. Чем меньше пространства — тем туже она сжимается и яснее проявляет себя в словах и действиях. Можно определить интеллигенцию и ее дело методом от противного. Русская интеллигенция формировалась в противостоянии известной формуле графа С. С. Уварова — православию, самодержавию, народности. Сегодня можно сказать то же другими словами — авторитаризм, клерикализм, национализм. Авторитаризм — искоренение свободомыслия, безнаказанность беззакония, гонение на прессу, явная или скрытая цензура. Клерикализм — покушение на принцип отделения церкви от государства, в частности, «размывание» светского характера образования, беспощинная торговля «дьявольским зельем» — табаком, невмешательство в бесчинства властей или участие в них, анафема в адрес интеллигенции (вспомним отлучение Льва Толстого от церкви), нетерпимость к представителям иных конфессий. Народность в форме национализма — соединенные с самолюбованием нелюбовь к другим странам и народам, неуважение к их обычаям. Все это обозначено метками «народный», «русский», «национальный» в названиях публикаций и партий, начиная с баркашевской РНЕ: «Национальная газета», «Я русский», «Славянин». Ревнители такой «народности» одаривают нерусских кличками: чурки, черномазые (есть словцо и покрепче), косоглазые, жида, обезьяны и т. д. Более эффективного средства для распада империй и федераций сегодня не существует.

Как в свое время дело Бейлиса проявило интеллигентность авторов обращения к русскому обществу — Мережковского, Гиппиус,

Вячеслава Иванова, Соллогуба, Блока, Куприна, Вернадского, Бенуа и двухсот студентов петербургского университета, так и недавние выступления известных деятелей науки и искусства в защиту свободы слова показали, что интеллигенция жива и социальная потребность в ней не исчезла. «Бойтесь сеющих ложь. Не верьте мрачной неправде, которая много раз уже обагрилась кровью, убивая одних, а других покрывая позором», — это напутствие авторов того давнего письма, к сожалению, звучит современно. Даже, можно сказать, злободневно, если подумать об «отказниках» — членах Государственной Думы, сначала не почтивших память шести миллионов жертв Холокоста, а затем вполне последовательно отказавшихся принять обращение к Президенту В. Путину с осуждением национализма, фашизма и антисемитизма в стране. Получается, что осуждать некому, кроме интеллигенции.

Для полноты картины нужно было бы привести еще одно, достаточно хорошо известное определение интеллигенции, принадлежащее вождю мирового пролетариата, которому она так сильно мешала, что по соображениям гуманности была в количестве двухсот человек коллективно отправлена за границу («корабль философов»). Отправили на «свалку истории» цвет нации, которая, по словам отправителя, вовсе не цвет, а нечто такое, что в собраниях сочинений этого автора стыдливо помечали многоточием.

Картина была бы неполной без упоминания о возможности обратного хода. Пролетарский писатель, подписавший обращение по делу Бейлиса, автор «Окаянных дней», стал со временем поклонником НКВД. Молчит обличитель ГУЛАГа. Раскаявшийся автор «Зияющих высот» ныне заполняет страницы «народных» изданий публикациями противоположного толка. Так бывало и раньше. Для интеллигенции это не смертельно. Отставку ей может дать лишь выздоровление общества. Врач не нужен, когда пациент больше не болен. Пока же дел хватает.

Особенно интеллигенция раздражает власть неприятием единомыслия, которое на самом деле невозможно для homo sapiens. Оно всегда будет лишь имитацией, эфемерное существование которой можно некоторое время поддерживать дубиной и пряником.

Сейчас линия размежевания становится все отчетливей. Можно назвать некоторые ее участки: отношение к полковнику — убийце чеченской девушки, к железному Феликсу, к независимым СМИ, к большевистскому гимну, к Холокосту, к фашизму в немецкой форме, т. е. к нацизму. Опять мы на распутье. Самое время услышать голоса Вернадских,

Куприных, Лихачевых и Сахаровых наших дней. Не хватает морального образца, явленного в этих людях. Когда отмечали восьмидесятилетие со дня рождения А. Д. Сахарова, горьким напоминанием прозвучали юбилейные стихи Е. Евтушенко:

Как не хватает Сахарова нам,
Когда в погоне жалкой за престижем
Никто из нас не может быть пристыжен,
Хотя б одним, кто не замаран сам!

Оказалось востребованным подвижничество — главное, что отличает русского интеллигента от интеллектуала. Так было во времена господства тоталитарной секты большевиков. А теперь на почве, политой кровью «врагов» народа, из семян, посеянных его «друзьями», растет и набирает силы коричневое древо макашизма-баркашизма.

На фоне такого довольно сумеречного пейзажа приходится решать проблемы образования. Итак, с кого же брать пример? Должны ли мы воспитывать интеллигента, то есть стремиться сделать интеллигентами всех?

Интеллигенция, как мы видели, — категория исторически и географически ограниченная. Лучше говорить в этом смысле об интеллигентности как о качестве личности, которым в идеале должны обладать все, а не только избранные. Здесь открывается широкое поле действий для школы, для образования вообще.

По отношению к образованию интеллигентность выступает как его интегральная цель, которую необходимо конкретизировать в контексте педагогики — науки об образовании. В сущности, интеллигентность — это приобщенность к культуре, воплощающей опыт человечества, приобретенный им на его многотрудном пути. Поэтому и содержание образования, целью которого было бы воспитание интеллигентности, должно представлять собой педагогически адаптированное содержание человеческой культуры, взятой в аспекте социального опыта.

Это положение не является бесспорным. В настоящее время сосуществуют несколько концепций содержания образования, сформировавшихся в разное время и связанных с различным пониманием социальной функции человека в мире и в обществе. Истоки противостояния демократии и гуманизма, с одной стороны, и авторитарных позиций — с другой, в конечном счете восходят к разному пониманию этих функций: человек — цель или средство, общество для него или он для общества, для государства?

Обличья, которые принимает авторитаризм, многообразны. Одно из определений содержания образования, имеющее достаточно

давнее происхождение, трактует его как педагогически адаптированные основы наук, изучаемые в школе. Эта концепция направлена на приобщение школьников к науке и производству, но не к полноценной самостоятельной жизни в открытом обществе. Фактически человек выступает здесь в ряду средств производства как «производительная сила». Такое представление о целях и содержании образования было заложено в постановлениях ЦК ВКП(б) о школе, принятых в 1930-х годах.

С точки зрения мировоззренческой ориентации такое понимание содержания образования и других педагогических реалий можно охарактеризовать как сциентистское. Сциентизм абсолютизирует роль науки в системе культуры человеческого общества. При этом наивысшей ценностью считаются стиль и общие методы построения знания, свойственные естественным и точным наукам, которые рассматриваются в качестве образца научного знания вообще. Сциентистские установки выражаются во внешнем подражании точным наукам: в искусственном применении математической символики и в придании философским и социально-гуманитарным рассуждениям формы, характерной для точных наук.

В соответствии с такими установками любой учебный предмет в школе рассматривался как несколько уменьшенная копия какой-либо научной дисциплины. Но сильно сокращать содержание науки не хотелось. В результате долгие годы школу терзает так называемая «перегрузка», т. е. перенасыщение стандартов, учебников и других учебных материалов деталями, сложными терминами, теоретическими подходами, непосильными для понимания учеников и ненужными для жизни. Лучше, чем в научных трудах, об этом сказано в песне Аллы Пугачевой:

Нагружать все больше нас
Стали почему-то.
Нынче в школе первый класс
Вроде института.
Нам учитель задает
С иксами задачи.
Кандидат наук — и тот
Над задачей плачет.

Так, литературу изучали как литературоведение. Выступая в 1980-х годах в печати, писатели сетовали на то, что в школе разрушают целостное, эмоциональное и непосредственное восприятие художественного произведения. Школьный курс истории изобилует датами, именами, известными лишь специалистам.

В последние десятилетия (ориентировочно с 1960-х годов) в общественном и, конеч-

но, в педагогическом сознании произошел сдвиг, повлекший за собой, в частности, продвижение в понимании всего комплекса вопросов, связанных с образованием. Стремление к отказу от жестких авторитарных схем, связанных с манипулированием сознанием учащихся, и ориентация на всестороннее развитие, проблемное обучение повлекли за собой в 1970–80-х годах усиление внимания к философскому, методологическому и теоретическому осмыслению педагогической науки и практики (что необходимо и им, и обществу), приобщение педагогики к активному участию в жизни, соединение бытия индивидуального человека с культурой.

В контексте этих тенденций был предложен культурологический подход к построению концепции содержания общего среднего образования, соответствующий установкам гуманистического мышления. В соответствии с этим подходом содержание образования рассматривается как педагогически адаптированный социальный опыт человечества, изоморфный, то есть тождественный, по структуре (разумеется, не по объему) человеческой культуре во всей ее структурной полноте.

Содержание, изоморфное социальному опыту, состоит из четырех основных структурных элементов: опыта познавательной деятельности, фиксированной в форме ее результатов — знаний; опыта осуществления известных способов деятельности — в форме умений действовать по образцу; опыта творческой деятельности — в форме умений принимать нестандартные решения в проблемных ситуациях; опыта осуществления эмоционально-ценностных отношений — в форме личностных ориентаций.

Усвоение этих элементов социального опыта позволит человеку не только успешно функционировать в обществе, «вписываться» в социальную систему, приспособляться к ней, но и действовать самостоятельно, творчески. Концепция ориентирует педагога на специальную работу, содействующую становлению человека, способного к сопереживанию, готового к свободному гуманистически ориентированному выбору, индивидуальному интеллектуальному усилию и самостоятельному, компетентному и ответственному действию в политической, экономической, профессиональной и культурной жизни, уважающего себя и других, терпимого к представителям других культур и национальностей, независимого в суждениях и открытого для иного мнения и неожиданной мысли.

В последнее время появились признаки «отката» к временам господства сциентистской ориентации, сводящей школьное обра-

зование к основам наук. В совсем недавней публикации «Новой газеты» по проблемам реформирования образования говорится: «Содержание образования — самый большой вопрос для разработчиков. Это поле оказалось ими не возделано — руки не дошли — и было сдано без боя чиновникам, которые явочным порядком учинили на нем ползучую контрреволюцию, пытаясь подогнать содержание образования под “новые” стандарты, основанные на постановлениях ЦК ВКП(б) 30-х годов». (Это вовсе не шутка, а факт.) (Сергей Михайч. Учителей, детей и родителей просим беспокоиться // Новая газета. 2001. 23–25 апреля. № 29 (672). С. 16.) Рекомендованы сокращение часов, отведенных на изучение литературы, и замена сочинения изложением. Значит — учим овладению умением не выражать свои мысли, а пересказывать чужие. Говорит директор школы А. Тубельский: «Очевидно, что изучение точных наук — далеко не единственный способ познания мира. Но нас по-прежнему продолжает устраивать, что в школе дети в основном изучают именно точные науки. Неужели мы и правда думаем, что знание графиков, функций и амфотерных гидроксидов в жизни пригождается

больше, чем умение читать и любить книги?» (Духовной пищи станет меньше // Общая газета. 2000. 9–15 ноября. № 45 (379))

Что остается в головах выпускников школы от образования такого содержания? Очень немного. Проведенный недавно опрос ста учителей на предмет знания ими материала, включенного в экзаменационные билеты для школьников, показал, что, например, свободно на вопросы по физике могут ответить от 11 до 18 респондентов, причем 11 из них являются учителями физики. Понятие аллотропии не известно 59 участникам опроса, и только 1 из 100 считает, что это должен знать каждый культурный человек.

И все же основания для оптимизма есть. Движение вперед можно задержать, но не остановить. Вряд ли сторонникам самодержавия и прочего в том же роде удастся предотвратить выход на общественную арену поколения патриотов без кавычек — интеллигентных людей, способных противостоять самовластью, мракобесию и насилию. Тогда не будет надобности в подвижничестве многих, и историческую миссию интеллигенции в России можно будет считать завершенной.

Т. Г. МОРШАКОВА,

заместитель председателя Конституционного суда РФ,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ, Заслуженный юрист РФ

ПРЕЗУМПЦИЯ ДОБРОПОРЯДОЧНОСТИ

Размышляя над тем, о чем мы все здесь говорим, я прихожу к выводу: существуют великие личности. В честь одной из них, Дмитрия Сергеевича Лихачева, мы сегодня собрались. Мы говорим о культурных ценностях, служению которым посвятил себя этот замечательный человек, если говорить о сути его деятельности и творчества в широком смысле. Я бы хотела, чтобы мы не так узко академически понимали то, что есть культурные ценности. Ведь такие личности, как Дмитрий Сергеевич Лихачев, безусловно, относятся к самым высоким культурным ценностям. Перед лицом и памятью таких людей каждый должен осознавать свою ответственность, свой долг, в меру способностей выполнять этот долг.

У нас есть масса литературы, мемуаристики, часто очень интересной. Многие пишут и сами о себе, иногда достаточно интересно и достойно, но я думаю, что наследники (а мы все наследники Дмитрия Сергеевича Лихачева) не должны предать забвению все, что они о нем знают. Здесь сегодня уже говори-

ли, что аспект, связанный с непосредственным влиянием и обаянием самой личности, будет постепенно уходить. Мне вдруг стало очень обидно: неужели люди, которые работали рядом с Дмитрием Сергеевичем, не напишут — каждый хотя бы по маленькой страничке воспоминаний, не расскажут о каких-то интересных эпизодах его жизни, чтобы сама личность «не терялась», чтобы она не оставалась только в рамках научного наследия. Мне бы очень хотелось, чтобы все, кто знали не понаслышке этого замечательного человека, написали что-нибудь о нем. Это несложный и даже радостный труд; это было бы, с моей точки зрения, благом делом. Дмитрий Сергеевич Лихачев уже не с нами, но должен остаться в нашей памяти.

Лихачевские чтения идут сегодня в двух направлениях: мы говорим о Лихачеве, и мы говорим об интеллигенции. Мне кажется, что один из самых основных подходов к пониманию того, что есть интеллигент (речь не идет, конечно, об определении), — заключается в

том, что это — человек, который предполагает добропорядочность в окружающем мире. Такое восприятие мира сегодня очень трудно сохранить. Именно поэтому, может быть, личность многих настоящих интеллигентов, несмотря на всю их стойкость, часто обнаруживает и некую хрупкость. И я хочу при-

звать всех: давайте не будем в память об этих прекрасных людях терять одного очень существенного представления — презумпции добропорядочности по отношению к соседу, к коллеге, ко всем членам общества, своим близким. Это, мне кажется, будет для них самой лучшей памятью.

В. А. ГУСЕВ,

директор Государственного Русского музея,
Заслуженный деятель искусств РФ

УЧИТЕЛЬ С БОЛЬШОЙ БУКВЫ

Я буду очень краток, и заранее прошу прощения за то, что мое выступление будет недостаточно научным, недостаточно практическим, хотя конференция научно-практическая, — это просто размышления об уроках Лихачева.

Каждый из живущих на Земле, каждый из присутствующих в этом зале вольно или невольно преподносит уроки окружающим: кто-то учит, как надо жить, кто-то — как не надо жить; кто-то учит, как надо поступать, кто-то — как не надо или не стоило бы поступать. Круг обучаемых может быть разный — это родные или близкие, соседи. И только у единиц этот круг становится всем обществом, всей нацией, всем народом, поэтому они получают право называться Учителями с большой буквы. Вот таким Учителем был Дмитрий Сергеевич Лихачев. Он давал уроки большие и малые.

Большие уроки — профессиональные, научные — в его трудах, публикациях; и о них гораздо лучше меня будут и сегодня, и на следующих чтениях говорить его ученики, соратники, коллеги. Есть также общегуманитарные уроки. Одним из таких уроков для меня и, я думаю, для многих, является то, что Лихачев показал, как понимать главное в национальном достоянии и как хранить его. Мы много сейчас говорим, когда ищем определения национальных идей, государственности; но главное национальное достояние — это чувство собственного достоинства у каждого гражданина государства. Государство и нация сильны не мускулами и протяженностью границ, а чувством собственного достоинства каждого. И Дмитрий Сергеевич в своей жизни (он прожил с Россией весь XX век, не покинув ее, несмотря на то что не щадила его судьба) сохранил главное — чувство собственного достоинства, не гордыни. А с этим связано и понимание ценности каждого из людей, и это очень важно.

Дмитрий Сергеевич часто бывал в Русском музее, его дочь работает в отделе Древней Руси. И Русский музей, особенно отдел древнерусского искусства, был тоже частью его дома. Он приходил, будучи уже очень пожилым, больным человеком, и я смотрел, как он поднимается на второй этаж, на третий этаж; его всегда отличал неизменный уважительный и доброжелательный интерес ко всему и ко всем. Эта презумпция добропорядочности, которую он предполагал в каждом, кого встречал, — была главным уроком для меня.

Были еще и малые уроки. Можно много о них говорить. О двух малых уроках не могу не сказать. Мы готовились к 100-летию Русского музея; это был период, когда к Дмитрию Сергеевичу уже только ленивый не обращался с просьбами. Я старался этого не делать, но тут все-таки надо было «достучаться» до Президента. Дмитрию Сергеевичу нездоровилось. Я пришел к нему домой и как опытный бюрократ принес два письма: одно письмо Дмитрию Сергеевичу — «Уважаемый Дмитрий Сергеевич!» и изложил нашу просьбу — просим обратиться к Президенту, а второе письмо было проектом его письма, от имени Дмитрия Сергеевича. Я сказал: «Вот, пожалуйста, поправьте как угодно, мы отпечатаем быстро». Он отложил второе письмо и на моем письме внизу очень мелко и неровно написал: «Уважаемый Борис Николаевич! Сделайте, пожалуйста, то-то, и то-то, и то-то». Документ, на мой взгляд, был, конечно, безнадежно испорчен, но именно эти маленькие неровные буквы сработали лучше любой громкой и стройной резолюции буквально через два дня. Негромкий голос Лихачева слышали. И очень важно то, что хотя и поздно, но начали слышать голос и Андрея Дмитриевича Сахарова, и Александра Исаевича Солженицына. Это были негромкие голоса, голоса людей, обладающих чувством собственного достоинства, и они

заглушали и заглушают голоса профессиональных патриотов на многих митингах. Был еще и второй урок: когда я уходил, Дмитрий Сергеевич, несмотря на то что ему нездоровилось, поддержал мне пальто, я запротестовал: но как это?! А это был урок и вежливости, и того, как надо ей учить. Он очень деликатно и иронично сказал, что «на Руси всегда было принято подавать гостю

пальто. Единственный случай, когда этого нельзя делать, — если тот, кому ты подаешь пальто, выше тебя по чину и ты от него зависишь». У нас, по-моему, часто бывает наоборот.

За такие большие и малые уроки — огромное спасибо Дмитрию Сергеевичу. Еще раз прошу прощения за такое лиричное, не очень научное выступление.

В. Е. ТРИОДИН,

заведующий кафедрой теории социально-культурной деятельности СПбГУП, доктор педагогических наук, профессор, председатель Санкт-Петербургского отделения Российского творческого союза работников культуры, Заслуженный деятель науки РФ, Заслуженный работник культуры РФ

ГИМН ЛИЧНОСТИ

Переход от пленарного заседания к «круглому столу» имеет свою логику. Д. С. Лихачев считал, что есть предел числу людей, работающих вместе. Если научный коллектив многочислен, результаты работы снижаются. Камерный характер «круглого стола» обещает повысить научную продуктивность его участников.

Я вспоминаю, как на дискуссии, посвященной судьбе российской интеллигенции, Даниил Александрович Гранин закончил свое выступление на грустной ноте. Он сказал что-то вроде того, что и интеллигенция сходит с исторической сцены, и он смотрит в будущее с пессимизмом. Дмитрий Сергеевич тут же отреагировал, заметив, что пессимизм — привилегия марксизма — самого пессимистического учения, поскольку в нем сознание поставлено в зависимость от материального фактора.

В интервью последних лет Дмитрий Сергеевич подчеркивал, что мысль обретает материальное воплощение. Не материя лежит в основе, а дух, нравственность, культура.

Но меня сейчас интересуют не абстрактные философские построения о первичности материи или сознания, а социальные последствия приоритета того или иного фактора. Опыт нашего поколения позволяет еще раз убедиться в ряде незыблемых истин.

Если демократия опережает культуру, рождается, как говорил Солженицын, «пиратское государство с демократическим флагом». Рынок вне культуры становится вульгарным базаром. Свобода слова, не цементируемая культурой, превращается в отвратительное паясничанье.

Дмитрий Сергеевич видел, как перерождаются ценности, за которые мы все боролись, и знал причину этого перерождения. И это, как мне кажется, привело его к итоговому определению места и роли культуры в обществе.

Как утверждал Дмитрий Сергеевич, культура представляет главный смысл и глобальную ценность существования народов, этносов, государств. Вне культуры самостоятельное их существование лишается смысла. Дмитрий Сергеевич, по существу, поставил культуру в один ряд с жизнью. И потому право на культуру должно стоять в одном ряду с правом на жизнь, правами человека.

Мне кажется, лучшим памятником Дмитрию Сергеевичу было бы высеченное из скалы надгробье с лихачевской формулой культуры.

Мое поколение сформировано на, казалось, незыблемом положении о народных массах как носителе культуры. Оно так увлеченно изучало роль этих масс, что совсем позабыло о личности. Тем неожиданнее и интереснее для меня был гимн Д. С. Лихачева личности. Едва ли не в каждом публичном выступлении Дмитрий Сергеевич говорил об уникальных возможностях личности. Да вся жизнь самого Дмитрия Сергеевича — опровержение сомнительной поговорке «Один в поле не воин». Дмитрий Сергеевич придерживался противоположного взгляда. Он считал, что от отдельной личности зависит больше, чем от Сената или выстраданного документа, и сопротивление личности сильнее сопротивления коллектива. Потому Петр I и заменил патриаршество Синодом. Коллективом управлять легче. «Героем, — говорил Дмитрий Сергеевич, — может быть полководец, а не Генеральный штаб. Гениальным может быть ученый, и нет гениальной научной школы».

В связи с этим для меня представляет особый интерес подход Дмитрия Сергеевича к границам и возможностям воспитания. Российская история перенасыщена мессиями, старавшимися перевоспитать человечество. Дмитрий Сергеевич считал, что исправить человечество нельзя, можно исправить только самого себя, и сделать это очень просто. Надо накормить ребенка, перевести через улицу старуху, уступить место инвалиду, хорошо работать и т. д.

«Что можно сделать для России, если ничего сделать нельзя?» — спрашивал Дмитрий Сергеевич. И отвечал: «Делай самого себя».

Чехов, между прочим, из самого себя по капле выдавливал раба. В этом и состоит суть воспитания интеллигента. Я глубоко убежден, что проблема воспитания интеллигента — прежде всего проблема самовоспитания.

Следует определиться и с термином «воспитание интеллигента». Интеллигент — это идеал. Своеобразие идеала состоит в том, что по мере приближения к нему он все больше

от нас удаляется. Поэтому, строго говоря, воспитать интеллигента нельзя. Можно стремиться к той или иной степени достижения идеала. Не случайно одна из секций получила название «Российский интеллигент как этический идеал воспитания». Не могу согласиться с теми, кто ставил под сомнение название секции.

Странно было слушать выступающих, которые обвиняли интеллигенцию во всех смертных грехах: «предавала, угодничала, подличала» и т. д. Если базовое понятие интеллигента — совестливость, то этот набор обвинений никакого отношения к нему не имеет. Причина в вольном или невольном отождествлении интеллигенции с творческими работниками. А быть писателем или художником вовсе не значит быть интеллигентом.

Граница между обществом и личностью подвижна. Философ В. С. Соловьев верно подметил, что «общество есть дополненная или

расширенная личность, а личность — сжатое или сосредоточенное общество». Вот почему у нас есть все основания использовать ведущие качества интеллигента, такие как совестливость, нравственность, образованность, и при характеристике общества в целом, его институтов, государства. В России должны быть интеллигентные, то есть совестливые, общество и государство.

Мера «сжатости» определяет соотношение личности и общества. Есть личности, которые «расширяемы» до уровня общества и даже обгоняют его, определяя характер его развития. Д. С. Лихачев был такой личностью. В равной мере непреходящую ценность имеют и научные идеи, и этические ценности, и общественные идеалы, которые он отстаивал самой своей жизнью. И потому решительно не могу согласиться с мнением коллеги, который в будущем видит Лихачева только как ученого.

С. О. ШМИДТ,

председатель Археографической комиссии РАН
и Союза краеведов России,
доктор исторических наук, профессор, академик РАО

МИР ГУМАНИТАРНОЙ КУЛЬТУРЫ Д. С. ЛИХАЧЕВА И КРАЕВЕДЕНИЕ

Знаменательно, что Лихачевские чтения в СПбГУП проходят в день Кирилла и Мефодия — праздника славянской письменности, книжности. Д. С. Лихачев — человек книжный и одарил человечество книгами. И именно это — его главный дар вечности, ибо общавшиеся с ним, ощущавшие воздействие его обаяния тоже отойдут в мир иной, — а книга остается. Дмитрий Сергеевич и учился по книгам, и любил сам процесс чтения и созидания не только текста, но и издаваемой книги. Ведь начиналась его долгая и столь плодотворная работа в Академии наук с корректорской!

Но Дмитрий Сергеевич понимал книгу отнюдь не только как принадлежность библиотек — личных и государственных, а в контексте развития всей культуры и взаимодействия общества и природы. Он никогда не ограничивался книжным знанием, а чувствовал потребность лично знакомиться с людьми, особенностями их поведения, обычаями повседневности. Он оставлял зарисовки увиденного, фото, делал зарубки на палке о новых для него городах, любил пешие прогулки, не пропускал музеи. В книгах, точнее сказать в печатном слове, ему были дороги мысли и чувства людей давних эпох, взаимосвязь этих эпох с нашей. В них находил он корневую систему и веры, и нравственных критериев. Образы прошлого для него всегда были и образами человечества. И он, убежденный в

этом и облеченный влиянием на современную жизнь, старался обогатить такими же настроениями и потребностями других.

Дмитрий Сергеевич — просветитель по складу своей души — много размышлял над тем, как воспитывать книгой и внушить потребность в книге, находил доходчивые афористические формулировки, важные для ученых, специалистов и необходимые всем людям.

Именно Дмитрию Сергеевичу мы обязаны объединением усилий в совместном изучении памятников книжности — и рукописной, и старопечатной, особенно славянорусской письменности, организацией конференций и изданий такой тематики прежде всего в библиотеке Академии наук. Сейчас библиотека утратила значение объединяющего методического центра такой работы. Конференции Дмитрий Сергеевич организовывал не только в столицах, ибо книга представлялась ему еще и одним из главных связующих звеньев столиц и остальной России, России и других стран. Это особенно ярко проявлялось в его неутомимой, вне временных и пространственных границ деятельности руководителя редколлегии издательства «Литературные памятники», к которой он подключил и меня.

По широте тематики личных исследовательских трудов, междисциплинарной научной основательности филолога и историка культуры академика Д. С. Лихачева можно сравнить

лишь с такими корифеями многопрофильной гуманитарной науки, как академики Ф. И. Буслаев, А. Н. Веселовский, А. А. Шахматов.

Сосредоточиваю внимание на теме «Лихачев и книга», потому что мы вступили в период, когда проверяется долговечность наших историко-культурных традиций. Сейчас, в отличие от предыдущих поколений, знание, почерпнутое из книг, и умение осваивать его именно таким путем, объединявшее поколения и бабушек, и дедушек, и родителей, и детей, и учащихся, и учащихся, все в большей мере заменяются приобщением к культуре с помощью визуального ряда, навязываемого новейшими технологиями. Не чревато ли это негативными последствиями, сведением представления о культуре к понятию цивилизации?

Несколько десятилетий назад французский мыслитель на вопрос о главном событии XX века ответил, что человек утратил друга, служившего ему несколько тысячелетий, — лошадь. Ее заменила машина. Это намного удобнее и надежнее. Но машина бесчувственна, а лошадь требовала от людей сохранения душевных, человеческих качеств, поддерживала в человеке веру в их необходимость. Не утрачивает ли современный молодой человек потребность познавать мир, читая, и умственную самостоятельность? Ведь телепередачи дают пассивное знание в не нами определенной дозировке и последовательности. Книгу же можно и перечитывать, выделяя важнейшее, подчеркивая, проверяя первоначальное впечатление. Перелистывание — уже соучастие в восприятии информации. Дмитрий Сергеевич не уставал говорить и писать об этом и, видимо, с грустью сочувствовал тем, кто лишен такой творческой радости, такого эстетического ощущения в сочетании с работой разума. Конечно, удобно пользоваться микроволновой печкой, но «дым костра создает уют»; и оторванные от природы горожане ощущают это особенно остро.

Полагаю, что проблема сохранения традиций умственного и душевного развития в период смены или совмещения основных источников развивающей ум информации не может не тревожить интеллигенцию на рубеже тысячелетий, особенно тех, кого воспитывали в горделивом сознании того, что «Россия — самая читающая страна», а теперь самая распространенная форма чтения, заставляющего хотя бы немного задуматься, — кроссворды. Сейчас мы отошли от давней, привычной с детских лет, столь перспективной для развития общества в целом и отдельных индивидуумов традиции семейного чтения. Об этом я пишу в статье «Сравнивая столетия и десятилетия» в сборнике отечественных и зарубежных авторов «Россия на рубеже XXI века», подготовленном Институтом российской

истории РАН (эта же статья под заголовком «Грани веков» напечатана в журнале «Наше наследие», № 57, за 2001 год).

Дмитрий Сергеевич был убежденным сторонником изначально активного приобщения к культуре людей всех возрастов и всех местностей. Он использовал возможности в этом направлении целенаправленно и, казалось, даже неумоимо, ибо и малый результат вызывал у него новый радостный прилив сил (так как мудрец Дмитрий Сергеевич, любя людей, знал им цену и не ставил перед собой заведомо невыполнимых задач).

Стремление исполнить свой долг действительно высокоавторитетного интеллигента руководило действиями Дмитрия Сергеевича в последние десятилетия, когда собственно исследовательская работа становилась менее интенсивной и продуктивной по сравнению с предыдущими десятилетиями. Впрочем, основательно ознакомившись с творческим наследием ученого и сравнив его с известным мне по опыту историографии, повторю то, что писал уже в специальных научных изданиях: творческое долголетие Дмитрия Сергеевича уникально. Он не только продолжал творить, развивая тематику, начатую в ранние годы, но и открыл новую для себя проблематику, впервые формулировал закономерности историко-литературного процесса и в трудах 90-х годов с необычайной ассоциативной реактивностью откликался на новейшие печатные труды и только что прослушанные доклады. Просто у него уже не хватало физических сил работать за столом столько же, сколько прежде.

Дмитрий Сергеевич старался сделать достоянием интеллигентного читателя высочайшие, особенно малоизвестные в СССР достижения литературы и одновременно приобщить к подлинным культурным ценностям, доступным для освоения, самую широкую публику, в том числе детей. Благодаря его инициативе или поддержке выходили издания академического типа, о которых нельзя было и мечтать несколько десятилетий назад: и «Петербург» Андрея Белого, и воспоминания художников А. Бенуа и М. Добужинского, и «История государства Российского» Н. Карамзина, и дневники А. Достоевской, и произведения всемирной литературы. Ему мы обязаны и возможностью факсимильного издания пушкинских записей.

И в то же время неиссякаемое художественно-литературное мастерство Дмитрия Сергеевича позволяло ему готовить мудрые книги эссеистского типа — новеллы и изречения, предназначенные для учащихся и учителей. Возможно, что близкое нежное общение с внуками позволяло находить такую доходчи-

вую и столь красивую по форме стилистику для этих книг добра и мудрости. К 90-летию Дмитрия Сергеевича решили переиздать его книгу «Письма о добром». Она вышла в Пензе при поддержке пензенских властей, по инициативе Российской академии образования, с предисловием ее президента тех лет А. В. Петровского и моим послесловием о жизни и деятельности Дмитрия Сергеевича. И по-настоящему порадовали юбиляра, привезя несколько пачек книг на квартиру: дети и внуки его близких знакомых получили от Дмитрия Сергеевича этот бесценный дар. Весной 1999 года в Петербурге издательство «Блиц» перепечатало это издание, правда, не согласовав это со мною. И это событие было темой нашего последнего разговора по телефону с Дмитрием Сергеевичем в середине сентября 1999 года.

Я, как член Государственной комиссии по подготовке и проведению празднования 200-летия со дня рождения А. С. Пушкина, был направлен в Австрию и в Бельгию, где открывали памятники Пушкину, и позвонил ему перед отъездом. Дмитрий Сергеевич спросил: знаю ли я об этом новом издании. Я и обрадовался, и удивился тому, что не был осведомлен издателями. Дмитрий Сергеевич сконфузился и даже почувствовал себя в чем-то виноватым — это показательно для его добросердечной натуры. Приехав на похороны Лихачева в Петербург, я сумел приобрести это издание и даже в день поминок передал его для внуков Наине Иосифовне Ельциной, очень искренне и трогательно отзывавшейся о Дмитрие Сергеевиче.

В этой книге сорок шесть писем. Темы писем, как подчеркнул сам автор в последнем из них, — «постепенно усложнялись». В одном из них едва ли не главный завет: «В жизни ценнее всего доброта, и при этом доброта умная, целенаправленная...» Дмитрий Сергеевич отмечает в итоговом письме: «В письмах я не только учил, но и учился. Я смог учить именно потому, что одновременно учился: учился у своего опыта, который пытался обобщить. Многие мне приходило на ум и по мере того, как я писал. Я не только излагал свой опыт — я осмыслял свой опыт...» И в письмах к концу книги все больше внимания уделяется вопросам, связанным с проблематикой краеведения, памяти культуры.

Интерес к краеведению, убеждение в важности занятий и увлечения краеведением характерны для всей творческой деятельности ученого в последние десятилетия и для его организаторско-просветительской деятельности. Это отражается в печати: «Бережь Петродворец, Петродворцовый парк», «Аллеи древних лип», «Ансамбли Ленинграда», «Реставрации мемориальных садов», «Сады Лицея», «Былинный край: слово об Архангельске», знаменитая ста-

тья о Ленинграде «Великий город с областной судьбой», статья с топографическими комментариями к стихотворению А. Блока «Ночь, улица, фонарь, аптека...» («О Петербурге моего детства»), «Соловецкие мечтания», «Бережно охранять памятники старины», «Бережь памятники прошлого», вступительное слово к новому путеводителю для туристов «Пушкинские места России», «Здесь загорались вечерние огни», «Когда будет выполнено решение о создании в Курской области мемориального музея А. Фета?», «Священное поле (К 600-летию Куликовской битвы)» и другие. О памятниках старой Москвы, Великого Новгорода, о храмах и монастырях он создавал исследовательские труды и писал заметки, рассказывал телезрителям. Ему обязаны в России пробуждением интереса к старинным паркам. За это он и пострадал в 70-е годы: один из многих академиков не был награжден орденом в юбилейные дни Академии наук после публичных выступлений против намерений руководства изменить внешний облик Невского проспекта и парки загородных царских резиденций. Это ведь тоже краеведческая тематика!

Дмитрий Сергеевич возвращался к краеведческой теме во многих беседах, опубликованных в журналах и газетах. Материалу, напечатанному в газете «Культура» 20 октября 1987 года, дан емкий заголовок — «Учит земля родная». Дмитрий Сергеевич инициативно поддерживал деятельность и Союза краеведов России, и некоторых краеведческих объединений, программу «Краеведение» возглавляемого им Фонда культуры.

Дмитрий Сергеевич приветствовал деятельность Совета по изучению культуры российской провинции, хотел участвовать во Всероссийской конференции «Российская провинция XVIII–XX веков: реалии культурной жизни» в Пензе в июне 1995 года, тем более что не бывал ранее там и не испытал привычную уже для нас радость от пензенского просвещенного гостеприимства. Но почувствовал себя плохо и прислал письмо участникам конференции, которым открывается двухтомник ее материалов. Там читаем: «...Русская провинциальная культура не только явилась фундаментом русской литературы и искусств XVIII–XX веков, но также и материального богатства культуры. И в будущем она должна стать основой для возрождения русской и российской культуры XXI века. Многообразное культурное наследие, сохраненное в Пензе, инициативы, неоднократно проявленные административным руководством области в изучении пензенского наследия, делают ее важнейшим центром культуры Российской провинции».

Большое значение придавал Лихачев и изучению краеведческого историографического наследия, поддерживал издание на средства

Фонда культуры книг о краеведении в его «золотое десятилетие», то есть до разгрома в 1929–1930 годах, и общества «Старая Москва». Дмитрий Сергеевич понимал, что познание Отечества начинается с познания малой Родины, а воспитание патриотизма восходит к первой любви к родному краю, и именно краеведение учит конкретным представлениям о взаимосвязи развития общества и природы, о великом культурном значении природного наследия. Дмитрий Сергеевич изобрел и научно обосновал немало терминов общественной и научной мысли. И среди них ключевые для краеведения «экология культуры» и «нравственная оседлость».

Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия в Москве сразу после кончины великого ученого ходатайствовал о присвоении Институту его имени и уже к концу 1999 года получил такое право. Первый выпуск альманаха «Экология культуры» (2000) открывается беседой о Д. С. Лихачеве (интервью с С. О. Шмидтом «Пути, оставленные нам...») и подборкой текстов Дмитрия Сергеевича «Избранное о культурном и природном наследии», куда вошли и статья «Экология культуры», и отрывки «Сады и парки», «Охраняемый пейзаж», «Кому принадлежат исторические ландшафты» — две перепечатки из сборников трудов Дмитрия Сергеевича с характерным названием «Земля родная».

В статье «Экология культуры», впервые напечатанной в 1979 году, — и постановка вопроса, и рекомендации ученого и педагога. «Воспитание любви к родному краю, к родной культуре, к родному селу или городу, к родной речи — задача первостепенной важности, нет необходимости это доказывать. Но как воспитать эту любовь? Она начинается с малого — с любви к своей семье, к своему жилищу, к своей стране — к ее истории, ее прошлому и настоящему, а затем ко всему человечеству, к человеческой культуре...» И далее следует обоснование мысли, почему «сохранение культурной среды — задача не менее существенная, чем сохранение окружающей природы. Если природа необходима человеку для биологической жизни, то культурная среда столь же необходима для его духовной, нравственной жизни, для его “духовной оседлости”, нравственной самодисциплины и социальности. А между тем вопрос о нравственной экологии не только не изучается, но даже и не сформулирован в нашей науке как нечто целое и жизненно важное для человека». «Человек воспитывается в определенной, сложившейся на протяжении многих веков культурной среде, незаметно вбирая в себя не только современность, но и прошлое своих предков. История открывает ему окно в мир, прошлое и будущее стано-

вятся неразрывными для него, ибо каждое поколение — это как бы связующее звено во времени. Любящий свою родину человек не может не испытывать нравственной ответственности перед людьми будущего, чьи духовные запросы будут все множиться и возрастать». И развивает свои положения применительно и к градостроительству, и к взаимовлиянию природы и общества («Разве не влияло на среднерусскую природу присутствие человеческого труда?») о том, «...что подлинно новые культурные ценности возникают в старой культурной среде и простое подражание старому не есть следование традиции, творческое следование традиции предполагает поиск живого в старом...»

Конечно, первый почетный гражданин Ленинграда и здесь пишет о родном ему Петербурге, о котором столько слов любви и преданности в «Воспоминаниях» академика и других его сочинениях. В статье специально рассматривается и взаимосвязь «знаний краеведческих» с иными, объединяемыми в особую научную дисциплину — экологию культуры.

Я столь подробно остановился именно на этой статье Дмитрия Сергеевича еще и потому, что организатором наших Лихачевских чтений является высшее учебное заведение — Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов, первым Почетным доктором которого стал именно академик Д. С. Лихачев. Думается, что его мысль о воспитании «нравственной оседлости» может стать определяющей в системе преподавания в вузе и конкретизироваться в методике преподавания некоторых предметов и в подходе к разным регионам страны, их культурным традициям, природному и культурному наследию.

Выступая на пленарном заседании, выдающийся писатель Б. Л. Васильев очень верно сказал, что самое ценное в России — культура. Бывая за рубежом, мы еще более убеждаемся в этом. Широко образованная публика и ныне, когда уменьшилось внимание к великому социально-экономическому эксперименту, порожденному Октябрьской революцией, и улеглись волнения по поводу его последствий, сохраняет интерес и большое уважение к российской культуре, ее памятникам и как к вершинным достижениям в литературе, искусстве, науке, так и к менее масштабным, но поучительным.

Так, в мае 1999 года в Сорбонне по инициативе проректора, профессора-слависта Ф. Конта была организована международная конференция «Краеведение в России за сто лет», куда за счет Сорбонны пригласили и наших соотечественников. Материалы конференции издаются на русском и французском языках. Буквально сразу после этого в Петербурге в Мраморном дворце, где в 1920-е годы засе-

дало Центральное бюро краеведения, возглавляемое академиком С. Ф. Ольденбургом, при заместителе академике Н. Я. Марре, состоялась Международная конференция по региональной истории и краеведению.

Опыт развития российского краеведения востребован и за рубежом, где растет интерес к микроистории и изучению повседневности. Краеведение было разрушено в злоеущий «год великого перелома», когда репрессировали не только виднейших краеведов, связав их деятельность с фальсифицированным «делом академиков», но и историков. Их издания надолго запрятали в спецхран.

Сейчас повсеместно заметно возрождение историко-культурного краеведения. Это свидетельство и демократических изменений в общественной жизни страны, и усиления роли провинции в современном развитии культуры. В этом можно убедиться и на форумах краеведов, организуемых в Москве и других городах, при неизменном руководстве или участии образованной недавно кафедры региональной истории и краеведения Историко-архивного института Российского государственного университета, возглавляемой первым заместителем председателя Союза краеведов России В. Ф. Козловым, активным участником упоминавшихся международных конференций. В Историко-архивном институте регулярно, раз или два в месяц, обсуждается и новейшая литература по москвоведению и краеведению.

Всегда, и в пленарных докладах на международных, всероссийских и региональных конференциях, и в выступлениях участников, отмечается вклад Д. С. Лихачева как ученого-мыслителя и организатора возрождения краеведения. Его новаторскими и в то же время практически полезными идеями и советами руководствуются преподаватели высшей и средней школы. А судя по ежегодным всероссийским конкурсам исследовательских работ

по отечественной истории (преимущественно о России XX века), в стране преобладает интерес к локальной и семейной истории. Краеведение становится все более заметным фактором развития культуры современной провинции и даже Петербурга и Москвы — интерес к нему объединяет поколения.

Важно выявить и обобщить все относящееся к краеведению и его роли в развитии культуры в творческом наследии Д. С. Лихачева — печатном и устном, он непревзойденный мастер и доверительной беседы, даже по радио и перед телекамерой. Мы — члены комиссии по литературному наследию академика — обязаны это сделать. Говорилось об этом на заседаниях, посвященных памяти Дмитрия Сергеевича, еще в 1999 году. Ведь первые Лихачевские чтения состоялись в день его рождения, 28 ноября, когда первый раз собрались без него. Это было совместное заседание Дома-музея Марины Цветаевой, основанного благодаря поддержке прежде всего Дмитрия Сергеевича и ставшего заметным центром московской культурной жизни и международного культурного сотрудничества, и Археографической комиссии Академии наук. Материалы заседания изданы отдельной книжечкой. Подробная информация об этом заседании и статьи о Дмитрии Сергеевиче помещены в Археографическом ежегоднике за 1999 год. Обсуждалась подготовка не только научного и популярного издания трудов Дмитрия Сергеевича, но и книг серии «Литературное наследство», или «Научное наследство», включающих материалы из архива, прессы, ответы на записки аудитории, переписку Дмитрия Сергеевича, где очень много и о краеведении в нашей культуре.

Созданное Д. С. Лихачевым, его нравственная позиция — это светлые страницы нашей науки, культуры, общественной жизни. Это то лучшее в нашем наследии, что мы передаем новому столетию и тысячелетию...

Ю. А. РЫЖОВ,

президент Международного инженерного университета, академик РАН

НЕЗАУРЯДНОСТЬ ЛИЧНОСТИ

Я не часто встречался с Дмитрием Сергеевичем Лихачевым в последние советские времена. Больше слушал его выступления, читал его произведения. Более обстоятельные встречи, как ни странно, были во Франции, где нам доводилось сидеть рядом, порой часами, на протокольных и гастрономических действиях. Это давало возможность, естественно, говорить неспешно и обо всем.

Главное впечатление — это ощущение незаурядности личности. Даже в минуты молчания оно тебя не покидает. В моей уже доволь-

но длинной жизни, пожалуй, только один человек много лет назад вызывал похожие ощущения — Мстислав Всеволодович Келдыш. Возможно, что-то подобное могло быть в общении с Андреем Дмитриевичем Сахаровым, но оно было очень непродолжительным, — 1989-й год, да и проходило в турбулентные времена, когда не отдаешь себе отчета о значимости судеб, слов и событий.

О сходстве этих людей здесь кто-то уже говорил, цитируя последнее стихотворение Евтушенко, посвященное 80-летию Сахарова.

Им троим было свойственно важнейшее человеческое качество — оставаться самим собой в любой ситуации и быть бесстрашно стойким в утверждении своего понимания проблемы. Это понимание могло эволюционировать, но не под влиянием каких-то конъюнктурных или еще более низких соображений, а по мере собственного анализа, осмысления, причем не обязательно бесспорного, но, безусловно, нравственного.

Я хотел бы присоединиться к высказанному Эльдаром Александровичем Рязановым опасению, что Дмитрия Сергеевича Лихаче-

ва, его творчество, идеи могут недобросовестно и безнравственно использовать национал-патриоты, державники, ксенофобы, мифологизаторы нашей несчастной истории, которые изуродовали историческое сознание целых поколений. Что касается другой части выступления Эльдара Александровича — по поводу латиницы и кириллицы, то думаю, что разделение произошло с принятием Византийского христианства, византийского стиля общественных, политических и торговых отношений.

Я. А. ГОРДИН,

писатель, историк, главный редактор журнала «Звезда»

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПТИМИСТ

Неизбежно сегодняшний разговор и на широкой аудитории, и в узком кругу сосредоточен на проблеме интеллигенции, интеллигентности и месте Дмитрия Сергеевича не столько в науке, сколько в общественной, в нравственной жизни нашего общества. Дмитрий Сергеевич был замечательным представителем сложной и не массовой отрасли филологической науки. Не являясь специалистом по русской средневековой истории, я тем не менее представляю масштаб его работы.

Я много лет занимался декабристами, но всегда сложно произносить это слово, потому что это общий и чрезвычайно условный термин. Такое же ощущение у меня вызывает слово «интеллигенция» в данном контексте. На мой взгляд, никакой единой интеллигенции не было, нет и быть не может. Есть, действительно, некое сообщество, но различия внутри него велики. Для того чтобы как-то определить, хотя бы условно, место Дмитрия Сергеевича Лихачева в этой общности, нужно вспомнить, что интеллигенция в недавние советские времена вела себя по-разному. Достаточно вспомнить письма академиков, обличающих Андрея Дмитриевича Сахарова (они были переизданы в связи с его датой). Среди этих обличителей было много интеллигентных людей. Немало писателей в свое время травили Пастернака, Бродского, Солженицына. Среди них тоже были очень интеллигентные люди.

Как это ни странно, представители интеллигенции, которые отнюдь не прославили себя откровенной оппозицией советской власти, очень часто оказываются резкими оппозиционерами по отношению к власти сегодняшней. Мы видели академиков, которые гордо отказывались принимать награды из рук Ельцина, негодуя против Чеченской войны,

но принимавших их из рук Брежнева во время Афганской войны.

Дмитрий Сергеевич — фигура совершенно другого типа. Это очень важно осознавать. Дмитрий Сергеевич Лихачев не подписал ни одного позорного письма, вел себя безукоризненно по отношению к обществу, хотя это было очень не просто. Дмитрий Сергеевич, который прошел Соловки и которого травили в недавнее «вегетарианское» время, ни разу не позволил себе не только оскорбительных, но даже резко оппозиционных выступлений, например, в адрес Ельцина и власти, которую он олицетворял.

Здесь говорили о добрых отношениях Дмитрия Сергеевича с женой Ельцина, Наинной Иосифовной. Дмитрий Сергеевич имел полное моральное право в отличие от людей, о которых я говорил, вести себя так, как он считал нужным. Причем он прекрасно видел, как все мы, недостатки существующей модели, но при этом, как истинный историк, трезво мыслящий человек, человек порядочный, Дмитрий Сергеевич никаких иллюзий относительно характера нашей драматической истории не строил.

Он хорошо понимал события XVI века, когда Россия оказалась перед выбором, а в 90-е годы XX века понимал, какое наследство досталось демократической власти, какое общество окружает властные структуры, что возможно, что не возможно, и поэтому вел себя чрезвычайно последовательно. Д. С. Лихачев не сотрудничал с советской властью и не выступал, несмотря на безусловные претензии власти демократической, потому что был настоящим гражданином, не декларативным. Ведь оппозиционность, когда она ничем не грозит, — чрезвычайно комфортное состояние, прида-

ющее ощущение собственного достоинства, значимости.

Лихачеву это не нужно было совершенно.

Дмитрий Сергеевич был (что очень важно) историческим оптимистом, человеком, генерирующим интеллектуальное спокойствие. За последнее десятилетие появилось немало любителей делать трагические пророчества

и взбалтывать общественное сознание. Дмитрий Сергеевич обладал стабилизирующим психологическим воздействием на общество, и это, я думаю, одна из причин его высокого и массового авторитета.

Исторический пессимизм, смею сказать, признак слабости, а Дмитрий Сергеевич был человеком спокойным и сильным.

Г. А. АРБАТОВ,

Почетный директор Института США и Канады РАН, академик РАН

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ И НРАВСТВЕННАЯ ГРОМАДА

Я думаю, что нельзя отождествлять образованность с интеллигентностью. В одном из писем Дмитрий Сергеевич очень тонко заметил, что если человек образован и умен, но не добропорядочен и не честен, то его ум превращается в хитрость. Плюс становится большим минусом.

Многие из нас видели тому живые примеры.

Интеллигентность предполагает гораздо больше, чем определенный уровень интеллектуального развития, знаний и т. д. Необходимы определенные нравственные качества — добропорядочность, честность, неспособность к подлости. А. П. Чехов в этом отношении является примером, как и многие герои его произведений.

Я знал Д. С. Лихачева, к сожалению, очень мало. Познакомился с ним на съезде депутатов. Помню свои первые впечатления. У меня было ощущение, будто я перед какой-то громадой интеллектуальности и нравственности, которая невольно вызывает робость. Не то чтобы я его боялся, но, ощущая большое превосходство, я иногда ловил себя на мысли: «Неужели это возможно?» Такой он был человек. Вместе с тем Дмитрий Сергеевич был несколько наивным человеком.

Периоды, о которых здесь говорили, советский и демократический, по-моему, не точны. Ельцин и его режим были нередко далеки от демократии. Период его президентства, скорее, ознаменован отступлениями от демократии. А советский период был очень разным: то зверски жестоким, то «мягким» до «оттепели» и смягчения нравов. Горбачев, например, и его политика обеспечили больший прогресс демократии, хотя это были времена советской власти. Если сейчас сохранилось что-то от демократии и свободы слова, мы должны благодарить за это не Ельцина, а Горбачева.

В 60-х годах работал в ЦК КПСС с Андроповым, и с тех пор у меня сохранялись с ним хорошие отношения. Когда он ушел в КГБ,

то не захотел совсем расставаться со своим прежним окружением. У меня сложилось впечатление, что прежде всего он не хотел быть целиком во власти информации, которую получал по служебной линии, а потому старался сохранить какую-то связь с людьми независимыми, которых он ценил. Время от времени он встречался с Ю. П. Любимовым, Ф. М. Бурлацким, Л. П. Делюсиным и другими, чтобы для «баланса» знать и иные мнения.

Помню, вскоре после того как в 1982 году он стал Генеральным секретарем, мы с ним серьезно поссорились. Огорченный и несколько взвинченный тем, что, хотя руководителем страны стал человек, которому я верил и от которого многого ждал, прогресс почти не был заметен, я ему написал письмо. И в нем сделал вывод, что начинает расти большое разочарование в нем, в новом руководителе. И даже позволил себе бестактность, приведя распространенную в те времена поговорку «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день». В качестве примера я привел и трудности, которые переживали театры Товстоногова, Любимова, Гончарова, в том числе запрещенные пьесы Эрдмана «Самоубийца» в Театре Сатиры. Также сообщил о том, что происходило в экономической науке.

Неприятности были связаны главным образом с заведующим сектором экономических наук Отдела науки ЦК КПСС М. И. Волковым, родственником предшественника М. С. Горбачева — Генерального секретаря ЦК КПСС К. У. Черненко. Этот родственник ходил из института в институт, читал «установочные» лекции, в которых директивно утверждал, что вершина экономической науки — «экономические проблемы социализма Сталина» и к ним надо возвращаться, а все остальное — от лукавого. Я был единственным директором, не пустившим его в институт. Я сказал, что не буду слушать его лекцию, поскольку знаю, какую ерунду он говорит, и не хочу путать своих сотрудников. Об этом я также написал Ю. В. Андропову, признаюсь, в не очень тактичной форме.

В тот же день я получил от него очень раздраженный ответ, после чего мы поссорились на четыре месяца. Помирил нас Горбачев. Был нелегкий разговор, после которого Андропов поручил мне написать обстоятельную записку о партии и интеллигенции. Он решил один из ближайших пленумов посвятить проблемам интеллигенции и политики в отношении интеллигенции.

Я его задание выполнил и получил одобрение. Потом мы с ним обсудили мою записку и его замечания. Я тогда сказал, что вопрос давно назрел, менять надо многое, начиная с исходной позиции. Почему интеллигенция — прослойка и если и упоминается, то всегда после рабочего класса и крестьянства? В чем-то она долгое время ущемлялась, во всяком случае, по сравнению с рабочими и крестьянами, например при приеме в вузы, в КПСС. Не пора ли определиться: если интеллигенция у нас на правах лишнего полубуржуазного класса, то не следует ждать от нее лояльности.

Ю. В. Андропов сказал: «Я в принципе с тобой согласен». И кое-что начал делать. В СССР интеллигенцией ведала контрразведка. Я задумался: почему наряду со шпионами она занимается интеллигенцией? Андропов создал Пятое управление, которое занималось только интеллигенцией. Я спросил его: «А управление, которое будет заниматься только рабочим классом, Вы создали? А только

крестьянами?» Он ответил: «Нет». «Значит, у Вас особое отношение и недоверие к интеллигенции. На что Вы тогда рассчитываете? Вы хотите лояльности от этих людей? Честной, самоотверженной работы на пользу власти? Или Вы хотите, чтобы агенты с Лубянки и Гороховой кружились вокруг них, подслушивая телефонные разговоры, перлюстрируя их почту, устраивая неприятности и т. д.?» Андропов ответил: «Ладно, мы об этом поговорим».

Ю. В. Андропов был самым интеллигентным, умным и образованным руководителем партии, которого я знал.

Но вернусь к основной теме. У нас в стране были люди, которые имели свое мнение и нелюбезно его высказывали, например Сахаров, Солженицын. М. С. Горбачев, несомненно, их уважал. Но если, скажем, Сахарова он мог прервать, когда тот говорил с трибуны, то трудно представить, чтобы он (или Ельцин) позволил себе это с Лихачевым. Не потому, конечно, что его боялись. Высочайшая интеллигентность Лихачева делала это немислимым и даже политически опасным.

Меня поразило в биографии Лихачева, что, будучи на Соловках, потом на Беломорском канале, переживая все тяготы заключения, он готовил книгу о жаргоне заключенных. И в тех жутких условиях он оставался словесником, лингвистом. Дмитрий Сергеевич был настоящим ученым, преданным науке до конца.

В. В. КРАЕВСКИЙ,

академик-секретарь Отделения философии образования и теории педагогики РАО, доктор педагогических наук, профессор, академик РАО

ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТЬ КАК ИДЕАЛ ОБРАЗОВАНИЯ

Характеризуя соотношение формы и содержания, говорят, что и форма содержательна. Это действительно так. Много зависит от того, как соблюдается одно из главных правил логики изложения: основные понятия, утверждения должны быть четко определены. Хочу попробовать прояснить значение слов, которыми мы так часто пользуемся, что не очень задумываемся об их точном смысле: «интеллигенция», «интеллигент», «интеллигентность», «воспитание», «образование». Профессионально мне наиболее близка группа проблем, рассматриваемых на секции «Российский интеллигент как этический идеал воспитания».

Решать проблемы образования и особенно его содержания сегодня приходится в сложной обстановке. Не от хорошей жизни интеллигенция становится вновь востребованной. В нормальном обществе нет необходимости в специальной социальной группе «борцов за правду и справедливость» — эту функцию вы-

полняют политические партии, пресса, правоохранительные учреждения и другие органы социальной защиты. Интеллигенция — не «образованщина», не ассамблея людей умственного труда. Можно быть интеллектуалом и не быть интеллигентом. Это отличие с трудом улавливается людьми, не вовлеченными в российские события. Поэтому, вероятно, слово «интеллигенция» на иностранные языки не переводится.

Большинство авторов, имеющих в литературе дефиниции, сходятся в том, что интеллигента характеризуют, кроме высоко развитого интеллекта, такие качества, как порядочность, безупречная нравственность, приверженность общечеловеческим ценностям и стремление распространять их в обществе (Д. Овсяннико-Куликовский, Д. Лихачев, М. Мамардашвили, Л. Фадеева и др.).

Применительно к школе возникает вопрос: с кого брать пример? Должны ли мы воспи-

тывать интеллигента, то есть стремиться сделать интеллигентами всех? Интеллигенция — категория исторически и географически ограниченная. Интеллигентность следует рассматривать как качество личности, которым в идеале должны обладать все, а не только избранные. При этом открывается широкое поле действий для школы и образования вообще.

Принято считать, что образование и воспитание — разные виды педагогической деятельности. Образование формирует интеллект, развивает рациональное мышление, а воспитание развивает эмоционально-ценностную сферу личности, человеческие качества: гуманное отношение к окружающим, отзывчивость, доброту, способность к сочувствию, сопереживанию. Согласно этой точке зрения, образованность не предполагает воспитанность, и воображение рисует не такой уж далекий от реальности образ обученного наукам, владеющего иностранными языками образованного дикаря с дубиной в виде компьютера.

Однако есть и другое понимание образования, предполагающее, наряду с обучением, воспитание. В этом случае упомянутого персонажа с компьютером будут считать не образованным, а лишь обученным. В Законе РФ «Об образовании» определено: «Образование — это целенаправленный процесс *воспитания и обучения* в интересах человека, общества и государства». Значит, воспитательные цели образования можно заложить в содержание образования. Тогда интеллигентность, объединяющая обе составные части образованности, становится идеалом образования.

В сущности, интеллигентность — это общечеловеческая культура, воплощающая опыт

человечества, приобретенный им на многотрудном пути. Поэтому и содержание образования, цель которого — формирование интеллигентности, должно представлять собой содержание человеческой культуры в аспекте социального опыта.

Содержание, изоморфное социальному опыту, состоит из четырех основных структурных элементов: опыта познавательной деятельности, фиксированной в виде ее результатов — знаний; опыта осуществления известных способов деятельности — в виде умений действовать по образцу; опыта творческой деятельности — в виде умений принимать нестандартные решения в проблемных ситуациях; опыта эмоционально-ценностных отношений — в виде личностных ориентаций. Усвоение этих элементов социального опыта позволит человеку не только успешно функционировать в обществе, «вписываться» в социальную систему, приспосабливаться к ней, но и действовать самостоятельно, творчески. В этом случае педагог должен быть ориентирован на содействие становлению человека, способного к сопереживанию, готового к свободному гуманистически ориентированному выбору, индивидуальному интеллектуальному усилию и самостоятельному, компетентному и ответственному действию в политической, экономической, профессиональной и культурной жизни, уважающего себя и других, терпимого к представителям иных культур и национальностей, независимого в суждениях и открытого для другого мнения и неожиданной мысли.

По-видимому, интеллигентность как качество личности образованного человека характеризуется теми же чертами.

Ю. В. ЗОБНИН,

заведующий кафедрой литературы СПбГУП, доктор филологических наук

ПОСТУПОК ИНТЕЛЛИГЕНТА

Я продолжу полемику об интеллигентах и интеллигенции. Хочу вспомнить один эпизод, который произошел с Дмитрием Сергеевичем Мережковским и Антоном Павловичем Чеховым. Как известно, Мережковский первым написал статью о Чехове. Они встретились в редакции «Северного вестника». Мережковский тут же стал бурно рассуждать о миссии русской интеллигенции, о «слезинке ребенка» и цитировать Достоевского, всевозможные идеи властителей дум того времени. Чехов на него спокойно смотрел и вдруг неожиданно оборвал: «Голубчик, Вы в Москве давно были?» «Давно», — сказал Мережковский. «Так вот, когда будете в Москве, загляните в трактир Тестова, там такую селянку делают! Только

вот имейте в виду, что к селянке большая водка нужна». Мережковский был потрясен...

На мой взгляд, сегодня была высказана очень важная идея: интеллигент и декларативность понятия не совместны. Для меня идеальным типом русского интеллигента является Антон Павлович Чехов. Дмитрий Сергеевич Лихачев очень близок Антону Павловичу.

Когда скончался Лихачев, я задал себе вопрос: «Какое ощущение?» Ушел человек, который создавал большую литературу, прежде всего филологическую, или человек, который являлся символом эпохи, лидером. А потом вдруг понял: самое страшное, что Лихачев больше не будет, хромая, с палочкой, спускаться по лестнице Пушкинского Дома со 2-го этажа

(где сектор «древников»). Знаете, когда он там бродил, было ощущение, что не все еще потеряно. Достаточно было его присутствия. Он как бы бытовал там.

Декларативность заставляет человека все время выступать с какими-то лозунгами, манифестами, все время обсуждать глобальные идеи, пытаться словами компенсировать позитивную ауру, которая у него, если он ненастоящий интеллигент, отсутствует изначально.

Но это не значит, что интеллигент не должен иметь своего мнения. Между прочим, антидекларативность не дает человеку права высказаться, *действительно*, когда это нужно со всей очевидностью, со всей весомостью. Я приведу только один пример, связанный с Дмитрием Сергеевичем. Для Пушкинского Дома закупали архив Лукницкого — один из самых крупных архивов «серебряного века». Он находился у вдовы, Веры Константиновны

Лукницкой. Деньги бешеные. Их доставали с трудом. На заседании Ученого Совета нужно было принять окончательное решение. Ходили слухи, что большая часть этого архива уже опубликована, и мы покупаем, в общем-то, пустышку. Была очень острая ситуация. Я помню: Лихачев сидел в углу, очень пристально смотрел на всех и вдруг очень глухо сказал: «Я знал Лукницкого, это был фанатик. Архив надо покупать, наверняка, там есть что-то интересное». Эти слова решили дело. Сейчас мы разобрали этот архив, в нем оказался неизвестный текст «Реквиема» А. Ахматовой, написанный ее рукой и неопубликованная рукопись Гумилева на 40 страницах — «Теория интегральной поэтики».

Дмитрий Сергеевич молчал почти все время, а потом сказал только несколько слов — «резюмировал». И всех убедил. Это поступок интеллигента.

Э. А. РЯЗАНОВ,

кинорежиссер, Народный артист СССР и РСФСР,
лауреат Государственной премии, Почетный доктор СПбГУП

ИНТЕЛЛИГЕНТ НЕ МОЖЕТ НАПИСАТЬ ДОНОС

Нет ничего более увлекательного и перспективного одновременно, чем спор о том, что такое интеллигенция и что такое интеллигент. У каждого из нас свое представление об этом. У меня тоже.

Интеллигент — человек, естественно, образованный. Но при этом, интеллигент должен обладать чувством собственного достоинства и никогда не позволять себе совершить не деликатность по отношению к другому. Это для меня главный критерий интеллигента.

Когда Яков Аркадьевич сказал, что какие-то писатели писали пасквили, доносы на Пастернака и при этом были интеллигентами, я поразился. Это для меня нонсенс. Значит, ученые, которые писали разгромные письма о Сахарове, тоже были интеллигентными людьми? Интеллигент не может написать донос! Это тот самый оселок! Человек может иметь 8 образований, знать 16 языков, но при этом никогда не будет интеллигентом, если он способен на подлость.

У нас начинается очень политизированный разговор. Георгий Аркадьевич сказал, что Андропов был интеллигентным человеком. С моей точки зрения, политик, особенно в нашей стране, да и в любой, не может быть интеллигентным человеком. Вообще, лидер в нашей стране не может быть интеллигентом. Горбачев это или Ельцин — он обязан в силу положения совершать подлости. Человек, который совершает подлости, не может назы-

ваться интеллигентом. Для меня эта граница абсолютна, естественна и понятна.

Когда в 1937 году люди шли на казнь и на смерть, но не подписывали писем, не выдавали и не предавали, у них был выбор: они могли сохранить жизнь. Но некоторые предпочитали не переходить эту грань. Такие люди для меня — интеллигенты.

Конечно, легко рассуждать об этом сейчас. Неизвестно, как бы повел себя каждый из нас, если бы к нему приставили раскаленные клещи и стали пытаться. Легко разглагольствовать, когда тебе ничего не угрожает.

А что касается упреков по поводу моего мнения о Кирилле и Мефодии и славянской письменности, то я понимал, что получу отпор. Это меня только радует. Как тут не вспомнить строки Тютчева: «Умом России не понять, аршином общим не измерить». Они, видимо, заложены в глубине сознания русских людей. Но есть и другие стихи: «Давно пора тара-рара мать умом Россию понимать. А что в Россию можно верить, так то давно пора похерить».

Я пишу и говорю на родном языке, люблю русский язык, можно сказать, считаю себя грамотным человеком. Но когда говорят, что для России существует единственный и неповторимый путь, — я сомневаюсь. Это спесивая позиция. Почему мы должны прокладывать собственную дорогу, идти в стороне от цивилизации? Может, надо вести себя умнее и оставить гордыню глупым?

В. А. ЯНИН,

заведующий кафедрой археологии исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор исторических наук, профессор, академик, член Президиума РАН, Почетный доктор СПбГУП

ИНТЕЛЛИГЕНТ — ЭТО КУЛЬТУРНЫЙ ГЕНОФОНД НАЦИИ

Поскольку каждый по-своему понимает, что такое интеллигент, я хотел бы обозначить, как я понимаю этот феномен.

Отвлечемся от упоминавшихся здесь критериях «порядочности» и «непорядочности»: порядочный человек может быть не интеллигентом. Я всегда представлял себе, что интеллигентия — это культурный генофонд нации. У меня было два замечательных учителя. Один из них — Артемий Владимирович Арциховский, который очень любил повторять, что в XIX столетии культурные люди образовывали настолько тонкую пленку на поверхности русского общества, что практически все были знакомы друг с другом. Поэтому все друг на друга воздействовали, взаимно обогащаясь.

Другой мой учитель — Александр Александрович Сиверс — заведовал Отделом нумизматики в московском Историческом музее. Ему было 86 лет, когда мне довелось беседовать с ним. В молодые годы он был знаком с Александром Михайловичем Горчаковым. Когда я здоровался с Александром Александровичем за руку, я всякий раз замирал: Боже мой, он же этой рукой касался руки лицейского товарища Пушкина! Всего два рукопожатия до Пушкина! Три рукопожатия до Державина! Эти рукопожатия через поколения — живой символ передачи традиции. Традицию, которую несет русская интеллигентия, необходимо беречь и, обогащая, развивать. И тот, кто этому следует, наверное, и является интеллигентом.

А. В. ДАРИНСКИЙ,

профессор Санкт-Петербургского университета педагогического мастерства, доктор педагогических наук, академик РАО

Д. С. ЛИХАЧЕВ И КРАЕВЕДЕНИЕ

Мне повезло, что моя дача была в Комарово рядом с дачей Дмитрия Сергеевича. Мы были знакомы и часто вечером вместе гуляли. Лет шесть мы с ним так и встречались, когда он переехал в академический дом. Я с ним беседовал на разные темы. Мы с Дмитрием Сергеевичем одногодки, и он был довольно откровенен со мной, тем более что редко встречался с близкими по возрасту людьми. У него были обширные интересы, в частности, его очень интересовала политика. Мы с ним всегда обсуждали и экономические, и политические вопросы.

В то время мы с коллегами впервые работали в Петербурге план регионального компонента учебного плана школы и программу курса истории и культуры Петербурга. Мы хотели включить этот предмет не только в региональный компонент учебного плана Петербурга, но и в федеральный учебный план, разработанный Министерством образования. Утверждение плана было довольно сложным, у нас была инициативная группа, которая этим занималась. Мы все время ходили в Комитет по образованию города, добиваясь, чтобы этот курс был включен в учебный план. Об этом я говорил и с Дмитрием Сергеевичем, и он очень помог нам. Мы считали, что курс имеет большое значение для патриотического воспита-

ния учащихся. Дмитрий Сергеевич понимал патриотизм достаточно широко, часто говорил о патриотическом воспитании, о патриотизме и о роли краеведения в патриотическом воспитании учащихся. Это была одна из наших позиций при обосновании необходимости введения этого курса. Просматривая письма, которые мы написали в Комитет по образованию Петербурга и в Министерство образования в Москву, Дмитрий Сергеевич сделал свои замечания. Мы разрабатывали программу курса истории и культуры Петербурга, который изучается сейчас со 2-го по 9-й класс. Это серьезный курс, к которому нужна большая подготовка. Предполагалось создать серию пособий по этому курсу. Дмитрий Сергеевич помогал нам, внес дополнения и предложения в программу курса, в частности, рекомендовал шире представить географию Петербурга, включить литературу Петербурга как компонент истории и культуры города, высказал предложения и по экономическим разделам.

Мы беседовали с Дмитрием Сергеевичем в разное время, как в советское, так и в постсоветское: он всегда был патриотом Петербурга и поддерживал все инициативы. Д. С. Лихачев был одним из инициаторов тех вечных чтений, которые проходят в Петербурге. Во

Дворце пионеров есть большая секция краеведения, где он несколько раз выступал. Выступал он и в нашем институте, говорил о важности изучения краеведения, истории, культуры и географии Петербурга.

Он очень любил свой город, прекрасно знал улицы и площади, и даже дома в Петербурге. Когда мы написали первый учебник истории Петербурга, Дмитрий Сергеевич сделал в нем свои пометки. Он даже написал рецензию на наш учебник по истории культуры Петербурга.

В истории был период, когда краеведение рассматривали как область истории, связанную с охраной памятников культуры. В то время работали Анциферов, Столпянский, Локотский, действовало общество Петербург — Ленинград. Но был период, когда краеведе-

ние развивали в своих работах Крупская, Шацкий и другие, и упор был сделан не на историю, не на сохранение памятников, а на вовлечение учеников в современную жизнь Петербурга. Д. С. Лихачев считал, что не надо противопоставлять эти позиции.

Он очень переживал, что Петербург не столица. Когда стали писать о том, что Петербург — культурная столица, он всегда говорил, что это лишь разговоры, город не может быть культурной столицей, если нет денег на его развитие.

Д. С. Лихачев был глубоким интеллигентом, очень добропорядочным человеком с широким кругозором. Не было проблем, которые бы его не интересовали, начиная от политических и экономических и кончая литературными событиями.

А. С. КУШНЕР,

поэт, лауреат Государственной премии РФ, Пушкинской премии

ПРОПОВЕДЬ ДЕЙСТВИЕМ

Послушав нас, можно подумать, что все замечательно: имя Дмитрия Сергеевича Лихачева не подвергается никакой критике и злобному поношению, все его любят, вспоминают с благодарностью. Между тем это не так. В последнее время мне пришлось прочесть в наших изданиях, в том числе в таком уважаемом издании, как газета «Дело» (газета петербургских демократов), статью, обличающую Дмитрия Сергеевича. Автор статьи Михаил Золотоносов называет Лихачева ненастоящим ученым и сомнительным общественным деятелем, присвоившим себе роль руководителя интеллигенции, нации, ее совести, нравственности и т. д.

Возмутиться мало, хочется понять, в чем дело. Аргумент, как я понимаю, у этих критиков, видимо, таков: замечательно то общество, которое не нуждается в таких людях, как Лихачев, общество самодостаточное, живущее само по себе, по определенным законам. Но я хотел бы спросить: обходилась ли Россия когда-либо без таких людей? На память приходят и Белинский, и Чернышевский, и Тургенев, и Толстой, и Некрасов, и Достоевский и другие личности широкого идеологического спектра, абсолютно необходимые русскому обществу. Не могу себе представить Россию, например, без морального учения Толстого. Оно вызывало разные отношения, но, бесспорно, было событием.

Дмитрий Сергеевич представляется мне человеком тургеневского, либерального склада, если искать соответствие в XIX веке.

Западное общество тоже не обходится без таких людей: Альберт Эйнштейн, Генрих Белль, Томас Манн... Необходимость в них возникает в трудные исторические периоды, например такие, как послевоенные годы в Германии, эпоха гитлеризма, когда требовалось сопротивление и противостояние. Невозможно представить историю Германии, связав ее только с именами Геббельса или Риббентропа.

Сегодня идет атака на каждого выдающегося человека. Для российских «критиков» невыносима любая крупная, незаурядная личность. Подобные нападки нередки сегодня и в музыкальных кругах, и в литературе. Также было с Ростроповичем, о чем недавно рассказал Геннадий Рождественский. Мне кажется, наши чтения призваны противостоять бесвестным измышлениям и наветам.

М. Золотоносов называет Лихачева «умеренным националистом». Французам можно любить Францию, англичанам — Англию, израильтянам — Израиль, а русским почему-то любить Россию нельзя, — они сразу становятся «умеренными националистами». Критик Виктор Топоров назвал Дмитрия Сергеевича «всесоюзным старостой», уравнивая его с Калининым, и, следовательно, подвергнув сомнению его порядочность и выстраданное в Соловках право на доверие честных людей.

Конечно, можно вспомнить прелестные слова поэта Гумилева, который как-то сказал своей жене: «Анечка, отрави меня, когда я начну пасти народы». Понятно, что он имел в виду: когда великий человек начинает толь-

ко учить и поучать, а больше ни на что уже не способен, он становится смешон. Очевидно, что Дмитрий Сергеевич до конца оставался человеком науки, писал книги. Никто, никакая партия не назначали его на должность «общественной совести», и, уж конечно, не он ее выбирал. Мы должны отдать должное нашему обществу, народу, выбор которых пал на Дмитрия Сергеевича. Ведь могли остановиться на ком угодно — любом Пугачеве (таких Пугачевых хватает в нашей истории), соблазниться Ампиловым или Баркашовым. Великое счастье, что сердца людей привлекли Дмитрий Сергеевич Лихачев, академик Сахаров, Солженицын и Ростропович. На мой взгляд, это внушает оптимизм. Что касается «критиков», то их в Соловках не держали и на лестнице родного дома, как Лихачева, не избивали... Но я могу представить их, например, в конце 20-х годов: они были бы правоверными рааповцами.

Я был знаком с Дмитрием Сергеевичем, бывал у него дома. Замечательно, что как ученый, занимавшийся древнерусской литературой, он всегда имел в виду не только прошлое, но и современность, современную литературу. Его научные работы представляют собой разомкнутое пространство, а книга «Поэтика в древнерусской литературе» полезна сегодняшнему поэту и прозаику.

Дмитрию Сергеевичу благодарны многие мои товарищи, например Виктор Соснора, книга которого вышла в те годы, когда это трудно давалось, может быть, как раз благодаря вступительной статье Дмитрия Сергеевича. Я знаю поэта Игоря Шкляревского, переложившего «Слово о полку Игореве» на

современный рифмованный стих, — он был очень дружен с Дмитрием Сергеевичем, признателен ему. Иосиф Бродский расспрашивал меня в Соединенных Штатах в конце 80-х о Дмитрии Сергеевиче очень заинтересованно: незадолго до того он прочел переписку Грозного с Курбским и комментарий к ней Дмитрия Сергеевича. Его это волновало, совершенно точно, — без каких-либо искажений моей памяти и преувеличений.

В тяжелые для меня времена начала 80-х годов Дмитрий Сергеевич (я не был с ним тогда знаком) написал обо мне статью и опубликовал ее в журнале «Литературное обозрение», потому что на меня тогда «давил» обком КПСС. Г. В. Романов заявил на собрании «творческой интеллигенции»: «Если ему здесь не нравится, пусть уезжает». Дмитрий Сергеевич об этом знал. И я никогда не забуду этого: с какой стати ученому, занятому своим делом, заступаться за какого-то сегодняшнего человека, пишущего стишки? Потом уже, общаясь с ним, я узнал, как он любит стихи. О Фете мы с ним говорили у него дома, он наизусть читал его в 80 с лишним лет; волновался при этом, как-то очень светлел. И я вдруг видел, каким он был в молодости, потому что подлинная, ненаигранная любовь к стихам дается человеку смолоду и на всю жизнь. Лихачев входил в редколлегию «Библиотеки поэта» и много сделал для этой серии, которая выпускает в основном сборники стихов поэтов XIX–XX веков, — тем не менее для него это было очень важное дело. В конце концов, его «Поэзию садов» тоже можно назвать книгой стихов. В этом смысле он был не ученый-сухарь, а живой, любящий поэзию человек.

М. С. КАГАН,

профессор СПбГУ, СПбГУП, доктор философских наук,
Заслуженный деятель науки РФ

УРОКИ ЛИХАЧЕВА

Дмитрий Сергеевич Лихачев был крупнейшим специалистом в области древнерусской литературы. Менее известны его теоретико-эстетические статьи, в которых обсуждались такие проблемы, как единство содержания и формы в литературном произведении или будущее литературы как предмет научного анализа, — неожиданные для профессионала-медиевиста, свидетельствовавшие и о широте научных интересов автора как литературоведа, и о смелости его обращения к сложнейшим теоретическим проблемам этой науки. Но и на материале древнерусской литературы ученый выходил за пределы исключительно литературоведческих тем, обращаясь к необычным для классического ли-

тературоведения антропологически-культурологическим проблемам: «Человек в литературе Древней Руси», «Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого». Эти исследования показывают, что литература была для Д. С. Лихачева чем-то большим, чем просто «искусство слова». Подобно тому, как, согласно известному афоризму, «поэт в России больше, чем поэт», — литература Древней Руси рассматривалась им как *аспект целостного бытия культуры*, в которой она играет роль *самопознания и самоосмысления человека*; тем самым изучение истории литературы становилось способом постижения *истории культуры* и вместе с этой наукой — *формой человекознания*.

Вот почему, несмотря на неожиданное для всех появление далекой от искусства слова монографии Дмитрия Сергеевича «Поэзия садов», в ее написании была своя логика: ведь сад — это другой полюс художественной культуры, родственный искусству слова, что подчеркнуто самим названием книги — «Поэзия садов». Сопоставление этих полюсов художественной культуры, охватывающих материальную окружающую человека природы и изобретенного им сверхприродного языка слова, позволяет постичь и *целостное бытие художественной культуры*, и ее связи, с одной стороны, с нехудожественной сферой духовной жизни общества — с его идеологией, а с другой — с восприятием человеком природы как основы материальной культуры.

Так, классик отечественной литературоведческой медиэвистики становился *культурологом*. Это нельзя объяснить индивидуальными особенностями интересов Дмитрия Сергеевича — причины тому гораздо более глубокие. Они состоят, конечно же, в осознании необходимости пойти навстречу начавшемуся в 70–80-е годы XX века стихийному движению отечественной философской мысли и фронта гуманитарного знания к осмыслению *роли культуры в жизни современного общества*, а затем и в начавшемся переходе от тоталитаризма к демократии. В отличие от большинства общественных деятелей, воспитанных на вульгаризированной ленинско-сталинской версии марксизма и по сей день рассматривающих движение к демократическому обществу как только экономический и политический процесс, Д. С. Лихачев отчетливо понимал, что без активного включения в этот процесс *всех сил культуры* невозможно будет быстро и эффективно решить задачи политики и экономики. Этим объясняется активное участие далекого прежде от политики и даже от современной литературы «кабинетного ученого» в общественной деятельности с самого начала перестройки. Он старался сделать все возможное, чтобы объяснить руководству страны, какова роль культуры в радикальных преобразованиях страны, а значит — роль интеллигенции как *культуротворческой силы*. Оказалось, что ни многолетняя жизнь в тиши кабинета в академическом Пушкинском Доме, ни тяжкие годы пребывания в концлагере не подавили таившегося в нем, как в лучших представителях русской интеллигенции, общественного темперамента, порожденного сознанием ответственности за происходящее в стране, не позволили ему стоять в стороне от разворачивающихся в ней грандиозных преобразований.

Не могу не заметить, что данное мной в книге «Град Петров в истории русской куль-

туры» афористическое определение русской интеллигенции — «образованные люди с большой совестью» — нередко, к моей радости, а не огорчению, приписывали Дмитрию Сергеевичу. Он обладал такой обостренно чувствительной — «больной» совестью, которая не позволяла ему только созерцать происходящее в обществе в это переломное время. Сама возможность представить, что Дмитрий Сергеевич именно так понимал суть интеллигентности, объясняется близостью наших воззрений на эту и другие проблемы бытия. Несколько десятилетий мы обменивались своими выходившими книгами. Я бережно храню второе издание его «Текстологии», вышедшее под редакцией нашего общего друга академика Г. В. Степанова, с каллиграфически исполненной дарственной надписью: «Дорогому Моисею Самойловичу Кагану с сердечным приветом. Д. Лихачев. 3 сентября 1984 года».

Поэтому закономерен был переход ученого от историко-теоретического рассмотрения в контексте культуры поэзии словесности и поэзии садов к практически-политической деятельности, основанной на понимании роли культуры в происходящих в России переменных и понимании роли интеллигенции в развитии культуры. Д. С. Лихачев стремился объяснить свою точку зрения руководителям страны — и при личном общении, и с парламентской трибуны, и в выступлениях на конференциях Конгресса российской интеллигенции, и написанной им «хартией о культуре» в наивном расчете на ее принятие Государственной Думой. Об уровне культуры в Госдуме РФ весь мир может судить по телевизионным рассказам о поведении депутатов, главным аргументом которых в политических дискуссиях является мордобой... Но Дмитрий Сергеевич не сложил руки и в последние годы написал и издал несколько брошюр, обращенных преимущественно к молодежи, излагая в них основные принципы мировоззрения современного культурного человека.

В литературном наследии Д. С. Лихачева есть одна, к сожалению, малоизвестная, но высоко ценяемая мною книга «Школа на Васильевском» (я ссылаюсь на нее в монографии «Град Петров в истории русской культуры»), написанная им с двумя соавторами. Это исторический очерк о жизни одной из подлинно петербургско-ленинградских школ, в которой авторы учились и из стен которой вышли более ста известных деятелей отечественной культуры. Рассказ о них представляет интерес не только для историков нашего города — я расцениваю его с нравственной точки зрения как дань благодарной памяти и альма-матер, и тем, кто внес огромный вклад в развитие культуры Петербурга.

Уроки Лихачева — это необходимость равенства каждого из нас на жизнь и деятельность этого истинно петербургского интеллигента, сочетавшего качества настоящего ученого и общественного деятеля демокра-

тического склада, человека высоких нравственных принципов и оптимистического мировосприятия, верившего в будущее России и в возрождение Петербурга как носителя лучших достижений ее культуры.

Т. Г. МОРШАКОВА,

заместитель председателя Конституционного суда РФ,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ, Заслуженный юрист РФ

СУЩНОСТНЫЕ ЧЕРТЫ ИНТЕЛЛИГЕНТА КАК КРИТЕРИЙ АНАЛИЗА ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНСТИТУТОВ

Я чувствую себя неловко, потому что выступаю перед специалистами в той сфере, возгорженным потребителем которой являюсь. Поскольку мы все время обсуждаем проблему не только культуры, но и личности в культуре, то невозможно представить себе культуру, которая создается антиличностью. Возможно все, что так метафорично сейчас сказал Моисей Самойлович о сути интеллигента, действительно относится к более общей формулировке, которая годится для анализа многих социальных явлений не только в сфере культуры, но и в организации государственных учреждений. Что проявляет человека как интеллигента при таком подходе? Отсутствие у него стремления манипулировать другими.

Сегодня уже говорили о недекларативности слов, посулов, дел. Это относится и к отсутствию стремления манипулировать другими. В основе отсутствия этого желания — идея, которая уже давно освоена в области права, но действующего, главным образом, в западном, цивилизованном правовом мире. Интеллигент никогда не станет рассматривать другого человека как объект своих действий, а будет относиться к нему как к равноправному субъекту отношений. Он никогда не по-

ставит другого в положение объекта и именно потому не будет им манипулировать.

Мне эта идея кажется плодотворной применительно к организации не только социума, но и государственных институтов. Государство не цивилизовано, не демократично, не является правовым, пока рассматривает личность как объект манипуляций, объект своих действий, а не как равноправный субъект взаимоотношений.

На Востоке есть высокочтимое понятие — «учитель». Это не тот, кто дает другому какие-то знания, передает информацию и ничего больше. Учитель всегда ассоциируется с колоссальной внутренней культурой, личной силой, уважительным отношением к ученикам, которых он растит, как нечто драгоценное, на благо развития, учения и культуры. Только так формируются уникальные взаимоотношения учителя и учеников.

Мне хотелось бы, чтобы меня правильно поняли: нам нужны воспоминания о человеке для воспроизводства и утверждения в нашем миропонимании общей картины того, чему и как надлежит учиться у подлинных интеллигентов, воспитателей не только умов, но и душ.

А. П. МАРКОВ,

профессор кафедры социально-культурных технологий СПбГУП,
доктор педагогических наук, доктор культурологии

ПЕРСОНИФИЦИРОВАННЫЙ ЭТИЧЕСКИЙ ИДЕАЛ КАК ПРОЕКТ ДУХОВНОГО ИСЦЕЛЕНИЯ

Академик Д. С. Лихачев был духовным лидером, который своим научным творчеством, ответственностью за свое призвание, служением науке и России представляет вариант максимально осмысленного и значимого бытия в условиях социального и духовного хаоса. Социально-культурная роль образа великого человека чрезвычайно велика. Духовная сущность каждой культурной эпохи образу-

ется и представляется в персонифицированном виде. Это особенно характерно для кризисных ситуаций, когда появляются личности, олицетворяющие пути их преодоления. Так, духовно-нравственный образ Христа отвечал культурным проблемам своего времени. Сергей Радонежский, Александр Невский сформировались в контексте тех духовных, политических и государственных проблем,

которые переживала Московская Русь. Фигура титана с его стихийным индивидуализмом, субъективизмом, антропоцентризмом соответствовала духу эпохи Возрождения.

Обладая харизмой и сакральным статусом, образы таких людей являются обобщенными символами национальной культуры, ее святошным центром, олицетворяют ее духовное ядро. Национальный духовный лидер (референт) — это своеобразный проект (модель, замысел) культуры, воплощающий представление о желаемом будущем.

Тип референта определяется спецификой культурной системы. Духовные референты в христианских культурах, как правило, являются персонифицированным выражением заповедей блаженств. Как известно, христианская мораль основана на трех ценностях:

— *страдании*, обеспечивающем блаженство. Вечной и блаженной жизни в Царствии Небесном достойны плачущие, кроткие, чистые сердцем, жаждущие правды, гонимые за правду. Страдание — это условие достижения идеала любви и справедливости. Последователи Христа должны быть готовы к трудному миссионерскому служению истине и возможным страданиям на этом пути;

— *нистязательстве*. Блаженны нищие духом, то есть отказавшиеся от материальных благ согласно своему духовному выбору. Главное — чтобы был хлеб насущный на каждый день;

— всепрощающая *любовь* к ближнему.

Такие предельные формы поведения последователей Христа должны были стать нравственным примером для других в создании Царства Божия на Земле. Этими ценностями пронизана русская литература, искусство, фольклор. Духовную преемственность обеспечивала идентификация человека с персонифицированными образами культуры.

В США, например, лидер страны — не просто человек, обладающий высоким профессионализмом. Президент — символ нации, идеал, моральный пример, образ идеального гражданина. Именно так задумали основатели этого государства, заложив в качестве краеугольного камня идеалы либерализма. Демократия в их понимании — светская религия, конституция — Священное писание, президент — первосвященник. Отсюда и предъявляемые к главе государства требования, и реакция общества на несоответствие им.

Духовный референт — это и символ консолидации нации (духовного притяжения граждан), и образец для подражания. Он служит этическим идеалом самовоспитания, критерием поиска и определения смысла собственного бытия. Отождествление с образом значимой личности «запускает» резонансный механизм, усиливающий в личности подоб-

ные качества (именно с целью обеспечения *подобия* создаются вербальные и визуальные образы Иисуса Христа и святых в православии). Разрушение образа референта (или его отсутствие) может вызвать кризис идентичности (например, «трагедия» самосознания американца после известных событий, «героями» которых были Клинтон и Левински, связана с тем, что президент США совершил поступки, не вписывающиеся в моральный образ национального референта).

Сегодня в России нет общенационального лидера, способного консолидировать различные социальные силы. Однако эта проблема не так актуальна, как в США: в России государственный руководитель никогда не занимал места «духовного» идеала в сознании граждан, как президент в США. Русские цари не были духовными референтами (а чаще даже, наоборот, воспринимались в народном сознании как антихристы). Эту роль всегда играли святые, подвижники, гонимые властью (что можно рассматривать как результат этического наследия православия). Вероятно, именно этим существенным обстоятельством будет определяться мировоззренческая модель будущего устройства России.

Значение духовно-нравственных референтов уникально в плоскости личностного становления. Каждый человек в силу изначальной незавершенности потенциально бесконечен в вариантах выбора своего будущего. Поэтому он должен дополнить себя предстоянием чему-то высшему, осуществившемуся и находящемуся вне его, способному довершить и возвысить человеческое бытие. В этом предстоянии он получает духовное задание, свое призвание и ответственность (И. А. Ильин), то есть становится *человеком культурным* в подлинном смысле — способным принять и воплотить надличностные ценности, отождествить себя с теми, кто совершеннее, выстроить себя по их образу и подобию. Именно референтный образ *другого* становится условием *образования* личности и реализации ее возможностей, определения жизненного призвания и выбора того пути, на котором личность сможет максимально полно себя реализовать. Именно поэтому важнейшая проблема воспитания — поиск и востребованность референтов, то есть значимых образцов для подражания, способных задать идеал совершенства, стать точкой отсчета в определении смысла жизни, пробудить в человеке энергию самосозидания, помочь понять свое предназначение и обрести личностную гармонию.

Отечественная культура имеет опыт утверждения человеческого типа, представляющего вершину земного воплощения христианского идеала. Например, в предыдущие

столетия референтация национального сознания осуществлялась с помощью института святых, включая их иконные образы, молитвенное предстояние которым способствовало отождествлению личности с их духовной сутью. Огромное значение играли агиографические тексты (жанр «Жития святых»), которые можно рассматривать как специфическую рекламу таких человеческих качеств, как кротость и смирение, послушание и моление (все они «непрестанно молитву творяше»), любовь и прощение. Сюжет жития святых включал начало биографии в миру, испытания, подвиги, чудеса, описание человеческих качеств, молитвы, кончину. На языке современного маркетинга образ святых прекрасно позиционировался. Например, автор жития С. Радонежского Епифаний Премудрый так характеризовал Сергия: «святой», «великий», «дивный», «божий» (а о себе писал: «окаянный», «грешный», «непотребный», «грубый», — чтобы оттенить образ Сергия). Личностные свойства святых определялись канонами для создания образа идеального христианского подвижника. Использовались выразительные средства-образы (вербальные референты), которые описывали эмоциональную сферу личности: дело божье, подвиг, служение, мытарства горькие, вечные муки, страшный

день, гнев божий, князь лютой, страшное испытание, страх перед господом.

Сегодня Россия переживает духовный кризис, обусловленный значительным снижением идентификационных возможностей гуманитарной культуры в связи с утратой референтной роли ее персонифицированных ценностей-образов. Молодые люди уже не желают формировать себя по «образу и подобию» героев Н. В. Гоголя или Ф. М. Достоевского. Кризис вызван также разрушением системы духовного самовоспроизводства общества и мировоззренческим вакуумом, в котором оно оказалось, отсутствием общенациональной идеологии, способной консолидировать социум в духовное пространство — общность «мы». При этом возникает необходимость разработки условий актуализации и востребованности идентификационного потенциала отечественной культуры и, прежде всего, духовных референтов нации, что предполагает насыщение социально-культурного пространства образами современников, воплощающих лучшие нравственные качества народа. Именно такой личностью был академик Д. С. Лихачев. Персонификация *национальной души* в личностях такого масштаба станет не только фактором общественного единения, но и этапом личностного развития.

Б. А. ПАРЫГИН,

заведующий кафедрой социальной психологии СПбГУП,
доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ

ЧУВСТВО ЛИЧНОСТИ

В дискуссиях о судьбах русской интеллигенции Д. С. Лихачев обращал внимание на ценность независимой от внешней конъюнктуры позиции ученого-интеллигента. Он подчеркивал, что ученый — это не политик и поэтому должен выдерживать дистанцию в отношении политики. Аналогичным было его отношение и к идеологии, которую он в определенной мере отождествлял с попыткой разработки концепции интеллигенции. Дмитрий Сергеевич возражал против такой концепции, которая, видимо, вызвала у него ассоциацию с идеологической унификацией, стремлением привести к общему знаменателю самосознание всех интеллигентов.

Одна из главных социальных идей, которую Лихачев нес в жизни как знамя, — признание огромной значимости и ценности культуры и уникальности личности вообще и личности как творческой индивидуальности ученого в особенности. Поэтому он говорил о неоспоримом праве ученого как интеллигента и как личности на собственную точку зре-

ния при обсуждении любого вопроса. Мне кажется, в этом просматривается глубокая преемственность российской культуры, философии, идей Бердяева, считавшего, что «в России не хватает чувства личности».

Видение и решение этой задачи было высоко поднято всей жизнью и творчеством академика Д. С. Лихачева, его умением, не обращаясь прямо к тем или иным политическим проблемам, имплицитно нести в себе, в своей деятельности их видение и решение. Мне кажется, что это закономерный продукт исторической эволюции российской интеллигенции, духовный настрой которой можно рассматривать в качестве индикатора нравственного состояния и развития общества.

В начале XX века в России выходцы из интеллигентной среды, большевики стремились к радикальному решению всех проблем. Представители современной российской интеллигенции более сдержанны в своем видении и решении социальных проблем. Они —

реформаторы в лучшем случае. Но демократизация, тем более сопровождающаяся снижением уровня культуры, дает основание брать пример с Дмитрия Сергеевича Лихачева, который своим беззаветным служением

науке и идеалам развития творческой, внутренне свободной, раскрепощенной и уникальной личности открывает широкие горизонты движения к подлинным духовно-нравственным ценностям.

Г. М. БИРЖЕНЮК,

заведующий кафедрой социально-культурных технологий СПбГУП,
доктор культурологии, профессор

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ЗА БУДУЩЕЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Тема интеллигенции может рассматриваться в различных аспектах — историческом, социологическом, социально-психологическом, политологическом, и это часто порождает непонимание обсуждающих данный феномен представителей различных отраслей научного знания. Мне бы хотелось с позиции культурологии поразмышлять о некоторых задачах, которые интеллигенция могла бы попытаться решить сегодня или в ближайшем будущем. Принято считать, что историческая задача интеллигенции — сформировать национальную идею, привести народ к светлому будущему и т. д. Видимо, наряду с этими (так и не решенными) масштабными задачами, есть и такие, которые тоже должны находиться в поле внимания интеллигенции, хотя они, может быть, не столь глобальны и поэтому не столь привлекательны.

Известно, что культура — явление многослойное. Разнообразие культур всегда привлекало внимание ученых. Одновременно делались многочисленные попытки создать некий компендиум так называемых культурных универсалий, включающий элементы, присущие любым культурам, — религию, обряды, украшения, попытки управлять погодой, гостеприимство и т. д. К таким универсалиям обязательно относят язык. Науке неизвестны культуры, не имеющие языка. Язык — это носитель культуры, средство трансляции культуры, во многом определяющее самобытность и уникальность национальной культуры.

Сегодня русский язык находится в состоянии, внушающем тревогу. Наблюдается криминализация языка, то есть внедрение тюремного и блатного сленга, насыщение иноязычными образованиями, которые вытесняют имеющиеся привычные термины (например, часто говорят «инсталлировать» компьютерные программы, вместо «установить», хотя оба слова имеют одно и то же значение). Роль слова, письменного текста неуклонно снижается.

Сегодня очевидно, что телевидение стало катализатором стремительной трансформации множества взаимосвязанных социальных, культурных и художественных процессов, ко-

торые принципиально изменили соотношение сил в мировой культуре. Одним из признаков этих изменений стал кризис чтения: письменное слово впервые за несколько веков уступило часть своих функций звукозрительному ряду. То, что лишь намечалось в кинематографе, оказалось возможным с приходом телевидения, поставившим коммуникативный процесс с головы на ноги. Если в кино преобладал игровой полнометражный фильм как форма вымысла и преимущественно художественное явление, то на телевидении во главу угла поставлена коммуникация как таковая, допускающая и художественные формы, но отнюдь не сводимая к ним. Современная структура телевизионных программ в «многоголосье» экранов свидетельствует о том, что расширение функций звукозрительного ряда идет стремительно, в геометрической прогрессии, «заглатывая» все новые и новые сферы действия естественного языка.

На фоне этого в Российской академии наук предпринимаются попытки реформирования языка. Причем задача этих реформ — узаконить то, что сегодня считается безграмотным. Модным словом «реформа» фактически обозначается капитуляция.

Интеллигенция может и должна внести вклад в защиту языка, в укрепление его значения как средства межнационального общения, основного носителя ценностей отечественной культуры. Деятельность Д. С. Лихачева в этом направлении всем хорошо известна и может рассматриваться не только как его завещание, но и как модель отношения к родному языку подлинного интеллигента.

В этом контексте уместно напомнить об очень тревожном процессе, который начался еще в советскую эпоху и получил название «шизофренизация общества». Это не рост числа больных с соответствующим диагнозом, а особенность, присущая многим нормальным с медицинской точки зрения людям с признаками этого заболевания, проявляющегося в основном в профессиональной сфере. Например, сегодня часто наблюдается отчуждение, то есть неспособность предвидеть последствия

поступков — собственных или совершаемых другими, но одобряемых тем или иным субъектом. В свое время рассматривался великий план поворота северных рек на юг. Крупные ученые, академики, директора НИИ в один голос говорили, что на берегах этих рек будут расти бананы, а огромные территории возродятся и т. д. А ведь все это грозило экологической катастрофой! И только художественная интеллигенция — прежде всего В. Распутин — выступила против этого безумного проекта. Лишь благодаря нашим писателям и их сподвижникам удалось предотвратить катастрофу мирового масштаба.

Последствия реформы русского языка, возможно, не будут такими драматичными для российской культуры, но вполне сравнимы с возможной катастрофой в результате планировавшегося в советское время поворота рек. Интеллигенция едва ли не инициирует эту реформу. Сегодня Госдума принимает закон о ввозе радиоактивных отходов в Россию, и снова ученые доказывают, что кроме блага этот проект ничего не сулит. Это проявление той же неспособности увязывать поступки с их последствиями.

Еще один признак «шизофрении» — дивергентность (двойственность) сознания. Не случайно говорят, что плюрализм в одной голове — это шизофрения. Выступления некоторых депутатов Госдумы хорошо иллюстрируют этот тезис. Например: одновременное требование снижения налогов и повышения пенсий, постоянные призывы навести порядок в правоохранительной сфере, наладить борьбу с коррупцией и вместе с тем отсутствие реальных усилий по разработке и принятию соответствующих законов — принимается закон о пчеловодстве. Возможно, пчелам без этого закона было трудно...

Еще один аспект нынешней действительности — реклама. О том, что она назойливая, громкая, местами безнравственная, — сказано немало. В советские времена она отождествлялась с ценностями западной демократии, рынка, свободы и т. п. Тезис о сущностном совпадении фашизма и коммунизма уже никого не удивляет. Сегодня очевидно, что между тоталитарным обществом и обществом потребления (а реклама — концентри-

рованное выражение его идеологии) тоже нет принципиальных различий. Идет тотальное манипулирование голодными и бедными людьми, которым ежеминутно внушают, что они хотят жвачку, лимонад или что-то другое, что им абсолютно не нужно. Реклама стала активно «формировать» политиков, звезд эстрады, не обладающих минимальной музыкальной культурой, даже ученых. Появились понятия «раскрученного» академика, министра, фильма, телеканала и т. п. Все это способствует распространению «шизофрении» в и без того нездоровом обществе.

К сожалению, голос интеллигенции во всех этих процессах практически не слышен. Возможно, для этого есть объективные причины. Например, эра телевидения нарушила монополию элиты и интеллигенции (той самой читающей и пишущей публики) на широту кругозора. Отныне любой человек, не имеющий никакого отношения к интеллектуальному труду, может без особых усилий вырваться в широкий мир. При советской системе этот процесс многократно усиливался за счет нескольких факторов. Во-первых, относительная либерализация политического режима позволяла расширить контакты с внешним миром, во-вторых, с помощью телевидения массовая культура стала всеобъемлющим, общемировым явлением, по отношению к которому разные общественные и художественные течения могли самоопределяться. Телевидение уже тогда воспринималось как средство массовой информации и пропаганды, политическое оружие («четвертая власть») или просто как источник сведений об окружающем мире на новом уровне достоверности.

Сегодня, когда интеллигенция впервые приобрела свою общественную структуру — Конгресс интеллигенции, она получила возможность целенаправленно и более эффективно участвовать в общественной жизни. Созданы необходимые и достаточные условия для реализации многих заветов Д. С. Лихачева, с тем чтобы с той же добротой, мудростью и стойкостью соответствовать главному назначению человека (а значит, и интеллигента) — противостоять энтропии, то есть созидать, и не только словом, но и делом, в политике, науке, образовании — везде, где трудится интеллигент.

А. А. ВОЗНЕСЕНСКИЙ,

поэт, академик РАО, лауреат Государственной премии СССР,
Почетный доктор СПбГУП

ЗАВЕТЫ ЛИХАЧЕВА ДЕЙСТВУЮТ

Здесь присутствуют люди почтенного возраста. Я вспомнил, что Дмитрий Сергеевич говорил мне: «В почтенном возрасте нужно всегда иметь новенький пиджак и быть хорошо

выбритым». Это выражение его отношения к людям: важно, чтобы на человека приятно было смотреть. Я думаю, что его заветы сегодня исполняются, потому что все одеты элегантно.

Теперь несколько реплик. Моисей Самойлович напомнил: «Поэт в России — больше, чем поэт». По-моему, это бред полный, вроде «Чудо-йогурт — больше, чем йогурт». Еще Пушкин писал: «Поэзия выше нравственности». То есть поэзия — самое высокое, что может быть. Разве журналист выше, чем поэт? Такие высказывания портят поэзию.

А поэт должен заниматься своим делом. Если он истинный поэт, он должен быть поэтом прежде всего, а потом уже все остальное.

Обожаемая мною Тамара Георгиевна сказала, что нельзя использовать людей. А Солженицын — он использует людей, он жесток, он деспот по отношению к людям. Что же, поэтому он не интеллигент? Я отношусь к нему по-доброму. Я думаю, что это просто такой тип человека, для которого есть какой-то фантастический идеал, и поэтому с остальными людьми он не считается.

Сложно понять человека: интеллигентен он или нет. Вот Некрасов — интеллигент он или нет? А Фет? А Маркиз де Сад? Общественное мнение меняется. Ходят слухи о кончине литературы и поэзии. Это неверно.

Мы знаем только анекдоты о «новых русских». А мне недавно пришлось столкнуться с одним из них. Я ехал в Дельфы и забыл дома часы. В аэропорте «Шереметьево» мне пришлось пойти в магазин. Я попросил: «Дайте мне самые дешевые часы, чтобы не жалко было потом выбросить». Рядом стоял незнакомый человек, который вдруг обратился ко мне: «Андрей Андреевич Вознесенский?» — «Да.» — «У меня есть для Вас часы». Он подарил мне часы, которые я ношу сейчас: Картье, очень дорогие, с двумя циферблатами. Это был «новый русский». Ему 46 лет, он знает поэзию, он образованный человек, меценат. Я думаю, что на таких будет держаться наша нравственность в следующем веке.

О. В. ТВОРОГОВ,

главный научный сотрудник Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, доктор филологических наук, профессор, лауреат Государственной премии СССР

ПОРТРЕТ Д. С. ЛИХАЧЕВА ЗАПЕЧАТЛЕН В ЕГО ТРУДАХ

По-моему, утверждая, что Дмитрий Сергеевич навсегда останется в памяти прежде всего как ученый, я вызвал раздражение у аудитории.

Во-первых, я говорил лишь о том, что публицистические выступления Лихачева утратят со временем прежнюю остроту, злободневность, но не значимость. Во-вторых, Лихачев — ученый особого рода. Его книги обращены не только к научному сообществу, но и к самому широкому кругу читателей. Полные глубоких идей, открытий, они тем не менее написаны удивительно простым, подлинно красивым языком и не только доносят научные знания, но и воспитывают культуру. Воспитательное значение трудов Лихачева не меньше, чем собственно научное.

Здесь говорили о создании мифов о Лихачеве. Я думаю, что миф всегда опасен. Миф порождает антимиф. Я знаю людей, которые воспримут появление таких мифов, как подарок, и со сладострастием кинутся их развенчивать. Не нужно мифов — Дмитрий Сергеевич раскрыл черты своей личности в своих работах, интервью, выступлениях.

Приведу лишь один пример. В 60-е годы разгорелась острейшая полемика вокруг «Слова о полку Игореве». Научный спор приобрел и идеологический оттенок. После издания переписки Дмитрия Сергеевича в тот сложный момент совершенно ясной становится его нравственная, научная и человеческая позиция. Поэтому нужно не создавать мифы, а просто публиковать работы Лихачева, его переписку. Он сам себя защитит. Сам создаст свой образ.

А. В. ЗИНОВЬЕВ,
профессор кафедры государственного права СПбГУП,
доктор юридических наук, Заслуженный деятель науки РФ

АМЕРИКАНСКИЕ СТАНДАРТЫ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ В РЕАЛЬНОСТИ (на примере выборов президента США)

Прежде всего необходимо сказать о том, что проблемам правовой культуры, ее месту и роли как во внешнеполитической, так и во внутренней политике государств особое значение и внимание уделял академик Д. С. Лихачев, с чьим именем связаны эти международные научные чтения.

На первый взгляд может показаться, что выборы президента США и правовая культура не связаны друг с другом. Но только на первый взгляд. В действительности, между этими политико-правовыми институтами существует органическая связь, взаимно обуславливающая их основные параметры. Ущербность одного института неизбежно отражается на другом.

Проблемы правовой культуры теоретически сложные, политически острые. Правовая культура — это реальность права в действии. Ни у кого не должно быть сомнений в том, что любые отступления от правовой культуры в процессе организации и проведения выборов негативно сказываются на их демократизме, выражении воли избирателей, искажают достоверность итогов выборов, избранными подчас оказываются лица, победа которых на выборах, по меньшей мере, сомнительна. Такими классическими примерами весьма богата практика проведения выборов президента США.

Правовые основы и этапы выборов президента США нуждаются в оценочных комментариях, которые убеждают в том, что американская избирательная система дает серьезные сбои.

Конституция США делит граждан на три категории: граждан по рождению, которые имеют право претендовать на президентский пост; граждан, которые получили гражданство США в порядке натурализации и которые не обладают этим правом; граждан, которые по тем или иным причинам 14 лет перед выборами не проживали на территории своей страны. Они также лишены права бороться за президентский пост.¹

Названные ограничения не являются ущемлением демократии и правовой культуры. Если бы законодатели доверяли избирателям, то предоставили бы им возможность решать этот вопрос.

Весьма серьезной проблемой являются косвенные выборы президента, которые не отличаются демократизмом и не отвечают требованиям правовой культуры. В них проявляются недоверие к избирателям и искажение их воли. Творцы американской Конституции установили для свободы волеизъявления избирателей фильтр. Так, например, закон позволяет партиям-победителям в штате зачислять голоса «против» в свой актив. Скажем, если в штате партийный список победителя получил всего на один голос больше, по сравнению с партийным списком соперника, то все выборщики, избираемые от этого штата, считаются выборщиками от этой партии.

Таблица

Итоги выборов президентов США (1960–2000)²

Год	Кандидат	Процент голосов избирателей	Количество выборщиков
1	2	3	4
1960	Д. Кеннеди	49,7	303
	Р. Никсон	49,5	219
	Г. Берд	0,8	15
1964	Л. Джонсон	61,1	486
	Б. Голдуотер	38,5	52
1968	Р. Никсон	43,4	301
	Х. Хемфри	42,7	191
	Д. Уоллес	13,5	46
1972	Р. Никсон	60,7	520
	Д. Макговерн	37,5	17
	Д. Хосперс	1,8	1

¹ См. статью II Конституции США, поправки XII, XXII, XXIII, XXV // Конституции буржуазных государств. М., 1982. С. 26, 27, 40, 42.

² <http://www.niultied.com/elections>

Продолжение таблицы

1	2	3	4
1976	Д. Картер	50,1	297
	Д. Форд	48	240
	Р. Рейган	0,7	1
1980	Р. Рейган	50,7	489
	Д. Картер	41	49
1984	Р. Рейган	58,8	525
	У. Мондейл	40,6	13
1988	Д. Буш	53,4	426
	М. Дукакис	45,6	111
	Л. Бентсен	1	1
1992	Б. Клинтон	43,3	370
	Д. Буш	37,7	168
1996	Б. Клинтон	50	379
	Р. Доул	42	159
2000	Д. Буш (мл.)	48	271
	А. Гор	48	266

Поскольку данные в процентах не отличаются идеальной точностью и необходимой абсолютностью, следует привести некоторые абсолютные цифры, свидетельствующие о том, что почти на всех выборах президента США открыто искажается воля избирателей.

Например, в 1960 г. Д. Кеннеди на выборах получил 34 221 344 голоса избирателей, или 49,72%, и собрал 303 голоса выборщиков. Р. Никсон собрал 34 106 671 голос избирателей, или 49,55%, и получил 219 голосов выборщиков. Несмотря на то что разрыв в количестве голосов избирателей Кеннеди и Никсона незначительный, разрыв в количестве выборщиков равен 84-м голосам, что не может быть оправдано. На президентских выборах 1972 года республиканец Р. Никсон завоевал 49,5 миллионов голосов и получил 521 выборщика, Дж. Макговерн — 28,4 миллиона голосов и только 17 выборщиков. Невозможно не отметить участие Р. Рейгана в президентских выборах в 1976 году в качестве кандидата, не заручившегося поддержкой партии, на которых он завоевал только одного выборщика. Стоит заметить, что независимым кандидатам путь в президенты США закрыт, а создать сильную третью партию почти невозможно. На ее пути стоит мощный заслон традиционных партий, да и процедура создания новой партии слишком сложна. Когда Р. Рейган встал под знамена республиканской партии, он в 1980 и 1984 годах одерживал достаточно легко

победы над своими соперниками-демократами. Так, на выборах в 1984 году Р. Рейган собрал 54 281 858 голосов и 525 выборщиков, а демократ У. Мондейл — 37 457 215 голосов и 13 выборщиков.¹ На выборах 1992 года Б. Клинтон получил 43 миллиона голосов избирателей и собрал 370 голосов выборщиков. Дж. Буш собрал 37 миллионов голосов избирателей и только 168 выборщиков.² Этот перечень можно было бы продолжить. При косвенной системе выборов при подведении окончательных итогов учитываются не голоса избирателей, а количество выборщиков.

В каждом штате печатается своя форма бюллетеней на президентских выборах. В штате Флорида, например, по мнению многих американских юристов, умышленно или по недомыслию форма бюллетеней не отличалась безупречностью. Рядовым избирателям затруднительно было точно и полностью «пробить на бюллетене конфетти».

О явной предвзятости властей штата Флорида и его избирательной комиссии свидетельствуют «странные обстоятельства», связанные с признанием большого количества бюллетеней (по которым избиратели проголосовали за А. Гора) недействительными, с решением-указанием секретаря избирательной комиссии штата республики Кетрин Харис не учитывать голоса избирателей, полученные в результате ручного подсчета. После поспешного подписания 26 ноября 2000 года все той же К. Харис и членами счетной комиссии штата протокола о подведении итогов выборов, партийный список Дж. Буша набрал 2 миллиона 912 тысяч 790 голосов, а А. Гора — 2 миллиона 912 тысяч 253 голоса.³ Это несмотря на то что ручной подсчет более 600 тысяч голосов не был завершён. Вызывает удивление суетливость Дж. Буша, который, не дожидаясь окончательных итогов выборов в стране, объявил себя победителем. Если не лукавить, а уважительно относиться к демократии, правовой культуре, справедливости и арифметике, то при таком раскладе голосов Дж. Буш максимум мог рассчитывать на 13 выборщиков, а А. Гор — на 12.

В масштабе всей страны за А. Гора проголосовало 50 996 116; а за Дж. Буша — 50 456 169 избирателей. Таким образом, А. Гор завоевал на 539 947 голосов избирателей больше, чем Дж. Буш. Несмотря на это, А. Гор получил 267 голосов выборщиков, а Дж. Буш — 271.⁴ Уместно обратить внимание на несовершенство подсчета голосов избирателей. Оно

¹ <http://www.multied.coiTi/elections/1972.html>

² <http://www.multied.com/elections>

³ <http://www.multied.com/elections/2000.html>

⁴ <http://www.multied.com/elections/2000.html>

не имеет значения для законодателя, если преимущество А. Гора почти в 540 тысяч голосов было не учтено даже в процентах. По официальным данным, каждый из них получил по 48% и 3% получила партия «зеленых». Американцы явно не в ладах с арифметикой. Ничего не скажешь!? Хороша правовая культура, демократия и избирательная система, которые позволяют кандидатам в президенты присваивать и записывать в свой актив голоса своих противников! При такой системе воля избирателей не просто искажается, а извращается начисто. В итоге американская избирательная система позволила Дж. Бушу присвоить себе победу А. Гора. Избирательная кампания в штате Флорида четко показала серьезные недостатки избирательной системы. В ходе исследования порядка организации и проведения этой выборной кампании возникают сомнения в правовых нормах, существующих в штатах. Если бы они регулировались только Конституцией США и федеральным избирательным законом, то многих коллизий можно было избежать вообще, а возникшие — не приняли бы столь затяжной характер.

Вся эта чехарда с ручным подсчетом голосов замкнулась в трех округах штата Флорида, и на разбирательство ситуации потребовалось бы максимум два-три дня. Если бы республиканцы были уверены в своей победе, то они не стали бы возражать против этого и затягивать выборы. Республиканцы избрали тактику воспрепятствования ручному подсчету, чтобы у демократов не оставалось никаких шансов добиться сделать это до дня провозглашения итогов выборов выборщиков. Такие действия, естественно, вызывают подозрение, имея в виду, что губернатором этого штата является родной брат Дж. Буша.

Многие политики США, обеспокоенные избирательным скандалом и затягиванием подведения итогов выборов, которые дискредитировали не только избирательную систему, но и скомпрометировали американскую демократию, — пытались оказать политическое давление на скорейшее их завершение, что было на руку Дж. Бушу. При этом игнорировались важнейшие демократические избирательные устои и правовая культура. Впервые, многих политиков и участников организации и проведения выборов прежде всего интересовали итоги выборов выборщиков, а не волеизъявление избирателей, не их отношение к кандидатам в президенты. Вторых, мало кого интересовала достоверность итогов по выборам президента, а стало быть их легитимность.

Вывести из политического тупика выборы президента мог только Верховный суд США.

Он имел возможность взять на себя ответственность подойти к решению возникшей проблемы не формально, а прежде всего с позиций законности выборов, которая должна быть выше партийных интересов, политических амбиций, симпатий и антипатий к кандидатам, должна быть выше каких-либо сомнений и подозрений. А это можно было обеспечить подсчетом вручную бюллетеней и проверкой их действительности под усиленным независимым контролем. Но Верховный суд, на 80% состоящий из республиканцев, назначенных в разное время президентами-республиканцами, оказался политизированным, не способным объективно, соблюдая нормы правовой культуры, справедливо решить возникший спор. Американская демократия не выдержала элементарную проверку на прочность.

Когда 12 декабря 2000 года Верховный суд штата Флорида вынес решение о продолжении ручного пересчета голосов и над Дж. Бушем нависла угроза поражения, тогда Верховный суд США, открыто спасая Буша, немедленно истребовал дело из Верховного суда штата Флорида и вынес блиц-решение, без ссылок на какой-либо закон, о неконституционности ручного пересчета голосов. Если бы такой закон существовал, то его не пришлось бы искать 36 дней. Мотивы подобного решения Верховного суда США лишены оснований еще и потому, что, по сообщению технических специалистов, обслуживающих машины для голосования, их инструкции допускают ручной пересчет голосов в случае возникновения сбоя или иных сомнений в работе машин. Такие обстоятельства имели место в штате Флорида, когда далеко не все могли в бюллетенях «выбить конфетти». Вместе с тем надо иметь в виду, что избирательные машины устанавливаются и обслуживают люди, которые не всегда свободны от политических пристрастий. Даже большинство членов Верховного суда не утратили свою приверженность республиканской партии. Своим решением Верховный суд оказал стране и Дж. Бушу медвежью услугу и дискредитировал себя. Нелегитимность выборов будет висеть над Дж. Бушем и Верховным судом не только четыре года. Они войдут в американскую историю с черного входа. Парадный — для них уже закрыт.

Для объективной оценки изложенных обстоятельств необходимо учитывать, что в штате Флорида губернатором являлся и сейчас является родной брат Дж. Буша. Невооруженным глазом просматривается партийная zaangażованность членов избирательной комиссии штата Флорида. Не исключается такая же пристрастность и в штате Техас,

где Дж. Буш был губернатором. Слишком велика ставка, и не менее велико искушение использовать административный ресурс. Как говорил Талейран: «Власть — это деньги и приятное ощущение внешнего почета и могущества».

Вне всякого сомнения, избирательная система США нуждается в радикальной реформе, в истинной демократизации, в равной удаленности претендентов-соперников и иных заинтересованных в исходе выборов лиц от возможности воздействовать на избирательные комиссии. Данная проблема требует серьезной проработки.

В связи с этим хочется упомянуть о двух знаковых событиях, которые произошли в начале 70-х годов. В 1973 г. вице-президент США С. Агню вынужден был уйти в отставку. Его уличили в получении взяток и спекуляции недвижимостью в бытность губернатором штата Мэриленд. Любопытно отметить, что в соответствии с XXV поправкой к Конституции президент назначил вице-президентом Д. Форда. А после отставки в 1974 году самого Р. Никсона впервые в истории страны вице-президент Д. Форд стал не избранным, а назначенным президентом США. Это тоже издержки американской демократии и правовой культуры.

В 1974 году, накануне очередных президентских выборов в США, руководство республиканской партии не без ведома высших лиц государства, использовав грабительские методы высокого класса, проникло в штаб-квартиру демократической партии с целью хищения информации о стратегии и тактике предвыборной кампании демократов. Случайность помогла раскрыть это преступление века. Непосредственные исполнители и руководители этой акции во главе с генеральным прокурором страны (он же одновременно являлся и министром юстиции) были привлечены к уголовной ответственности и осуждены к различным срокам лишения

свободы. А против Р. Никсона юридический комитет палаты представителей сформулировал и одобрил обвинения. Но Р. Никсон сделал «ход конем», подал в отставку, и процедура импичмента (отрешения его от должности) не состоялась; думается, не без помощи своего сторонника Д. Форда, который не мог бы рассчитывать на место президента, если бы Р. Никсон не назначил его в 1973 году вице-президентом. Это дело получило название «уотергейт» по имени гостиницы в Вашингтоне, где это событие произошло. «Уотергейт» — это черный день американской демократии, не стал ли он началом ее заката? Продолжением аналогичных событий являются дело «моникагейт» и выборы президента 2000 года. Названные события свидетельствуют не только о глубоком кризисе американской демократии, но и о серьезной эрозии моральных устоев американского общества.

Очевидно, что достоверность итогов выборов президента США вызывает серьезные сомнения, которые породили скандал в «благородном американском обществе». 14 декабря 2000 года А. Гор в обращении к нации признал свое поражение. Вместе с тем он заявил: «Я категорически возражаю против решения суда, но подчиняюсь ему <...> и делаю это ради сохранения единства американской нации». Да, единство — превыше всего, но его нельзя достичь за счет манипулирования законом в период выборов главы государства.

Выборы президента США 2000 года показали их правовую несостоятельность, а также внесли диссонанс в разрешение коллизий. Верховный суд США, Конгресс США и многие ведущие американские политики оказались еще и не в ладах с элементарными требованиями правовой культуры. США потребовалось 200 лет, чтобы осознать это несовершенство?! При этом еще неизвестно, сколько лет потребуется американским законодателям и ученым-юристам, чтобы устранить его?!

П. П. ГЛУШЕНКО,

декан юридического факультета СПбГУП,

заведующий кафедрой государственного права,

доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ

ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Культурные ценности международного и национального уровня были, есть и будут находиться под пристальным вниманием ученых, политиков, простых граждан.

Вначале разберемся с понятиями «государственно-правовая защита», «культурные цен-

ности», а затем попытаемся определить существующие в данной области проблемы и пути их разрешения либо локализации.

Согласно существующей юридической практике, и не только в Российской Федерации, под **государственно-правовой защитой**

принято понимать совокупность методов, средств и способов, урегулированных нормами национального и международного права, используемых в целях реализации права доступа к культурным ценностям, либо его восстановления, или защиты в случае нарушения. К методам, в свою очередь, относятся: убеждение, обжалование и принуждение. Чаще всего используемыми средствами государственной-правовой защиты являются: правомерное и своевременное обращение к административному расследованию; правомерное и соразмерное содеянному правонарушению применение юридической ответственности и правомерное и своевременное возбуждение уголовных дел по каждому факту посягательства на культурные ценности. Способы защиты тоже известны, их пять: административно-правовой, гражданско-правовой, уголовно-правовой, конституционно-правовой и международно-правовой.

Под культурными ценностями, как это видно из ст. 1. Рекомендаций «О мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного вывоза, ввоза, передачи прав собственности на культурные ценности», принятых ЮНЕСКО 13 ноября 1964 г., понимается **движимое и недвижимое имущество, имеющее большое значение для культурного достояния государства, т. е. такие предметы, как произведения искусства и архитектуры, рукописи, книги и иное представляющее интерес с точки зрения искусства, истории или археологии, этнологические документы, типичные образцы флоры и фауны, научные коллекции и важные коллекции книг и архивных документов, в том числе музыкальные архивы.**

В этом определении можно выделить следующие ключевые признаки:

а) движимое и недвижимое имущество. Включение в данное определение недвижимого имущества подразумевает также возможность расчленения такового и дальнейший его незаконный вывоз или ввоз по частям. На наш взгляд, в данном случае некорректно говорить о недвижимости, так как в результате подобного расчленения каждая часть становится движимой;

в) имущество, имеющее большое значение для культурного достояния каждого государства. При этом значимость определяет само государство (ст. 1 п. 2 указанных Рекомендаций);

с) предметы, представляющие интерес с точки зрения искусства, истории или археологии.

Несколькими годами позже Генеральная конференция ЮНЕСКО на XIV сессии 14 ноября 1970 г. одобрила одноименную Конвен-

цию¹. Однако определение, данное в Конвенции, значительно отличается от предыдущего тем, что в нем перечислено больше конкретных элементов, а из критериев общего характера отмечены только два: ценности религиозного или светского характера; каждое государство само определяет предметы, относящиеся к рассматриваемой категории. Из определения исчезло указание на движимое и недвижимое имущество, но в перечне (ст. 1 п. «г») названы «составные части расчлененных художественных и исторических памятников и исторических мест». Такая трактовка, несомненно, более логична по сравнению с приведенной в Рекомендациях.

Перечень объектов незаконного ввоза или вывоза, содержащийся в ст. 1 Конвенции, включает в себя следующие 11 категорий:

1) редкие коллекции и образцы флоры и фауны, минералогии, анатомии и предметы, представляющие интерес для палеонтологии;

2) ценности, касающиеся истории, включая историю науки и техники, историю войн и обществ, а также связанные с жизнью национальных деятелей, мыслителей, ученых и артистов и с крупными национальными событиями;

3) археологические находки (включая обычные и тайные), археологические открытия;

4) составные части расчлененных художественных и исторических памятников и археологических мест;

5) старинные предметы более чем 100-летней давности, такие, как надписи, чеканные монеты и печати;

6) этнологические материалы;

7) художественные ценности, такие, как: — полотна, картины и рисунки целиком ручной работы на любой основе и из любых материалов (за исключением чертежей и промышленных изделий, украшенных от руки);

— оригинальные произведения скульптурного искусства из любых материалов;

— оригинальные гравюры, эстампы и литографии;

— оригинальные художественные подборки и монтажи из любых материалов;

8) редкие рукописи и инкунабулы, старинные книги, документы и издания, представляющие особый интерес (исторический, художественный, научный, литературный и т. д.), отдельно или в коллекциях;

9) почтовые марки, налоговые и аналогичные марки отдельно или в коллекциях;

10) архивы, включая фоно-, фото- и кино-архивы;

¹ Конвенция о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного вывоза, ввоза, передачи прав собственности на культурные ценности от 14 ноября 1970 года.

11) мебель более чем 100-летней давности и старинные музыкальные инструменты.

Рекомендации 1964 г. и Конвенция 1970 г. предусматривают принятие государствами определенных национальных мер для достижения поставленных данными актами целей. К этим мерам, в частности, относится установление эффективного контроля за вывозом культурных ценностей (ст. 3 Рекомендаций и ст. 6 Конвенции). К тому же в ст. 6 Конвенции говорится о соответствующих мерах этого контроля, а именно: государства обязуются разработать документы, которыми экспортер уведомляет, что дано разрешение на вывоз культурных ценностей. Кроме того, в нормах права должно содержаться запрещение вывоза культурных ценностей без разрешения и свидетельства, о чем должна быть оповещена общественность.

В качестве следующей меры под контроль должен быть поставлен ввоз культурных ценностей (ст. 4 и ст. 7 соответственно). В Рекомендациях по этому поводу сказано так: «Всякий ввоз культурных ценностей должен разрешаться лишь после снятия каких-либо возражений в отношении этих ценностей со стороны компетентных властей государства, откуда они вывозятся». Разрешение дается при наличии свидетельства, которое удостоверяет, что ценность не похищена, а вывозится на законных основаниях. Видимо, в силу своей невыполнимости данная мера в Конвенции сформулирована иначе. Согласно ей, государства обязаны «запрещать ввоз культурных ценностей, похищенных из музея или религиозного, или светского исторического памятника, или подобного учреждения другого государства-участника настоящей Конвенции. При условии, что такая ценность числится в описи предметов, принадлежащих данному учреждению».

Значительным упущением данной нормы является то, что в ней не предусмотрен запрет на ввоз ценностей, похищенных из частных коллекций. Это выглядит тем более странным, что законодательства большинства государств в первую очередь охраняют частную собственность, считая ее хищение уголовным преступлением.

Еще одной мерой, предусмотренной и Рекомендациями и Конвенцией, является отказ музеев от приобретения любой культурной ценности, явившейся предметом незаконного ввоза или вывоза (ст. 8 Рекомендаций, ст. 7 п. «а» Конвенции). Для обеспечения этой меры предусмотрено создание соответствующих служб, которые должны заниматься составлением реестра культурных ценностей, содействовать разработке норм права, созданию и развитию научных учреждений,

необходимых для сохранения культурных ценностей (ст. 10, 11 Рекомендаций, ст. 5 Конвенции).

Особую значимость для государственно-правовой защиты культурных ценностей среди мер внутригосударственного порядка имеет признание за таким видом покушений хищения особо опасного характера. Статья 7 Рекомендаций дает совет государствам рассматривать «как незаконный всякий вывоз, ввоз или передачу права собственности, совершенные в нарушение правил, принятых каждым государством-членом». Столь широкая формулировка статьи свидетельствует о том, что государства сами решают все вопросы, связанные с регламентацией ввоза, вывоза и передачи права собственности. Положения ст. 3 Конвенции полностью идентичны Рекомендациям. Однако эту статью надо рассматривать вместе со ст. 8, в которой сказано: «Государства-участники настоящей Конвенции обязуются подвергать уголовному или административному наказанию всех лиц, ответственных за нарушение запрещений, предусмотренных выше в статьях 6 (б) и 7 (б)». В указанных статьях сформулирована обязанность государств запретить вывоз со своей территории культурных ценностей, к которым не приложено свидетельство, и ввоз культурных ценностей, похищенных из музеев или подобных учреждений другого государства.

Особенностью рассматриваемых документов является то, что они предусматривают ответственность за незаконный ввоз, вывоз и передачу права собственности. Отсюда можно сделать вывод, что в Конвенции несколько ограниченно определена обязанность государств по признанию определенных деяний противоправными.

Более конкретны установления, касающиеся вывоза культурных ценностей, — незаконен вывоз без свидетельства. На свидетельство возложены две функции: подтверждение законности права лица, вывозящего предмет, его права собственности (основание приобретения ценности: дарение, купля-продажа, наследование); удостоверение разрешения государства на вывоз. Государство в лице своих компетентных органов само в каждом конкретном случае определяет — выдавать разрешение на вывоз или нет.

Положения Рекомендаций в отношении ввоза не столь определены, противоправным считается только ввоз похищенного из музеев и иных учреждений. В Конвенции подразумевается, что государства не обязаны считать незаконным ввоз похищенного из частных коллекций, а также ввоз предметов не похищенных, а незаконно вывезенных

собственником. Таким образом, Конвенция разрывает правила вывоза и ввоза, поскольку незаконный вывоз сам по себе не влечет незаконности ввоза.

Какие же проблемы существуют в настоящее время в системе организации и осуществления государственно-правовой защиты культурных ценностей? Как уже было сказано ранее, до сих пор нет однозначного подхода к: 1) определению культурных ценностей; 2) пониманию посягательства на них; 3) применению мер принуждения за причинение вреда; 4) законодательному закреплению международно-правового механизма борьбы с правонарушениями в этой области; 5) организации взаимодействия между соответствующими органами различных государств по профилактике таких правонарушений.

Вышеназванные проблемы государственно-правовой защиты требуют принятия адекватных мер к их разрешению либо локализации.

В этих целях, как нам представляется, необходимо:

1. Определиться с конкретным, однозначным пониманием культурных ценностей.

2. Выработать единый международный подход относительно понятия и видов посягательства на культурные ценности.

3. Выработать единый перечень мер принуждения, применяемых за причинение ущерба культурным ценностям.

4. Разработать международно-правовой механизм борьбы с правонарушениями, направленными на культурные ценности.

5. Создать специализированную систему предупреждения покушений на культурные ценности.

А. А. ВИХРОВ,

заместитель заведующего кафедрой государственного права СПбГУП,
доктор юридических наук, профессор

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА, ПРАВОВАЯ ИДЕОЛОГИЯ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Научное исследование диалектики правовой идеологии, правовой культуры и международного права актуально. Сегодня много говорится о культуре вообще и правовой культуре в частности, в том числе в стенах нашего Университета. Необходимо признаться в том, что Университет в сфере становления, совершенствования и сохранения культуры общей, культуры правовой многим обязан академику Д. С. Лихачеву. Не меньшее значение имеет соблюдение норм международного права для преодоления острейших противоречий современной России. И это оправданно, поскольку социальная потребность в культуре, включая правовую, в условиях современной России возрастает многократно и закономерно.

Причин необходимости повышения правовой культуры российского общества и теоретического, научного осмысления ее состояния, уровня и тенденций в свете международных стандартов много. Они разнообразны, но главной, определяющей из них является системный кризис всего социального организма России. Россия как социальная система и как государство представляет собой одну из национально-государственных форм материальной и духовной культуры. Состояние и тенденции развития этой культуры можно охарактеризовать одним словом — упадок (кризис). Кризис охватывает все сферы об-

щественной жизни: экономику, политику, право и правоотношения, общественное сознание, духовную сферу.

Особенно острым является кризис культуры, идеологии и морали. Внешними проявлениями кризиса идеологии, морали являются многоуровневые социальные противоречия, отсутствие морали, беззаконие, рост преступности¹, грубейшие и даже преступные нарушения прав и свобод человека и гражданина², резкое ослабление безопасности и международного авторитета государства. Социальные корни преступности, беззакония, а следовательно, и упадка культуры кроются в объективных социальных факторах, прежде всего в политике государства, в социально-политических отношениях.

Но политика и социально-политические отношения реализуются прежде всего через субъективные факторы, среди которых идеологии во всех ее формах принадлежит ре-

¹ О состоянии и мерах усиления борьбы с экономической преступностью и коррупцией в Российской Федерации // Доклад-справка МВД России. М.: Щит и меч, 1997.

² Там же. О нарушениях прав граждан сотрудниками Министерства внутренних дел Российской Федерации и уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации: Специальный доклад Уполномоченного по правам человека Российской Федерации. М., 2000.

шающая роль. Особая социальная роль в формировании политики, всех объективных и субъективных основ общественной жизни, в том числе материальной и духовной культуры, принадлежит политической и правовой формам идеологии. Именно формы идеологии выражают самые существенные социальные потребности, интересы, устремления и цели любой социальной общности и общества в целом.

Более того, политическая и правовая культура, политическая и правовая идеология представляют собой сугубо однопорядковые и взаимопроникающие категории и социальные явления. Правовая культура, ее относительно самостоятельные формы — национальное и международное право в своих высших достижениях и эталонах есть не что иное, как правовая идеология. Американский профессор С. Колин полагает, что «право является особенно интересным выражением идеологии. Оно имеет свою специфическую форму, <...> непосредственно связано с гегемонией правящего класса, представляет собой прямо выраженное явление теории идеологии и метода ее познания»¹. Колин и другие авторы (Л. Хенкен, С. Саркисян, Т. Келли, Л. Сорли, Р. Габриэль) считают, что идеология является объективно закономерным социальным явлением и оказывает существенное влияние на все стороны общественной жизни.

Главное противоречие современной российской культуры — противоречие между возрастающей необходимостью ее возвышения и убывающими возможностями государства и общества обеспечить это возвышение. Примером могут служить нормы Конституции РФ, декларирующие несомненно высокие правовые и нравственные социальные идеалы о правах и свободах человека, но не имеющие практически никакого реального воплощения.

Теоретическая разработка проблем правовой идеологии, особенно ее международных аспектов и стандартов, все больше остается уделом отдельных энтузиастов, хотя правовая идеология, как никакая другая форма идеологии, является официальной, государственной. У российских ученых-юристов нет единства в подходах к понятию социальной природы и социальной роли правовой культуры и правовой идеологии. В них абсолютизируется правовая форма, игнорируется социально-политическая и идеологическая сущность.

По отношению к международному праву и его теоретико-идеологическим концепциям

в современной российской правовой мысли проявляются две основные позиции. Одна из них — либерально-демократическая, склонна абсолютизировать роль и значение правовых рычагов регулирования социальных процессов. В нормах международного права она утверждает чуть ли не единственным средством разрешения российских проблем, в том числе в сфере укрепления внешней безопасности, борьбы с терроризмом, международной организованной преступностью, — сохранение территориальной целостности страны. Она превозносит право как культурную ценность и совершенно игнорирует правовую идеологию как метод достижения культуры. Другая — абстрактно-догматическая, минимизирует роль права, правовых институтов в социальных процессах; рассматривает идеологию в качестве универсального средства разрешения социальных противоречий. М. П. Клейменов, к примеру, классифицирует модели уголовной политики на «войну», «борьбу», «компромисс», «сотрудничество»². В его понимании «сотрудничество» — это осуществление уголовно-политических функций представителями криминалитета. Эту модель он оценивает в качестве «сугубо практической, поэтому признаки ее оформления следует искать в *реальной действительности*»³.

В действительности, взаимосвязь права, включая международное право, правовую идеологию и правовую культуру, достаточно диалектична, сложна и противоречива. С одной стороны, правовая культура, правовая идеология и право находятся в тесном единстве и взаимодействии. С другой — они являются противоположностями по отношению друг к другу и их социальная роль может быть не только позитивной, но и противоречивой, а нередко и негативной.

Как система правовых идей, взглядов, теорий, оценок, идеалов и директив действий, определенным образом организованных и отражающих интересы и устремления конкретной социальной общности, правовая идеология является сложным опосредованным отражением общественного бытия во всех его разнообразных конкретно-исторических формах.

Правовая культура как часть общей культуры включает как творческую (идеальную), так и деятельную (материальную) сторону, представляя собой диалектическое единство идеального и материального. Нельзя сводить правовую культуру только к духовным или

¹ Colin S. Studing Ideologies: an investigation into the marxist theory of ideology and law. N.Y., 1979. P. 7.

² Клейменов М. П. Уголовно-правовое прогнозирование: Автореферат дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1992. С. 23-24.

³ Там же. С. 24.

только к материальным ценностям — она вбирает в себя ценности и богатства как идеального (субъективного), так и материального (объективного) порядка.

Было бы некорректно выделять какую-то одну сторону или грань правовой культуры, что, однако, допускают даже видные российские ученые-юристы¹. Правовая культура не ограничивается нормами и ценностями права, не сводится к функциям права. Она включает в себя разнородные и в то же время взаимодействующие структурные элементы, которые можно разделить на следующие основные группы:

1) идеальные — правовые знания, представления, понятия, теории (концепции), их различные уровни и формы;

2) нормативные — нормы права, его система и отрасли;

3) объективные — правоотношения, законность, их характер, уровень, формы, социальная направленность; правоприменительная практика (деятельность), ее виды, способы и механизм;

4) функциональные — место и социальная роль права и правосознания, их функции в общественном развитии.

Компонентами правовой культуры выступают все ценности, созданные человечеством в области права, законодательства, правовой идеологии и юридической науки, укрепления законности и правоохранительной деятельности. Правовая культура общества охватывает правовые знания, правовые навыки, правовые умения данного общества на данном уровне его развития. Как разновидность общей культуры ее правовая форма характеризуется определенным уровнем правосознания, законности, качества законодательства и юридической практики.

Правовую культуру общества можно определить как систему юридических показателей правосознания, законности и правовой практики данного общества, обеспечивающих его оптимальное функционирование и поступательное (прогрессивное) развитие. Правовая культура личности, в свою очередь, представляет собой производное от правовой культуры общества. Правовая культура общества и правовая культура личности соотносятся как общее и единичное, где правовая культура личности является единичным, а

правовая культура общества — общим. По диалектике, единичное всегда содержит в себе существенные связи, элементы, стороны общего, а общее есть не что иное, как синтез единичного в его обобщенном, то есть абстрактном (логическом, мысленном) виде². Общее вбирает в себя самые существенные, внутренние моменты и признаки единичного. Единичное отражает лишь какие-то отдельные, но самые главные моменты общего. Правовая культура общества складывается из бесконечной (диалектической) суммы правовой культуры отдельных личностей.

Наиболее существенными признаками как правовой культуры общества, так и личности являются:

— ее диалектическая связь с правосознанием, правовой идеологией и правовой практикой (деятельностью по усвоению, исполнению и применению права, реализации прав и обязанностей, предусмотренных законом);

— наличие некоего **единого показателя или эталона, выражающего определенный характер, уровень и единство количественных и качественных показателей правосознания и правовой практики;**

— единство идеальных (субъективных) и материальных (объективных) элементов, составляющих содержание правовой культуры;

— связь и единство правовой культуры и общей культуры.

Специфика правовой культуры как самостоятельной формы общей культуры состоит именно в **правовом** характере сущности, средств и механизма этой культуры. Право, его нормы, правовая практика, правовое регулирование общественных отношений, механизм этого регулирования, включающий целую гамму взаимосвязанных и взаимодействующих элементов воздействия на социальную систему, объединенных единой концепцией (стержневой идеей) и целевой установкой, внутренней логикой и последовательностью расположения этих элементов, составляют **правовую систему**³ данного общества на данном этапе его исторического развития. Правовая культура — неотъемлемая составная часть и важнейший показатель уровня и социальной эффективности правовой системы. Ее идеальная часть — характер, уровень, состояние, качественные характеристики правосознания — составляет внутреннюю, то есть духовную, сторону правовой культуры. Правовая практика, включающая и сложив-

¹ Алексеев С. С. Общая теория права. Т. I. М., 1981. С. 214-215; Комаров С. А. Общая теория государства и права. М., 1996. С. 241; Спиридонов Л. И. Теория государства и права. СПб., 1995. С. 120; Зиновьев А. В. Конституционность — основа основ государственно-правовой культуры // Правовая культура как фактор возрождения державности России: Науч.-практ. конф. юрид. факультета 19 октября 1996 г. СПб., 1997. С. 10.

² Шептулин А. П. Диалектика единичного, особенного и общего. М., 1973.

³ Комаров С. А. Общая теория государства и права. М., 1996; Лукашева Е. А. Правосознание, правовое воспитание и правовая культура // Советское государство и право. 1976. № 1.

шующую систему правоотношений, само право, его применение для регулирования социальных процессов и управления ими, образует материальную сторону правовой культуры. Эта сторона является определяющей, поскольку правосознание и вся правовая система являются производными от социальной практики, рождающей необходимость и реальность права, правосознания и правовой системы. Но это никак не умаляет социальной роли идеальной стороны правовой культуры, ее духовных элементов — правовых чувств, знаний, правовой психологии и правовой идеологии¹.

Диалектика международного права, правовой идеологии и правовой культуры состоит в том, что:

1. Они однопорядковы по своей сущности, существенным признакам, социальному носителю, закономерностям происхождения, функционирования и развития. Вбирают в себя единые (как идеальные, так и материальные) компоненты. Имеют единые социальные носители: социальные общности, социальные слои, группы, индивиды. Они всецело подчиняются законам материалистической диалектики, имея единые источники, единые движущие силы, противоречия, единый механизм и единый поступательный, естественно-исторический характер развития от низших форм к высшим.

2. Соотносятся между собой как общее и особенное, где общим является правовая культура, а особенным — правовая идеология и международное право. Как общее правовая культура определяет характер, уровень, формы, содержание и функциональную роль правовой идеологии. Но правовая идеология, обладая единичными существенными элементами и признаками, является относительно самостоятельной категорией, имеет свою сущность, характерные признаки и реализует свои социальные функции. Специфика правовой идеологии заключается прежде всего в ее источниках, социальной базе, носителе, социальной направленности, способах и формах реализации. Источники правовой идеологии коренятся в социальной структуре общества, различных и даже антагонистических интересах социально-политических сил, держащих в своих руках бразды экономической и политической власти, в социальных противоречиях различных социальных общностей и социально-политических сил. Эти силы составляют и основную социальную базу правовой идеологии. В современной России — это богатые и очень богатые слои населения, по численности едва достигающие десятой доли про-

цента населения страны. К ним примыкает и та часть населения (примерно 10–12%), которая обслуживает правящую элиту. Они, эти слои, и определяют характер, уровень развития и, главное, **социальную направленность** правовой идеологии. Эта идеология в первую очередь служит идейно-теоретическим и морально-политическим обоснованием интересов этих сил. И она (социальная направленность) — определяет меру и уровень научности правовой идеологии, формы и степень адекватности отражения ею действительных правоотношений в теории, законодательстве и во всех формах юридической практики, правоприменительной и правоохранительной деятельности. Правовые теории, концепции, доктрины и различные формы их реализации составляют формы проявления, функционирования и развития правовой идеологии. Правовая идеология является мощным оружием обоснования и реализации социального интереса в нормах права, правовых конструкциях и институтах.

Международное право в идейно-теоретическом плане представляет собой совокупный социальный опыт. Оно является самостоятельным достижением и самостоятельной формой мировой правовой культуры, воплощением лучших правовых моделей. Это — универсальная форма международного общения и общежития. Оно вбирает в себя и наиболее приемлемые, самые проверенные практикой международных отношений идеи, идеологические отношения, образования и конструкции. В нормах международного права заложены идеи гуманизма, человечности, добрососедства.

Эти идеи присущи и правовой культуре, и правовой идеологии. Но это одна их (т. е. международного права, правовой идеологии и правовой культуры) сторона. Другая, противоположная сторона, заключается в противоречиях внутри них и между ними. Противоречия этих компонентов общества и человечества обусловлены различиями социальной структуры общества как на национально-территориальном, так и на международном (межнациональном) уровнях. Противоположность интересов их социальных носителей неизбежно порождает борьбу, столкновение и даже антагонизм между ними. Международное право нередко служит прикрытием не только недобрых, но и откровенно агрессивных намерений и действий. За примерами далеко ходить не надо. Всему миру очевидны стремления США и НАТО добиться своих узконаправленных целей под прикрытием международных организаций и соглашений. При этом идеологическим, пропагандистским конструкциям и идейно-теоретическим

¹ Сальников В. П. Социалистическая правовая культура. М., 1989. С. 5–12.

изысканиям принадлежит решающая роль. США идут на явный разрыв договора по ПРО. Используют для этого не столь уж тонкие пропагандистские приемы, вроде заверений о сохранении международного мира и о желании помочь России решить ее проблемы. И странно, что российские либерал-демократы охотно принимают эти «мыльные пузыри» за чистую монету.

Правовая идеология выполняет только присущие ей социальные функции: мировоззренческую, социально-ориентирующую (формирование правосознания, массовой правовой психологии), методологическую, онтологическую (раскрытие сущности правовых явлений, права, его норм и институтов), кумулятивную (накопление лучших моделей правосознания и правовой практики), нравственную, прогностическую (развитие правовой теории) и др.

Из сказанного следует: во-первых, правовая идеология есть внутренняя сторона, сущность, квинтэссенция, уровень, форма выражения, функционирования и развития

правовой культуры, права вообще и международного права в частности. Во-вторых, внутренняя противоречивость правовой идеологии определяет социальный характер, особенности реализации, уровень развития и социальные функции правовой культуры. В-третьих, от правовой идеологии нужно не избавляться, как считают либералы, а создавать и развивать подлинно научную и прогрессивную правовую идеологию. В-четвертых, прогрессивный, созидательный характер правовой идеологии, а следовательно, и действительно оптимальный уровень правовой культуры находятся в прямой связи и зависимости от господствующей политики и идеологии данного общества, что, в свою очередь, определяется всей совокупностью объективных факторов общественного развития, главными из которых являются: господствующий способ производства, характер и уровень развития производительных сил, характер и исторические формы производственных отношений, характер, уровень, формы и способы управления социальными процессами.

А. Ф. БОРОВИКОВ,

доцент кафедры государственного права СПбГУП,
Заслуженный работник культуры РФ

ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ПРОЦЕССЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ТАМОЖЕННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Мировое экономическое развитие сегодня характеризуется ярко выраженной тенденцией интеграции национальных экономик в межгосударственные, региональные и единые мирохозяйственные комплексы, стремлением к созданию зон свободной торговли, к повышению роли международных соглашений по обмену товарами и услугами. Формируется мировой рынок с едиными правилами, регламентирующими оборот материальных ценностей и финансовых средств. Эти процессы в настоящее время в полной мере затрагивают и Россию, ее международные экономические отношения и контакты, в том числе международно-правовое сотрудничество в сфере таможенного дела. Правовые основы такого сотрудничества заложены в действующем российском таможенном законодательстве, а также в договорах и соглашениях Российской Федерации с целым рядом международных организаций, странами, входящими в Европейский Союз, Содружество Независимых Государств (СНГ), в Таможенный союз.

Ныне действующее таможенное законодательство принципиально отличается от ранее действующего союзного. Оно максималь-

но приближено к международным стандартам, декларирует приоритет международно-правовых норм над национальными, равенство субъектов таможенных правоотношений. В статье 6 Таможенного кодекса РФ подчеркивается, что «если международным договором РФ установлены иные правила, чем те, которые предусмотрены настоящим Кодексом и иными актами законодательства РФ по таможенному делу, то применяются правила международного договора».

Сохранение и развитие российской культуры таможенное законодательство и таможенные органы обеспечивают специфическими методами, ведя борьбу с контрабандой, пресекая незаконный оборот через таможенную границу РФ наркотических средств, оружия, предметов художественного, исторического и археологического достояния народов РФ и зарубежных стран, объектов интеллектуальной собственности, видов животных и растений, находящихся под угрозой исчезновения, участвуя в борьбе с международным терроризмом. В средствах массовой информации регулярно публикуются факты задержания таможенниками больших партий нарко-

тиков, пресечения незаконного вывоза картин, икон, антиквариата и т. д.

Во многом благодаря таможенникам Северо-Запада России в Екатерининском дворце г. Пушкина возрождается знаменитая Янтарная комната. На тонны идет счет янтаря, конфискованного на российской границе и переданного таможенниками для восстановления Янтарной комнаты — национального достояния России. Важно, что за вышеназванные правонарушения законодательством предусмотрена не только таможенно-правовая (по сути административная), но и уголовная ответственность.

Так, за невозвращение в установленный срок на территорию РФ предметов художественного, исторического и археологического достояния народов РФ и зарубежных стран, вывезенных за ее пределы, если такое является обязательным в соответствии с законодательством РФ, ст. 190 УК РФ предусмотрено наказание — лишение свободы на срок до 8 лет с конфискацией имущества или без таковой.

Государственное регулирование и контроль за вывозом и ввозом культурных ценностей в нашей стране в соответствии с Законом РФ «О вывозе и ввозе культурных ценностей» от 15 апреля 1993 года осуществляют Министерство культуры РФ, Федеральная архивная служба России и Государственный таможенный комитет РФ в пределах своей компетенции.

До недавнего времени в вопросах вывоза культурных ценностей, по оценкам таможенников, было немало нерешенных проблем. В частности, отдельные территориальные управления Министерства культуры уклонялись от проведения экспертизы, оценки и выдачи свидетельств на право вывоза культурных ценностей из России. В результате, не имея свидетельств, таможенники не выпускали культурные ценности за границу, что порождало конфликтные ситуации с юридическими и физическими лицами (в частности, в Пулковской таможне).

Можно надеяться, что недавно изданное Постановление Правительства РФ от 27 апреля 2001 г., которым утверждено Положение о проведении экспертизы и контроля за вывозом культурных ценностей, расставило все точки над «i».

Таможенные органы решают вопросы действия экономическому и культурному развитию России, опираясь на международные договоры и соглашения, сотрудничество с международными организациями. После распада СССР, РФ как правопреемница подтвердила свои намерения об участии в более чем 300 международных и таможенных организациях.

Укрепляются связи России с Европейским Союзом, о чем свидетельствует саммит ЕС—Россия, прошедший 18 мая 2001 года в Моск-

ве. Европейский Союз — крупнейший торговый партнер России. На него приходится 40% всего российского импорта и 39% экспорта. С 1994 года между Россией и ЕС действует Соглашение о партнерстве и сотрудничестве. Оно способствует углублению и расширению сотрудничества во всех сферах экономических отношений на базе взаимной выгоды, взаимной ответственности и поддержки. В то же время ЕС отказывается признать рыночный характер российской экономики, что позволяет ему применять антидемпинговые процедуры в отношении России.

Важнейшее значение для дальнейшего развития внешнеэкономических связей России имеет ее предстоящее вступление во Всемирную торговую организацию (ВТО).

В Послании Президента РФ Федеральному Собранию РФ отмечается, что эта задача является приоритетной. «Мы должны достичь базовых договоренностей со странами-членами ВТО уже к концу этого года. Задача парламента — привести российское законодательство в соответствие с нормами и положениями Всемирной торговой организации», — подчеркивает Президент. Вступление России в ВТО имеет свои плюсы и вместе с тем создает дополнительные проблемы. По словам премьер-министра Правительства РФ Михаила Касьянова, совокупный ущерб от антидемпинговых процедур за последние годы составил более 2,5 млрд долларов.

После присоединения к зоне свободной торговли, по оценке специалистов, выигрыш нашего государства может составить 18 млрд долларов. Отпадут некоторые ограничения, сдерживающие развитие внешней торговли, что позволит расширить российский экспорт и доступ российских товаров на рынки других стран. Будут устранены некоторые меры дискриминации, применяемые к российским товарам. Среди них такие, как экологический демпинг, социальный демпинг.

В странах ЕС и в США существуют средние нормативы расходов на охрану природы, которые обязательны для предприятий. Если у наших предприятий затраты на экологические цели меньше этих норм, то это дает право странам, являющимся нашими торговыми партнерами, облагать наши товары пошлинами как раз в размере «недофинансирования» экономических процедур — это экологический демпинг.

Социальный демпинг касается прежде всего оплаты труда. За более низкую оплату берется компенсационная пошлина. Чтобы не допустить подобных процедур, при вступлении России в ВТО потребуются пересмотр всей таможенной политики в сторону снижения тарифов на импортные товары и услуги, что частично уже делается.

Так, с 1 января 2001 г. Постановлением Правительства РФ от 27 ноября 2000 года снижены ввозные таможенные пошлины на целый ряд товаров. Изменения коснулись около 3,5 тыс. из 11 тыс. ныне действующих товарных позиций. Количество ставок тарифов сокращено с семи до четырех. Данные меры соответствуют регламенту Всемирной торговой организации.

Однако в средствах массовой информации циркулируют довольно пессимистические прогнозы. Утверждают (Е. Шувалов. Российская газета. 2001. 17 апр.), что при вступлении России в ВТО на общих основаниях, она будет обязана расширить доступ иностранных товаров и услуг на свой внутренний рынок. А при равных условиях, лишившись преимуществ и льгот, отечественные фирмы такой конкуренции не выдержат.

Банки и страховые компании разорятся. Вслед за «скончавшейся» несколько лет назад отраслью выпуска телевизоров исчезнет остальная радиоэлектроника, та же судьба ждет авиостроение, фармакологию, производство вычислительной техники. Наш рынок продовольствия опять захватят иностранные конкуренты, которые завалят Россию своими малосъедобными «излишками», низкосортным спиртом и алкогольными напитками. Окончательно разорятся наши сельскохозяйственные, перерабатывающие предприятия. Естественно, что развитие событий по такому сценарию после вступления во Всемирную торговую организацию ни коим образом не будет способствовать сохранению и развитию российской культуры.

В любом случае вступать в ВТО России необходимо, чтобы не остаться на обочине мирового экономического развития. Но, как говорится, поспешать надо медленно, постоянно думая о решении стратегических задач, о пользе Отечества и достоинстве державы.

Что же касается внешнеэкономической деятельности в сфере культуры, то ее особенности обусловлены политикой российского государства в области распределения доходов.

Культурные организации, находившиеся еще в начале 1990-х годов на полном государственном обеспечении, сейчас получают от

Правительства не более 5% от общей суммы расходов. Это заставляет учреждения искать новые источники финансирования, прежде всего за рубежом, соответственно уделять больше внимания развитию деятельности не у себя на родине, а в других государствах. При этом культурные организации за проведение гастролей, выставок и др. предпочитают получать не прямые финансовые перечисления на российские счета, а материальные льготы за рубежом. Это оплата со стороны иностранных партнеров: командировочных, представительских расходов, таможенных пошлин, издержек на транспортировку, страхование грузов. В целом такие материальные льготы составляют около 10–15% общих финансовых поступлений культурных организаций.

Российские культурные организации учреждают иностранные филиалы, общества для привлечения финансовых средств в свою поддержку. Так, Мариинский театр г. Санкт-Петербурга имеет Общество друзей в Великобритании, Японии, Финляндии. Суммы членских взносов физических лиц этих обществ варьируют в среднем от 100 до 500 долларов, юридических лиц от 2000 долларов и выше. В зависимости от величины взноса члены общества имеют право на льготы при посещении концертов Мариинского театра, а также на получение раз в год лазерных дисков с записями лучших оперных исполнителей. По данным научного сотрудника отдела развития и маркетинговых исследований Государственного Эрмитажа Е. Л. Шековой, ежегодные доходы от членских взносов обществ друзей Мариинского театра, начиная с 1998 года, составляли около 60 млрд (11–12% в общей структуре поступлений театра).

Но подобный размах внешнеэкономической деятельности, очевидно, могут позволить лишь такие учреждения культуры, как Мариинский театр, Государственный Эрмитаж, Большой театр и немногие другие.

Таковы лишь некоторые международно-правовые проблемы таможенного дела, в частности, связанные с сохранением и развитием российской культуры.

С. Ю. КРИЦКАЯ,

доцент кафедры теории и истории государства и права СПбГУП,
кандидат филологических наук

ПРАВО БОЖЕСТВЕННОЕ И ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ: ПРАВА ЖРЕЧЕСКОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕСТАЛОК

Роль религиозных установлений сакрального права в формировании и развитии институтов государства и права в Древнем Риме была столь велика, что вплоть до падения Римской империи функционально *fas* (боже-

ственное право) и *ius* (человеческое) не были полностью разделены.

Все государственные дела (от объявления войны до строительства акведука), все действия частных лиц (от рождения до похорон)

зависели от исполнения воли бессмертных богов посредством особых ритуалов, которые совершались жрецами — членами различных жреческих коллегий (понтификов, авгуров, арвальских братьев, салиев и других). По сведениям римских историков и юристов (Варрона, Цицерона, Ливия, Макробия, Дионисия Галикарнасского, Гая и многих других), жрецы имели право запрещать народные собрания, отменять законы, принятые сенатом и римским народом, наложить «вето» на действия высших должностных лиц, заставить магистратов отказаться от должности, объявлять войны и заключать международные договоры, выдавать иностранным государствам нарушителей «права народов», исполнять отдельные судебные функции, требовать выполнения обрядов, искупления грехов с помощью жертвоприношений, причем в число штрафных санкций входило не только требование принесения нарушителем очистительной жертвы, но и смертная казнь преступившему священный закон.

Интересно, что слово «санкция» первоначально отражало установление божественного права. *Sanctum* — это та святыня, духовный авторитет которой основан на заветах предков — *more maiorum* и которая требует обязательного беспрекословного почитания ее всеми римскими гражданами. Нарушение этой священной нормы вызывает осквернение святости, что является оскорблением духов сверхъестественными божественными силами — Ларами, Майами и Пенатами, а следовательно, нанесением морального вреда всему римскому народу. Восстановление святости путем особых ритуальных действий — наказаний виновного и есть восполнение нанесенного *sanctum* вреда — санкция (*sanctio*). Образованный от *sanctum* глагол *sancire*, по словам Исидора Севильского, обозначал «утвердить и защитить от несправедливости путем наложения наказания» (XV, 4, 2), что наглядно показывает трансформацию понятия из сакральной сферы в область римского права.

Известно, что высшие магистраты римского государства одновременно со вступлением в официальную должность получали статус жреца, например, первый консул одновременно исполнял функции главного жреца — верховного понтифика храма Юпитера Капитолийского.

Однако существовала одна жреческая коллегия, которая, в силу того, что была женской (состояла из жриц), не могла принимать участие в делах управления государством, но оказывала огромное влияние на все сферы духовной жизни римских граждан. Это коллегия весталок (*Virgines Vestae*) — хра-

нительниц священного огня в храмах богини Весты — покровительницы очага.

Поскольку Веста ассоциировалась с огнем как символом чистоты, элементом мироздания, самой Землей, то культ ее восходил к древнейшим временам и святилища Весты находились во многих городах, например в Лавинии, куда направлялись высшие должностные лица для жертвоприношений Весте, чтобы получить благословение весталок при вступлении в должность.

Домашние алтари Весты были в каждом доме при входе в атриум, поэтому римская прихожая получила название «очаг Весты» — *Vestibulum* (русское название «вестибюль»).

Весталки выбирались понтификом из девочек 6–10 лет и служили в храме 30 лет. Даже после окончания службы весталки наделялись особыми правами, поскольку могли сами распоряжаться своим имуществом (хотя еще по Законам XII таблиц женщины, якобы в силу присущего от природы легкомыслия, должны были всегда находиться под опекой, а следовательно, не могли обладать полной обязательственной способностью).

Целомудрие весталок считалось достоинством народа, поэтому охранялось силой государства: из всех жреческих коллегий только весталки имели охрану — четырех ликторов, которые сопровождали их при выходе из храма (в храм же мужчинами, кроме понтифика, входить запрещалось под страхом смертной казни). Если кто-нибудь оказывался под носилками, на которых покоилась жрица Весты, он подлежал наказанию в виде смертной казни. Если кто-либо сквернословил в присутствии весталки, то он мог быть подвергнут или телесному наказанию, или смертной казни (в особых случаях) по причине намеренного святотатства.

Только весталки имели право на государственное жалование — *stipendium de publico*, остальные коллегии как юридические лица образовывали *universitas personam et rerum* и обеспечивались из фондов своих коллегий.

Весталки обладали правом амнистии преступника, приговоренного к смертной казни. Если по пути следования к месту совершения казни преступнику случайно (последнее обстоятельство должно было быть подтверждено торжественной клятвой жрицы) встречалась весталка, тот мог обратиться к ней с просьбой о помиловании и быть амнистирован. В данном случае можно усмотреть элементы судебной юрисдикции, которой наделялись весталки.

Постоянное переплетение в установлении божественного и человеческого права создало особую атмосферу, в которой формировались и существовали римское государство и право.

Н. Г. МИТИНА,студентка 3 курса юридического факультета СПбГУП,
член Клуба молодых юристов Санкт-Петербурга

ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ, ПЕРЕМЕЩЕННЫХ В РЕЗУЛЬТАТЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Проблема перемещенных ценностей возникла как результат агрессии Германии, развязавшей вторую мировую войну. Этой проблеме немало внимания было уделено Д. С. Лихачевым, являющимся примером служения государству, обществу, народу.

Во время войны было уничтожено, перемещено территориально большое количество памятников. После победы над Германией перед союзниками по антигитлеровской коалиции встали задачи реституции и репарации. Юридический термин «реституция» означает «устранение или уменьшение виновным государством причиненного им другому государству ущерба путем восстановления прежнего состояния, которое было до момента совершения агрессии». Иными словами — восстановление утрат, понесенных жертвой.

Такая трактовка реституции была принята всеми союзниками и победителями в момент окончания войны и продолжает быть таковой до настоящего времени, в том числе и в странах Запада.

Поэтому все западноевропейские страны, потерявшие что-либо из своих культурных ценностей во время германской оккупации, составили списки утрат и требуют реституции, в какой бы стране их бывшие ценности ни были обнаружены и каким бы путем они туда ни попали, исключительно в свою пользу. Требуют и от России.

Возникает вопрос: должна ли Россия что-либо Западу?

Сразу после окончания войны по следам еще свежих русских потерь Советское правительство вывезло из Германии большое количество культурных ценностей в счет компенсации за ущерб, причиненный германской агрессией. Советское государство вывезло на государственном уровне больше культурных ценностей, чем какая-либо другая страна. И это объясняется вполне понятными причинами: СССР пострадал больше других стран, внес основной вклад в общую победу.

В 107 статье Устава ООН говорится, что страна-агрессор не может рассчитывать на возврат произведений искусства, если они были изъяты в виде компенсации за причиненный жертве агрессии ущерб. А согласно договоренности союзных победителей, имущество нацистских преступников конфискуется в пользу страны-победителя в качестве компенсации за ущерб, причиненный гитлеровской агрессией.

Согласно общепринятым принципам и нормам международного права, Германия

была обязана возместить причиненный ущерб (репарация), возвратить награбленные культурные ценности (реституция), а если по каким-либо причинам возвращение невозможно, заменить похищенное равнозначными ценностями (компенсаторная реституция). Поскольку единственной легитимной властью на территории послевоенной Германии была Союзная контрольная администрация, то именно она реализовывала обязательства побежденной Германии.

Когда начался раздел германской территории на оккупационные зоны, решающим фактором было только распоряжение главнокомандующего каждой зоны оккупации. Следовательно, все действия советской военной администрации правомочны, адекватны поведению и решениям союзников в своих зонах оккупации.

Именно к такому выводу пришел Российский институт государства и права, который сформулировал следующее: «Все культурные ценности, вывезенные в СССР по распоряжению советской военной администрации, являются законно вывезенными» — в этом юридическое обоснование прав нашей страны на вывезенные культурные ценности. С этим пытаются спорить юристы западных стран, требующие возврата культурных ценностей, бывших на территории Германии в послевоенное время.

Хотелось бы добавить, что сразу после окончания второй мировой войны Франция и Англия приняли закон о невозвращении культурных ценностей. Ни к США, ни к Англии, ни к Франции Германия не предъявляет никаких претензий. И только России выдвигает требование возврата культурных ценностей, пользуясь слабостью Правительства, чиновники которого отстаивают иностранные, а не отечественные интересы.

Хотя в связи с подписанием Договора об окончательном урегулировании в отношении Германии министры иностранных дел ФРГ и ГДР направили 12 сентября 1990 года своим коллегам из СССР, США, Англии, Франции письмо, в котором говорится, что Германия отказывается от претензий любого характера к этим странам в силу Акта о безоговорочной капитуляции. В этом документе от имени правительств ФРГ и ГДР со ссылкой на их совместное заявление от 15 июня 1990 года говорится следующее: «Меры по изъятию имущества, принятые на основе прав и верховенства оккупационных властей (за 1945–1949 гг.),

являются необратимыми» и ФРГ «не будет издавать нормативных актов, которые противоречили» бы процитированному заявлению. Хотелось бы отметить, что в Договоре о добрососедстве, партнерстве и сотрудничестве между СССР и Германией от 3 октября 1990 года записано: «пропавшие и незаконно вывезенные культурные ценности, находящиеся на их территории, должны возвращаться владельцам или их наследникам». Но это положение не имеет никакого отношения к перемещенным культурным ценностям, которые, как показано выше, были вывезены из Германии вполне законно.

Именно поэтому необходимо было принять закон «О культурных ценностях, перемещенных в Союз ССР в результате второй мировой войны и находящихся на территории РФ». Данный закон формулирует основной фундаментальный вывод: «Все перемещенные культурные ценности, вывезенные на территорию РФ в обеспечение ее права на компенсаторную реституцию <...> являются федеральной собственностью РФ» (ст. 7). Основные цели закона: защита указанных ценностей от расхищения; предотвращение неправомерной пе-

редачи их иностранным государствам; создание правовых условий в качестве частичной компенсации ущерба, причиненного России германскими агрессорами.

Закон объявляет российской собственностью те культурные ценности, которые были ввезены из Германии в СССР на законных основаниях. Все остальные случаи должны рассматриваться специально. Закон допускает возможность выдачи, обмена, продажи каких-то трофеев. Однако все выдачи должны осуществляться только в соответствии с федеральным законом в каждом отдельном случае. То есть к основному выводу можно добавить: закон вводит строгие ограничения на передачу этих ценностей другим государствам.

Несмотря на ряд противоречий данного закона, после его принятия были прекращены односторонние передачи предметов искусства и архивов.

На мой взгляд, основным препятствием в решении данной проблемы является отсутствие полного перечня российских утрат. И пока Россией не предъявлен такой список западным юристам, вопрос о культурных ценностях остается открытым.

А. В. КИРСАНОВА,

старший преподаватель кафедры государственного права СПбГУП

МЕЖДУНАРОДНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ

Сотрудничество государств в области культуры имеет глубокие исторические корни. На современном этапе развития цивилизации тем более немислимо нормальное существование государства без международных обменов в любой сфере, в том числе в сфере культуры. Глобализация многих сфер жизни человечества ведет к углублению и усилению таких обменов. Данному направлению было также отдано много сил академиком Д. С. Лихачевым.

Роль международно-правового сотрудничества в области культуры на современном этапе немислима без человека и общества, без деятельности и прогрессивной направленности, без передового мышления и чувства нового, без компетентности и профессионализма, без знания дела и культуры. Правовое сотрудничество в области культуры на международном уровне выступает как социальное, имеющее ярко выраженную цель явление, охватывающее всю совокупность важнейших ценностных компонентов правовой реальности в ее фактическом функционировании и развитии.

Многообразная практика межгосударственных культурных связей на базе основных

принципов международного права привела к созданию нового типа международных культурных отношений и оказывает благотворное воздействие на характер и формы международных отношений.

Каждое государство имеет свою историю, культуру, свои особенности, традиции. Любое государство придает большое значение культуре во всестороннем развитии личности и общества, а также в воспитании и формировании мировоззрения личности и общества. Составной частью культуры, духовной жизни общества является искусство, основные виды которого: литература, живопись, скульптура, музыка, театр, кино и др.

В статье 27 Всеобщей декларации прав человека 1948 года закреплено, что каждый человек имеет право свободно участвовать в культурной жизни общества, наслаждаться искусством, участвовать в научном прогрессе и пользоваться его благами.

Культуры всех государств равны, так же как равны культуры всех народов, наций, национальностей, национальных и этнических групп. Все культуры в их богатом разнообразии и взаимном влиянии являются частью общего

достояния человечества. Международное правовое сотрудничество в области культуры должно осуществляться на основе взаимной выгоды, содействовать установлению прочных и постоянных связей между народами.

В сфере международного культурного сотрудничества существуют и специальные принципы, которые отражены в Декларации принципов международного культурного сотрудничества, одобренной 14-й сессией Генеральной конференции ЮНЕСКО 4 ноября 1966 года.

В Декларации содержатся следующие принципы:

— равенство культуры: каждая культура обладает достоинством и ценностью, которые следует уважать и сохранять;

— служение культуры мира развитию мирных и дружественных отношений между государствами;

— взаимность сотрудничества;

— обязательность защиты культурных ценностей во время мира и во время войны.

В 1970 году в Венеции была созвана первая межправительственная конференция министров культуры; в 1972 году в Хельсинки была проведена региональная конференция министров культуры стран Европы, аналогичная конференция стран Азии и Тихого океана была проведена в 1973 году в Джакарте; в 1975 году в Аккре — африканских стран и в 1978 году в Боготе — стран Латинской Америки.

Выводы и рекомендации межправительственной конференции министров культуры стали предметом изучения на состоявшейся в Мехико (1982) Всемирной конференции по политике в области культуры, в которой приняли участие представители 129 государств. Генеральной конференцией ЮНЕСКО была принята и одобрена в 1976 году Рекомендация об участии и вкладе народных масс в культурную жизнь. Под эгидой ООН и ЮНЕСКО в 1988 году было провозглашено Всемирное Десятилетие развития культуры, основными задачами которого были: учет культурного аспекта развития, расширение участия в культурной жизни, утверждение культурной самобытности и, естественно, содействие международному культурному сотрудничеству. В итоге — обширная программа мероприятий в рамках Десятилетия стала крупным вкладом в развитие культуры и цивилизации на мировой арене.

Международное правовое сотрудничество в области культуры регулируется международными договорами о дружбе и сотрудничестве, о правовой помощи, о культурном и научном сотрудничестве, соглашениями о создании и деятельности культурных центров, планами культурных и научных обменов.

16 ноября 1972 года Генеральная конференция ЮНЕСКО, участниками которой было более 140 государств, в том числе Российская Федерация, одобрила Конвенцию об охране всемирного культурного и природного наследия. Как элемент Конвенции был составлен список всемирного наследия, куда внесены к настоящему времени более 500 памятников культуры и природы, в том числе 12 российских объектов, но ожидается включение еще 27 российских объектов.

Международное право играет существенную роль в организации сотрудничества государств в области культуры. Сложились общепринятые обычаи, регулирующие культурное сотрудничество.

Государства заключают двусторонние, многосторонние, региональные и универсальные договоры. В области культурных отношений заключены международные договоры на региональном уровне, например: Договор об охране художественных и научных учреждений и исторических памятников, который был подписан еще в 1935 году государствами американского континента (Пакт Рериха), в 1954 году — Европейская культурная конвенция, в 1969 году государствами-членами Европейского Совета подписана Европейская конвенция об охране археологического наследия, в 1976 году — Конвенция об охране археологического, исторического и художественного наследия американских наций (Сан-Сальвадорская конвенция), в 1985 году — Конвенция об охране архитектурного наследия Европы, также в 1985 году подписан договор между Данией, Финляндией, Норвегией, Швецией и Исландией о культурном сотрудничестве и так далее.

На универсальном уровне сотрудничество в области культуры обеспечивает Организация Объединенных Наций, по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО).

ЮНЕСКО поощряет международные обмены, имеющие культурно-просветительские цели, работает над ознакомлением широкой общественности с малоизвестными сокровищами мирового культурного наследия, содействует признанию различных культурных ценностей, а также является информационным центром. Многие сделано ЮНЕСКО в плане практических мер по спасению ряда выдающихся памятников культуры: были спасены от затопления памятники Древней Нумбии в Египте и Судане; индонезийский храм Борободур в Пакистане, Афинский акрополь, памятники Венеции, Перу, Кубы, Вьетнама и другие.

С 1995 года действует Совет по культурному сотрудничеству Содружества Независимых

Государств. Создан Фонд поддержки культурного сотрудничества. Проводятся Дни культурных и памятных дат, международных выставок, фестивалей театра, кино. 12 января 1995 года было принято Постановление Правительства РФ «Об основных направлениях культурного сотрудничества с зарубежными странами», а 17 мая 1996 года «О программе мер по поддержке соотечественников за рубежом».

В 1997 году при Комиссии РФ по делам ЮНЕСКО создан Российский национальный комитет всемирного наследия. 15 апреля 1998 года были приняты два закона РФ.

1. Закон РФ о культурных ценностях, перемещенных в СССР в результате второй мировой войны и находящихся на территории РФ; цели которого — защитить ценности от расхищения, предотвратить их незаконный вывоз за пределы РФ и создать необходимые правовые условия.

2. Закон РФ о вывозе и ввозе культурных ценностей; должен обеспечить сохранение культурного наследия народов РФ, а также способствовать развитию международного культурного сотрудничества, взаимному ознакомлению народов РФ и других государств с культурными ценностями друг друга.

В настоящее время на международном уровне многие государства, в том числе и РФ, в целях создания благоприятных условий для развития международных культурных связей, культурного обмена и сотрудничества заключают соглашения в области театрального, музыкального, изобразительного, эстрадного и циркового искусства, кино, телевидения и радиовещания, библиотечного и музейного дела, охраны и рационального использования памятников, а также других объектов культурно-исторического наследия, самодельного народного творчества, народных промыслов и других видов культурной деятельности.

Г. И. ГНИЛИЦКИЙ,

доцент кафедры права предпринимательской деятельности СПбГУП,
кандидат военных наук

ПРОБЛЕМЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ

Гармоничное единство общества и природы неразрывно связано с механизмом природопользования и охраны окружающей природной среды (ПР и ООПС).

Структура этого механизма состоит из шести основных элементов, которые, в свою очередь, являются самостоятельными механизмами ПР и ООПС: организационно-правовой (управленческий) механизм; правовой механизм; механизм особой охраны; идеологический механизм; международно-правовой механизм.

Все основные элементы механизма ПР и ООПС взаимосвязаны, взаимообусловлены и по существующим методикам рассматриваются по критериям влияния на окружающую природную среду.

Составляющими элементами идеологического механизма ПР и ООПС являются: экологическое воспитание; экологическое образование; экологическая культура; экологическое сознание; экологическое мировоззрение.

Очевидно, что элементы идеологического механизма ПР и ООПС являются базисными в формировании личности руководителя различного ранга и в целом позиции государства в международном сообществе.

Выпадение одного из элементов идеологического механизма ПР и ООПС или недооценка роли и значения каждого из элементов в отдельности приводят к нарушениям взаимосвя-

зи единства общества и природы, а тем самым к экологическим катастрофам.

Ключевыми проблемами экологической культуры, требующими программного решения являются:

- противоречие общества с природой;
- сохранение и освоение эколого-культурного наследия;
- создание инфраструктуры экологической культуры;
- подготовка специалистов экологической культуры;
- обеспечение бюджетного финансирования программ экологической культуры;
- полнота и целевое использование бюджетных и внебюджетных средств, направляемых на решение вопросов экологической культуры;
- своевременное и достоверное предоставление информации о состоянии окружающей природной среды;
- превращение территории России в свалку отходов;
- неотвратимость наказания за нарушения природоохранного законодательства.

Общественным экологическим движениям необходимо проводить постоянную работу по экологизации общественного сознания, тем самым они внесут весомый вклад в формирование экологической культуры, новой цивилизации, новой структуры социальных отношений и основных ценностей.

Е. М. ШЕСТЕРИН,старший преподаватель кафедры права
предпринимательской деятельности СПбГУП

ГОСУДАРСТВЕННАЯ НАЛОГОВАЯ ПОЛИТИКА КАК ОСНОВА ЗАЩИТЫ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ

В сегодняшней России очень сложно и трудно говорить о правовой защите культуры населения, так как в повседневной жизни мы сталкиваемся со словом «бескультурье».

Особенно это заметно на улицах, в транспорте, на рабочих местах и т. д., в городах и поселках, среди молодежи и людей среднего возраста. Совсем не редкость, когда молодые люди в общественных местах в присутствии детей и стариков объясняются между собой на уловном жаргоне, сопровождая его потоком нецензурных слов и откровенным матом.

Но так было не всегда.

Наш славный город Петроград—Ленинград славится своей культурой, интеллигентностью населения, музеями и театрами, выставками и архитектурой, вузами и школами, актерами и художниками, учителями и врачами, рабочим классом и своей чистотой и опрятностью.

Но пришло другое время, исчезли спортивные клубы, спортзалы, кинотеатры, а если что осталось, то стало недоступным для простых и малообеспеченных людей. Дети и молодежь выкинуты на улицы, в подвалы и подьезды. Появилось поголовное пьянство, наркомания, бандитизм. Разгул преступности по всей России.

В чем же причина? Хорошо известно, что по всем программам телевидения звучит искаженный русский язык, допускаются нецензурные выражения, пропагандируется насилие и разврат, и все это, как губкой, впитывается детьми и выносится на улицу. Так вырастает новое бескультурное поколение. Это прослеживается и в других средствах массовой информации — газетах, журналах и на радио.

Прежде воспитанием детей и молодежи занималась школа, пионерские и комсомольские организации, средние и высшие учебные заведения, высокохудожественная литература, а также — все взрослое население. Сегодня не так. Мы знаем какой низкосортной и халтурной литературой завалены прилавки магазинов, киосков и лотков.

В общественном транспорте мы увидим предупреждение, что за безбилетный проезд предусмотрен штраф, но никому не пришло в голову повесить объявление, что за нецензурную брань в общественном месте предусмотрен не только штраф, но и более суровое наказание.

Защищать культуру населения нужно на уровне государства, и для этого необходимы соответствующие нормативно-правовые акты. Необходимо на уровне государства прекратить поток грязи, льющейся на головы населения с телеэкранов и из других средств массовой информации. Нужно создавать высокохудожественные произведения в кино и литературе, нужно, как и прежде, заниматься воспитанием детей с «молодых ногтей», и делать это необходимо всем и сейчас.

Пока жители нашей страны оберегают последние островки культуры, сохраняют остатки духовного наследия от разорений и скверны, пора «бить в набат», призывая на помощь все силы государственной власти.

Не просто говорить в наше время о правовой защите культуры населения в период общей нестабильности всего законодательства РФ. Там, где законы не меняются десятилетиями и даже столетиями, правовая культура стоит на более высоком уровне и знание гражданских прав и свобод передается из поколения в поколение, а судебная, адвокатская деятельность и прокурорский надзор играют важнейшую роль в обществе. В нашей же стране с приходом к власти новых людей, с введением революционных преобразований изменяется, практически, все законодательство. В СССР действовали одни законы, а с его развалом началось полное изменение всей законодательной системы, в том числе отраслей права. В этой ситуации говорить о правовом воспитании и защите культуры населения практически невозможно. Более того, любая отрасль права, начиная с 1991 года, неоднократно изменялась, вносились бесчисленные изменения и дополнения к вновь принятым законам. В свою очередь, многие законодательные акты дополняются не менее многочисленными инструкциями о порядке применения того или иного закона. В этой неразберихе сложно ориентироваться даже юристам-профессионалам.

Весьма показательным является налоговое право. А ведь это тоже правовое воспитание и культура наследия, в частности, вопросы защиты интересов налогоплательщиков, налоговых агентов, работников налоговых органов и налоговой полиции и т. д. В 1991–1992 годах был принят ряд законов в области на-

логового права. Основные из них: «Об основах налоговой системы», «О государственной налоговой службе», «О подоходном налоге с физических лиц», «О налоге на добавленную стоимость», «Об акцизах» и др.

Посмотрим, как изменялся и дополнялся один из основных законов — Закон РФ от 7 декабря 1991 года «О подоходном налоге с физических лиц». Изменения и дополнения в него внесены Федеративным законом от 23 декабря 1994 года № 74-ФЗ, от 26 июня 1995 года № 95-ФЗ, от 4 августа 1996 года № 125-ФЗ, от 5 марта 1996 года № 22-ФЗ, от 21 июня 1996 года № 83-ФЗ, от 10 января 1997 года № 11-ФЗ, от 28 июня 1997 года № 94-ФЗ, от 31 декабря 1997 года № 159-ФЗ, от 31 марта 1999 года № 65-ФЗ, от 25 ноября 1999 года № 207-ФЗ. Такие изменения претерпели и другие законы.

Всем известно, что над частью I Налогового кодекса РФ в течение пяти лет работали ученые, правительственные чиновники. Наконец, Законом РФ от 31 июля 1998 года № 147-ФЗ он был введен в действие с 1 января 1999 года, а до этого был одобрен Государственной Думой и Советом Федерации. Однако буквально через полгода он почти полностью был изменен, и Законом № 154-ФЗ от 9 июля 1999 года была принята новая редакция. Но и на этом не остановились, и Законом от 2 января 2000 года № ФЗ-13 в последнюю редакцию внесли изменения.

К этому закону Госналогслужбой по согласованию с Минфином РФ были подготовлены и утверждены инструкции «О порядке применения», «О подоходном налоге с физических лиц» вначале № 2, затем № 6, потом № 8 и наконец № 35 от 29 июня 1995 года. За прошедшие неполные шесть лет в эту последнюю инструкцию внесены девять изменений и дополнений: № 1 от 12 сентября 1995 года, № 2 от 25 августа 1996 года, № 3 от 1 августа 1996 года, № 4 от 6 мая 1997 года, № 6 от 8 декабря 1997 года, № 7 от 26 февраля 1998 года, № 8 от 28 апреля 1999 года и № 9 от 15 мая 2000 г.

Основная инструкция № 35 содержит 96 страниц, а дополнения и изменения к ней № 6–9 по своему объему превосходят саму инструкцию.

Вот в таких условиях и с такими законами приходится работать налоговикам, налоговым агентам и физическим лицам.

Думалось, что часть II Налогового кодекса РФ будет проработана более старательно, но этого также не случилось. Федеральным законом № 118-ФЗ от 5 августа 2000 года была принята и введена в действие с 1 января 2001 года часть II Налогового кодекса РФ, а Законом № 166-ФЗ от 29 декабря 2000 года (за два дня до вступления его в действие) были уже вновь внесены многочисленные изменения, надо полагать, не последние.

Все вышеизложенное говорит о низком качестве наших законов и их поверхностной проработке, нестабильности, а следовательно, о налоговом незнании не только граждан, но и руководителей организаций, предприятий, учреждений, а потому говорить о правовой культуре населения и его защите на фоне нашего законодательства весьма непросто, но необходимо.

В первую очередь делать это нужно на самом высоком государственном уровне, используя научное прогнозирование, прорабатывая все тонкости, нюансы, чтобы законы работали, и работали долго, а не отмирали, как мотыльки-однодневки.

Делать это необходимо еще и потому, что несовершенство нашего законодательства используется в корыстных, преступных целях. Не только граждане, но и организации всех форм собственности, государство и общество несут колоссальные убытки как в моральном, так и материальном плане. В заключение хотелось акцентировать внимание на том, что в государстве, в обществе нельзя существовать, отгородившись от общественных проблем, в том числе от влияния на эти процессы культуры поведения человека. Именно этому посвящены труды и деятельность Д. С. Лихачева — Почетного доктора нашего Университета, являющего собой пример Гражданина и Ученого с большой буквы.

А. Н. БАСАЛАЕВ,

доцент кафедры правоохранительной деятельности СПбГУП,
кандидат юридических наук

ПОНЯТИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ СЛЕДОВ КАК СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Одним из аспектов проявления правовой культуры в деятельности правоохранительных органов является полный и качественный сбор информации для разрешения дела

или вопроса. От этого во многом зависит соблюдение прав и свобод человека и гражданина, законность принимаемого решения и многое другое.

Сбор информации производится различными путями и среди них для правоприменительных органов очень важным является проведение следственных действий, а в работе с материальными объектами, вещественными доказательствами — следственный осмотр, предварительное исследование, назначение и проведение судебных экспертиз. В этом плане важное место занимают следы, но отсутствие в криминалистике общепризнанных пределов содержания криминалистически значимой информации в материальных объектах, исследуемых по делу, с одной стороны, ограничивает заказ на получение фактических данных при назначении экспертизы, а с другой — не стимулирует научно-экспертные силы на поиск и разработку приемов и методов для добывания скрытой и невостробованной информации.

Вопрос о том, какую информацию можно получить в результате изучения следов, имеет существенное значение. Он определяет целесообразность глубины анализа конкретного следа, необходимость применения тех или иных методов сохранения информации и возможность получения доказательств в различных ситуациях расследования: и когда преступление раскрывается относительно просто, и в тех случаях, когда кажется, что следствие зашло в тупик. Поэтому почти во всех работах, посвященных следам преступления, так или иначе анализируется, что можно узнать в результате изучения следов.

Одни авторы называют это криминалистическим значением следов, другие — значением следов для раскрытия преступления, третьи — просто значением следов, четвертые никак не называют, рассматривая это лишь как задачи трасологии и цели идентификации. Расхождение взглядов касается не только наименования, но и содержания.

Встречаются работы, в которых понятие криминалистического значения следов не совпадает с понятием того, что можно установить в результате их исследования. Некоторые авторы видят значение следов только в возможности проведения идентификационного исследования, другие же относят к криминалистическому значению все — от общих сведений о следах и работы с ними следователя до экспертизы включительно.

В определении как наименования, так и содержания этого вопроса следует исходить из понятия самого предмета криминалистики и ее задач. Несмотря на большое разнообразие определений понятия криминалистики, так или иначе в него включают направленность на раскрытие преступления, изобличение виновного и предупреждение преступлений. Опираясь на это, правильным было

бы именовать криминалистическое значение следов как возможность использования их для расследования и предупреждения преступлений. Этот вопрос оставался в стороне от больших дискуссий, однако он представляется очень важным, одним из обуславливающих дальнейшее развитие учения о следах, используемых при раскрытии и расследовании преступлений.

Если рассматривать следы как источники полезной, а чаще всего необходимой информации для успешной работы следственных органов, то содержание следов и соответственно их криминалистическое значение можно рассматривать в виде следующей системы: а) информация о самих следах; б) информация о следообразовании; в) информация о следообразователях; г) информация о событии преступления.

Следует заметить, что эта система имеет в виду лишь отдельный след, искусственно выделенный из общей обстановки места происшествия.

1) **Информация о самих следах.** Изучая следы прежде всего получает информацию о самих следах, подавляющая часть которой наиболее доступна для восприятия. Например о том, что собой представляет след, где он находится, как он расположен по отношению к окружающим предметам и другим следам, каковы его размеры и другие количественные характеристики, не поврежден ли он и т. д.

Все это, главным образом, носит вспомогательный характер и служит для получения и расшифровки информации о человеке или предмете, оставившем след, о механизме и иных обстоятельствах следообразования и о событии преступления.

2) **Информация о следообразовании.** В следах, обнаруженных на месте происшествия, содержится информация о том, как они образовались, каков механизм их появления, чем объясняются те или иные особенности, почему они именно такие, какие условия этому способствовали, какова последовательность их возникновения, какие события или явления предшествовали этому или последовали за ним.

Эта информация необходима для определения ряда обстоятельств происшествия, получения данных о преступнике и орудии преступления, а также для дальнейшего поиска следов.

3) **Информация о следообразователях.** Объекты, участвовавшие в следообразовании, можно достаточно достоверно установить, о них может быть получена обширная информация даже в тех случаях, когда они в следообразовании непосредственного участия не

принимали. Соответственно может быть обнаружен и субъект слеодообразования. Информация о слеодообразователях слагается из информации о человеке, животном, механизме, предмете и т. д.

4) **Информация о событии преступления.** Ее составляют как добытые данные по вопросам из исследуемого материального источника, так и те, что являются результатом изучения всей ранее собранной информации о следах, слеодообразовании и слеодообразователях.

Информация, содержащаяся в следах, дает возможность определить, в результате каких действий они появились, что собой представляло породившее их событие. Было ли оно преступлением или находилось в какой-то связи с ним, либо вообще отношения к нему не имело. Установить это — значит иметь возможность привлечь для получения доказательственной и оперативной информации большое количество дополнительных источников.

А. В. БЕРЕЗКИН,

доцент кафедры теории и истории государства и права СПбГУП,
кандидат юридических наук

РАННИЙ ЭТАП ФОРМИРОВАНИЯ КРИМИНАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ В АНГЛИИ

В научном наследии Д. С. Лихачева есть три работы, написанные им в 1930–1938 годах. Эти работы посвящены формированию и бытованию аргогического языка криминальной среды: «Картежные игры уголовников (из работ криминологического кабинета)» (1930), «Черты первобытного примитивизма воровской речи» (1933), «Аргогические слова профессиональной речи» (1938).

В этих работах будущий академик затронул вопрос формирования преступных сообществ не только в России (начиная с первого упоминания о кастово-замкнутых группировках маргиналов в книге Матвея Комарова «Обстоятельное и верное описание добрых и злых дел российского мошенника, вора, разбойника и бывшего московского сыщика Ваньки Каина, всей его жизни и странных походов», изданной в Санкт-Петербурге в 1779 году), но и в английском обществе раннего Нового времени (ссылаясь на хроники Холиншеда, сочинение Бен Джонсона «Masque of the Gypsies Metamorphosed», комедию Бомонта и Флетчера «Comedy of the Beggar's Bush», пьесы Шекспира и особенно словарь Хоттена «A Dictionary of Modern Slang, Cant and Vulgar Words», изданный в Лондоне в 1859 году).

Упомянутые Д. С. Лихачевым авторы, в свою очередь, опирались на сложившуюся во второй половине XVI века памфлетную традицию, описание социальных низов, маргинальных, в том числе и преступных, группировок. Эти авторы — Дж. Оделэ, Т. Гарман, Р. Грин и Т. Деккер — не только впервые собрали материал, связанный с бытом и нравами криминальных групп, но и заложили основы рассмотрения роста преступности в связи с проблемой пауперизации общества. В работах 1930-х гг. Д. С. Лихачев причину формирования криминального сообщества ранне-

го Нового времени усматривал в образовании широкого слоя деклассированных элементов в процессе так называемого первоначального накопления. Эта концепция, ставшая хрестоматийной к моменту переиздания этих работ в 1993 г. (Лихачев Д. С. Статьи ранних лет. Тверь, 1993), в 30-е гг. еще находилась в процессе становления в трудах отечественных исследователей.

Средневековые выработало свое отношение к бедности и пауперам. В известном смысле бедность являлась идеалом и служила достижению спасения души, бедняк рассматривался как «бедняк Христовый». Широкая система католической благотворительности (богадельни, приюты и т. п.), желательность раздачи милостыни и дозволению попрошайничества создавали определенные условия для существования маргинальных групп в средние века.

Существенным образом картина изменилась в XVI веке. Реформация привела к закрытию монастырей и часовен, а вместе с ними и традиционных институтов поддержания бедности. Новый взгляд на эту проблему выработывался уже под воздействием протестантской идеологии. Следствием социально-экономических процессов первоначального накопления явилось возрастание удельного веса деклассированного населения. Наступил кризис традиционных институтов, интеграции пришлого населения городом. Это особенно ярко показывает пример Англии раннего Нового времени, в котором интенсивно протекал процесс огораживания и сноа крестьян с земли. Приюты закрыты. Средневековое ремесло пришло в упадок и не могло поглотить избыточную рабочую силу. Тюдоровское правительство ужесточило законы о найме жилья в городах. Возросшая в таких условиях криминализация деклассированных слоев об-

щества потребовала от публицистов той эпохи по-новому осмыслить эти процессы.

Начало нового подхода к описанию преступного сообщества было положено трактатом Джона Оделэ «Братство бродяг» (1561). Это сочинение предшествовало и в какой-то мере послужило образцом для вышедшего первым изданием в 1566 году «Предостережения против мошенников» Томаса Гармана, мирового судьи из Кента. Основываясь на своем личном опыте и специально собирая материал, Т. Гарман произвел классификацию преступников по роду их преступного ремесла и положению в преступном сообществе, составил списки предводителей воровских шаек. Именно Гарману принадлежит заслуга составления первого словаря воровского жаргона, к которому были приложены и образцы диалогов.

Книга Т. Гармана послужила литературным источником, характеризующим преступный мир Англии, для знаменитого «Описания Англии» Уильяма Гаррисона, предпосланного в качестве предисловия к «Хроникам» Холиншеда, из которых, в свою очередь, черпал сюжеты для исторических хроник У. Шекспир. Включение материала (сделанное со ссылкой), собранного провинциальным мировым судьей, в сочинение, получившее общенациональное признание, свидетельствует о качественно новом уровне рассмотрения проблем преступности в политико-правовой мысли того

времени. На смену во многом абстрактному морализаторству, окрашенному в религиозные тона и сводившему все многообразие явлений к системе смертных грехов, пришло более конкретное и терминологически точное описание действительности.

Оделэ и Гарман положили начало и другой традиции, которую исследователи считают началом английской криминальной повести. Но на рубеже XVI–XVII вв. в ней присутствовали в неразрывной связи как развлекательные, так и назидательные и определенные социально-публицистические тенденции.

Снискавшие большую славу своими драматическими произведениями Р. Грин (1558–1592) и Т. Деккер (1572?–1641?) оставили также значительное памфлетное наследие. В XIX — начале XX века биографы обоих драматургов, увлеченные их авантюрной судьбой и связями с социальным дном, видели в трактатах о ворах и мошенниках Р. Грина (1591–1592) и Т. Деккера (1608) отражение, главным образом, их личного опыта. На самом деле имело место и беззастенчивое заимствование из раннего сочинения Гармана. Общим же для Оделэ, Гармана и Гаррисона, с одной стороны, Грина и Деккера — с другой, было использование риторики, обличающей преступников и отразившейся в преамбулах тюдоровского законодательства против бродяг и нищих.

Т. Г. МОРШАКОВА,

заместитель председателя Конституционного суда РФ,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ, Заслуженный юрист РФ

МЕСТО И РОЛЬ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В СТАНОВЛЕНИИ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Мы начинаем с провозглашения тезиса о том, что у нас все очень плохо. И критиковать, и находиться в оппозиции к власти сегодня очень просто. Во-первых, потому что есть многое, что можно критиковать, во-вторых, потому что в критике можно проявить самостоятельность, в-третьих, наконец, потому что это ничем не грозит, не грозит тем, что с тебя потребуют предложить конструктивное решение. Мне хотелось бы все-таки в этой аудитории призвать юристов к поиску конструктивных правовых решений. Примером в этом был, есть и будет академик Д. С. Лихачев. Сегодня мы слушали доклад по поводу того, что есть правовая культура. Не нужно искать (хотя это задача высокой теории) каких-то очень сложных определений этого явления. Она распадается на вполне ясные элементы в социуме, в каждом из

которых может работать юрист. Многие из этих элементов являются частью нашей повседневности. Правовая культура состоит из простых вещей. Есть объективно существующее право, правовое регулирование, но это еще не правовая культура. Это может быть ее основа. Прежде чем говорить о правовой культуре, необходимо минимально овладеть правовыми знаниями. Это оценка того, что мы знаем о праве, потому что наше знание о праве всегда сопровождается оценкой правосознания и состоит из двух элементов: знания права и его оценки.

Следующий главный компонент правовой культуры — система построенных на нашем праве и правосознании действий, то есть то, что и называется правовой практикой. Вот эта правовая практика настолько далека от того, что заложено в правовых нормах, что

говорить об единой правовой культуре не представляется возможным. Часто, сравнивая немецкую и, допустим, российскую правовую среду (наиболее обобщенный пример, характеризующий наше состояние в области права и его применения), привожу такой странный пример: в Германии очень плохие законы, просто чудовищные. Они кажутся нам глубоко недемократичными, но при этом существует идеальная правовая практика, построенная на правовой, культурной традиции, главным элементом которой является обязательное уважение к праву и к человеку. В нашей стране есть законы, нормы, существенно превосходящие другие страны по своему качеству, и я здесь вполне разделяю возмущение американской избирательной системой. Наша лучше, хотя в ней тоже масса недостатков, но что у нас неизмеримо хуже — это исполнение того, что мы имеем, это, наконец, дух отрицания самой правовой нормы. Наша старая поговорка: «Закон, что дышло...», это выражение абсолютной неориентированности каждого из нас на обязательность нормы. И это, конечно, существенно снижает шансы считаться высокоразвитым обществом по такому параметру как правовая культура.

Попробуем оценить нашу Конституцию как основной документ существующей правовой культуры. Если у нас и есть что-нибудь хорошее в этой области, то это прежде всего конституционные нормы. Можно, конечно, отметить их декларативность, но это не та декларативность, которая всегда была характерна для конституционных норм советского периода. Декларативность нынешней Конституции только в том, что воплощение ее в каждом конкретном случае не происходит автоматически. Но я хотела бы противопоставить этому тезису другой, который кажется мне чрезвычайно важным. Именно он определяет поле деятельности юриста. Недекларативность Конституции заключается в том, что ее нормы позволяют добиться их реализации, именно добиться. Добиваться этого

нужно, но, главное, существуют правовые средства для воплощения этих норм в жизнь. Причем эти правовые средства доступны не только юристам, они доступны каждому гражданину. И если мы говорим о том, насколько наша правовая культура отвечает правовым стандартам, то именно здесь мы можем испытывать некоторое чувство гордости, потому что наша Конституция позволяет каждому гражданину добиваться реализации ее положений, даже в том случае, если этим положениям противоречит воля законодателя. И таких примеров можно привести очень много.

Скажем, из практики Конституционного Суда, когда граждане, не адвокаты, не юристы, искали конституционную защиту своих прав и находили эту защиту. Граждане защищались от необоснованно суровых санкций в таможенном регулировании, и они нашли эту защиту в Конституционном Суде. Граждане защищали свое право на приватизацию комнат в коммунальных квартирах, и они нашли защиту этого права. Я не буду перечислять такие примеры, как право на свободу передвижения и борьба с известной пропиской-регистрацией. Каждый раз возрождается это право, потому что оно удобно для бюрократии, и каждый раз возможно его преодоление. Я не буду останавливаться на таких фактах, как невозможность обжалования длительных сроков судебных арестов. Граждане обращались и получали защиту, потому что в решениях Конституционного Суда содержится такое положение. Это не изобретение, это только подтверждение закрепленного в Конституции права каждого — получить в суде защиту по любому вопросу. Что еще важно? Здесь говорилось о нормах, которые отдают приоритет международно-правовому принципу перед внутренним законом. Важно, что Конституция декларирует, что, когда есть норма международного права и противоречащий ей внутренний закон, — подлежит применению норма международного права.

П. П. ГЛУШЕНКО,

декан юридического факультета СПбГУП, заведующий кафедрой государственного права, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ

Уважаемые участники секционного заседания № 1 «Международно-правовые основы сохранения и развития культуры» Международных Лихачевских научных чтений «Мир гуманитарной культуры академика Д. С. Ли-

хачева», подведем итоги. За два дня работы секции нам удалось прослушать 7 докладов и 25 научных сообщений.

Получилась очень пестрая мозаика, так как выступающие вели разговор о культуре

вообще и правовой в частности, начиная с античных времен. Присутствовавшим было из чего выбирать и это очень отраднo.

Сопредседатели нашей секции также рады тому, что в зале не было номинально участвовавших, были сопереживавшие, заинтригованные соучастники.

Мы участвовали в исследовании проблем, от частичного разрешения которых в России станет светлее и теплее, а память об академике Д. С. Лихачеве будет звать нас к поиску эффективных путей восстановления, сохра-

нения и развития культуры российской и межгосударственной.

Спасибо всем участвовавшим в этом важном научном форуме. Особое спасибо нашей гостье — заместителю Председателя Конституционного Суда России, доктору юридических наук, профессору Тамаре Георгиевне Морщаковой. Все вопросы и жалобы прошу адресовать в Конституционный Суд Российской Федерации, под эгидой которого мы работаем в течение двух дней. До новых встреч, до новых научных споров.

А. В. СОКОЛОВ,

профессор кафедры теории
социально-культурной деятельности СПбГУП,
доктор педагогических наук, Заслуженный работник культуры РФ

ГУМАНИТАРНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И КНИГА В XXI ВЕКЕ

Судьба книги в наступившем столетии будет зависеть от того, какую форму приобретет традиционный треугольник **писатель — издатель — читатель**. В XX веке вершины этого треугольника постепенно раздвигались и раздвигались и получились фактически независимые друг от друга фигуры: 1) писатель-аристократ духа — издатель-служитель культуры (включая редакции толстых журналов) — читатель-гуманитарий; 2) писатель-предприниматель или журналист — издатель-коммерсант (включая прессу) — массовый читатель. Первый — *гуманитарный треугольник* — место действия литературного процесса, создающего культурное наследие нации; второй — *коммерческий треугольник* — место действия рыночных законов. В настоящее время гуманитарный треугольник сжимается, скукоживается, а коммерческий пока сохраняет свою презентабельность, хотя и с трудом. Немаловажным фактором в судьбе книги является конкуренция книжно-бумажной коммуникации и электронно-мультимедийной коммуникации.

Для возникновения и развития русской гуманитарной интеллигенции решающее значение имело творчество писателей-аристократов духа, которое обеспечивало литературоцентризм духовной жизни России как в XIX, так и в XX веке. К сожалению, ныне в плеяде наших литераторов слишком мало талантливых и авторитетных властителей дум. Развязные постмодернистские произведения не утолили духовную жажду, а лишь замутили литературный поток. Стремительно упали тиражи толстых журналов и сократился ассортимент серьезных изданий. Зато столь же стремительно возросла (и будет расти дальше) стоимость книг, адресованных гуманитариям. Правда, в сети Интернет появилась *сетература*, претендующая на внимание не только досугового, но и делового пользователя.

Однако «сетературоцентризм» явно не заменит славный литературоцентризм, хотя кооперация интернетовских сайтов и коммерческих издательств — вполне реальная вещь. Тем не менее судьбу гуманитарного тре-

угольника в XXI веке будут решать не писатели и не издатели.

Судьба некоммерческой книги зависит от того, будет ли она востребована интеллигенцией, которая формируется сейчас на студенческой скамье. В 2000–2001 гг. было проведено межвузовское исследование «Социальная коммуникация и Я», которым были охвачены 1070 студентов 5 петербургских вузов и 14 специальностей. Выяснилось следующее:

— 70–80% студенчества — представители интеллигентских семей, располагающих значительными книжными собраниями и, стало быть, с детства приобщены к книжной культуре;

— все студенты пользуются не только вузовскими, но и другими библиотеками города, причем 47% регулярно покупают книги (правда, чаще книг приобретаются видео и аудиокассеты, компакт-диски);

— читательская активность низка: 7,5% регулярно обращаются к толстым литературно-художественным журналам; 21% читают лишь книги, рекомендованные преподавателями;

— круг чтения образуют прежде всего иностранные авторы, представлена отечественная классика и очень мало современных литераторов (многие студенты не смогли назвать ни одного из них);

— СМИ не пользуются авторитетом: 14% не читают газет, 30% не смотрят телевизор вообще, а 55% смотрят случайно (похоже, ТВ становится коммуникационным каналом для людей старшего возраста);

— самым популярным видом искусства является музыка (к ней равнодушны лишь 6,5%, более половины отнесли себя к меломанам); поклонников театра — 25%, и столько же не интересуются театральной жизнью; кинематографом увлечены 20%, зато 33% попадают в кинотеатр случайно; музеи, изобразительное искусство привлекают 20–25%; в целом, более половины студентов считают себя дилетантами в области искусства;

— Интернет используют для деловых целей и для развлечения 60%.

Налицо **дегуманитаризация** молодого поколения русской интеллигенции. Бросается в

глаза отчуждение молодежи от словесных сообщений; семантика слова вытесняется семантикой звука или изображения. Ясно, что это отчуждение не в пользу литературоцентризма. В результате — сокращение читательской вершины гуманитарного треугольника. Почему так происходит? Причин, по крайней мере, три: во-первых, трудовая повинность, которой обременены более половины студентов (около 17% заявили, что они не имеют досуга); во-вторых, дискредитация прессы, печатного слова, как и средств массовой информации, в глазах молодежи; в-третьих, бездарность нынешнего поколения литераторов.

Предвидится ли изменение этих негативных тенденций в будущем? Это произойдет в том случае, если социально-культурный, интеллектуальный, моральный кризис, поразивший Россию, начнет ослабевать. Но это, в свою очередь, возможно только при условии, что гуманитарная интеллигенция завоеует доверие общества и станет его лидером. Круг замкнулся. «Красота спасет мир», — обнадуживал нас Ф. М. Достоевский, имея в виду служителей Красоты и Добра, то есть, говоря современным языком, — **гуманитарную интеллигенцию**. Я бы сказал: Красота **должна** спасти мир, но спасение нам **не гарантировано**.

Г. Ф. ГОРДУКАЛОВА,

заведующая кафедрой гуманитарной информации
Санкт-Петербургского государственного университета
культуры и искусства, доктор педагогических наук, профессор

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ ЗНАНИЯ: ПРОШЛОЕ И БУДУЩЕЕ

Сетевой доступ к большим и удаленным массивам данных осложнил проблему отбора текстовой информации и не решил проблему оценки значимости документов/данных в системе информационных, научных, а также социальных коммуникаций в целом. Поиск информации по ключевым словам и современные классификационные схемы не позволяют выделить новое знание, отличить оригинальное от ранее известного об объекте, а также найти «неожиданно полезное» знание в непрофильных областях науки. Многословная и многозначная терминосистема современной науки требует качественно новой формы свертывания знания об объекте. Можно прогнозировать, что в следующем десятилетии произойдет переход от текстовой, словесной к изобразительной, образной форме представления научного знания.

Визуализация знания — его представление в удобной для зрительного восприятия форме. Здесь важны два уточнения:

— подразумевается не только «рисованный», зрительный (зримый) образ, но и озвученный, динамичный образ, изначально присущий человеку в восприятии, с использованием всех современных возможностей синкретичного отображения знания;

— процесс визуализации непременно коснется не только достоверного знания, но и нашего представления об объектах, включая авторское знание.

Достоверное знание формализовано в значительной мере и его легче перевести в образное. Следовательно, речь идет уже не о форме свертывания известного знания, но и

о новом языке науки. Такой язык не столько нужно изобретать, сколько вернуться к архаичным формам образной фиксации и передачи знания, начиная с нижнего палеолита.

Для обоснования этого утверждения следует пересказать события за 40 тысяч лет развития нашей цивилизации — от древнепалеолитических рисунков, протоиндийских и месопотамских печатей, когда на маленьком рисунке фиксировалось все значимое знание о мире и вносилось в каждое жилище. Дальнейший путь изображений можно описать одной фразой, как период длительной эволюции форм документализации знания (X–IV тысячелетие до н. э.): фиксация в изображениях канонизированного знания (календарь, мифологические и космогонические представления) и приоритет изустных каналов распространения нового знания — вербализация знания; возникновение письменности как способа передачи знания с постепенной утратой ведущей роли изображения (от «изображения+текст» к ризоме «текст+изображение»). Изображение становится лишь дополнительным, иллюстрирующим текст.

Несмотря на путь, пройденный за 10–14 тысячелетий, изображение пока не может конкурировать со словом в науке. Слово господствует последние 2–3 тысячелетия. Что же серьезного произошло за это время со словом? Слово множилось, но почти не изменилось — словари, основы грамматики, базовые понятия теории происхождения языка.

Главные этапы развития языкознания — от списков непонятных в Ведах слов и первого словаря санскрита ученого Амара (V или

VI в. до н. э.) к опыту формализации речи Панини «Восьмикнижие» с 4 тысячами кратких стихотворных правил (сутр) (V—IV вв. до н. э.). В частности, грамматика Дионисия Трака (II—I вв. до н. э.) оставалась основой знания о греческом языке в течение всего византийского средневековья, а затем, благодаря трудам латинских филологов, являлась образцом для создания грамматик европейских языков. Более того, в словарях Древней Греции и Рима была заложена практически вся основа современной научной лексики. Они и сейчас остаются живым истоком для «конструирования» новых терминов при обозначении самых современных достижений. Одна из причин длительного существования слова видится именно в его близости к образу объекта. Слово состоит в большей мере из эмоций, а не букв, это игра образов, которые складывались от звуков, языка звуков.

Среди древних памятников отечественной лексикографии — словарей, азбукоников — интересны словари символики (приточки), которые раскрывали иконописную символику, нередко включая ссылки на полные тексты рукописей и сами изображения. Это одна из ранних попыток соединения смысла слова и изображения.

Развитие научной терминологии шло преимущественно по пути дифференциации, формирования «гнезд» родственных частных терминов. В XX веке вошли в широкое употребление и некоторые базовые понятия, опять же заимствованные из греческого и латинского, — «ген», «информация» и др. Постепенно формировались общенаучные и отраслевые толковые словари. Выход каждого из них — достижение, снижающее информационную избыточность и понятийный шум в системе социальных коммуникаций. К 60-м годам, так усложнилась терминологическая жизнь, что стали создаваться уже не классификаторы, а дескрипторные словари, выявляющие многообразие связей между терминами в определенном предметном поле. Появились частотные словари, а затем родилось и особое решение — динамичные карты науки, сочетающие в себе свойства изображения и слова, раскрывающие связи между терминами на каждый момент их использования.

Что же было с изображением? В XVII—XIX вв. оно все больше отдалялось от слова, уходило из книг, оставив место сухим схемам и таблицам, становилось иллюстративным, дополнительным для текста. В истории науки есть примеры предельно информативных отображений, не только моделирующих, но и прогнозирующих познаваемые объекты: например, таблица химических элементов,

древо эволюции животного мира, цепочки генетических кодов, карта науки и др. Как правило, эти изображения отличаются фиксацией множественных связей в какой-либо совокупности родственных объектов.

Из достижений XIX—XX вв. для развития связи «текст — изображение» важны:

— открытие фотографии, развитие киноискусства, позднее — мультимедиа, сформировавшие иное соотношение между изображением и текстом, научившие воспринимать и быстро интерпретировать динамичное изображение;

— развитие абстрактных (нереалистических) направлений в живописи, скульптуре, архитектуре, позволивших исследовать форму, изменить и даже сломать стандартные каноны в восприятии образа;

— создание стилизованных искусственных языков, общепонятных кодов, условных обозначений, а также программного обеспечения, разрешающего быстро переходить из одной системы кодов и форматов в другие, используя только два знака — 0, 1;

— развитие научной, компьютерной графики, позволяющей обеспечивать точное воспроизведение больших массивов данных в разных координатах, масштабах, цвете, единицах измерения и др., переходить от одной формы представления информации к другой;

— появление мультимедийных и геоинформационных технологий, соединивших звук, изображение, слово, пространство.

Каждое из этих достижений является важным ресурсом для образного свертывания знания.

Могут быть выделены следующие приоритеты изображения:

1. Образ богаче обозначающего его слова, не имеет жестких границ как в отображении объекта, так и в восприятии объекта.

2. Образ активнее слова: обнаруживает и раскрывает пробелы в знании, способствует их заполнению, более точно отображает нюансы, оттенки, связи между объектами.

3. Образ более органичен для отображения и восприятия объекта, чем слово.

Таким образом, **изображение динамичнее слова, компактнее текста. Изображение синкретично отображает объект** в пределах имеющегося знания о нем, способно мгновенно раскрыть воспринимающему структуры объекта.

Изображение позволяет диагностировать объект, показать неявные связи в нем, предсказать свойства объекта, выявить тенденции его поведения во времени и пространстве. Каждый из нас знает разницу между оригинальным и неоригинальным текстом, неуловимую грань между такими текстами. Мы

часто ходим по кругу с очень малым приращением нового знания. Поэтому образное представление знания — это и толчок для развития научного знания. Речь идет о **выводном знании** об объекте, которое может быть получено на основе анализа имеющейся информации об объекте без исследования самого объекта. Изображение интернационально и органично для восприятия человеком.

Образ перспективнее слова в следующем тысячелетии. Мы шли в передаче и хранении информации от образа к знаку — наскальная живопись, протоиндийские печати, орнаменты и др., стремясь формализовать образ, сделать его более однозначным и понимаемым, в значительной мере стандартизировать информацию, представление об объекте. Сейчас знак стал недостаточным для отображения объекта, то есть начат новый, огромный цикл движения к образу при сохранении знака. Компьютерная графика, нереалистичская живопись, мультипликации, видеоклипы — это те приметы движения к образу, которые подтверждают неслучайность этого движения к нелинейности отображения информации, к многозначности форм ее представления о многозначном мире.

Если мы научимся вновь воспринимать образ как средство передачи любой информации, а не только художественной, то и информационный анализ станет другим нелинейным, вероятностным, соответствующим современному сетевому информационному взаимодействию. В результате сможем отображать знание об объекте не в виде существующих тысяч томов, а в виде образа объекта — это качественно иная форма свертывания информации. Мы станем иначе воспринимать как наличие, так и отсутствие информации об объекте. Эта мысль впервые публично защищалась в 1992 году и вызвала весьма негодующую реакцию филологов, более позитивную — у библиографов. За это время положение изменилось в лучшую сторону для самой идеи. А главное — подрастающее поколение становится и умнее, и тоньше, и меркантильнее в восприятии знания. Оно выросло на видео- и звукокультуре, органичнее воспринимает абстрактные и динамичные формы, вынуждено находиться все время на этапе выбора информации для себя. Идея перехода к изображению из постановочной превратилась почти в констатирующую, показывающую перспективы сочетания изображения и текста при явном приоритете первого из них. Значит, далее должно последовать развитие зрительных, сенсорных и телепатических возможностей человека.

Процесс перехода от приоритета текста к информационному изображению уже на-

чат и будет разворачиваться с течением времени, но будет реализовываться различными способами в науке и ее информационных структурах.

Во многих отраслях знания процесс упрощается благодаря использованию готовых форм вывода в пакетах статистической обработки данных, освоению геоинформационных и мультимедийных технологий, опыту подготовки докладов, современных учебников с максимально информативным иллюстративным материалом, формирующейся системе дистанционного обучения и т. д. Сейчас даже непрофессиональный пользователь ПК самостоятельно формирует собственную web-страницу, используя графические редакторы, разнообразные форматы представления данных. Следует отметить, что хорошая web-страница — это и есть органичное сочетание изображений с кратким текстом о ее держателе.

Не рассматривая разнообразие образов (зрительный, мысленный, сигнификативный, включая символический, художественный образ объекта), не желая как-либо нормировать использование образов для представления знания, полагаем, что следует стремиться лишь к динамичному и синкретичному изображению с максимально широким диапазоном средств: цвет, звук, движение, знаки, символы, краткие словосочетания, даты, количественные параметры, которые также нагляднее представлять оттенками, разными объемами цветовой «залитки», может быть, звуковыми и иными сигналами.

Более сложным переход к образному отображению документально фиксированного знания окажется в информационных и информационно-аналитических службах, поддерживающих масштабные базы текстовой и фактографической информации, ориентированных на получение «выводного знания». Они прямо заинтересованы в новых формах свертывания информации, но имеют большие информационные массивы, освоить которые можно уже лишь через программы автоматизированного свертывания — своеобразные конвертеры. Не пугает возможное разнообразие таких программ и выводных форм, поскольку информационные посредники адаптированы к разным форматам данных, системе ключей и кодов.

Не думаю, что будет легко прийти к образному представлению знания: как человек палеолита—неолита учился сказать слово, так и мы, столь же неловко, будем создавать некоторое подобие образа нашего знания. Д. С. Лихачев писал об анфиладном принципе создания древних текстов. Мне кажется, что и образ знания мы будем строить по такому же принципу. Все, что мы имеем,

принадлежит слову — божественному слову и книге — лучшему хранителю слова. Книга превратится в книгу с картинками, затем в книгу из картинок, в книгу с движущимися, изменяющимися картинками с минимальным текстом. Этапы движения к такой книге книг: образное свертывание «обучающего знания» в учебных курсах; параллельно — формализация знания и новая (например, цветовая) система представления знания в экспертных системах; опыт представления отдельных фрагментов знания через образ; складывание образов и их классификация;

обмен образами. Можно говорить о телепатическом, технологическом обмене образами.

А. Кларк, который почти точно предсказал высадку астронавтов на Луне, создание персонального радио и Всемирной библиотеки к 2000 г., прогнозировал создание «телепатических устройств» к 2010 г. и логического языка чуть позже. А если так, то за следующее десятилетие мы и думать должны научиться иначе, и передавать свои представления об объекте без «перекодировки» в словоформы, следовательно — через образ объекта с выделением нового знания о нем.

Т. В. ПЕТРУСЕНКО,

заведующая отделом комплектования
Российской национальной библиотеки, кандидат педагогических наук;

М. И. ДЕМИДОВА,

заведующая сектором депозитарного хранения
Российской национальной библиотеки, кандидат исторических наук,
Заслуженный работник культуры РФ

ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ Д. С. ЛИХАЧЕВА В КНИЖНЫХ СОБРАНИЯХ БИБЛИОТЕК РОССИИ

Творческое наследие Д. С. Лихачева — гордость отечественной гуманитарной науки. Истоки зарождения творческой мысли ученого связаны с его рано проявившимся интересом к научной работе, литературе и богатыми традициями петербургской науки и культуры. В одной из своих работ Дмитрий Сергеевич замечал, что его теоретические исследования во многом обязаны петербургской культуре, в которой он вырос. Он вспоминает о годах, проведенных им в Тенишевском училище, о встречах с Александром Блоком, Анной Ахматовой, Самуилом Маршакком.

Хочется сказать и о тех исключительно благоприятных условиях для творчества молодого ученого, которые ему предоставил Ленинград. Прежде всего, он получил возможность работать в Пушкинском Доме АН СССР и его научно-отраслевом архиве, где хранятся рукописи XII–XX вв., представлены рукописные фонды и коллекции многих исследователей истории фольклористики и древнерусской литературы. В качестве читателя Д. С. Лихачев мог работать в отделах рукописей и редкой книги БАН и ГПБ, в библиотеках ЛГУ и Института истории АН СССР, куда была передана библиотека бывшего Института книги, документа и письма Академии наук.

В 1954 г. Дмитрий Сергеевич возглавил сектор древнерусской литературы в Пушкинском Доме, что позволило ему организовать работу творческого коллектива этого подраз-

деления в соответствии с реальными возможностями развития академической гуманитарной науки того времени.

45 лет плодотворной работы Д. С. Лихачева в секторе (отделе) древнерусской литературы содействовали тому, что Пушкинский Дом (ИРЛИ РАН) по праву признан крупнейшим научно-исследовательским центром древнерусской литературы.

Что же касается трудов академика, то они изданы на русском, других языках народов нашей страны и иностранных языках, хранятся в библиотеках всех регионов России. Во многих работах Дмитрий Сергеевич реализовал свои научные замыслы и прежде всего в исследованиях по истории русской литературы X–XVII вв., в текстологии памятников древнерусской литературы и ее поэтике.

Под руководством Д. С. Лихачева создана «Энциклопедия “Слова о полку Игореве”» в пяти томах (СПб., 1995), под его редакцией подготовлены многие выпуски «Трудов отдела древнерусской литературы» (ТОДРЛ) ИРЛИ РАН. Работы Д. С. Лихачева освещали также многие вопросы современного состояния культуры, в том числе и деятельности библиотек.

Творческое наследие академика многогранно не только по проблемам и источникам исследований, новым подходам к поиску и решению ранее неизученных вопросов, но и по видам и целевому назначению изданий.

Рукописный фонд Д. С. Лихачева находится в ИРЛИ РАН, некоторые издания из его личной библиотеки — в БАН. В отделах рукописей других библиотек страны имеются тексты его писем, попавшие туда в качестве дара или покупки у их владельцев. Там же представлены автографы на письмах и других документах. К примеру, отдел рукописей РНБ хранит 11 писем Д. С. Лихачева, относящихся к 40–60-м гг. XX в. Среди них письмо Василию Георгиевичу Гейману (1955) с просьбой прислать сведения о своих исследованиях в области изучения древнерусской литературы с автографом Д. С. Лихачева. Кроме того, хранятся два его письма коллеге по ИРЛИ Игорю Петровичу Еремину. Одно направлено из Зеленогорска (13. 08. 1957) в связи с проделанной работой по подготовке 15-го тома ТОДРЛ, другое — из Софии (2.10.1958) по случаю пребывания его в Болгарии.

Автографы Д. С. Лихачева в РНБ имеются также на двух оттисках статьи «Борис Александрович Романов и его книга “Люди и нравы Древней Руси”» из ТОДРЛ, т. XV (1958) с дарственными надписями Е. В. Романовой, И. В. и Т. Е. Егоровым.

Помимо этого в РНБ есть автографы по случаю дарения:

— филологу Н. И. Мордовченко на форзаце книги «Новгород Великий» (Л., 1945);

— ГПБ на оттиске статьи «Галицкая литературная традиция в житии Александра Невского» из ТОДРЛ, т. V (1947);

— отделу рукописей ГПБ автографы Д. С. Лихачева и А. М. Панченко в книге «Смеховой мир Древней Руси» (Л., 1976);

— собирателю, библиофилу Я. Б. Рабиновичу три автографа Д. С. Лихачева на форзаце книг:

1) «Поэзия садов» (Л., 1982);

2) «Письма о добром и прекрасном» (М., 1983);

3) «Литература — реальность — литературе» (Л., 1984).

Публикации работ Д. С. Лихачева наиболее полно представлены в БАН, РНБ, РГБ, а также других библиотеках, получающих бесплатный обязательный экземпляр документов, — ГПИБ РФ, НБ МГУ, ГПНТБ СО РАН, Хабаровской КУНБ, ИНИОН РАН и архиве РКП.

До 90-х гг., то есть до времени сокращения финансовых возможностей библиотек на комплектование фондов, многие труды Д. С. Лихачева можно было найти в центральных библиотеках субъектов РФ и библиотеках НИИ языка и литературы. Сейчас при очень выборочном комплектовании фондов этих библиотек далеко не все работы Д. С. Лихачева, изданные в 90-е гг. XX в., поступили в их

фонды. К сожалению, мало работ ученого приобретает публичными (массовыми) библиотеками России. Изучение книжного ядра современной публичной библиотеки, проведенное на основе рейтинговых опросов экспертов и библиотекарей-практиков, показывает необходимость включения в это книжное ядро следующих работ Д. С. Лихачева:

1) «Великое наследие» (классические произведения литературы Древней Руси);

2) «Заметки о русском» (сборник);

3) «Исследования по древнерусской литературе» (сб. статей);

4) «Поэзия садов» (к семантике садово-парковых стилей);

5) «Поэтика древнерусской литературы»;

6) «Слово о полку Игореве» (1986; Вступительная статья Д. С. Лихачева);

7) «Воинские повести Древней Руси» (М.; Л., 1999; Сборник подготовлен при участии Д. С. Лихачева).

Среди более 300 названий книг, отраженных в Главном алфавитном каталоге РНБ, автором, составителем или редактором которых был Д. С. Лихачев, основную часть составляют научно-исследовательские и источниковедческие издания. Это фундаментальные исследования по истории и текстологии древнерусской литературы, академические издания текстов древнерусских памятников и документов, снабженные обстоятельным комментарием и развернутым справочным аппаратом в серии «Литературные памятники».

Результаты творческой работы Д. С. Лихачева оформлены в виде монографий, научных докладов и статей, текстологических исследований, сборников писем и воспоминаний, учебных пособий для студентов и школьников, научно-популярных изданий для широкого круга читателей.

Связи Дмитрия Сергеевича Лихачева с библиотеками и РНБ в частности были многосторонними. Не случайно вместе с опубликованным Указом Президента Российской Федерации № 539 от 27 мая 1995 г. по инициативе Российской библиотечной ассоциации (РБА) один из выпусков основного издания РБА — «Информационного бюллетеня» — был специально посвящен Д. С. Лихачеву в связи с его 90-летием. Это № 3(6) за 1996 г. Вообще, это уникальный случай, когда бюллетень РБА посвящается кому-то персонально — такое не принято. Посвящение Д. С. Лихачеву — единственный случай в истории данного издания. В номере также опубликована его фотография, сделанная во время посещения РНБ 18 ноября 1996 г., приведены некоторые из важнейших высказываний о книге, библиотеках, библиотекарях. В посвящении «От редакции» подчеркнута роль

академика как друга библиотек и читателя, его заслуги «в признании обществом и государством высокой общественной миссии библиотек, как основы духовного и интеллектуального развития страны, ее народа».

Особая тема — Д. С. Лихачев и отдел рукописей РНБ. Дмитрий Сергеевич с 1930 г. — читатель этого отдела. И поныне там хранятся письма-отношения Пушкинского Дома с просьбой разрешить их сотруднику Д. С. Лихачеву пользоваться фондом отдела рукописей, собственноручно заполненные им анкеты и заявления. Дмитрий Сергеевич сам вырос как исследователь в этих стенах, его ученики ходили и ходят в отдел рукописей «публички».

Имя Д. С. Лихачева и его работы о ГПБ отражены в библиографических указателях «Государственная публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (1814–1986)» и «Российская национальная библиотека (1987–1994)».

Необходимо сказать и о других информационных ресурсах, которыми располагает РНБ в связи с личностью Д. С. Лихачева. Среди них упомянем подготовленный АН СССР в серии «Материалы к библиографии ученых СССР» 17-й выпуск, посвященный Д. С. Лихачеву, а также «Библиографию работ по древнерус-

ской литературе» в 8-ми книгах (1917–1922), издаваемую Пушкинским Домом (под ред. Н. Ф. Дробленковой и О. В. Творогова).

Разумеется, РНБ располагает информационными изданиями РКП, бюллетенями ИНИОН, Информкультуры, другими сборниками, где говорится о работах ученого.

Может быть, менее известны электронные носители РНБ, содержащие сведения о жизни и творчестве Д. С. Лихачева. Во-первых, это электронный каталог РНБ, во-вторых — электронные базы данных, приобретенные или созданные в РНБ и содержащие информацию о нем. Так, в электронных носителях, созданных сотрудниками РНБ, содержится обширная информация о Д. С. Лихачеве. В базах данных информационно-библиографического отдела «Литература о Петербурге» удалось найти 45 публикаций Д. С. Лихачева и 26 работ о нем. В электронной базе газетного отдела (в базах данных ежегодников газетных статей с 1992 г.) найдено 170 записей, связанных с академиком.

Очевидно, информационные ресурсы РНБ предоставляют исследователям творчества Д. С. Лихачева, специалистам, простым читателям достаточно много возможностей для изучения трудов этого видного ученого.

А. С. АСВАТУРОВ,

заведующий отделом национальных литератур
Российской национальной библиотеки

КОНЦЕПЦИИ Д. С. ЛИХАЧЕВА В ФОРМИРОВАНИИ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЙ КНИЖНОЙ КУЛЬТУРЫ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

При том внимании, которое академик Д. С. Лихачев уделял проблемам сохранности книжных богатств, экологии культуры, нельзя обойти вопросы сохранения традиционной книжной культуры города как многонациональной. С момента основания Петербург складывался как полиэтнический, поликультурный город. Бытование национальной книги в Петербурге — неотъемлемая часть истории города.

С начала XIX в. в Публичной библиотеке формируется крупнейшая в стране коллекция произведений печати на языках народов Российской империи. Вместе с тем книги на грузинском, армянском, татарском и других языках можно было найти и в частных библиотеках петербуржцев XIX в. Долгое время в личном владении императорской фамилии находилась библиотека царевича Иоанна, сына последнего грузинского царя Георгия XII. В нее входили первые печатные грузинские книги, рукописи, частная переписка

членов царской семьи. В 1880 г. коллекцию купила Публичная библиотека. Рукописи поступили в рукописное отделение, а книги — в восточное отделение печатных книг, где они растворились в грузинском фонде. Лишь в прошлом году усилиями сотрудников рукописного и национального отделов О. Васильевой и Ш. Жабко по владельческим отметкам было выявлено более 30 книг, входивших в коллекцию. Среди них оказалось и первое печатное издание «Витязя в тигровой шкуре» Ш. Руставели с удивительной маргиналией: «Этот “Витязь в тигровой шкуре” Григолацаревич. Дай Бог ему употреблять книгу сию в здравие. Кто украдет, пусть прервется у того благославление, существование и будет проклят духовным проклятием в обеих жизнях от Святого Духа. Аминь!»

С середины XIX в. в городе действуют национальные общества, многие из которых заводят собственные библиотеки. В 1905 г. в Петербурге вышла первая общероссийская

газета на татарском языке «Нур». Газета могла появиться лишь при наличии достаточно большого числа читателей, владевших исторической татарской письменностью. Активно работавшие в 20-е — начале 30-х гг. национальные библиотеки при Домах политпросвета к 1937 г. закрылись. До конца 1980-х гг. «публичка» оставалась единственным местом, где представители этнических меньшинств города могли читать книги на родном языке. Изначально отдел национальной литературы не был нацелен на обслуживание диаспор города. Выделение «восточных» книг без различия их содержания в отдельное хранение произошло в рамках ориенталистского курса с его дихотомией Восток—Запад. В своем, ставшем классическим, труде «Ориентализм» Эдвард Сеид пишет: «Огромное число авторов, среди которых были поэты, романисты, философы, политологи, экономисты, и администраторы империй приняли это базовое различие между Востоком и Западом в качестве исходной точки для разработки теорий, написания романов, описания обществ, для политических прогнозов относительно Востока, его народов, их судьбы и т. д.».

Ориентализм был представлен и в России. Говоря о различных видах научных дискурсов, Мишель Фуко понимает их не только как рассуждения, но и как практику, которая систематически формирует объекты, о которых они (дискурсы) говорят. Таким формируемым объектом в ориенталистском дискурсе выступает Восток в целом.

Заведующий восточным отделением Публичной библиотеки в 1853–1869 гг. был известный ориенталист Каэтан Андреевич Коссович, предложивший, кстати, назвать факультет восточных языков «восточным». Факультет был местом подготовки тех, кто был призван и имел право говорить о Востоке. Восточное же отделение Императорской публичной библиотеки рассматривалось как поле документации ориенталистского дискурса. Отделение было призвано обслуживать не представи-

телей, проживавших со времен Петра I татарской или грузинской диаспор, но, говоря современным языком, специалистов по Востоку. Именно эти люди говорили и писали о Востоке, обретая в ориенталистском дискурсе свою неповторимость и престиж. Кстати, способность человека с Востока квалифицированно разбираться в собственном культурном наследии вызывала у тогдашней образованной русской публики немалое изумление. В газете «Туркестанские ведомости» от 4 сентября 1873 г., например, была помещена статья о посещении Публичной библиотеки кашгарским посланником Таргат Ходжой. Признав основательные познания посланника в библиографии, корреспондент не может удержаться и добавляет: «которых трудно было ожидать от азиатца».

Сегодня 600 тыс. жителей Петербурга являются представителями более чем 100 национальностей. При наличии потенциально большого числа читателей существуют факторы отрицательно влияющие на бытование национальной книги в городе. Нет магазина, где можно купить книги на родных для тысяч петербуржцев языках, нет радио- и телепередач на национальных языках. Такие группы читателей, как пенсионеры и младшие школьники, на практике не имеют доступа к библиотечным фондам на родном языке. Отдел национальной литературы РНБ в настоящее время единственная в городе общедоступная библиотека с богатыми фондами на языках народов России и бывшего СССР. У отдела установились хорошие отношения со многими национально-культурными обществами города. В читальном зале отдела регулярно проходят встречи с художниками, поэтами и учеными нашего многонационального города. Звучит татарская, марийская, ингушская речь. Переезд отдела с полутора-миллионным фондом из «спального» района в новое здание РНБ создал благоприятные условия для полноценного обслуживания петербуржцев.

Ю. М. ТАРАСОВА,

заведующая отделом изданий Академии наук
Библиотеки Российской академии наук

АКАДЕМИЧЕСКОЕ СОБРАНИЕ БИБЛИОТЕКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК: ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ

В Петербурге есть уникальное собрание, аналога которому нет в мире, — Академическое собрание Российской академии наук. Хранящиеся здесь труды главного научного учреждения страны, Академии наук — ее ученых, аспирантов и академических сотруд-

ников, являются документально запечатленной историей становления и развития отечественной науки. Академическое собрание — ядро первой государственной научной библиотеки России — Библиотеки Российской академии наук (БАН), основанной Петром Вели-

ким в 1714 году. Сегодня — это самая полная коллекция академических изданий по всем направлениям науки входит в состав отдела изданий Академии наук.

Отдел изданий Академии наук включает в себя не только архивное Академическое собрание (710 000 томов), но и Бронированный фонд академических изданий Президиума Академии наук (этот фонд основан в 1728 году и насчитывает 1 800 000 единиц хранения). Совокупный фонд академических изданий превышает 2 500 000 томов.

Попытки выделить академические издания в БАН и хранить их отдельно предпринимались еще в первой половине XVIII века. Так, уже в первом описании Академии наук 1741 года «Палаты Санкт-Петербургской Академии наук, Библиотеки и Кунсткамеры» на одной из гравюр плана академической библиотеки видно помещение для изданий Академии, магазин с книгами академической печати. В 1751 году канцелярия Академии наук дала указание книжной лавке Академии собрать по два экземпляра всех вышедших в Академической типографии изданий и передать их в Академическую библиотеку. В БАН было передано 184 названия трудов академиков и «Комментарии Академии наук», которые легли в основу Бронированного фонда. Однако в дальнейшем поступающие академические издания разошлись по разным отделам общего фонда Библиотеки.

С начала 1930 года БАН, как и вся Академия наук, решительно вступила на путь коренной реформы. В структуре библиотеки в качестве особого структурного подразделения было создано специальное собрание академических изданий — Бронированный фонд Академического собрания, так этот фонд именовался вплоть до 1944 года, когда в состав БАН вошел Бронированный фонд академических изданий Президиума Академии наук. Для Академического фонда, входящего в отдел особых фондов Библиотеки, отбирались академические издания из всех ее фондов. В результате совместных усилий в 40-е годы фонд насчитывал уже 50 000 единиц хранения. При этом сформировались четыре основные коллекции академических изданий: периодические издания на русском, иностранных языках; книги на русском и на языках народов СССР; книги на иностранных языках; и малостраничные издания (оттиски статей, тезисы и т. д.). Во время Великой Отечественной войны книги архивного Академического собрания подлежали в числе наиболее ценных изданий БАН обязательной эвакуации и были вывезены в Москву. В начале 1945 года все книги вернулись на место постоянного хранения, и уже в июне 1945 года на больших

юбилейных выставках в честь 220-летия Академии наук в Москве и Ленинграде экспонировались уникальные академические издания из Академического собрания и Бронированного фонда Президиума Академии наук.

В апреле 1958 года Президиум Академии наук принял постановление о передаче БАН научных работ, которым были присуждены золотые медали и именные премии. Эти работы присылались в Библиотеку из Президиума Академии наук вместе с сопроводительными документами и подлежали постоянному хранению. Они составили еще одну, особую коллекцию, насчитывающую более 10 000 единиц хранения.

На протяжении всей своей истории Академическое собрание не было застывшим, архивным образованием. БАН формировала академическими изданиями фонды 132 библиотек всех республик, входивших в СССР, куда было передано свыше 800 000 томов.

В 1986 году, поворотном для истории Академического собрания, были предприняты структурные преобразования и на базе двух фондов (Академического собрания и Бронированного фонда Президиума Академии наук) был создан комплексный **отдел** изданий Академии наук. Понимая значимость работы академического собрания, с целью совершенствования оперативного информационного библиографического обслуживания ученых изданиями Академии наук, **отделу** предписывалось продолжать работы по составлению уникального ежегодного библиографического указателя всех изданий Академии наук (в печатной форме, а в последние годы — на компакт-дисках). В настоящее время фонд **отдела** комплектуется всеми изданиями Академии наук на правах обязательного экземпляра — из всех научных учреждений, по всем отраслям знаний и на всех языках. В течение двух месяцев, не прекращая обслуживания читателей, был впервые оборудован специализированный читальный зал с уникальным справочным аппаратом, что позволило оперативно обслуживать читателей всеми видами академических изданий.

Одной из важнейших форм работы с академическими изданиями является их пропаганда путем организации книжно-иллюстративных выставок и подготовки их каталогов и путеводителей. Такие выставки, на которых экспонируются уникальные академические издания, начиная с XVIII века, неизменно привлекают внимание широкой научной общественности, как в стране, так и за рубежом. Поэтому такие выставки часто организуются не только в стенах БАН, но и на международных книжных выставках-ярмарках в разных городах России и университетских цент-

рах зарубежных стран. Так, в мае 1998-го выставку, посвященную 270-летию основания типографии Академии наук и 270-летию Бронированного фонда академических изданий, организованную совместно с Правительством Санкт-Петербурга, посетил Дмитрий Сергеевич Лихачев. Он внимательно слушал обзорный рассказ о выставке, осмотрел первые академические издания и обратил особое внимание на книги со штампами «Повреждено наводнением 1824 года». Его заинтересовало, сколько таких книг сохранилось в фондах. Узнав, что их более 200, выразил благодарность за хорошую сохранность уникальных академических фондов. Большой резонанс получила юбилейная выставка, посвященная 300-летию Российского флота. Выставку посетили свыше 1000 человек. Опубликованный каталог выставки «300 лет Военно-морскому флоту России» уже стал библиографической редкостью. В 1999 году, юбилейном для Академии наук, когда отмечалось ее 275-летие, именно сотрудникам **отдела** Президиумом Академии наук было поручено составить списки президентов и почетных членов Академии наук с момента ее образования, которые легли в основу юбилейного справочника по Академии наук. В эти дни юбилейная выставка была организована в Президиуме Академии наук в Москве, а в конце сентября — в ЛЕНЭКСПО. Ее посетили члены Президиума Академии наук и члены Правительства Санкт-Петербурга во главе с губернатором В. А. Яковлевым.

Другой перспективной формой работы является создание электронного каталога академических изданий XVIII века. По его завершении будет создана уникальная научная база данных по всем академическим изданиям на протяжении целого века, начиная с самых первых изданий Академической типографии.

Несмотря на 300-летнюю историю Академического собрания, сотрудники **отдела** не замыкаются в рамках высокой академической науки и заботятся о приобщении к национальному достоянию подрастающего поколения. Отдел имеет единственный в своем роде опыт работы со школой искусств Василеостровского района. Учащиеся школы занимаются в читальном зале, активно интересуются историей, готова конкурсные работы, участвуя в викторинах, получают консультации по теме «История Академии наук». Несколько школьных работ, выполненные на базе Академического собрания, получили первые премии на городских конкурсах. БАН и «Школа искусств на Васильевском» были в числе организаторов первой научной конференции Петербургской академии наук и образовательных учреждений Василеостровского района.

Деятельность по формированию и раскрытию Академического собрания легла в основу первого диссертационного исследования. Отрадно, что оно написано и успешно защищено в виде кандидатской диссертации сотрудницей **отдела** изданий Академии наук Т. В. Кульматовой.

История становления, сохранения и развития единственного в своем роде Академического собрания подтверждает слова академика С. Ф. Ольденбурга, написанные еще в 1919 году как раз об этом хранилище: «Как только наступит успокоение взволнованного мира, мирная работа, прежде всего, потребует культурных орудий, к каковым принадлежат книги. Мы должны хранить, беречь, уцелевшие у нас запасы этих орудий, чтобы быть в состоянии передать их тем, кому суждено стоять под знаменами науки». Эти слова, как никогда, актуальны в наши дни и служат нам прямым заветом по сохранению культурного наследия Отечества и приумножению славы российской науки.

М. А. ЧЕРНЯК,

доцент кафедры новейшей отечественной литературы Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена,
кандидат филологических наук

СУДЬБА КНИГИ В XXI ВЕКЕ: К ВОПРОСУ О ФЕНОМЕНЕ МАССОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В последние годы произошли серьезные изменения в «литературном пейзаже». Полифония сегодняшнего дня внесла серьезные коррективы в фабульно-тематический и жанровый диапазон современной литературы. На наших глазах изменяются маршруты литературного формотворчества, привычный об-

раз литературного пантеона. Резкое расслоение читательской аудитории, сужение каналов культурной коммуникации, изменение доминантного кода культуры определяют актуальность не только эстетических, но и социокультурных характеристик современной литературы. Очевидным становится и то, что

картина истории литературы XX в. будет поистине полной лишь тогда, когда в нее будет включен литературный поток, называемый массовой литературой. Ведь еще в 1924 году В. М. Жирмунский справедливо отмечал, что «вопросы литературной традиции требуют широкого изучения массовой литературы эпохи». Исключение из поля исследования этой литературы лишает литературный процесс фона и контекста, так как существование массовой литературы — знак крупномасштабных социальных и культурных перемен в обществе. Развитие литературы коррелируется с развитием общества.

На рубеже веков, когда оппозиция «массовое — элитарное» обостряется, становится знаком эпохи, происходит своеобразный «спуск в основания» (Гегель), взрываются исторически слежавшиеся пласты художественного мышления. Вспоминаются слова Б. Эйхенбаума: «Слова и вещи существуют в двух планах: конкретность перерастает в символику, малое — в большое, бытовая мелочь — в формулу эпохи».

В массовой литературе, современном аналоге фольклора, городского эпоса и мифа, как правило, можно обнаружить описание общественных нравов, картину жизни города. Эта словесность обращена к современности, а поэтому содержит самые броские, хроникальные приметы нынешнего дня. Герои действуют в узнаваемых социальных ситуациях и типовой обстановке, сталкиваясь с проблемами, близкими массовому читателю. Не случайно критики говорят о том, что массовая литература в какой-то степени пополняет общий фонд художественного человековедения. Ю. М. Лотман определяет массовую литературу как понятие социологическое, которое «касается не столько структуры того или иного текста, сколько его социального функционирования в общей системе текстов, составляющих данную культуру». Сама технология коммерческой литературы позволяет отразить сегодняшний день, так как по заказу издательства работа над текстом идет 4–5 месяцев. Поэтому в какой-то степени массовую литературу можно сопоставить со средствами массовой информации: детективы, мелодрамы, фэнтези и др. прочитываются и пересказываются друг другу, подобно свежей газете или глянцевого журнала. На страницах отечественных детективов герои посещают узнаваемые, престижные рестораны и магазины, встречаются с действующими политиками, обсуждают те же проблемы, которые только что будоражили средства массовой информации, пьют разрекламированные напитки, одеваются в мод-

ные одежды. Современные «глянцевые писатели» настолько привыкли апеллировать к кинематографическому опыту читателей, что портрет героя может ограничиться фразой: «Она была прекрасна, как Шерон Стоун», или «Он был силен, как Брюс Уиллис». «Горизонт читательского ожидания» сегодня прочно связан с визуальными образами. Так, например, А. Маринина в интервью «Книжному обозрению» (сентябрь 2000 г.) рассказывала о создании нового произведения и реакции на него слушательницы: «Когда я зачитывала первые 12 страниц вслух подруге, та сразу сказала: “Героиня — это типаж понятно какой, писатель — типаж понятно какой, а маму как себе представлять, такую маленькую, типа Ахеджаковой, или дородную, типа Мордюковой?”»

К концу XX века благодаря кинематографу, телевидению, рекламе, Интернету возникла новая оптика видения человека. Очевидно, что за последние десять лет в России сложились устойчивые структуры поведения читателей, во многом продиктованные рекламой, формирующей определенные имиджи. Можно говорить о разных секторах массовой культуры, со своей совокупностью транслируемых значений и образцов. В фокусе внимания массовой литературы стоят, как правило, не эстетические проблемы, а проблемы репрезентации человеческих отношений, которые моделируются в виде готовых игровых правил и ходов. Разнообразие массовой культуры — это разнообразие социального воображения (например, любовный роман и детектив помогают читателю вырабатывать свою стратегию поведения).

Если оттолкнуться от идеи современных философов о том, что искусство XX века посвящено теме невозможности чуда в современном реальном мире, то можно сказать, что массовая литература стремится восполнить эту лакуну. Следует согласиться с Т. Чередниченко, которая видит особенность современной культуры в «сплющивании» идеалов бытия в плоскостную фактуру повседневного быта.

Зависимость современной массовой литературы от внелитературного контекста, от кинематографа, рекламы, Интернета и других форм выражения коллективных желаний и фантазий читательского большинства неизбежно трансформирует «горизонт ожидания читателя».

Завершается ли с экспансией массовой культуры, стремительным развитием новых информационных технологий и очевидной утратой литературоцентризма эпоха Гутенберга? Находится ли судьба книги как инструмента трансляции культуры под угрозой? На эти вопросы даст ответ только время.

И. А. МАНКЕВИЧ,доцент кафедры русской и зарубежной литературы
Ленинградского государственного областного университета,
кандидат педагогических наук

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА КАК ИСТОЧНИК КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ

Новая эпистемологическая ситуация, сложившаяся в современном гуманитарном знании на рубеже веков, ориентирует ученых на развитие феноменологического направления в исследовании культуры. Историк, литературовед, культуролог, изучая источники социальной информации разной природы и функций как продуктов социокультурной деятельности людей и феноменов культуры, неминуемо выходят за пределы узкопрофессиональных исследовательских задач, обращаясь к «коллективному разуму» гуманитарных наук. Художественная литература как источник культурологической информации — сложная комплексная проблема, находящаяся в сфере компетенции различных междисциплинарных областей гуманитарного знания, включая источниковедение, филологию, культурологию, семиотику, книговедение и теорию социальной коммуникации. Сущность указанной проблемы состоит в определении источниковедческого статуса (специфики, функций, места в системе источников социальной информации) и информационного потенциала (ценность, структура, типология, свойства) художественной литературы как феномена культуры. Расширяя сферу приложения своих методов и одновременно сохраняя традиционную связь с исторической наукой, источниковедение формирует корпус отраслевых источниковедческих дисциплин, в том числе в сфере литературоведения и культурологии.

В данном контексте культурологическая информация рассматривается как специальная социальная информация о фактах (события, явления, люди) и концепциях (идеи, теории) в истории культуры, осмысленная с позиций системного культурологического знания. Соответственно художественная литература как объект культурологического анализа и ее источниковедческий потенциал (предмет) рассматриваются как феномены культуры. При таком подходе статус «культурологичности» в глазах исследователя (в сознании познающего субъекта) обретают самые разные явления культуры, явно или скрыто «живущие» в тексте литературно-художественного произведения (идеалы и символы эпохи, общественные настроения и мнения, ценностные ориентации и модели поведения, духовно-предметная среда и интеллектуальная мода, социальные нормы и эстетика повседневности, праздники и развлечения).

Анализ источниковедческого потенциала и функций художественного произведения находится в прямой зависимости от исходной установки исследователя на проблему соотношения искусства и действительности (в данном контексте: литературы и действительности) и от степени преодоления им мнимого противоречия между историко-культурным характером исследования и литературно-художественным материалом. Традиционное литературоведение, наследуя идеи реалистической эстетики позапрошлого столетия, отождествлявшей литературное произведение с реальностью, породило множество концепций относительно сущности и роли литературы в обществе, которые с известной долей упрощения можно свести к следующим вариантам: литература есть отражение общества, литература есть средство воздействия на общественное сознание, литература есть средство социального контроля. Структуралисты 60–70-х гг. XX в. видели в художественном тексте, в реальной жизни и человеческой личности продукт внутренней организации, структуру. В эти же годы Ю. М. Лотман предлагает единый подход к описанию литературного текста как художественного мира со своей собственной организацией и мира внелитературного, где повседневное поведение человека рассматривается как текст, как реализация культурных кодов, формирующихся под непосредственным воздействием литературы и искусства. С позиций постструктуралистских концепций методология исследования литературного текста заключается в выявлении в нем внутренней противоречивости, обнаружении скрытых и ускользающих от неискушенного читателя и самого автора, «спящих», «остаточных смыслов» (Ж. Деррида). Последние являют собой наследие речевых практик прошлого, закрепленных в языке в форме неосознаваемых мыслительных стереотипов, которые, в свою очередь, столь же бессознательно и независимо от автора текста трансформируются под воздействием языковых клише его эпохи.

Траектория движения литературоведческой мысли соответственным образом отражалась и на судьбе источниковедческой «оптики» в отношении художественной литературы. Так, дореволюционная академическая школа в духе традиций позитивистского литературоведения отождествляла историю литературных типов с историей реальных людей.

В советском источниковедении художественная литература оценивалась главным образом на уровне вспомогательного и субъективного источника. В конце XX в. академическое источниковедение рассматривает произведения художественной литературы как «источник формирования исторических представлений» у массового читателя, как ценный материал «для понимания менталитета времени их создания и дальнейшего бытования...» (С. О. Шмидт). Новейший взгляд на художественную литературу как историко-культурологический источник демонстрирует последнее издание учебного пособия «Источниковедение: теория, история, метод» (М.: РГГУ, 2000).

В методологическом плане возможность задавать художественной литературе серьезные историко-культурные вопросы возникла в результате переосмысления как позитивистского, так и структуралистского литературоведения в пользу информационно-семиотического подхода (У. Эко, Ю. М. Лотман). В рамках семиотики, ставшей методологическим основанием лучших исторических интерпретаций художественных произведений, текст мыслится не как стабильный предмет, имеющий постоянные признаки, а в качестве функции. «В понятие текста вводится презумпция создателя и аудитории, причем эти последние могут не совпадать по своим объемам... Третьим компонентом является наличие определенных структурных признаков, воспринимаемых как сигналы текста. Пересечение этих трех элементов создает оптимальные условия для восприятия объекта в качестве текста» (Ю. М. Лотман). В свете семиотического подхода к литературно-художественному тексту как источнику культурологической информации снимается тезис о механическом отражении реальности (контекста) в тексте. Культуролог рассматривает текст как объект реального мира, как феномен культуры, формирующий идеи и представления людей. Таким образом, речь идет о функционировании текста в контексте, о функции художественного образа в сознании читателя, в социальном пространстве и времени. В рамках информационно-семиотического подхода снимается вопрос о претензиях «высокой литературы» на исключительную привилегию быть объектом изучения ценностных ориентаций создателя художественного произведения и его героев. С этой точки зрения малохудожественные, но популярные произведения представляют исключительно ценный материал, «так как они — свидетели повторяемости, широкой адаптации идей, превращения их в предмет массового потребления» (М. Могильнер). Семиотический подход к художественной литературе,

позволяя апеллировать к внутренней точке зрения участников культурного процесса, способствует реконструкции системы ценностных ориентаций писателей, литературных героев, читательской аудитории в рамках историко-культурного контекста.

Введение в широкий научный оборот французскими филологами-постструктуралистами понятия «интертекстуальность» как метод прочтения любого текста и области функционирования взаимодействующих текстов разных культурных традиций, по существу, лишило художественный текст — «мозаику цитации» — «бессознательных и автоматических» (Ю. Кристева, Р. Барт), как реальных, так и виртуальных, границ. Таким образом, «текст-письмо», трансформируясь в «текст-чтение», приобретает бесчисленное число вариаций, зависящих от тезауруса «читающего».

Новые возможности для изучения информационного потенциала художественной литературы предоставляет социально-коммуникационный подход (СКП), трактующий социальные коммуникации как «движение смыслов в социальном времени и пространстве» (А. В. Соколов). Теоретический потенциал СКП позволяет выявлять скрытые пласты бытования смыслов культуры, моделируя ее явления как социально-коммуникационные системы (СКС). Анализ художественного текста как СКС или компонента другой СКС осуществляется на основе категорий метатеории социальных коммуникаций (социальное пространство, время, социальная память, социально-коммуникационная деятельность, субъекты коммуникации, коммуникационные потребности, каналы и др.). Жизненные циклы художественного текста, начиная от рождения его образа в сознании творца, далее «успения» (овеществление), «вознесения» (распространение) и «воскресения», но уже в другой жизни и в другом обличье, заключают в себе различные «срезы» бытования культурологической информации. Каждый из «срезов» фиксирует взаимосвязь и взаимодействие различных компонентов СКС, ядром которой является триада «автор — произведение — читатель» (социокультурная среда — писатель; писатель — художественный текст; художественный текст — художественный текст; писатель — литературные герои; литературные герои — литературные герои; литературные герои — читатель; художественный текст — читатель; писатель — читатель; художественный текст — социокультурная среда; писатель — социокультурная среда). В зеркале метатеории социальной коммуникации эти коммуникационные ситуации могут быть «прочитаны» как жанры коммуникационных сообщений, текстов.

Дальнейшее развитие темы предполагает нахождение ответов на вопросы методологического характера. Например, в какой мере художественная литература способна выполнять функции источника культурологической информации и в какой мере оценка ее информационного потенциала зависит от литературоведческих и культурологических концепций, с позиций которых анализируются художественные произведения; в чем проявляется специфика источниковедческих функций художественных произведений, принадлежащих к различным направлениям, течениям, жанрам; каковы в этой связи «ареалы» обитания культурологической информации и способы их познания в художественных текстах? Проблема художественной литературы как источника культурологической информации — это прежде всего проблема истоков, сущности и бытия литературно-художествен-

ного текста как феномена культур, породивших и «усыновивших» его. По разнообразию культурологических сюжетов эта источниковедческая проблема поистине неисчерпаема. Она будет оставаться актуальной до тех пор, пока жив другой феномен культуры — читатель. В таком прочтении «рукописи» действительно «не горят», даже если они вполне реально по воле злого рока (пожар в хранилище), или самого творца («19 октября сожжена X песнь». А. С. Пушкин), или виртуально, подчиняясь авторскому произволу («Зина! ... Переписка называется ... как его? ... Энгельса с этим чертом ... В печку ее!» М. А. Булгаков), оказываются в огне. «Огнестойкой» по отношению к любым социальным пространствам и временам художественная литература, книга оказываются благодаря читателю, исследователю, гуманитария, придающему «старым» истинам новое звучание.

О. Н. ИЛЬИНА,

доцент кафедры гуманитарной информации Санкт-Петербургского гуманитарного университета культуры и искусства,
кандидат педагогических наук

ЛИЧНЫЕ БИБЛИОТЕКИ КАК ПАМЯТНИКИ КУЛЬТУРЫ

На всем протяжении письменной истории человечества существовали личные библиотеки. Большая часть из них погибла, другие распались и растворились в мировом книжном океане, лишь немногие сохранились более или менее в первоначальном виде и представляют в современном мире культуру своего времени и личность владельца, раскрывая духовные искания, ценности эпохи и порожденный ею тип человеческой личности.

Необходимость отношения к личным библиотекам как памятникам культуры, целесообразность их изучения и включения этих сведений в сферу историко-культурных исследований отмечали такие видные ученые прошлого, как В. С. Иконников, Н. П. Киселев, М. Н. Куфаев, Н. Ф. Федоров. Уже сравнительно недавно проблемы, связанные с личными библиотеками, с книгой и культурой, с применением книговедческих методов и результатов книговедческих исследований в источниковедении, были рассмотрены в работах А. С. Мыльниковой, К. Мигоня, В. И. Харламова и ряда других авторов. С середины 80-х годов в научный оборот вводится термин «книжный памятник», тем самым книга рассматривается в ряду других памятников истории и культуры: научных, литературно-художественных, изобразительных, архитектурных и т. д.

При определении книги как «памятника» основополагающее значение имеет понимание «памятника» как ценностной категории, охватывающей результаты человеческой деятельности, в высокой степени отразившей культуру и исторические особенности той или иной эпохи. Книжный памятник воплощает и синтезирует в себе литературно-художественные, научные и другие памятники, кроме того несет информацию о книжной культуре времени.

Если определять ценность личных библиотек, то важно учитывать не только ценность отдельных, входящих в них книг, но и интегрированную ценность собрания, которая складывается из уникального сочетания различных книг и тех свойств, которые приобретает книжное собрание в целом, а также отдельные его экземпляры в процессе историко-культурного бытования.

В судьбе любой личной библиотеки можно выделить два периода: при жизни владельца и после его смерти. При жизни владельца библиотека — живой организм, она изменяется, пополняется, отражает различные стороны его жизни, круг общения и интересов. Именно тогда она приобретает те ценностные свойства, которые делают ее уникальной. Чем дольше живет книжное собрание, тем больше разнообразных следов

оставляет на нем время: индивидуальные переплеты, конволюты, экслибрисы, пометы, владельческие и дарственные надписи, вложения, следы чтения. Это те неповторимые черты, которые не могут быть заменены и дублированы.

Особый интерес представляют семейные библиотеки, которые служили не одному поколению.

На первом этапе личная библиотека имеет ту или иную функциональную направленность: служит инструментом в профессиональной и творческой деятельности, доставляет радость и удовольствие, является объектом коллекционирования и т. д. Очевидно, что ценность библиотеки определяется также ее типом (рабочая, творческая, библиофильское собрание, библиотека просто любителя чтения), масштабом личности владельца, его социальным статусом.

Второй период в судьбе личной библиотеки может проходить по-разному, даже при неблагоприятных обстоятельствах (частичная гибель, продажа, рассеяние собрания и т. д.) ценность ее может возрасти. В этот период библиотека приобретает несколько иные ценностные свойства, чем в первый: жизнь отдельных экземпляров может продолжаться в других собраниях; на увеличении ценности сказывается и временной фактор. Вместе с тем, если во втором периоде библиотека перестает существовать как самостоятельное собрание, то утрачивается ее интегративная ценность или полностью, или частично, в том случае, когда сведения о библиотеке отражены в каталогах или других документальных источниках.

Если в первый период библиотека — прежде всего источник для получения информации — профессиональной, эстетической, то во втором — библиотека, даже сохраняясь как живой и рабочий организм, все больше приобретает функции памятника культуры. Личное собрание выступает свидетелем времени, становится историко-культурным источником, к которому чаще обращаются не за той информацией, которую дает содержание книг, а за той, которая возникла в результате жизни библиотеки.

Таким образом, следуя определению А. В. Соколова, можно сказать, что ценность личных библиотек, при условии их сохранения как собрания, со временем возрастает по сравнению с первоначальным уровнем и имеет тенденцию к дальнейшему увеличению.

Возникает вопрос: любая ли личная библиотека может называться памятником культуры? Очевидно, что ценность и значимость книжного собрания определяется прежде всего личностью ее владельца. Не случайно пока-

зателем ценности, наряду с другими признаками, служит мемориальность. Однако не только библиотеки, принадлежавшие выдающимся деятелям науки и культуры, могут приобрести статус памятника культуры. С течением времени сохранившиеся личные библиотеки обыкновенных людей также будут восприниматься как памятники культуры.

При всей очевидной значимости личных библиотек как памятников культуры они до сих пор не заняли должного места в источниковедческом спектре культурологических исследований. Активно занимались изучением личных библиотек лишь книговеды и литературоведы. «К сожалению, — отмечал еще в 1972 году А. С. Мыльников, — до сих пор результаты многочисленных книговедческих исследований оставались преимущественно в сфере историко-книговедческой же проблематики». Это в полной мере относится и к изучению личных библиотек в современных условиях.

Возможности использования личных библиотек в культурологических исследованиях чрезвычайно разнообразны. Плодотворным может стать обращение к личным библиотекам при изучении процесса возникновения, становления и развития тех или иных культурных явлений, при описании культурных образов эпохи, при определении тех факторов и импульсов, которые стимулируют творческие проявления человека и способствуют появлению новых культурных ценностей.

Исследователь творчества Ф. М. Достоевского, Л. П. Гроссман очень точно определил значение библиотеки писателя для понимания его творчества: «Нужно проникнуть в его библиотеку, чтобы приподнять край покрывала над тайной его творческих зачатий... Он часто находил в прочитанных страницах первые импульсы для своей писательской работы, и неудивительно, что в периоды художественной дремоты он обращался к этим верным источникам своих вдохновений».

Книжные собрания ярко и оригинально отражают интеллектуальное и эмоциональное напряжение творческой личности и дают обильный материал для историко-психологических исследований. Именно наедине с книгой человек становится свободным, наиболее ярко и непосредственно проявляет себя. Можно проследить, насколько по-разному проявляются люди в читательских пометах и записях, сопоставить эти материалы с их публичными печатными и устными выступлениями. Показательно, например, высказывание по этому поводу А. А. Ахматовой: «Если вы хотите представить себе Пушкина по-человечески — прочтите его пометки на полях стихотворений Батюшкова. В своих статьях

Пушкин себя сдерживал — как всегда все себя одергивают в искусстве, нельзя же подавать себя ан натурель, — а тут, на полях книги, он писал безоглядно, для себя самого. Против “Умиряющего Тасса” Пушкин писал: “Разве это умирающий Тасс? Это умирающий Василий Львович.”».

Ничем не заменимый материал дают личные библиотеки для изучения научных и художественных контактов, культурного общения в различные исторические эпохи, трансляции культуры, преемственности в ее развитии. Связи между чтением, с одной стороны, и репертуаром состояний, проживаемых мыслящей и чувствующей душой — с другой, относятся к числу глубинных формообразующих связей культуры. Личные собрания отражают постоянный диалог культур, диалог, в котором происходит осознание себя и мира, возникают новые культурные ценности.

Изучая личные собрания, можно получить оригинальные сведения для понимания своеобразия культур, менталитета народа, который проявляется и в отношении к книге. Конкретные исторические знания для суждений об общественных и личных интересах и вкусах дают разнообразные записи в книгах, вложения в них. Так, например, наличие записей на страницах старопечатных славянских книг из личных библиотек скорее правило, чем исключение. Наиболее частые темы записей на древних книгах: поучения-сентенции, нравоучительные загадки, загадки о книгах, проклятия, образцы литературного творчества.

В самостоятельное направление в книговедении и литературоведении выдвинулось изучение дарственных надписей на книгах, в ходе которого можно определить круг общения владельцев библиотек, степень и характер их знакомства с теми или иными людьми, датировать и уточнять факты биографии. Зачастую дарственные надписи представляют художественную ценность, сопровождаются рисунками, поэтическими посвящениями и т. д. Значительно меньше внимания уделяется таким аспектам, как культурный ритуал дарения, психологические побудительные мотивы, проявления культуры общения. Важно проследить, как со временем менялся характер дарственных надписей, чем отличались дарственные надписи в различных социальных слоях, как в такой, казалось бы, частной сфере отношений проявлялись социальные, политические и культурные доминанты времени, как раскрывалась в надписях личность дарителя и того, кому дарили. Пристрастный во всем, И. А. Бунин говорил: «Надписи на книгах не моя специальность. Милому, дорогому... А дальше что? Да и дамам не намного лучше. Если бы вы знали, сколько раз я использовал украденную у Горького формулу: “Эту книгу я переплел бы в кожу моего сердца”, вы бы ахнули, но, представьте, всякий раз действовало».

Осознание личных библиотек как памятников культуры открывает новые возможности их изучения. Можно предположить, что с распространением электронных источников информации значение личных библиотек именно как памятников культуры будет возрастать.

Ю. А. РАКОВ,

член Союза писателей Санкт-Петербурга

МИСТИКА ПЕТЕРБУРГА В ТВОРЧЕСТВЕ ПИСАТЕЛЯ

В 1963 году я уехал из Ленинграда в далекую Якутию, в маленький таежный городок Мирный. За эти годы я ощутил боль разлуки с городом, где родился и учился. Вернувшись в город, я обрадовался и почувствовал, что плохо знаю Питер. Конечно, мне были знакомы его памятники архитектуры и скульптуры, я посещал большинство музеев, но не только это составляло богатство города.

Первым делом я побывал в доме на Мойке, 12, потом стал перечитывать произведения А. С. Пушкина, связанные с Петербургом. Вскоре мне повезло: я обнаружил сохранившуюся в доме княгини Голицыной (прототип старой графини — Пиковой дамы) спальню, удивительно похожую на ту, что изобразил в своей повести Пушкин. Эта находка по-

служила толчком к созданию одного из первых моих очерков «Дом Пиковой дамы», который понравился выдающемуся литературоведу И. Л. Андроникову.

Любовь к книгам, привитая мамой, учительницей литературы, и желание узнать что-то новое помогли мне и в поисках места встречи Мечтателя с Настенькой из романа Ф. М. Достоевского «Белые ночи»; дома, где жили прототипы знаменитого рассказа А. И. Куприна «Гранатовый браслет»; места, где мог стартовать на Марс инженер Лось, и многих других.

Многие годы до отъезда в Мирный я жил в доме № 13 на углу Большого проспекта Петроградской стороны и Пионерской улицы. Тогда я не подозревал, что окружен домами,

имеющими отношение к литературе. Солнечное окошко моей комнаты выходило в садик Пожарной части, той самой, возле которой, оказывается, покончил с собой герой романа «Преступление и наказание» Свидригайлов. А в доме № 18 по Большому проспекту, что напротив дома моего детства, в начале XX века находился ресторан «Петербургский яр», где часто бывал А. Блок.

Сегодня в моем домашнем архиве хранятся тысячи вырезок из различных газет и журналов, в которых есть сведения о Петербурге, главным образом, о его литературном прошлом. К. Паустовский признавался, что в глубине души верит в реальность существования и Евгения Онегина, и Настасьи Филипповны, и Анны Карениной, что он не мог представить Петербург без этого сонма литературных героев. Об этом мои книги: «По следам литературных героев» (М., 1974), «Лестница Раскольников» (Л., 1990), «Петербург — город литературных героев» (СПб., 1999).

Долгие годы не отпускала меня тема «Пиковой дамы» и карт. Наконец, я решил собрать воедино все разрозненные факты о картах в жизни и творчестве великого русского поэта А. С. Пушкина. Так родилась книга «Тройка, семерка, дама» (СПб., 1994). Книга явилась первой попыткой рассказать на основании главным образом документальных источников о том, о чем раньше говорилось лишь вскользь. Пушкин любил игру. В его произведениях то и дело упоминались карты. Тема карт ярко проявилась в повести «Выстрел» и особенно в «Пиковой даме».

Во многих древних книгах была надпись «Кто украдет, того накажет Святая Троица». Святая Троица имеет особое значение для Петербурга. Об этом я рассказываю в своей только что законченной книге «Мистический Петербург». Она выходит в новом петербургском издательстве «Тесса». Не надо забывать, что город был заложен в день Святой Троицы, которую отмечали 16 мая 1703 г. (по старому стилю). Этот день наложил отпечаток на всю дальнейшую судьбу Петербурга. Цифра «3» стала для него знаковой. Троица дала название и первой городской церкви и первой площади города. Сегодня в Петербурге осталось только три храма, возведенных в честь Святой Троицы. Три луча, три улицы, идущие от Адмиралтейства, — Невский проспект, Гороховая улица и Вознесенский проспект — предопределили будущую застройку центра города. Домик Петра I был построен за три дня. В самом названии города звучат три слова: Санкт-Петербург, за трехвековую историю он имел три официальных названия: Петербург — Петроград — Ленинград.

В книге я попытался нащупать основные причины возникновения особой фантастической атмосферы города. Не случайно Ф. М. Достоевский называл его «самым фантастическим, самым умышленным городом в мире». Эта атмосфера складывалась не только из суровой эпохи Петра I, не только из бесчисленных заговоров и казней, не только из страшных бедствий, вызванных наводнениями. Мистическая аура Петербурга проистекала из особых контрастов нарядного и величественного города с его нищетой и запустением, которые были вблизи парадной части Петербурга и на его окраинах.

Русская классическая литература отчасти отразила этот мистический характер города: в нем появляются двойники, нос майора Ковалева важно разъезжает в карете, «Медный всадник» мчится «по потрясенной мостовой», готовый затоптать бедного чиновника Евгения. В этом городе возникает перед полубезумным Германом тень Пиковой дамы. Герой Ф. М. Достоевского Раскольников вершит свой суд, подняв топор на старуху-процентщицу. Петербург является как бы соучастником этого преступления. Он загоняет своих героев в угловые дома, тесные каморки и тупиковые переулки. Если встать у дома Раскольникова, то можно убедиться: все улицы и переулки замкнуты домами, словно нет выхода из этого места ни Раскольникову, ни другим персонажам. Конечно, в этой книге нет никаких полтергейстов и исторических привидений. Есть только попытка узнать: откуда же происходит эта мистическая, литературная, историческая аура.

Последняя книга «Скульптурный Олимп Петербурга» (СПб., 2000) представляет собой путешествие по антично-мифологическому Петербургу. Собранные вместе под обложкой книги скульптурные изображения античных богов красноречиво свидетельствуют о волшебной, воистину мифологической красоте Петербурга.

Мистика Петербурга проявляется еще и в том, что он один из самых поэтичных городов на земном шаре. Ни одному из российских городов не посвящалось такое количество стихотворных строк. Существует несколько антологий поэзии о Петербурге. Они составлены в основном по хронологии: от самых ранних стихов о городе до самых последних на момент издания. Однако до сих пор нет такой поэтической антологии, в которой были бы представлены лучшие строки живших в разные исторические эпохи поэтов, обращенные к одним и тем же памятникам Петербурга. На протяжении многих лет я собирал такие стихи. С 1982 по 1984 г. в газете «Вечерний Ленинград» печатались фрагменты этой антологии.

В последние годы эта коллекция увеличилась и как бы сама просилась предстать перед читателями. Хотелось не только познакомиться с самой поэтической коллекцией, но и дополнить ее рассказом об истории того или иного памятника. Так родилась книга «Вокруг Медного всадника: В граните и сти-

хах» (СПб., 1999) — поэтическая и в некоторой степени краеведческая прогулка по Сенатской площади, в ходе которой рассказ об истории создания архитектурных шедевров, издавна ставших эмблемами города на Неве, приобретает в лучах поэзии особую яркость и глубину.

Т. Д. ДЯГИЛЕВА,

аспирантка факультета культуры СПбГУП;

Н. А. ЗИНКЕВИЧ,

аспирантка факультета культуры СПбГУП

КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА В ИНФОРМАЦИОННУЮ ЭРУ

Знание — это «коллективная память человечества», передаваемая от поколения к поколению, именно она на протяжении тысячелетий мировой истории обеспечивает преемственность человеческой культуры. Возникновение книги привело к перевороту в отношениях человека с окружающим миром, обозначило, по словам Г. П. Мельникова, «новый этап не только в коммуникативной сфере, но и в формировании нового типа сознания, предопределив общий информативно-книжный тип культуры нового и новейшего времени»¹.

Изобретение И. Гутенбергом в середине XVI века печатного станка ознаменовало начало революции в средствах массовой коммуникации. До изобретения печати рукописные тексты были доступны немногочисленной элите в силу безграмотности большинства населения и дороговизны рукописных книг. И вдруг рынок начал стремительно заполняться относительно дешевыми и более доступными для широких масс книгами. Несколько следующих столетий были преимущественно периодами наращивания количества производимых текстов. Польский библиограф Б. Ивинский подсчитал, что в 1600 г. вышло в свет 6 078 изданий, в 1700 г. — 13 368, в 1800 г. — 18 646, в 1900 г. — 158 888.

В связи с развитием машинного книгопечатания и внедрением современных форм капиталистического предпринимательства в конце XIX — начале XX веков начался быстрый рост книгоиздания. Количество названий книг, выпускаемых в мире, свидетельствует о темпах и размерах пополнения информационного потенциала общества. Известный книговед Е. Л. Немировский считает,

что рост выпуска книг является объективным законом развития современной цивилизации. В 1992 году на 24 съезде Международной ассоциации издателей (Нью-Дели, Индия) отмечалось, что мировое книгоиздание, которое переживает беспрецедентный бум, увеличивается в первую очередь благодаря тому, что книга продолжает оставаться наиболее предпочтительной формой существования и сохранения культурного наследия и «что в распространении культуры книга играет роль, подобную той, которую энергия играет в экономической жизни»². В XX веке объем выпуска книжной продукции в мире постоянно возрастает. Так, в 1955 г. было выпущено 269 тыс. названий книг, в 1970 — 521 тыс., в 1980 — 715 тыс., в 1990 — 842 тыс., в 1991 г. — 863 тыс. Коммуникации посредством печатного слова приобрели поистине массовый характер. Маршалл Маклюэн назвал эту историко-культурную ситуацию «галактикой Гутенберга».

В то же время XX век в корне изменил ситуацию и сделал проблематичной будущность книги как своеобразного устройства коллективной памяти. Можно сказать, что изобретение радио было первым ударом колокола, возвестившем о наступлении новой эпохи — эпохи господства электронных средств массовой коммуникации. До настоящего времени вопрос о возможном будущем традиционной печатной книги остается открытым. Обсуждая это, отдельные издатели откровенно говорят, что печатной книге осталось жить не более тридцати лет, пока не исчезнут те поколения, которые выросли в эпоху книжной культуры. Оптимисты возражают, что книга останется в любом случае, просто будет существовать уже в другой форме. Каждый по-своему прав. Все-таки мы

¹ Цит. по кн.: Мельников Г. П. Прологемы к рассмотрению феномена книги в пространстве культуры // Книга в пространстве культуры. М., 1995. С. 3.

² Цит. по книге.: Книга: Энцикл. М., 1999.

привыкли понимать под книгой не просто носитель информации. Конечно, можно будет сделать электронную книжку по форме и весу обычной книги и так, чтобы человек мог читать ее лежа в постели и даже имитировать шелест страниц, более того, такие попытки уже предпринимаются. Но это уже не будет книгой. Хорошо это или плохо, вопрос другой. Просто мир в очередной раз (как после появления письменности, а затем книгопечатания) изменился и уже не будет таким, как раньше.

Одним из ярчайших примеров оптимистической точки зрения на данную проблему можно считать суждение известного итальянского семиолога и теоретика культуры Умберто Эко, которого он изложил в своей популярной лекции «От Интернета к Гутенбергу: текст и гипертекст». По мнению Эко, вполне реален вариант, что CD-ROM со временем вытеснит книгу, а также некоторые другие аудио- и видеоносители. Однако Эко полагает, что культура в поисках более живых путей должна использовать все возможности средств массовой информации, что «не надо противопоставлять визуальную и вербальную коммуникации, а надо совершенствовать и ту и эту». Умберто Эко считает, что, скорее всего, гипертекстуальный диск вытеснит книгу-справочник, но вряд ли заменит книгу для чтения. Книга не умрет, книга останется необходимой, причем не только художественная литература, но и все случаи, когда требуется чтение неторопливое, вдумчивое, то есть не просто получение информации, но и размышление о ней. Кроме того, бумажная книга все еще самый дешевый, удобный способ передачи информации при низких расходах, она не зависит от электрополей и за-

мыканий и в физическом плане она крепче, чем магнитная запись.

В 1962 году канадский социолог М. Маклюэн писал о закате «галактики Гутенберга». Он считает, что воздействие электронных СМИ должно было ликвидировать господство визуально-одностороннего (имеется в виду книжная культура) и вернуть познанию мифологическую образность. Однако, вместо вытеснения книги электронными средствами коммуникации, произошло взаимопроникновение этих двух информационных направлений в рамках глобального процесса информатизации. Удивительным является тот факт, что наиболее активно издаются книги в тех странах, где постоянно растет число электронных баз данных и банков данных и действуют современные коммуникационные сети с использованием спутниковой, оптоволоконной и других новейших средств связи. Так, в Германии в 1980 г. выпущено 64 761 название книг; в 1994 г. — 70 643; в Финляндии в 1980 г. — 6 511; в 1994 г. — 12 539.

В XXI веке книжная культура, несомненно, будет развиваться наравне с компьютерной культурой. Главные социальные институты книжной культуры — книгоиздательства, книжная торговля, библиотеки и библиография будут востребованы и не уйдут в небытие. Особая роль принадлежит библиотеке как хранительнице культурного наследия мира. Важно сохранить, приумножить и передать следующим поколениям читателей то книжное наследие, которое было создано предшествующими поколениями. Важную роль в этом процессе играет подготовка и деятельность квалифицированных, мудрых, аполитичных библиотечных работников, которые смогут выполнить эту благородную миссию.

С. В. ЦВЕТКОВ,

директор издательства «Петербургский писатель»,
президент петербургского отделения Русского пен-клуба

ПОСЛЕДНИЕ ИЗДАНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Д. С. ЛИХАЧЕВА В ПЕТЕРБУРГЕ

Последние издания произведений Дмитрия Сергеевича Лихачева вышли в серии «Русский пен-клуб». Пен-клуб — это очень разветвленная организация, филиалы которой находятся в 130 странах мира. Это всемирная организация объединяет активную часть писателей. Основная задача пен-клуба — защита прав писателей, свободы слова. Естественно, в советское время подобный клуб на нашей территории существовать не мог и возник только в начале 90-х годов.

Замысел серии виделся в отражении современного состояния отечественной литературы и культуры на пороге нового тысячелетия. Уже вышло более 30 книг таких авторов, как Даниил Гранин, Виктор Конечный, Михаил Кураев, Наталья Иванова, Виктор Кривулин, Владимир Уфлинд и т. д. Но начало серии положили книги Дмитрия Сергеевича Лихачева: книга «Без доказательств», которая вышла в 1998 году, и книга «Очерки по философии художественного творчества»,

увидевшая свет к 90-летию академика. С этого времени началось активное сотрудничество с Дмитрием Сергеевичем. И так случилось, что судьба уготовила мне стать последним его издателем. Потому что последние четыре книги, которые не выпускало ни одно издательство, изданы именно нами. Надо сказать, что незадолго до смерти Дмитрий Сергеевич был очень озабочен воспитанием нашей молодежи, и именно поэтому последняя прижизненная книга — второе издание «Писем о добром» — целиком обращена к молодежи. Д. С. Лихачева волновало нравственное состояние общества, проблемы образования, средств массовой информации. Дмитрий Сергеевич очень хотел дополнить эту книгу, состоящую из 48 писем, еще двумя. Они должны были отразить его мысли о национализме в России, он очень хотел обратиться к российской молодежи, но, к сожалению, не успел. Второе издание, дополненное двумя письмами, так и не состоялось.

Самая последняя книга, которую мы издали и которую Дмитрий Сергеевич, к сожалению, не дождался, потому что она вышла

уже после его смерти, — «Новгородский альбом». Это книга особая, потому что в ней Дмитрий Сергеевич выступает не как ученый, философ, мыслитель, а как художник. Это сторона его деятельности была практически не известна. Чем еще интересна книга? По сути говоря, это его рисунки 37-го года. В конце 30-х годов Дмитрий Сергеевич был репрессирован и находился в лагере на Соловках. Когда он вернулся из лагеря, то работал корректором в Ленинградском издательстве Академии наук, а вскоре вместе с женой уехал в Новгород. Альбом рисунков интересен не только тем, что это рисунки Дмитрия Сергеевича и они представляют достаточно высокую художественную ценность, но еще и тем, что, по сути говоря, он запечатлел в них облик Новгорода 30-х годов. Многие из зарисованного сейчас уже утрачено.

В книге «Без доказательств» Д. С. Лихачев обратился к нам, современникам и будущим поколениям, со словами: «Культура движется вперед не путем перемещения в пространстве, а путем накопления ценности» и всей своей подвижнической жизнью подтвердил этот краткий, но емкий афоризм.

А. В. БУЛАХ,

библиограф научной библиотеки СПбГУП

НЕМЕЦКАЯ КНИГА В РОССИИ

Первые выходцы из Германии появились на берегах Невы уже в самом начале XVIII в. — одновременно с основанием города. Петр I охотно приглашал в Россию специалистов из Западной Европы, создавая для них благоприятные условия (эту политику продолжали и его преемники на российском троне). Многие немцы устремлялись в Россию по собственной инициативе, привлеченные возможностями приложения в новой стране своих творческих сил и способностей.

Для исследования немецкой книги в России были использованы разные группы независимых источников. Основной материал извлечен специалистами из описей 96 церквей, монастырских, личных и государственных библиотек XVI века, в которых было зафиксировано не менее 12700 книг.¹ Инвентаризаторы того времени отмечали следующие существенные характеристики: название книги, технику изготовления (рукописная или печатная), размер, сохранность, язык. Для печатных изданий фиксировался автор, место

и год издания. К сожалению, инвентаризаторы XVII века были непоследовательны в работе и часто опускали важные детали.

Второй группой источников являются надписи на сохранившихся книгах XVII века в древлехранилищах Москвы. В процессе сбора материала было выявлено 807 приписок на 494 книгах.

Третьей группой источников являются описи 42 комплектов иностранных газет 1633–1700 гг., в том числе немецких, поступивших в Россию в XVII в. и находившихся в 1814 г. в архиве МИДа.² Были учтены также сведения, сохранившиеся в литературе, деловой переписке XVII века с указанием на бытование в России немецких книг. Историки считают, что во второй половине XVII века Москва была хорошо осведомлена о жизни Западной Европы и Германии, европейские новости доходили до России с запозданием всего на 4–5 недель. Для того времени, когда основным транспортным средством была русская тройка, на которой в день можно было преодолеть 100–120 км, это была весьма высо-

¹ Описи церковных, монастырских и личных библиотек. См.: Сапунов Б. В. Московское барокко — феномен русской книжной культуры XVII в. // Книга. М., 1989. Сб. 57. С. 75–77.

² Булгаков А. Ответ на библиографический вопрос // Моск. телеграф. 1827. № 4, 13, 16. Отд. 5. С. 5–33.

кая скорость передачи информации. Такие темпы сохранились до середины XIX века, когда появились железные дороги. Материалы из Западной Европы говорят о том, что русская почтовая служба в XVII веке была прекрасно организована.¹

Вычленив из общего количества зарубежных книг, учтенных описями, книги на немецком языке, исследователи сделали вывод, что по количеству экземпляров они значительно уступали книгам на греческом и латыни, но среди книг на современных европейских языках они занимали первое место. Возникают вопросы: в каких собраниях они оседали? кто их читал? Анализ структур библиотечных фондов разных групп собраний позволяет сделать определенные выводы. Немецкие книги попадали в личные библиотеки церковных иерархов, которым они были нужны для организации контрпропаганды идеям католицизма и протестантизма, проникавшим в Россию из Германии. Например, в личной библиотеке патриарха Никона по описи 1658 года числились четыре немецкие книги. Встречались они и у представителей аристократии и интеллигенции того времени. Основная масса немецких книг осела в государственных собраниях — в Посольском и Аптекарском приказах (по описи 1643 г.), в библиотеке Печатного двора, в собрании Славяно-греко-латинской академии (с 1689 г.). Они были необходимы для практической деятельности этих учреждений.

По местам издания печатные немецкие книги распределяются следующим образом: Любек — 29,7% от всего фонда, Франкфурт-

на-Майне — 24,3%, Виттенберг — 21,6%, Кельн — 16,2%. В меньшей степени были представлены типографии Аугсбурга, Вены, Нюрнберга, продукция которых в сумме составила 8,2%. Сохранились сведения, что московский Печатный двор активно следил за книжной продукцией Европы, и прежде всего Германии. Он ежегодно получал из-за рубежа до 300 изданий, среди которых основное место занимали книги на немецком языке.

По жанру немецкие книги можно свести в две основные группы:

1. Протестантская литература (трактаты «Араон и Христос», «Иисус Христос», «Теология» Ф. Меланхтона (5 экземпляров), «История апостолов», «Псалмы», «О тебе, Господи», «Символ веры (протестантов)», «Вера протестантов», «Жизнь Лютера», «Теология Лютера» и другие богословские труды протестантов).

2. Сочинения по немецкой истории. «Летопись Германская», «Судная немецкая» и ряд других, сочинения крупных деятелей культуры и богословов эпохи Реформации: Мартина Лютера, Филиппа Меланхтона, Себастьяна Мюнстера, Каспара Шванконфельда.

Культура Германии была благодатным источником, питавшим русское Возрождение. Поэтому закономерен был интерес «москвитов» к трудам деятелей «люторского» толка, которые были зачинателями и проводниками немецкой Реформации. Их опыт был полезен русским. В этом заключается положительная роль немецкой книги в истории русской культуры XVII века.

С. О. ШМИДТ,

председатель Археографической комиссии РАН

и Союза краеведов России,

доктор исторических наук, профессор,

академик РАО

Д. С. ЛИХАЧЕВ И КНИГА (по личным впечатлениям)

На протяжении многих лет я имел уникальную возможность близко общаться с Дмитрием Сергеевичем Лихачевым. Он все время говорил о книге, потому что она воспитывает самостоятельность, активность мысли, побуждает к действию, а не к пассивному созерцанию. Теряем ли мы книгу? Сохранится ли она? Мы переживаем момент, когда в обществе перестали говорить о новых изданиях. Говорят о том, что показывают по телевидению, или о том, что сообщают по радио, зачастую получая недостоверную информацию. Когда быва-

ешь в провинции (я и председатель краеведов России, и председатель Археографической комиссии Академии наук), то наблюдаешь, как местная интеллигенция, не имеющая многочисленных домашних библиотек, бережно сохраняет те немногие издания, которые удастся достать.

Мне кажется, что краеведение, которым я занимаюсь, сплавливает людей разных поколений и разных сословных принадлежностей, разного уровня образования. Мы издали чудесную книгу «Ты, солнце святое, гори!», посвященную учителю российской словесности Ивану Ивановичу Зеленцову, моему

¹ Виташевская М. Н. Старинная русская почта. М., 1962.

школьному учителю, который умер 50 лет назад. В книге 40 авторов: от его учениц женской школы города Рыбинска до учащихся московской гимназии, в которой он был инспектором. И. И. Зеленцов был одним из любимых учителей многих поколений учеников, награжден за свой труд двумя орденами Ленина. Мы с теплотой вспоминали о том, что он нам дал, как он обучал нас на примере лучших образцов отечественной и зарубежной классики, начиная со «Слова о полку Игореве» (Сейчас все московские школы эту книгу получили). Я думаю, что и Гуманитарный университет профсоюзов, ведь для формирования интеллигента так важна преемственность поколений, может побудить взрослых людей написать о том, что им дал школьный учитель, в частности, школьный учитель словесности, гуманитарных знаний.

Последний раз я разговаривал с Дмитрием Сергеевичем о только что переизданной книге — «Письма о добром». Ведь эту книгу издали в Пензе с моим послесловием о том, кто такой Лихачев, и переиздали в Петербурге. Другая книга — «Новгородский альбом» вышла в Петербурге в скорбный день. Мне принесли три экземпляра книги в день поминовения Наины Иосифовны Ельциной я подарил ей эту книгу с надписью: «Для воспитания внуков». Я очень благодарен издателям за последнюю публикацию «Писем о добром». Нужно стараться, чтобы эту книгу можно было взять в любой библиотеке и чтобы для наших внуков и правнуков книга Дмитрия Сергеевича была настольной, потому что написана так мудро и таким дивным языком.

Е. П. ЕФИМОВА,

директор научной библиотеки СПбГУП,
кандидат педагогических наук

ПРОИЗВЕДЕНИЯ Д. С. ЛИХАЧЕВА В ФОНДЕ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА ПРОФСОЮЗОВ

Судьба произведений академика Д. С. Лихачева в фонде библиотеки Университета сложилась счастливо. Его книги находят своего читателя. Нет ни одной выставки, устраиваемой в стенах Университета и за его пределами, на которой не экспонировались бы те или иные произведения ученого.

Самая первая книга именного фонда, поступившая в библиотеку, — «Оборона древнерусских городов», изданная совместно с М. А. Тихановой в блокадном Ленинграде в 1942 г. — первая монографическая работа молодого ученого.

Цикл ранних работ Д. С. Лихачева посвящен изучению летописных сводов, литературе и изобразительному искусству Новгорода XII–XVII вв. В библиотеке хранятся первые издания книг «Новгород Великий: Очерк истории культуры Новгорода XI–XVII вв.» (1945), 2-е издание вышло в 1959 г., и «Культура Руси эпохи образования русского национального государства: конец XIV — начало XVI в.» (1946); второй том уникального издания Пушкинского Дома «История русской литературы: Ч. 1. Литература 1220–1580-х гг.» (1945), куда вошли четыре главы, посвященные литературе Новгорода и две главы о литературе Пскова. Поиски ученого в области истории летописания от его возникновения до XVII в. легли в основу его докторской диссертации, которая была опубликована в значительно сокращенном виде. Книга «Русские летописи и их культурно-историческое значение» (1947)

давно стала библиографической редкостью и является жемчужиной фонда Д. С. Лихачева.

Библиотека гордится наличием в своих фондах классического памятника — «Повести временных лет», подготовленного к изданию Д. С. Лихачевым и изданного в серии «Литературные памятники» (1950). Текст этого произведения бережно и точно переведен на современный литературный язык, снабжен обширными комментариями и историческими обобщениями.

Начиная с 1950 г., одной из ведущих тем в творчестве ученого становится исследование «Слова о полку Игореве». Библиотека Университета обладает тематической коллекцией известного петербургского библиофила, профессора И. Г. Мямлина, посвященной выдающемуся памятнику древнерусской литературы. Д. С. Лихачев проводил экспертную оценку коллекции, помечал наиболее ценные книги, в том числе и те, которые отсутствуют в фонде Пушкинского Дома. Коллекция с максимальной полнотой включает работы ученого, написанные в разные годы, начиная с его первых работ — статей по теме «Исторический и политический кругозор автора “Слова о полку Игореве”» и «Устные истоки художественной системы “Слова о полку Игореве”» (1950).

В библиотеке хранится второй том коллективного труда известных отечественных ученых «История культуры древней Руси. Домонгольский период» (1951), где опубликована обобщающая статья «Литература», в

которой Дмитрий Сергеевич дал концептуальное обоснование программе дальнейшей разработки литературного наследия Киевской Руси. За эту работу вместе с творческим коллективом Д. С. Лихачев получил свою первую Государственную премию СССР (1952). Дальнейшая исследовательская работа Д. С. Лихачева над крупнейшими литературными памятниками Древней Руси нашла свое отражение в целой серии книг, составляющих именную фонд ученого: «Возникновение русской литературы» (1952) — премия Президиума АН СССР (1954), «Человек в литературе Древней Руси» (1958, 1970), «Поэтика древнерусской литературы» (1967, 1971, 1979) — Государственная премия СССР (1969), «Художественное наследие древней Руси и современность» (в соавторстве с В. Д. Лихачевой, 1971), «Развитие русской литературы X–XVII веков. Эпохи и стили» (1973), «Великое наследие: Классические произведения литературы Древней Руси (1975, 1980), «Исследования по древнерусской литературе: Сборник статей» (1986), «Великий путь: Становление русской литературы XI–XVII в.» (1987), «Развитие русской литературы X–XVII веков» (1998), а также в отдельных главах учебников, статьях, научных сборниках и журналах.

С середины 70-х гг. XX века Дмитрий Сергеевич обратился к изучению древнерусской «смеховой культуры». Его перу принадлежат имеющиеся в библиотеке СПбГУП книги: «Смеховой мир Древней Руси» (совместно с А. М. Панченко, 1976), «Смех в Древней Руси» (совместно с А. М. Панченко и Н. В. Поньрко, 1984), «Историческая поэтика русской литературы», «Смех как мировоззрение» и другие работы, изданные издательством «Алетейя» в 1997 г. и тем же издательством в серии «Славянская библиотека» (2001).

В библиотеке имеются основные издания избранных работ ученого, вышедшие в разные годы; работы, посвященные теории литературы и философии художественного творчества: «Текстология: Краткий очерк» (1964), «О филологии» (1989), «Очерки по философии художественного творчества» (1996, 1999), а также исследование по семантике садово-парковых стилей «Поэзия садов: К семантике садово-парковых стилей. Сад как текст» (1988, 1991) и уникальная книга рисунков Д. С. Лихачева «Новгородский альбом» (1999).

Значительную часть именного фонда ученого составляют его редакторские работы. Он редактировал не только издания сектора древнерусской литературы, которым руководил много лет, но и был председателем многих редколлегий (серии «Литературные памятники», «Памятники культуры. Новые открытия», «Научно-популярная литература», из-

даваемые Академией наук и др.), отдельных научных изданий (монографий, сборников научных трудов, учебников, хрестоматий).

Особый интерес представляет подборка публицистических книг ученого и его воспоминания: «Заметки о русском» (1984), «Литература — реальность — литература: Статьи» (1981, 1984), «Прошлое — будущему: Статьи и очерки» (1985), «Диалоги о дне вчерашнем, сегодняшнем и завтрашнем» (совместно с Н. Г. Самвеляном, 1988), «Заметки и наблюдения: Из записных книжек разных лет» (1989), «Школа на Васильевском» (1990), «Книга беспокойств: Воспоминания, статьи, беседы» (1991), «Раздумья» (1991), «Я вспоминаю» (1991), «Без доказательств» (1996), «Письма о добром и прекрасном» (1988), «Письма о добром» (1999), «Воспоминания: Избранное» (1995, 2000), «Раздумья о России» (2001).

Дмитрий Сергеевич Лихачев — первый Почетный доктор нашего Университета. СПбГУП опубликовал ряд трудов ученого. Здесь вышла его актовая лекция «Петербург в истории русской культуры», прочитанная студентам Университета 19 мая 1993 г. в день вручения академику диплома и мантии Почетного доктора СПбГУП; несколько изданий выдержал проект «Декларации прав культуры» (1995, 1996, 2000, 2001). Он часто выступал на международных и российских конференциях, симпозиумах и научных дискуссиях по проблемам воспитания интеллигенции, проводимых Университетом; публикации его выступлений составляют значительную часть фонда. Последнее его выступление перед библиотечной общественностью города состоялось в нашем Университете в 1999 году. Дмитрий Сергеевич сразу же дал согласие выступить, когда узнал, что в нашем Университете собираются школьные библиотекари Санкт-Петербурга. Мы издали книгу «Будущее за Россией читающей», в которую вошло его выступление «Всякая образованность создается чтением и книгами». Это своеобразное духовное завещание великого ученого: общество родилось из книжной культуры и не сможет выжить без нее, а собиратели и хранители книги — библиотеки — одни из главных институтов общества.

Именной фонд ученого научной библиотеки Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов бережно сохраняется, но не является закрытой мемориальной коллекцией. Он регулярно пополняется новыми публикациями Д. С. Лихачева, открыт для научных исследований, экспозиционно-выставочной работы. Наиболее ценные книги, имеющие дарственные надписи ученого, его автографы, представляют особый интерес как у отечественных, так и у зарубежных специалистов.

Секция 3

РОССИЙСКИЙ ИНТЕЛЛИГЕНТ КАК ЭТИЧЕСКИЙ ИДЕАЛ ВОСПИТАНИЯ

Б. А. ВАСИЛЬЕВ,
писатель, лауреат Государственной премии СССР

БОРОТЬСЯ С НЕДОБРОМ — ОБЩЕСТВЕННАЯ МИССИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Я человек, которому очень повезло в жизни. Не потому что я уцелел на войне, а потому что моему поколению, мне лично довелось пережить три эпохи.

Первая из них — Русь добра, которую мне передали мои родители и мои первые воспитатели, они были из той эпохи, из XIX века, они были переполнены добром, сочувствием и состраданием.

Вторая — Русь зла, которую мы все очень хорошо знаем, ощущаем на себе, на своих родных. Вряд ли есть в России семья, которая кого-то не потеряла от этого зла.

Наконец, третья — Русь полного духовного упадка, который меня очень беспокоит, как, вероятно, и многих интеллигентных людей.

Сегодня радио, телевидение, пресса нацеливают нас на борьбу со злом. Борьба со злом не дело интеллигенции — на это существуют специальные органы: милиция, ФСБ и т. д. С реальным злом нельзя бороться словом, для этого есть наручники, дубинки, законы, суды.

С моей точки зрения, интеллигенция обязана бороться с недобром. Это неуловимая грань, которая неподсудна, у которой нет никаких юридических границ и законов. Но есть проблемы, влекущие жалобы, которые не примет ни один суд и которые портят нам жизнь ежесекундно. Это пьянство, ругань, презрение к женщине, это несунуны, воровство в бесконечных пределах. Это, в конце концов,

беспредельный эгоизм — желание жить по закону индивидуального благополучия, а остальные — пропади пропадом! Это жестокость, в которой мы живем и которая подогревается бессмысленными войнами, обрекающими наших потомков на бесконечный и непоправимый стыд. Афганистан и две чеченские войны опозорили Россию навеки. Талибан — это следствие нашего вторжения в Афганистан, мы его породили, и это надо признать со всей откровенностью и горечью. Старцы в Кремле приняли решение о вторжении, а расплачиваться пришлось, как всегда, молодым, расплачиваться своей молодостью.

С Чечней ситуация и серьезнее, и трагичнее. В свое время Русь преспокойно управлялась с чеченцами: договаривалась, не заставляла их говорить на русском языке, а прибегала к услугам переводчиков. Тогда не разрушали мечетей и Россия очень уважительно относилась к своим противникам на Кавказе, Средней Азии. Мы, сегодняшние, этого делать не умеем, мы покоряем, вбирая под себя народы. Это принципиальная разница. И снова гибнут молодые, оплачивая чужое нежелание и неумение договариваться.

Вероятно, наш самый святой долг — объяснить соседям, друзьям, ученикам, что означает недобро, которое завтра породит зло. Сегодня это чума нашего общества. Я очень надеюсь, что нынешние молодые люди будут жить в более достойном обществе.

Г. М. БИРЖЕНЮК,
заведующий кафедрой социально-культурных технологий СПбГУП,
доктор культурологии, профессор

РОЛЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ РОССИЙСКОЙ НАЦИИ

Вопрос о том, сложились ли россияне в нацию, далеко не так прост, как это кажется на первый взгляд. Принято считать, что нация — это определенная стадия в развитии этноса. Иными словами, нация — это результат и этап некоторого процесса, в котором в той или иной степени участвуют все группы, слои, субъекты социального дей-

ствия. В этой связи правомерен вопрос: какова роль интеллигенции в формировании российского общества?

История любого этноса, как известно, начинается с родственных связей (род и племя). Далее кровное родство дополняется общностью территории, общими видами деятельности (обряды, традиции, значимые собы-

тия, фольклор и т. д.). Формируется община, которая отличается количественным и качественным ростом социальных связей этноса и которая способна транслировать культурную традицию, вырабатывая единые для ее членов нормы, правила, ценности. Со временем на смену племенному союзу приходит государство, где интенсивно идет процесс разделения труда, общество дифференцируется по роду занятий, достатку и т. д. и продолжает свою историю уже как сословное общество.

Основным механизмом, регулирующим отношения между членами общества, выступает обычай, который связан с общественным мнением и моральным чувством. Однако рост городов стимулирует миграцию и социальную мобильность людей и выводит их из-под влияния общественного мнения референтных для них социальных кругов. В итоге возникали объективные предпосылки для обретения личностью свободы, вывода ее «из-под гнета общины», которая «мяла и давила ее». (В. И. Ленин). Однако разложение русской крестьянской общины привело к полной социальной безответственности, свободе индивидов от всяких моральных ограничений. Отсюда — невероятные темпы роста преступности среди крестьян, выброшенных в город.

Этнос в этой ситуации вынужден перестроиться, чтобы наладить новые связи между людьми, сформировавшимися в автономных личностей, объединить их культурно и духовно. Это возможно лишь при наличии определенных условий, важнейшим из которых выступает целостное и, главное, отрефлексированное представление общества о том, что оно из себя представляет. Эмиль Дюркгейм в своем труде «Элементарные формы религиозной жизни» писал: «Общество основывается <...> прежде всего на идее, которую оно само о себе создает». В этой связи необходимо хотя бы в самой краткой форме ответить на вопросы: кто это представление создает, в каких формах оно бытует и, наконец, каковы механизмы его трансляции всем членам общества?

На ранних стадиях существования этноса носителем представлений общества выступала сама община. Воспитываясь в ней, человек органично, на уровне повседневной деятельности и бытового сознания впитывал эти представления. Урбанизация разрушила как саму крестьянскую общину, так и существовавший века механизм передачи коллективных представлений. В результате повысилась роль такого механизма усвоения представлений о себе и об обществе, как рефлексия на основе оценки и отбора. При этом коллективные представления должны принять вербальную фор-

му (принципы, лозунги, программы, то есть тексты) и логическую упорядоченность. Эту функцию выполняет интеллектуальная элита, в том числе интеллигенция. На этой основе вырабатывается национальная идея и складывается нация. Процесс формирования нации был осознан Ренаном в XIX веке и впоследствии получил название «формула Ренана»: «Общая слава в прошлом и общая воля в настоящем; воспоминание о совершенных великих делах и готовность к дальнейшим — вот существенные условия для создания нации... Позади наследие славы и раскаяния, впереди — общая программа действий... Жизнь нации — это ежедневный плебисцит».

Национальная идея — всегда есть некоторая целостность, построенная на системе ценностей и принципов, вырастающих на почве национальной культуры. Флориан Знаниецкий в своей монографии «Современные нации» делает попытку реконструировать процесс и механизм формирования нации: «Нация создается группой интеллектуалов, принадлежащих к данному этносу, своего рода умственной аристократией данной эпохи. Она может и должна выработать комплекс представлений, который ляжет в основу кристаллизирующейся национальной культуры». Эта кристаллизация идет непрерывно, однако в определенные моменты процесс интенсифицируется, и происходит это, когда распадаются феодальные сословные общества и складываются национальные государства. Множество людей выпадают из привычных структур и превращаются в «аутсайдеров». Эти аутсайдерские массы выделяют из себя новую элиту, начинающую формировать новые смыслы, идеалы, ценности, и пытаются охватить и упорядочить разваливающееся общество.

В России с ее бурной историей появление интеллигенции было просто неизбежно. Однако ее усилия по выработке общественной идеи с самого начала были отмечены немалой спецификой. Прежде всего, в XVIII в., в период бурного заимствования с Запада технологий, научных идей, жанров и стилей искусства, элементов образа жизни, языка общения, западноевропейское просветительское общественное сознание сделало российскому своеобразную «прививку». Именно «аутсайдеры» создали «салоны» и «кружки», где активно изучались в основном западноевропейские новейшие учения, к которым так тянулась молодежь. Национальное самосознание в этот период еще не сложилось. Его заменяла чудовищная смесь из элементов гегельянства, шеллингианства, французского философского материализма и социального утопизма.

В середине сороковых годов заявило о себе славянофильское направление, которое стремилось осознать собственную культуру. Впоследствии, с уходом из жизни одних славянофилов (Хомяков, Грановский), эмиграцией других и ростом разночинной массы, возможности выработки национальной идеи и «обкатки» ею других существенно сократились. Более того, разночинная интеллигенция, не достигнув своих утопических целей — немедленного просвещения крестьян, ухватилась за учение, открывающее так называемые «объективные законы истории», которые действуют независимо от сознания людей. Если действительность и расходится с этими законами, то все равно в конечном счете они «пробьют себе дорогу». Отсюда — одна из причин огромной популярности марксизма среди российской интеллигенции этого периода.

Потребовалась революция 1905 г., чтобы часть интеллигенции, объединившись вокруг

сборника «Вехи», решилась противопоставить себя всей остальной интеллигентской массе и бросить ей упрек в том, что путь, который она пытается навязать всему обществу, — путь в никуда. Как альтернатива выдвигалась идея восстановления культурной преемственности.

В XX веке часть отечественной интеллигенции была истреблена, часть эмигрировала за пределы страны. Оставшиеся ушли в подполье, во «внутреннюю эмиграцию», и утратили возможность реального влияния на общественное самосознание.

Сегодня в ситуации отсутствия национальной идеи, этнос остается в донациональном состоянии. Это вновь возлагает на интеллигенцию задачи по выработке такой идеи, ее оформления в тексты культуры (художественные произведения, философские теории, политические программы и т. п.) и доведения до сознания всего общества.

М. М. БОБРОВ,

заведующий кафедрой физического воспитания СПбГУП, профессор,
Заслуженный тренер РФ, Почетный гражданин Санкт-Петербурга;

С. Б. ТИХВИНСКИЙ,

профессор кафедры физического воспитания СПбГУП,
доктор медицинских наук,
Заслуженный работник физической культуры РФ

РОЛЬ ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ В ПОДГОТОВКЕ РОССИЙСКОГО ИНТЕЛЛИГЕНТА

В общепринятом смысле интеллигентность оценивается по степени эрудиции и по способности понимать других людей. Стремление к интеллигентности — это социальный долг каждого человека в цивилизованном обществе. Академик Д. С. Лихачев справедливо отмечал: «Злобная и злая реакция на окружающих, грубость и непонимание других — это признак душевной и духовной слабости, человеческой неспособности жить. Это признак неинтеллигентности человека».

Сложившееся представление об интеллигенции как образованной, совестливой, независимой и ответственной части общества нуждается в существенном уточнении. Нигде ни слова не говорится о физическом здоровье интеллигента. Может быть, именно поэтому такого человека традиционно принято изображать хилым, сутулым существом, в очках, беспомощно передвигающимся в пространстве. С нашей точки зрения, интеллигентность является высшим проявлением нравственного и физического здоровья человека.

Интеллигентными люди не рождаются. Необходимо целеустремленно воспитывать в человеке лучшие качества, постоянно развивать, совершенствовать, тренировать свои душевные и телесные силы. Физическое и нравственное здоровье, широкая эрудиция, приветливость и доброта делают человека всесторонне развитым, гармоничным, красивым, культурным и, как следствие, интеллигентным.

Человечество длительной историей подтвердило простую истину: «Искусство прожить жизнь — искусство не сократить ее». Человек должен любить жизнь, бороться за свое полноценное физическое и духовное долголетие, за свое здоровье. Хорошее состояние здоровья — это результат беспрестанной битвы, происходящей в клетках, тканях, органах, в функциональных системах организма. К сожалению, мы замечаем болезни, когда физиологические способности человека оказываются на пределе. А возникают они по двум причинам: от «недостатка» и от

«избытка». В любом случае болезнь — это нарушение оптимального способа реализации потребностей. Следует признать, что простейшими оздоровительными мерами окажутся те, которые восполнят дефицит: будь он энергетический, функциональный, информационный или структурный.

Медико-биологические исследования человека показали, что в нашем организме ничто не фиксируется. Непрерывно идет распад и синтез веществ. Вместе с тем резистентность, устойчивость, лежащие в основе здоровья человека, зависят от гомеостатических адаптивных механизмов индивида, его резервных возможностей, определяющих запас прочности. Все это и позволяет организму противостоять субэкстремальным и экстремальным факторам. Уровень обменных процессов, рост и развитие органов, функциональных систем в процессе жизни человека во многом определяется объемом и интенсивностью двигательной активности. Подобное развитие обусловлено особенностями метаболических процессов на молекулярном и клеточном уровнях, что проявляется в высоких темпах биосинтеза белков на рибосомальных гранулах клеток. В свою очередь, биосинтез белка связан с высоким уровнем процессов биологического окисления органических веществ в митохондриях клеток и особенностями аккумуляции энергии в макроэргические фосфорные соединения. Они-то и определяют в итоге наше физическое и психическое здоровье.

В последние годы получила широкое развитие область биологии, изучающая приспособительные процессы в организме человека, находящегося в определенных условиях внешней среды. Это направление получило название — экология человека. В условиях социально-экономического прогресса и научно-технической революции выявлена тенденция расширения и углубления антропогенного влияния на среду обитания и природу человека. Валеология показала тесную связь понятий: «образ жизни» и «здоровье». Образ жизни человека может рассматриваться на разных уровнях: на уровне общества, класса, группы и индивида. К сожалению, образ жизни большинства людей, в том числе и так называемых интеллигентов, характеризуется выраженной гипокинезией, гиподинамией, переизбытком, информационной перегруженностью, психоэмоциональными стрессами. Хорошо известно, что развитие техники, автоматизация производства, урбанизация и т. п. освободили человека от тяжелого физического труда и создали усло-

вия для интеллектуального развития. Но все достижения цивилизации без физических нагрузок привели человечество к заболеваниям сердечно-сосудистой и эндокринной систем, к дегенеративным заболеваниям опорно-двигательного аппарата, к расстройствам деятельности нервной, пищеварительной и других функциональных систем. Итак, под образом жизни понимается устойчивый, сложившийся в общественно-экономических условиях способ жизнедеятельности людей, проявляющийся в нормах общения, поведения, складе мышления. Образ жизни современного человека, к сожалению, не ориентирован на сохранение параметров функционирования биологических систем и поэтому преждевременно приводит к нарушению здоровья человека. Такая ситуация объясняется неразвитым экологическим сознанием, неполнотой экологических, медико-биологических знаний, недостаточной изученностью роли человека в биосфере.

Здоровый образ жизни интеллигента — прежде всего деятельность, активность личности. Работа человеческого организма должна происходить ритмично. Разбросанность, отсутствие планирования приводят к преждевременному утомлению человека и могут существенно ухудшить его здоровье. Уместно будет напомнить слова выдающегося физиолога Н. Е. Введенского, который писал: «Устают и изнемогают не потому, что много работают, а от того, что плохо и неправильно работают». Неумение распределять свое личное время, незнание основ гигиены, валеологии, экологии, наличие вредных привычек, малая и безграмотная двигательная активность, недостаточное пребывание на свежем воздухе, нерациональное питание, плохо организованный сон и т. п. — все это, несомненно, может привести и приводит наших «эрудитов», стремящихся стать интеллигентами, в стан «хлопиков» и «нытиков». Неоспоримый факт, что разумно организованная двигательная нагрузка является эффективным биологическим стимулятором, вызывающим адаптивную реакцию, проявляющуюся в активизации жизненных процессов, которые способствуют гармоничному физическому развитию человека.

Решать масштабные и социально значимые проблемы здоровья и культуры населения России должны государственные структуры, проводящие последовательную социальную политику. Программа формирования здорового российского интеллигента в высшей школе должна приобрести конкретные формы.

М. Б. ГЛОТОВ,заведующий кафедрой социологии и психологии
Государственной полярной академии,
доктор социологических наук, профессор

ПОНЯТИЯ «ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ», «ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТЬ», «ИНТЕЛЛИГЕНТ»

Существующее многообразие определений понятия «интеллигенция» порождает споры по поводу того, кого следует называть интеллигентом. Одна из причин разногласий, по нашему мнению, заключается в том, что понятия «интеллигенция» и «интеллигентность» не разведены между собой как принадлежащие различным отраслям общественных наук.

Понятие «интеллигенция» появилось в научном лексиконе во второй половине XIX века. Его стали употреблять для обозначения социального слоя людей, которые имеют высшее образование, заняты преимущественно умственным, творческим трудом, обладают энциклопедическими знаниями, развитым художественным вкусом, следуют нормам общепринятой морали. Такое понимание интеллигенции закрепилось в большинстве словарей и учебных пособий.

В конце XIX — начале XX века понятия «интеллигенция», «интеллигентность» и «интеллигент» могли употребляться как синонимичные. Однако в настоящее время наличие высшего образования, занятие творческим трудом и высокий уровень духовного развития зачастую не соединяются в одной личности, поэтому назрела необходимость дифференцировать понятия «интеллигенция», «интеллигентность» и «интеллигент».

С нашей точки зрения, понятие «интеллигенция» — это социологическая категория для обозначения представителей социального слоя, которые заняты профессиональным высококвалифицированным трудом по созиданию духовных ценностей. Понятие «интеллигентность» — это культурологическая категория для характеристики высокого уровня развития духовного мира человека, независимо от его социальной и профессиональной принадлежности. Можно быть представителем интеллигенции и неинтеллигентным человеком, а можно быть интеллигентным человеком и создавать не только духовные, но и материальные ценности.

Наиболее близко к этому пониманию интеллигенции и интеллигентности определение этих понятий в «Современном словаре иностранных слов» (М., 1993. С. 240.). Термин «интеллигенция» объясняется там как «общественный слой людей, профессионально занимающихся умственным (преимущественно сложным творческим) трудом, развитием и распространением культуры». Термин же «интеллигентность» трактуется как «высокий уровень развития интеллекта, образованность, высокая культура». Исходя из вышеизложенного, считаем целесообразным понятие «интеллигент» применять для обозначения людей, которые сочетают в себе характеристики представителя интеллигенции и интеллигентного человека.

В. Г. ИВАНОВ,

профессор кафедры философии СПбГУП, доктор философских наук

МОРАЛЬНЫЙ КОДЕКС ДМИТРИЯ ЛИХАЧЕВА

Первым моральным кодексом справедливо считается рыцарский кодекс чести. Сложился он в средние века и стал образцом для последующих веков. Недаром о человеке самодостаточном, глубоко уважаемом, отличающимся душевным благородством и сегодня говорят: «Рыцарь без страха и упрека».

Такой рыцарь без страха и упрека для нас и последующих поколений — Дмитрий Сергеевич Лихачев, коренной петербуржец, подлинный интеллигент и просто настоящий человек.

Замечательна постоянная нравственная целеустремленность всей многообразной деятельности Д. С. Лихачева. В исследованиях, публикациях и защите произведений древ-

нерусской литературы проявился глубокий патриотизм Д. С. Лихачева. Во вдохновенных произведениях о садово-парковой культуре раскрылась его любовь к природе и забота о защите русской природы. Широко известна «Декларация прав культуры», основное содержание которой было предложено Д. С. Лихачевым и доработано комиссией при Правительстве Санкт-Петербурга под научным руководством самого автора. Проект, направленный на защиту культуры человечества, находится в полном согласии с «Всеобщей декларацией прав человека» и в преамбуле всесторонне и глубоко раскрывает гуманистический характер культуры, ее общечеловеческую ценность при самобыт-

ности национальных культур. Менее известны «Десять заповедей человечности», которые сформулированы в «Раздумьях о России» Д. С. Лихачева, изданных в 1991 году. Эти заповеди обращены к каждому человеку, подобно заповедям Нагорной проповеди Христа.

Но, насколько мне известно, Д. С. Лихачев не составил для самого себя морального кодекса, в отличие от Бенджамина Франклина, который по личному кодексу чести постоянно себя контролировал и даже выставлял себе оценки.

Откуда же взят «Моральный кодекс» Дмитрия Лихачева? Этот кодекс (отличающийся, с моей точки зрения, большей широтой и глубиной, нежели кодекс Франклина, в котором было 16 заповедей) содержится в его «Раздумьях», «Воспоминаниях» и особенно в «Письмах о добром», многократно издававшихся. (Лучшее прижизненное издание, исправленное и дополненное Д. С. Лихачевым, в издательстве «Нотабене» по заказу Комитета по образованию мэрии Санкт-Петербурга в 1994 году. Последнее издание вышло в свет в Санкт-Петербурге в 2001 году.)

Каждую, из приводимых далее 25 заповедей, можно подтвердить, пояснить, прокомментировать, обращаясь к этой удивительно мудрой и доброй книге — духовному завещанию Д. С. Лихачева, обращению его к молодежи, к тем, кто, по мысли Дмитрия Сергеевича, должен «наследовать и множить» лучшие традиции российской интеллигенции.

Разумеется, «Письма о добром» включают не только 25 заповедей. Они гораздо богаче. В «Письмах» содержатся советы по самому широкому кругу проблем, важных для формирования молодого человека, от выбора жизненного пути до конкретных советов: как говорить, как выступать, как писать, что читать. В них идет речь о понимании искусства, ценности литературы, рассказывается о памятниках, музеях, красоте русской природы, наших городов и сел, о памяти в самых разных измерениях — памяти предков, памяти культуры. Проникновенно и образно сказано о «космическом Эрмитаже» — в небольшом очерке своеобразно разворачивается известный афоризм И. Канта: «Две вещи наполняют душу всегда новым и все более сильным удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них, — это звездное небо надо мной и моральный закон во мне».

Даже сосредоточиваясь на нравственных проблемах в «Письмах о добром», можно найти то, что не охвачено этими 25-ю заповедями. Но надеюсь, что главное, самое заветное для Д. С. Лихачева, в них выражено.

1. Люби людей — и ближних и дальних.

2. Твори добро, не видя в том заслуги.

3. Люби мир в себе, а не себя в мире.

4. Будь рыцарем и с женщиной, и в споре.

5. Пей из неиссякаемого источника культуры, но не захлебнись.

6. Твори по силам — дело не в масштабе.

7. Не уставай в труде и самосовершенствовании: творчески обогащая мир — изменяешь себя, нравственно совершенствуя себя — изменяешь мир.

8. Ни зависти, ни жадности, ни злобы ты в сердце никогда не допускай.

9. Не помни зла и злого пожалея.

10. Будь скромн — чванство низко и смешно.

11. Настраивай себя сам — достоинство твой камертон.

12. Будь искренним: вводя в заблуждение других, обманываешь сам.

13. Не казни себя за ошибку, а извлеки из нее урок.

14. Учись читать с интересом, с удовольствием и не торопясь; чтение — путь к житейской мудрости, не гнушайся им!

15. Над временем человек не властен, но будь хозяином своего времени.

16. Не отказывайся от временного, служи вечному, но не будь рабом ни того, ни другого.

17. Будь верующим — вера обогащает душу и укрепляет дух.

18. Будь памятлив — в прошедшем твой исток!

19. Есть свет и тьма, есть благородство и низость, есть чистота и грязь: до первых надо дорасти, а до вторых стоит ли опускаться? Выбирай достойное, а не легкое.

20. Старайся всегда соблюдать чувство меры.

21. Не отчаивайся и не уставай в поисках смысла жизни — своего, а не взятого с чужого плеча.

22. Будь совестлив: вся мораль — в совести.

23. Чти прошлое, твори настоящее, верь в будущее!

24. Будь патриотом и не будь националистом.

25. Твой дом — земля, твоя семья — человечество, береги их!

Кратко прокомментирую некоторые из заповедей.

К заповеди 4. Нет необходимости говорить о рыцарском отношении Д. С. Лихачева к женщинам — оно и в его повседневном общении, и в трудах, достаточно напомнить книгу «Человек в литературе Древней Руси». Но о рыцарстве в полемике сказать необходимо. Отличаясь добротой и терпимостью, Д. С. Лихачев был блестящим полемистом. Особенно его полемический талант проявился в защите значительнейшего памятника древнерусской литературы — «Слова о полку Игореве»

от искажений, лжетолкований, измышлений, неточностей перевода и попыток объявить «Слово» подделкой XVIII века. Но даже при самой резкой критике противников (будь то О. Сулейменов или А. Мизон) Д. С. Лихачев никогда не допускал личных выпадов или оскорбительных замечаний. Его полемика всегда велась по существу вопроса, и никогда он не прибегал к *argumentum ad hominem*.

К заповеди 5. Призывая неустанно черпать духовную силу из бесконечного многообразия культурных источников — библиотек, музеев, заповедных уголков нашей родины, постоянно читать, собирать различные коллекции, быть любителем музыкального и театрального искусства, Д. С. Лихачев не уставал предупреждать о вреде «всеядности», «бездумного многочтения», «скольжении по поверхности», «погоне за модой», — отсюда заповеди 14-я и 20-я.

К заповеди 14. Д. С. Лихачев постоянно предупреждал о вреде «чтения из-под палки», критиковал формализм и перекося в сторону сухого литературоведения в преподавании литературы в школе, постоянно боролся с попытками «упрощения» классиков, вариантами «дайджестов» или пересказом (и усвоением) «Евгения Онегина» по опере Чайковского, а «Войны и мира» по ее экранизации. Он глубоко понимал нравственно-воспитательную роль самостоятельного чтения русской литературы, непосредственного общения с Пушкиным, Грибоедовым, Гоголем, Тургеневым, Достоевским, Львом Толстым, Чеховым. Настоящее чтение — всегда «сотворчество», активная и совместная деятельность ума, чувства, воображения. Это не «передача информации», не интернетские чаты. При осмысленном, глубоком чтении противопоставлено «скорочтение», «заглатывание боевика» а la «Бандитский Петербург» или «дамского романа» Даниэлы Стил в транспорте. Истинное чтение — это путь взросления, обретения подлинных духовных ценностей, действительные уроки жизни.

К заповеди 15. «Человек и время», «человек во времени» — предмет постоянных раздумий Д. С. Лихачева; и речь, разумеется, не о физическом времени, а времени социальном, о времени личном и его особой ценности. Если, по Б. Франклину, «время — деньги», и потому бросающий его на ветер — лентяй и мот, то для Д. С. Лихачева время несравненно дороже денег — оно необратимо, неконвертируемо и вместе с тем оно, особенно в юности, незаметно течет меж пальцев, оказывается «заполнено» пустяками, мелочами... В отличие от времени Марка Аврелия нравственная зрелость современной личности измеряется ее умением ценить вре-

мя, быть его хозяином. Не случайно с этой заповедью коррелируются заповеди 16-я, 18-я и 23-я — в них раскрывается *что* значит для Д. С. Лихачева «быть хозяином своего времени». Рабы и фанатики не могут распоряжаться своим временем, ими распоряжаются другие, они пленники времени. Только человек, обладающий чувством собственного достоинства, целеустремленный в своей деятельности, опирающийся на опыт прошлого, способный оценить и правильно определиться в настоящем, верящий в будущее — подлинный хозяин *своего* времени!

К заповеди 17. В нашей стране несколько поколений воспитывалось не просто «безрелигиозно», но и в духе «воинствующего атеизма». Поэтому суждение Д. С. Лихачева о вере многим может показаться «старомодным». Считаю необходимым привести подлинные слова Д. С. Лихачева: «В религиозном духе воспитываются с детства... Не сковывает ли это свободу людей в выборе религии, свободу вообще? Нет, так как отказаться от религии легче, чем войти в большую семью верующих... Воспитывая детей в заветах определенной религии или вероучения, мы делаем их более свободными в выборе веры, чем тогда, когда даем им безрелигиозное воспитание, ибо отсутствие чего-то всегда обедняет человека, а от богатства легче отказаться, чем его приобрести. Религия же — именно богатство. Религия обогащает представление о мире, позволяет верующему ощутить значительность всего происходящего, осмысливает жизнь человека, составляет самую убедительную основу нравственности.

Без религии всегда остается соблазн эгоизма, соблазн замкнутости в своих личных интересах» (Письма о добром. Л., 1994. С. 224–225).

К заповеди 21. Поиск своего смысла жизни Д. С. Лихачев связывает с вопросом о цели и о призвании — и в этом он оказывается продолжателем К. Д. Ушинского, полагавшего, что только самостоятельно избранный творческий труд оказывается достойным человека, ибо не вызывает пресыщения, стимулирует развитие, составляет и цель, и счастье, осмысливает, оправдывает звание человека.

К заповеди 22. Вслед за И. Кантом Д. С. Лихачев рассматривает совесть как проявление «внутреннего человека», как самое глубокое нравственное отражение личности, ее связь с другими людьми, постоянную готовность к деянию.

К заповедям 24 и 25. Для Д. С. Лихачева любовь к Родине органично связана с любовью к Земле и людям Земли. Он отрицает национализм за узость и жесткое противопоставление одного народа другому, возвышение своего Отечества за счет унижения

других. Для него известные слова: «Не может любить человечество тот, кто не любит Отечество» — обратимы, ибо не может любить Отечество тот, кто не любит человечество. И то, и другое подразумевает уважение в каждом человеке человеческого достоинства в полном соответствии со «Всеобщей декларацией прав человека», «Конституцией Российской Федерации», а также «Десятью заповедями человечности» и «Декларацией прав культуры».

То, что я посчитал назвать «Моральным кодексом Д. С. Лихачева», включает не только личные, индивидуальные заповеди, характерные, например, для «Морального кодекса Франклина», но и заповеди органично свя-

зывающие *личность и общество*. Д. С. Лихачев понимал общество как всевозрастающую человеческую общность, от самого близкого круга — семьи до самого широкого, всеохватывающего, каким является человечество..

Но не только! Подчеркивая важность нравственного отношения не к одной «второй природе», но и к первой — земле, жизни, настаивая на бережном к ней отношении, он в конце XX века вслед за Альбертом Швейцером и Пьером Тейяром де Шарденом провозгласил благоговение перед жизнью и любовь ко всему живому в качестве всеохватывающего морального принципа, который может быть критерием подлинной человечности.

М. С. КАГАН,

профессор СПбГУ, СПбГУП, доктор философских наук,
Заслуженный деятель науки РФ

УРОКИ Д. С. ЛИХАЧЕВА

Я много раз излагал свое понимание интеллигенции: и в том учебнике, которым располагают студенты нашего университета, — «История культуры Петербурга», и во многих статьях содержатся рассуждения на эту тему. Однако обсуждение этого вопроса на пленарном заседании нашей конференции показывает, что вопрос о том, что же такое интеллигенция, остается достаточно туманным и получает самое различное толкование.

В последнее время я все чаще сталкиваюсь и не только на улицах города, который претендует на то, чтобы именоваться культурной столицей России, с таким поведением петербуржцев, которое показывает — интеллигентность остается неким идеалом, а не принципом реального поведения как молодежи, так и многих людей старшего поколения. Вот самый простой, бытовой, отвлеченный от всех теоретических споров пример неинтеллигентного поведения: несколько студентов, стоя посреди университетского коридора, о чем-то болтают, и все, кто идет по коридору, должны их обходить; эти молодые люди — не интеллигентные. Казалось бы, мелочь, а в ней, как в капле воды, отражается нравственная позиция студента: такие молодые люди поступают только так, как им удобно, и им в голову не приходит, что это может быть неудобно другим. А в этом и проявляется нравственная позиция интеллигентного человека, которую психологи называют «установкой на другого», а не «на себя».

Суть нравственности, которую Владимир Георгиевич Иванов очень хорошо продемонстрировал, прочитав кодекс Д. С. Лихачева, действительно включает в себя все эти 25 при-

наков, но я думаю, что можно было бы еще многое добавить. Начинать воспитывать нравственность нужно в детях буквально с двух-трех лет. Один видный педагог на вопрос матери, когда она должна начать воспитывать своего ребенка, которому уже 3 года, ответил: «Мадам, Вы уже опоздали». К сожалению, семья в нашем обществе находится в таком трудном экономическом положении, что мать лишена возможности полноценно исполнять свою материнскую обязанность — воспитывать детей. Она вынуждена зарабатывать деньги, весь день проводя на работе, и дети лишены той атмосферы семейного дружественного общения, которая лежит в основе нравственного воспитания; таким образом, семья практически выключена из решения этой задачи. Остается — детский сад; между тем один видный московский ученый, социолог, футуролог, друг нашего университета написал в одной из своих книг, что «детский сад нужно рассматривать как первый университет», его цель — начальное образование. Такой парадоксальный, но вполне логичный вывод из нашего понимания процесса формирования человека как процесса образования, а не воспитания.

Вспомним уже упоминавшееся вчера сожженицынское понятие «образованщина» — оно ведь отражает принципы построения современной школы. Совсем недавно на страницах газеты «Московские новости» было напечатано большое интервью с заместителем министра образования России В. Д. Шадриковым. В этом интервью сказано, что задача школы — образование, а не воспитание; воспитание же — это задача семьи и церкви.

О возможностях семьи в наших условиях я уже сказал, а упование на церковь как основной институт воспитания (со всей решительностью должен сказать) губительно в наше время; это возврат к средневековью, перечеркивающий великое завоевание европейской культуры нового времени — отделение школы от церкви. Обращение человека к религии (и к какой именно) или его атеистические убеждения — это его личное дело, к образованию, то есть к приобретению определенной суммы знаний, отношения не имеющее. А нравственное воспитание и тем более воспитание интеллигентности — важнейшая задача школы, ибо общечеловеческие принципы поведения одинаковы и для религиозных людей, и для атеистов, и для православных, и для мусульман.

Даже в семье в раннем детстве человек интеллигентным не становится. А если и из школы молодой человек, уже ставший гражданином, получивший возможность работать, иметь детей, юридические права, не выходит интеллигентным человеком, — он им никогда уже не станет.

Совсем недавно опубликована статья президента Российской академии образования Н. Д. Никандрова, в которой он рассматривает православие как принцип духовного развития. Повторю: православие, как и любая другая конфессиональная принадлежность, как представление о самодержавии или любой другой форме политического управления, — личное дело каждого человека; я могу уважать и роялиста, и республиканца, и мусульманина, и

христианина за убеждения, если это честные убеждения, потому что это проблемы личного сознания. Но когда в школе детям, которые еще не обладают собственными интеллектуальными силами для того, чтобы сознательно определять свое отношение и к религии, и к политике, внушают те или иные религиозные или политические убеждения, это означает возвращение к тоталитаризму, и безразлично какому — царистскому или сталинскому, христианскому или мусульманскому. Лихачевский нравственный кодекс, о котором рассказывал Владимир Георгиевич, утверждает, что без нравственного воспитания — не религиозного и не политического — само образование ничего не стоит.

Так я себе представляю главную проблему, которая стоит сегодня перед нами — задачу воспитания интеллигентных людей. Я понимаю, какое это трудное дело — ведь в университет приходят взрослые люди, со сформировавшимся мировоззрением, и сложно судить о том, как далеко оно от идеала интеллигентности. Но что мы все, петербуржцы, можем и должны делать — это добиваться радикальной перестройки средней школы. Нужно сделать петербургскую школу **институтом культуры**, соединяющим образование с нравственным воспитанием. Именно нравственным, потому что основы нравственности доступны ребенку с раннего детства, в отличие от содержания политики и религии. Вот проблема, которую мне бы хотелось вынести сегодня на обсуждение. По-моему, это было бы лучшей данью памяти Дмитрия Сергеевича Лихачева.

А. П. МАРКОВ,

профессор кафедры социально-культурных технологий СПбГУП,
доктор педагогических наук, доктор культурологии

РУССКИЙ ИНТЕЛЛИГЕНТ КАК ТИП БЫТИЯ И НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ

В самой формулировке («Российский интеллигент как этический идеал воспитания») содержится определенное противоречие.

Во-первых, идеал — это человеческое видение Абсолюта, его нельзя искать в эмпирической плоскости. Область идеального — царство последних истин, которому открыт человек как духовное существо, свободное от витальной зависимости. Идеал — абсолютная ценность, противоположная жизни.

Во-вторых, в контексте христианской культуры (тем более в ее православном варианте) такая постановка проблемы выглядит, по меньшей мере, неубедительной.

Как известно, моральный идеал в христианстве пока никто не отменял (его обозначил

Христос в Нагорной проповеди). Он строится вокруг трех ценностей: *нестяжательства* (отказ от материальных благ согласно духовному выбору). Блаженны нищие духом. Главное, чтобы был хлеб насущный днесь (на каждый день); *страдания* (которые обеспечивают блаженство; вечной и блаженной жизни в Царствии Небесном достойны: плачущие, кроткие, чистые сердцем, жаждущие правды, гонимые за правду). Страдание — это условие достижения идеала любви и справедливости; последователи Христа должны быть готовы к трудному миссионерскому служению истине и возможным страданиям на этом пути; *любви* (немотивированной, нерациональной, строящейся на всепрощении, мак-

симальном самоотречении, любви как непротивлению злу насилем). Эти ценности в рамках рациональности и здравого смысла противостоят естественным, антижизненным (об этом писал еще в 1906 г. В. В. Розанов: «Христианство — это религия, в центре которой — гроб, религия мертвого Бога. Только христианство пыталось разрушить недра мира, как бы проколоть иглою зародышевую сущность мира. Идеал христианства — иночество, а это означает отрицание “дома”, хозяйства, семьи. Христианством глубочайше будет разрушен тип социальной жизни. Это есть разрушение, на месте которого ничего не вырастает. Не менее разрушается тип истории. Будущее не нужно тому, у кого не будет потомства»). Примечание: Запад от ценностей, составляющих ядро христианского морального идеала, избавился еще во времена Реформации. Поэтому там нет интеллигенции.

Следовательно, говорить об интеллигенции как о носителе нравственного идеала можно лишь постольку, поскольку она является преемницей идей последователей Христа. На наш взгляд, для такого утверждения есть достаточные основания. Действительно, русский интеллигент выражает саму суть национального духа, и прежде всего доминированием в его понимании смысла жизни ценностей идеального мира. («Не многие для вечности живут. Но если ты мгновенным озабочен, твой жребий страшен и твой дом не прочен» — О. Мандельштам). Категорически утверждая себя в духовной ипостаси бытия, русский интеллигент боится попасть под «чуждое» влияние, стать жертвой «врагов», несущих иные ценности. Отсюда — стремление отыскать «последнюю» правду-истину, абсолютную справедливость, максимализм идеала и готовность идти на любые жертвы во имя высоких идей. «Аскетизм отречения, — как справедливо заметил Г. Федотов, — не знает предела жертвы — от самоотречения во имя идеала до отречения от всех святынь: народа, России, Бога».

Русская интеллигенция — это социальность, нравственный максимализм, страдание. Это та часть интеллектуалов, которая выразила и довела до предела мировоззренческую и психологическую противоречивость, амбивалентность русского характера в целом. Как известно, эта черта является определяющей в структуре «русской души», которая содержит в себе целый ряд взаимоисключающих качеств (Н. Бердяев): деспотизм, гипертрофию государства — и анархизм, вольность; жестокость, склонность к насилию — и доброту, человечность, мягкость; обостренное сознание личности — и безличный коллективизм; национализм, самохвальство и — универсализм, всечеловечность; эсхатоло-

гически-мессианская религиозность — и внешнее благочестие; искание Бога — и воинствующее безбожие; смирение — и наглость; рабство — и бунт.

Интеллигентское сознание отличает особый катастрофизм — острота переживания гибели («конца света»). Н. Бердяев эту специфическую для российского менталитета черту объяснял объективными фактами — по частоте и остроте переживания общественно-политических и социально-культурных кризисов катастрофы являются роковой неизбежностью российской истории, составной частью судьбы России и в определенном смысле трагической «печатью» ее специфики (говоря о катастрофичности русской культуры).

Таким образом, русская интеллигенция представляет собой третий этап в развитии христианского идеала (первый — Христос и апостолы; второй — византийские и православные святые). Он объединяет тех людей, которые жили и страдали во имя идеи, в судьбе и творчестве воплощали заповеди Христа (и тогда в одном ряду оказываются православные святые, Гоголь, Достоевский и князь Мышкин, Чернышевский и Рахметов и т. д.).

В этой связи можно обозначить несколько сущностных социально-культурных функций русской интеллигенции:

1) она является персонифицированным символом духовного ядра культуры, «образом для подражания»;

2) она осуществляет самосознание и самопознание национальной культуры (ее миссия — понимать и отражать в слове, образе духовную уникальность, обеспечивать преемственность культуры, сохранять духовный код нации, удерживать целостность культуры во времени). Концентрированная форма самосознания отечественной духовности — так называемый «петербургский текст» (в литературе, живописи) — как нечто целостное в мировоззренческом и даже в событийном плане. Его творцы — Пушкин, Гоголь, Достоевский, Ап. Григорьев, Блок, Белый, Мережковский, Вяч. Иванов, Мандельштам, Ахматова и многие другие);

3) русская интеллигенция корректирует реальность, приводя ее в соответствие с идеалом (наверное, здесь корни ее чрезмерной революционности). Интеллигенция — это не пассивное самосознание, зеркало, но и образ-проект, который творит, формирует отечественную духовность.

Таким образом, русская интеллигенция может быть персонифицированным символом личного самоопределения, нравственной «планкой» самовоспитания. Но этот образ не должен рассматриваться в качестве идеала институционализированной системы воспитания.

Б. Д. ПАРЫГИН,заведующий кафедрой социальной психологии СПбГУП,
доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ КАК ИНДИКАТОР ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОГО СОСТОЯНИЯ ОБЩЕСТВА

Наряду с ценностно-нормативным подходом к определению места и роли интеллигенции в социальной жизнедеятельности, на наш взгляд, не менее правомерен и такой аспект рассмотрения этого явления, который ориентирован на видение и изучение данного социального слоя в качестве определенного показателя духовно-нравственного состояния общества. Такой подход выводит рассматриваемую проблему за рамки широко дискутируемых и тем не менее весьма неопределенных решений относительно самого понятия интеллигенции, ее современного и будущего статуса, равно как и критериев ее качественной оценки.

Актуальность темы определяется все более очевидной связью, существующей между духовно-нравственным состоянием общества, с одной стороны, и интеллигенции — с другой, которую можно наблюдать на протяжении значительной части российской истории. Эта взаимосвязь может проявляться по-разному: как в согласованности, так и в состоянии диссонанса. При этом отечественной истории более свойственна скорее рассогласованность, разрыв между духовно-нравственным состоянием общества и интеллигенции. Нечастыми исключениями при этом оказывались те исторические мгновения, когда наблюдалась атмосфера духовно-нравственного подъема и единодушия всех социальных групп и слоев общества. К таким моментам можно, например, отнести атмосферу февральской буржуазно-демократической революции в России 1917 года или патриотического подъема в стране в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. По аналогии можно было бы говорить и о том особом социально-психологическом состоянии духовно-нравственного подъема и о больших социальных ожиданиях со стороны народа благотворных перемен в обществе, которые наблюдались в нашей стране в середине 80-х годов прошлого века, в самом начале «перестройки».

Нами уже обращалось внимание на различные социальные и психологические факторы, которыми можно было бы объяснить меру совпадения или «разрыва» духовно-психического состояния народа и интеллигенции в различные моменты нашей истории, равно как и в судьбе России в целом (Парыгин Б. Д. Российская интеллигенция и социально-психологические проблемы воспитания народа // Формирование российского интеллигента в университете. СПб., 2000).

Компенсировать этот разрыв может духовно-нравственное состояние интеллигенции. Оно способно одновременно выступать и в роли индикатора соответствующего состояния социума. Иными словами, русская интеллигенция по своей природе как специфический духовно-нравственный феномен в истории России является продуктом компенсации ряда особых обстоятельств в жизни и судьбе нашего народа и Отечества.

Во-первых, русская интеллигенция по своей сути своеобразно компенсировала противоречивый характер народа со свойственной ему способностью «не знать меры», равно как и вытекающего отсюда недостатка поведенческой культуры как привычки к подчинению нормам и правилам социального бытия. Отсюда и свойственная интеллигенции культурность и внешняя уравновешенность как особый знак принадлежности к этому слою. Русский народ, — отмечал Н. А. Бердяев, — не был народом культуры, как народы Западной Европы. Не зная меры и легко впадая в крайности, он был более народом откровений и вдохновений.

Во-вторых, интеллигенция чувствовала себя обязанной компенсировать недостаток «мужественного начала», или способности власти к эффективному руководству страной. Из этого, в свою очередь, вполне логично вытекала постоянная обремененность наиболее активных представителей российской интеллигенции заботой о судьбе России.

Однако названные выше социальные и педагогические функции российской интеллигенции в силу тех или иных причин не получили должной реализации в истории и судьбе России. Одной из самых главных причин этого, на наш взгляд, является социально-психологическая неготовность как интеллигенции, так и власти и общества в целом к эффективной и вместе с тем масштабной инновационной деятельности. А это в конечном итоге объясняется намного большей сложностью той социальной реальности, на адекватное восприятие, понимание и коррекцию которой претендовали интеллигенция и другие субъекты исторического действия.

Вполне вероятно, что во многом именно с пониманием всего сказанного выше связано наблюдающееся в историческом пространстве явление снижения уровня притязаний, даже самых ярких представителей интеллигенции на роль учителя жизни, способного указать

путь движения общества к далеко идущей социальной цели или тем более выступить в качестве силы, способной к радикальным социальным преобразованиям.

Достаточно очевидно, что между революционно настроенной интеллигенцией начала XX века и ее последующими реформистски настроенными представителями уже нашего времени лежит большая историческая дистанция. Вместе с тем это и показат

тель того духовно-нравственного состояния общества, которое переживает достаточно глубокий кризис былых ценностей при недостаточной определенности новых.

В сознании современной интеллигенции растет понимание необходимости формирования другой, более адекватной нашему времени концепции или парадигмы социального мировосприятия, мироотношения и эффективного действия.

П. И. СМЕРНОВ,
профессор СПбГУ,
доктор философских наук

ГАРМОНИЧНОЕ РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ: ВОЗВРАЩЕНИЕ К ПРОБЛЕМЕ

В недавнем прошлом конечной целью образования и воспитания было формирование гармонично развитой личности, сочетающей в себе духовное богатство, нравственную чистоту и физическое совершенство¹.

Едва ли можно что-то возразить против подобной цели, когда она поставлена абстрактно. Разве плохо, если человек нравственно чист, духовно богат и физически совершенен?

Проблема все же возникает, если мы пытаемся конкретнее рассмотреть названную цель. Вполне логично задать вопрос: зачем обществу нужно формировать гармонично развитую личность? Очевидно, что эта цель, во-первых, недостижима, во-вторых, чрезвычайно «затратна» с точки зрения необходимых средств, в-третьих, «непрактична», поскольку не гарантирует совершенному человеку должного места в несовершенном обществе, в-четвертых, чревата «нарциссизмом», т. е. склонностью к самолюбованию человека, близкого к совершенству.

Кроме того, следует иметь в виду, что описание выше представления о личности крайне неконкретно. Фактически речь идет о человеке, причем не только гармонически, но и всесторонне развитом. А ведь удобнее все-таки относить слово «личность» именно к социальной ипостаси человека, обозначать им человека как социальное существо.

Думается, что теоретически более корректно описать проблему «гармонично развитой личности» можно в том случае, если использовать представления об основных разновидностях деятельности и понятия, описывающие социальную роль и ее структурные компоненты. Применение этих понятийных средств

дает возможность говорить о гармонически развитой личности по крайней мере на трех уровнях: 1) *всесторонне и гармонично развитая личность*, 2) *односторонне гармоничная личность*, 3) *частично гармоничная личность*.

Базовыми разновидностями деятельности являются: деятельность для себя (эгодеятельность), деятельность для другого (альтердеятельность, служба) и деятельность для деятельности (игра). Они появляются исходя из допущения, что деятельность всегда совершается в *пользу* или *ради* кого-то или чего-то; и из рассмотрения простейшей ситуации, когда имеются: деятель, нечто другое (человек, общество, Бог, природа) и сам процесс деятельности. Каждая из разновидностей выполняет особую функцию: деятельность для себя обеспечивает существование деятеля, деятельность для другого придает смысл существованию деятеля, а игра приносит в существование деятеля радость². Представляется, что *гармонично и всесторонне развитая личность* должна быть способна к ритмичному чередованию всех трех разновидностей деятельности, т. е. к гармоничной жизнедеятельности.

Помимо каждодневного ритмичного чередования разновидностей, то есть чередования, происходящего в одном временном плане, для гармонично развитой личности возможна постепенная смена доминантной разновидности деятельности на протяжении жизни. На каждом важном отрезке жизни при «нормальном» развитии личности на первый план может выходить либо игра, либо эгодеятельность, либо служение. При этом ранговая

¹ Материалы XXVII съезда КПСС. М.: Политиздат, 1986. С. 163.

² Бороноев А. О., Письмак Ю. М., Смирнов П. И. Моделирование социальных систем: концепция и основные понятия // Проблемы теоретической социологии. Вып. 2. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. С. 86–87.

позиция «дополнительных» разновидностей также может иметь значение.

Например, в пору первичного становления личности, включающую детство, отрочество и юность, возможна следующая схема изменения доминантной деятельности. На самом раннем этапе человеческой жизни, в детстве, преобладает игра; на втором месте — деятельность для себя; на третьем — служение, которое находится в зачаточном состоянии и часто имеет форму игры.

В подростковом и юношеском возрасте на первое место выходит эгодеятельность. Человек учится отстаивать «свое место под солнцем», утверждает себя в мире. Смена доминирующей разновидности деятельности сопровождается известными психическими трудностями переходного возраста. На втором месте остается игра, но ее удельный вес должен несколько снижаться, а роль служебной деятельности возрастать.

Молодость — ранняя зрелость — характерна господством деятельности для себя, но служение выходит на второе место или, по крайней мере, занимает равные позиции с игрой. В эту пору человек должен научиться обеспечивать себя и семью, удовлетворять биологические и социальные потребности молодого, полного сил существа, но принимая при этом определенные обязанности перед обществом. В то же время энергии хватает и на игру.

В пору зрелости служение и деятельность для себя занимают примерно равные позиции, но постепенно служение должно стать преобладающим, а игра занимает относительно малое место в системе жизнедеятельности. Человек «вписывается» в определенный уровень удовлетворения материальных потребностей, «успокаивается» в какой-то мере относительно дальнейшей карьеры, и теперь его задача состоит в том, чтобы переключить накопленный потенциал на заботу о подрастающем поколении, на совершенствование профессиональной деятельности, на решение общесоциальных проблем.

В пожилом и старческом возрасте (исключая пору полной дряхлости) служение становится господствующим видом деятельности, значение игры заметно возрастает, а роль эгодеятельности существенно снижается. Человек почти целиком отдается служению обществу и близким людям, практически полностью снимает с себя заботу о добыче средств к собственному существованию, а возникший досуг тратит на игры с себе подобными или внуками. Говоря более абстрактным языком, человек тем самым перестает отделять себя от мира, все больше сливается с ним, а его жизнь обретает завершенность и полноту.

Конечно, на каждом этапе возможны сбои, негармоничная смена видов деятельности и, следовательно, возникновение *гармоничных, но односторонне развитых*, а то и попросту патологических личностей.

Представление о *гармонически, но односторонне развитой личности* возникает тогда, когда мы переходим к менее глубокому, с точки зрения сущности, рассмотрению возможной гармонично протекающей деятельности. В этом случае мы, отвлекаясь от рассмотрения гармоничной жизнедеятельности, пытаемся рассмотреть условия гармоничного осуществления одной из базовых разновидностей деятельности. Правда, для этого необходимо ввести понятия, описывающие социальную роль и ее структурные компоненты.

Не вдаваясь в дискуссию о понятии «социальная роль», о необходимости стандартной группы понятий, описывающих ее компоненты¹, отвлекаясь от анализа подобной группы, предложенной Парсонсом² и т. п., отметим, что в дальнейшем социальная роль понимается в духе представлений И. С. Кона как *социальная функция*³, а точнее, как *специализированный вид социальной деятельности*. Стандартными понятиями, описывающими социальную роль, впредь будут считаться: *ценности*; *мастерство* (знания, умения и навыки); *полномочия* (права и обязанности)⁴.

Выше отмечалось, что гармоничная жизнедеятельность формируется не у каждого человека. У многих одна из разновидностей деятельности начинает господствовать над остальными, подчиняя их себе. На этой основе возникают три основных личностных типа: эгодеятель, служитель и игрок. В каком смысле можно говорить о том, что эти типы гармонически развиты? С учетом наших представлений о компонентах социальной роли — ценностях, мастерстве, полномочиях — на этот вопрос можно ответить следующим образом.

Допустим, в человеческой душе произошло «слияние» трех конечных определителей базовых разновидностей деятельности (существования, смысла и радости) в некое синкретическое единство, причем один из определителей стал господствующим. Фактически речь идет о формировании какой-то сверхценности, подчиняющей себе всю жизнедеятельность человека. И эта жизнедеятельность

¹ Инкельс А. Личность и социальная структура // Социология сегодня: проблемы и перспективы. М., 1965. С. 295.

² Смелзер Н. Социология. М.: Феникс, 1994. С. 75.

³ Кон И. С. Социология личности. М., 1967. С. 23.

⁴ Смирнов П. И. Трехкомпонентная концепция социальной роли как основа типологии социальных норм. Деп. в ИНИОН 11.07.85. № 21532. Л., 1985.

может быть оценена как гармоничная, если для достижения сформировавшейся сверхценности личность обладает необходимыми полномочиями и мастерством.

Что касается полномочий, то их предоставляет общество, и они, с точки зрения объема и направленности, зависят от типа цивилизации. Например, в цивилизации западного типа высшей общечеловеческой ценностью является личность. Существует эта цивилизация на основе эгодеятельности, поэтому эгодеятель в ней «снабжен» необходимыми полномочиями и может сравнительно легко «вписаться» в нее, если усвоил необходимые знания, умения и навыки.

Аналогично служащий при соблюдении тех же условий относительно полномочий и мастерства может сравнительно легко вписаться в цивилизацию российского типа, которая существовала на основе деятельности служебной, а высшей ценностью в ней было общество (в форме отечества).

Оба личностных типа могут достаточно гармонично существовать в подходящих для них цивилизациях, а также в тех деятельностных нишах, которые предоставляет конкретное общество (в цивилизации российского типа всегда есть какое-то место для эгодеятельности, а западная — в какой-то мере немыслима без служебной деятельности).

Следует отметить, что в тех случаях, когда для реализации своей сверхценности тот или иной личностный тип не находит в обществе подходящих условий, он способен для ее достижения употреблять средства, не предусмотренные или запрещенные законодательством. И это является питательной почвой для появления извращенных личностных типов. Например, эгодеятель может стать карьеристом. Служащий же, не находящий достаточного простора для служения своим идеалам, способен превратиться в фанатика.

Что касается игрока, то поскольку цивилизация не может быть построена на игровой деятельности, он может гармонично существовать лишь в особых объединениях людей, обществах игроков, которые всегда существуют. Иногда эти «игровые общества» санкционированы «большим обществом», иногда нет. Но их наличие — обязательное условие для гармоничного существования игрока в той мере, в какой он усвоил права и обязанности и овладел мастерством в той или иной игре.

О *частично гармоничной* личности можно говорить в том случае, когда рассматривается возможность гармоничного осуществления конкретной социальной роли. Гармоничная деятельность в рамках социальной роли возможна тогда, когда личностью усвоены роле-

вые ценности (основная и инструментальные, причем в должной иерархии), мастерство и полномочия. Возникает личность настоящего профессионала, глубоко знающего свое дело, любящего его и полностью использующего свои служебные полномочия для достижения профессиональных целей. Однако это случается далеко не всегда. При усвоении любого из трех компонентов в социальной роли возможны сбои, и тогда возникают ущербные в ролевом отношении личности. Существует множество типов личностей, ущербных в профессиональном отношении. С некоторой долей условности можно выделить следующие.

Если личностью не усвоены ценности социальной роли, но у нее имеются необходимые мастерство и полномочия, тогда возможно возникновение трех (весьма близких, хотя и имеющих существенные различия) личностных типов: *дельца*, *наемника* и *временщика*. Все три схожи тем, что полностью подчинили свою деятельность целям личного обогащения, корысти, забыв о подлинных ролевых ценностях.

Тип *дельца* хорошо представлен в образе чеховского Ионыча, по-видимому, неплохого в профессиональном отношении врача, превратившего свою профессию в средство добывания денег.

Тип *наемника* имеет множество вариаций. Сравнительно приемлемая в обществе деформация ролевых ценностей наблюдается у солдат-наемников. Дело в том, что изначальная функция солдата — защищать *своих*: родину, народ, близких. Когда же солдат продается, то он ставит свое профессиональное мастерство на службу *посторонним* или *чужим*. Здесь можно говорить о феномене *замещения ценностей*.

Однако в некоторых социальных ролях деформация ценностей состоит как раз в том, что социальной роли с позитивной ценностью попросту нет. Тогда ролевой ценностью может стать демонстрация профессионального мастерства, безупречное выполнение каких-то технологических приемов, то есть действие по принципу искусство для искусства. А ведь технология профессиональной деятельности не может быть самоцелью. Технологии существуют для достижения ценности, включенной в саму структуру роли. Если же позитивная ценность отсутствует, возникает ущербная роль, состоящая из технологии и полномочий. На этой ущербной основе возникают личностные типы наемников, актеров, профессиональных спортсменов, профессиональных убийц и т. п.

Актеру, вообще говоря, все равно кого играть и какие чувства вызывает его игра. Актерская игра возвышает или снижает

нравственность публики в соответствии с заданными режиссером целями. Внешнее навязывание позитивной ролевой ценности (престиж страны, удовлетворение жажды зрелищ) характерно для профессионального спорта. Относительно же профессионального убийцы, киллера, нельзя говорить даже о внешне навязанной позитивной ценности. Цель деятельности — меткий выстрел сам по себе, при этом для киллера неважно, куда стрелять.

Отсутствие мастерства также нарушает возможную частичную гармонию в исполнении социальной роли и приводит к появлению ряда ущербных личностных типов. Условно важнейшие из них могут быть названы: *плагиатор*, *эксплуататор*, *шарлатан*. Все эти типы возникают на почве неспособности самостоятельно решить какую-то профессиональную проблему, но они изобретают разные способы использования чужого мастерства и маскировки собственной некомпетентности.

Плагиатор тайно присваивает чужие идеи и способы действия. *Эксплуататор* платит настоящему мастеру за работу, используя ее результаты как свою собственность. *Шарлатан* же выдает мнимое знание и мастерство за реальные, беззастенчиво рекламируя якобы полученные результаты.

Что же касается ролевых полномочий, то возможны по крайней мере три ситуации, когда их гармоничное использование нарушается.

Во-первых, личность может превышать полномочия социальной роли. И если она делает это постоянно и целенаправленно, то можно говорить о личностном типе *узурпатор*.

Во-вторых, личность может использовать полномочия социальной роли, не принадлежащие ей по праву, но данные ей другим

полномочным лицом. Тогда возникает фигура *временщика*. При этом временщики могут быть относительно добропорядочными, когда пытаются содействовать общему благу, и злонамеренными, когда сознательно используют временную власть ради личного обогащения и собственной пользы.

Наконец, нередки случаи, когда личность не использует предоставленные ей по закону ролевые полномочия. Поскольку существует множество обстоятельств, из-за которых человек не способен или не хочет использовать должностные права и обязанности, спектр личностных типов, возникающих на этой основе, весьма велик. Например, *низкопоклонник* возникает тогда, когда в угоду вышестоящим лицам человек не исполняет своих должностных обязанностей. Тип *халатного* работника обусловлен, видимо, ленью. Возможен также тип *марионетки*, когда работник по каким-то причинам не способен принять самостоятельное решение, ориентируется на мнение окружающих и действует по их советам и подсказкам.

Ущербные личностные типы опасны для общества, и оно пытается как-то уменьшить возможные вредные последствия их деятельности. С этой целью учреждаются контролирующие и правоохранительные органы, чтобы направлять деятельность потенциально опасных лиц в нужное русло или даже полностью пресекать ее, наказывая тех, кто нарушает запреты.

Все же можно надеяться что большинство людей способно стать гармонично развитыми личностями, когда сбой в личностном развитии не превосходит некую меру, причем для этого им не так уж обязательно сочетать в себе духовное богатство, нравственную чистоту и физическое совершенство.

Г. А. ПРАЗДНИКОВ,
заведующий кафедрой философии СПбГУП,
кандидат философских наук, профессор

МИР ЧЕЛОВЕКА И ЖИЗНЕННАЯ ПОЗИЦИЯ ИНТЕЛЛИГЕНТА

1. Видимо, никогда прежде, как на рубеже третьего тысячелетия, так остро не осознавалась диспропорция между нашими знаниями о природе (включая человека) и о человеке как личности, о «человеческом мире» во всем многообразии его проявлений. Состояние беспокойства, встревоженности, возникающее в ситуациях нестабильности, может не заметить только совершенно нечуткий человек. Связано оно с кризисом идентичности практически всех форм культуры, в том

числе и осмысливающей культуру теории. Искусство, религия, этика, философия, принадлежащие «по ведомству» к гуманитарной сфере, часто не только не отвечают критерию человечности, но и декларируют дегуманизацию мира. Творчество утратило статус самоценности и вышло из круга самооправдания. Всякая специфическая деятельность осуществляется в реальном пространстве культуры. Любые характеристики творчества «работают» и что-то значат в контексте

конкретного человеческого бытия. Именно культура превращает социальное пространство в «человеческий мир». Кризис культуры есть кризис жизни. Многообразие явлений культуры — не конгломерат различных феноменов, но некое сложное единство. Не отдельные знания, не техника или профессиональное мастерство, а смыслодержательные связи человеческого бытия являются системообразующими факторами культуры. Стремление науки выйти на предельно общие понятия, в границах которых можно было бы объединить различные теории и концепции, характеризует гуманитарное знание (впрочем, и науку в целом).

2. В середине 80-х годов Д. С. Лихачев высказал мысль о необходимости разработать научное понятие, вмещающее в себя совокупность сложнейших взаимоотношений людей друг с другом, внутренний мир отдельного человека, контакты человечества с природой и Вселенной, понятие «всеобъемлющее как ноосфера Вернадского, как биосфера, но заключающее в себе иную основу — человечность, гуманность, одухотворенность» (Лихачев Д. С. Память истории священна. М., 1986. С. 14). Эта мысль выдающегося ученого продолжает научную традицию русской культуры, теоретически выражающую особенности мировоззрения, мироощущения, мирочувствия русского человека (его «космо-психо-логоса», по удачному определению Г. Д. Гачева), стремящегося «установить, кроме отношения к ближайшим явлениям жизни, свое отношение ко всему бесконечному во времени и пространстве миру, понимая его как одно целое» (Л. Толстой). Переживание единства жизни, мига и вечности, человека и мира определяло своеобразие духовного поиска отечественной философии, искусства и науки. Антропоцентризм, сформировавшийся на Западе в период Ренессанса и преодоленный европейским мышлением еще в XVII в., до начала XX века был исходным принципом в русской культуре. Он поныне представляет достаточно значимую, хотя и не единственную, тенденцию гуманитарного знания. Развитие естествознания не отменило его, более того, многие искания русских ученых шли от этого корня. Разработка К. Э. Циолковским идеи космической ракеты или учение В. И. Вернадского о ноосфере в значительной мере определялись их нравственным поиском, строились на жизненном основании. Обращенность русской духовной культуры к онтологическому единству мира была потеснена в философии советского периода преимущественно гносеологической проблематикой. Однако было бы несправедливо говорить о прерванности традиции.

Дальнейшее развитие получила разработка предельно широкой целостной системы, где в единстве практической, теоретической, практически-духовной деятельности происходит становление мира как «мира человека». Это новое теоретическое понятие было введено в научный обиход в середине 60-х годов П. В. Копниным и С. Л. Рубинштейном (каждым в отдельности), однако оно не вошло ни в философскую энциклопедию (1960–1970), ни в неоднократно переиздававшиеся философские словари. Мир — это целое, в котором среда и человек находятся в состоянии сложнейших взаимообусловленностей и взаимопереходов. Более того, сам человек — среда. Среда *для себя* — среда внутренних духовно-душевных преобразований. Среда *для других* — когда в деятельности объективно возникают внутренние отношения в виде внешней силы, привлекающей, восхищающей, созидательной, опасной, подавляющей, разрушающей...

3. «Мир человека» — нейтральное, безоценочное понятие. Совсем не обязательно это — «человеческий мир». Человечность — качественная оценка мира, и связана она не с любой идеально-духовной деятельностью, а только с деятельностью нравственно направленной. Мы же говорим: бесчеловечная идея, бесчеловечный проект... Человеческий мир всегда — единство сущего и должного. Он связан с Абсолютом, Идеалом, ориентирован на подлинные ценности человеческой жизни, а потому предполагает нравственное измерение. Любая деятельность не только совокупность специализированных действий, но и жизненный поступок в человеческом мире. Просто и точно сказал об этом Майкл Фарадей: «Физик, математик, равно как представитель любой профессии, есть прежде всего человек, обращающийся к людям». В этих словах физика — не только суть гуманитарного мышления, но и емкая формула интеллигентности.

4. Интеллигентность определяется не владением хорошими манерами или иностранными языками, не умением сочинять стихи или ставить спектакли, не способностью понимать Платона и Гегеля (хотя по многим существенным обстоятельствам деятельность интеллигента связана с этими навыками). В первую очередь это потребность и способность соотносить свою жизнь и профессиональную деятельность с общими проблемами бытия, с сохранением и утверждением духовности и душевности человеческого существования в мире. Человеческие действия (в первую очередь собственные!) интеллигент оценивает не только как точные и неточные, целесообразные и нецелесообразные, но и как

мужественные, трусливые, благородные, справедливые, жестокие, великодушные... Интеллигент не функциональная ролевая характеристика, а некое определение человека как личности, чья жизненная позиция составляет нравственно-целостное самоопределение в ценностях бытия и сохраняет единство личности в значительных временных отрезках.

Самое существенное в жизненной позиции то, что она — в равной мере над жизнью (осмысление жизни) и в самой жизни. Это не теоретическое (пусть даже самое глубокое) суждение о смысле жизни, а жизнь как нравственное действие — «воплощающийся принцип» (Гегель), «самостоянье» (Пушкин), «ответственное поступление» (Бахтин). Такими жизненными поступками становятся художественное творчество, философская деятельность, управленческие решения...

Б. П. Сорокин называл «законом поляризации» способность в сходной ситуации реализовать разные формы поведения в зависимости от типа личности. Процессы распада и дезинтеграции не могли не коснуться интеллигенции России — образовался своеобразный слой люмпен-интеллигенции, культурбуржуазии.

Со всей серьезностью и ответственностью надо оценивать процессы, происходящие в средней и высшей школе, связанные с дегуманитаризацией образования. Причем речь идет не только о соответствующих действиях чиновников, но и об осмыслении этих процессов самими гуманитариями.

Высказывается мнение: поскольку исчезает интеллигенция как изживший себя слой общества, отпадает и необходимость гуманитарного образования, смысл которого состоял в приобщении к этому слою. Такое образование можно оставить для желающих — не более того. Современному обществу нужны интеллектуалы, обладающие хорошим

фрагментарным знанием и способные к профессиональной экспертизе (см.: Десять гуманитариев в поисках университета: Круглый стол о судьбе гуманитарного образования в России // Неприкосновенный запас. 1998. № 2. С. 16–29).

Возможно, культура на нынешнем этапе переживает пик своего поиска смысла жизни. Возникновение в середине XX века новой для педагогики и философии гуманитарной дисциплины — философии образования — знамение времени. Образование трактуется как базовый процесс в культуре, содержанием которого является не профессионализация, а формирование человека соответственно образу и смыслу его целостного бытия. В качестве физика, агронома, экономиста, пианиста, врача человек должен состояться как личность. В любой деятельности, в конечном счете, реализуется не только профессиональное задание, но определенная жизненная стратегия, основы которой составляют любовь, долг, достоинство, мужество, совесть...

«Клятва» и «Мужество» Анны Ахматовой, блокадные стихи Ольги Бергольц, «Седьмая симфония» Дмитрия Шостаковича — все это нравственные поступки художников, акты жизненного деяния, неотъемлемые от гражданской истории Ленинграда. Так прожил свою трудную и прекрасную жизнь Д. С. Лихачев. Он не был святым, и надо всячески противиться созданию из его образа иконы. Но с уверенностью можно сказать, что его деятельностью создавались не только книги, но наш мир, мы сами, собственно человечность.

Органичное соединение духовности, свободы и личной ответственности не может быть массовым. Невозможно быть интеллигентом без праведничества, жертвенности, аскетизма. Интеллигенция элитна. Именно поэтому она — идеал, ценностный ориентир в конституировании человеческого мира.

А. В. СОКОЛОВ,

профессор кафедры теории социально-культурной деятельности СПбГУП,
доктор педагогических наук, Заслуженный работник культуры РФ

ПОСТСОВЕТСКОЕ ГУМАНИТАРНОЕ СТУДЕНЧЕСТВО: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ (результаты эмпирического исследования)

В 2000–2001 гг. было проведено межвузовское исследование «Социальная коммуникация и Я». Исследованием были охвачены 1070 студентов пяти петербургских вузов и 14 специальностей, из них — 10 гуманитарных и 4 негуманитарных. Использовались формализованные социологические опросы, пси-

хологические тесты, самофотография в виде дневников. В результате обозначались три социально-психологических портрета постсоветского гуманитарного студенчества, которые были названы: ЖАННА — активные альтруисты, КЛЕОПАТРА — активные эгоисты, ПЕНЕЛОПА — конформисты.

Каждому портрету присущи следующие общие черты, которые можно считать типичными для студенчества в целом.

Все они принадлежат к высокообразованному среднему классу нашего общества (две трети студентов — интеллигенты во втором—третьем поколении); политическая пассивность, ориентация на западные ценности, 30% — потенциальные эмигранты; половина студентов (на старших курсах почти поголовно) заняты внеучебным оплачиваемым трудом, 15% заявили, что у них вообще не бывает досугового времени; трудовая этика низка; верующих, согласно церковным канонам, — менее 10%, убежденных атеистов — 25%, остальные скорее суеверные язычники, нежели христиане; Родину любят все, но гордятся ею далеко не все, 58% заявили, что они стыдятся истории СССР; читательская активность весьма низка, пресса и телевидение привлекают не более 10% студентов, 25% вообще не смотрят телевизор; из всех искусств безусловным приоритетом пользуется музыка, 55% студентов — меломаны, заядлых театралов — одна четверть и столько же не интересуются театром, 40% не ходят в кинотеатры.

Частные портреты показывают существенную дифференциацию студенчества по следующим социально-психологическим качествам:

жизненные принципы: ЖАННА — жизнь по правде, чистая совесть; КЛЕОПАТРА — личный успех, готовность одурачить мир, чистота совести не важна; ПЕНЕЛОПА руко-

водствуется общепринятыми моральными нормами;

ценностные ориентации: ЖАННА предпочитает духовные ценности («человек выше доллара»); КЛЕОПАТРА утверждает всемогущество денег («деньги правят миром»); для ПЕНЕЛОПЫ привлекательны все ценности, но она хотела бы избежать риска и труда, связанных с их приобретением;

отношение к другим людям: ЖАННА — коллективист («один за всех — все за одного», «не имей сто рублей, а имей сто друзей»); КЛЕОПАТРА — индивидуалист («нет вечных друзей, нет вечных врагов, есть вечные интересы»); ПЕНЕЛОПА — скорее индивидуалист, чем коллективист, ей близок девиз «мой дом — моя крепость»;

патриотизм: ЖАННА питает осознанную и безоговорочную любовь к Родине («и дым Отечества нам сладок и приятен»); КЛЕОПАТРА понимает патриотизм как благоустройство своего дома, а не Отечества в целом, она готова сменить гражданство, если это окажется полезно и выгодно; ПЕНЕЛОПА отвергает «дым Отечества», но признает, что есть за что полюбить «Русь могучую».

Распределение альтруистической и эгоистической направленности зависит от специальности: социальные работники и педагоги — 25–30% ЖАННЫ и 25–40% КЛЕОПАТРЫ; экономисты-кибернетики — 15% ЖАННЫ и 68% КЛЕОПАТРЫ. Средние окруженные показатели по всем специальностям (более 1000 студентов) ЖАННА — 25%, ПЕНЕЛОПА — 30%, КЛЕОПАТРА — 50%.

Ю. М. ШОР,

профессор кафедры культурологии СПбГУП, доктор философских наук

О КАЧЕСТВЕННОЙ СПЕЦИФИКЕ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

Гуманитарность, гуманитарное знание по мере того, как мы вдумываемся в него и подвергаем осмыслению, все более предстает в качестве особого типа знания, органической части специфического типа культуры — гуманитарной культуры. Гуманитарное знание определяется не по предмету. Искусствоведение или, скажем, история вполне могут быть не гуманитарными. Гуманитарное знание — это знание-включение, знание-диалог, знание-переживание. Оно обязательно соотносится с человеческой душой и человеческим сознанием. Сегодня анализ этого знания важен ввиду засилья технократизма и прагматизма в современной цивилизации.

Гуманитарное знание — мощная самостоятельная традиция в истории духа. Ее от-

крывает Сократ, когда он говорит о знании-незнании, когда настаивает на том, что знание должно быть пропущено через ум и душу человека, проверено его живым мышлением. Призывая современников вглядываться в себя, Сократ открывает в человеке личностную бездну.

Важнейшим этапом становления гуманитарного знания стало учение Платона о мире идей как духовном содержании реальности. Великая мысль Платона о том, что подлинное знание есть припоминание, содержит в себе важнейшую характеристику гуманитарности.

Основополагающими видятся сегодня идеи романтиков конца XVIII — начала XIX веков, интерес к которым растет. Романтики

обратили внимание на особую роль художественно-эстетического начала в познании. Они показали, что художественное, непонятное постижение реальности не частный момент, а универсальное, базовое отношение человека к миру.

Ф. Ницше, В. Дильтей, Г. Зиммель («философия жизни») осознали качественное отличие гуманитарного познания от познания сциентистского типа. Гуманитарность была истолкована как процесс живого переживания жизни, целостного постижения реальности, понятой как полнота развертывания потенциальных сил бытия.

Качественно новый шаг совершает феноменология Э. Гуссерля. Обращается внимание на необходимость погружения в поток сознания, усмотрения сущностных истин в структурах самого мышления. Представляется, что перед нами глубокое понимание именно специфики гуманитарного знания.

Необходимо отметить фундаментальный опыт экзистенциализма, который за исходное берет глубинное переживание человеком начальных структур реальности и категории которого (страх, отчаяние, забота) как раз и выражают постижение человеком этих предельных условий и предпосылок человеческого существования.

Гуманитарность как живое познание, имеющее непосредственный смысложизненный характер, определяет неотъемлемое условие полноценного существования человека. Трагедия школы, о которой мы постоянно говорим, в том, что там нет живого соприкосновения знания с человеком, нет (за редким исключением) знания как фактора жизни, человеческой души и человеческого сердца, знания как способа реального включения своих потенциалов, сущностных сил в стихию бытия, в стихию осуществляющейся реальности. А значит, нет и смысла для постижения и изучения, для узнавания, для переживания.

Философия XX века вслед концепциям «философии жизни» открыла, что гуманитарное знание, в отличие от знания сциентистского, прокладывающего путь к сущности, есть знание-истолкование, знание герменевтическое. Но прежде чем интерпретировать, гуманитарность распаивает поле будущего постижения, создает пространство предчувствия и предощущения познаваемого, эмоционального включения в проблему. Это включение вбирает в себя всю полноту ду-

ховно-творческих способностей человека: эстетические, этические, волевые, собственно познавательные акты. Это прекрасно понимали русские славянофилы, в частности А. С. Хомяков.

Особое место занимает искусство, художество — оно как бы адекватная форма гуманитарного знания. Художественное знание обладает особыми, лишь ему одному присущими свойствами. Именно оно есть подлинное знание-эмоция, знание-диалог, знание-переживание. Художество имеет дело с интимными пластами реальности, оно обращено ко всему человеческому в человеке. Поэзия, скажем, это не просто «стихи». Она — истинное, совершенное знание, она выявляет главные смыслы бытия, она хранит эти смыслы, оберегает их во всей их первозданности и преломляет в поэтическом слове. И если Мартин Хайдеггер, доказывая это, опирается на опыт Гельдерлина, Рильке, Тракля, то у нас, россиян, есть целая вселенная постижения реальности в поэтической стихии: Пушкин, Лермонтов, Тютчев, Некрасов, Блок... Кроме того, (и это, может быть, главное) поэзия — субъективное знание, мир, пережитый мной и никем другим. Вообще, гуманитарное знание есть знание «субъективно-объективного типа». Здесь внешнее не просто сливается с внутренним, оно становится внутренним. Фридрих Ницше подчеркивал, что истина субъективна, она то, что я сам нашел и понес на своих плечах. В искусстве это выступает наиболее реально. В чем величие, скажем, Блока? В мощном, индивидуально-личностном, экзистенциальном переживании реальности. Поэтому у нас есть любимые и нелюбимые поэты.

Чем дальше, тем яснее становится, что мощной формой гуманитарности является религия. Возможно, что религиозная вера — высший тип того, что в условиях светского мировоззрения мы называем гуманитарностью. Наш путь возвращения к религиозному сознанию, по крайней мере, к осознанию его духовного значения, только еще начинается. Многого еще не видно, многое надо заново оформлять в понятиях и категориях. Но, углубляясь в тексты русских религиозных философов, мы уже чувствуем, какой богатейший опыт знания и переживания заложен там, как зримо меняется картина мира, оживленная религиозным началом. Как много поводов дает религия для размышлений над спецификой гуманитарного знания.

В. Г. ЛУКЬЯНОВ,
профессор кафедры культурологии СПбГУП, доктор философских наук

ЦЕННОСТНОЕ СОЗНАНИЕ В ДРЕВНЕРУССКОМ ИСКУССТВЕ (по материалам исследований русских религиозных философов)

Работы Д. С. Лихачева, его эстетические взгляды, литературоведческие исследования открывают возможность более глубокого рассмотрения художественного мышления Древней Руси, ее ценностей.

Истоки ценностного миропонимания русского человека могут быть обнаружены как в мифологии и фольклоре Древней Руси, так и в памятниках древнерусской письменности, в летописях и житиях, в архитектуре храмов, иконах и т. д. Большую роль в формировании ценностного миропонимания сыграло знакомство с культурой античности, а также с культурой Византии. Одним из главных ценностных феноменов православной культуры в целом и русской православной культуры в частности стала икона. Русские религиозные философы подвели определенный итог многовековой разработке богословия, метафизики и эстетики иконы (Е. Н. Трубецкой, П. А. Флоренский, С. Н. Булгаков). Статья посвящена анализу роли иконы в формировании ценностного сознания русского человека и возвращению в современный научный обиход непреходящих идей русской религиозной философии и христианской аксиологии.

В основе искусства иконописи лежит духовный опыт: икона есть «закрепление и объявление, возвешение красками духовного мира», выражение «глубинного мироощущения» (П. А. Флоренский), «умозрение в красках» (Е. Н. Трубецкой). Отечественные религиозные философы, посвятившие свои работы анализу смыслового содержания русской иконы, обнаружили ряд ценностных оппозиций, заключенных в ней:

— противоположность двух ценностных миров — древнего космоса, плененного грехом, и мирообъемлющего храма, где этот плен окончательно упраздняется;

— в иконе нет места для нейтрального отношения к добру и злу (что характерно для современного стремления к благополучию и житейскому комфорту), поскольку иконописец видел «диавола во плоти» (он жил в дни кровавых войн и великих потрясений), поэтому его религиозное чувство не было ни

холодным, ни тепловатым, но — «огненным» (термин Е. Н. Трубецкого);

— в иконописи отражается борьба двух миров и двух мироощущений, которая наполняет всю историю человечества; с одной стороны, мы видим миропонимание *плоскостное*, все сводящее к плоскости *здесь*, а с другой — выступает то мистическое мироощущение, которое видит *в* мире и *над* миром великое множество сфер, великое многообразие планов бытия и непосредственно ощущает возможность перехода из плана в план.

Икона — как и искусство в целом — охватывается способной формировать картину мира человека, включая и его ценностное сознание. При этом важно различать «вертикаль» и «горизонталь» человеческого духа (Вяч. Иванов). На *вертикали* человеческого духа — высшие идеалы. Бог как средоточие абсолютного Добра, Любви, Красоты и др. Поэтому жизнь в Боге — это «духовное возрастание, лестница небесная, нагорный путь». Именно икона в рамках храмового действия становилась «окном» на пути «горнего восхождения» (П. А. Флоренский). Вещественный иконостас, как «костыль духовности», формирует внимание молящихся и является необходимым условием для развития «духовного зрения». Благодаря иконе и через икону русский человек постигал высокие духовные идеалы культуры. На этой основе формировались представления о добре и зле, ценностные ориентации и др. На *горизонтали* человеческого духа лежат житейская польза, возжеления утилитаризма и гедонизма. Вертикаль духа, связанная с идеей Бога, получила в иконописи свое наиболее полное и яркое воплощение.

Проблематика ценностного мира русской иконы, утверждавшей высокие духовные идеалы, становится весьма актуальной в наши дни. Человек, по мнению Е. Н. Трубецкого, не может оставаться только человеком — он должен или, поднявшись над собой, «вырасти в Бога», или, упав в бездну, превратиться «в зверя» — в этом плане человечество стоит на перепутье. Эти размышления

Е. Н. Трубецкого как никогда актуальны — искусство (в частности, иконопись) столетиями способствовало сохранению и развитию духовных идеалов. Внедряя определенные ценностные ориентации, ценности-нормы и ценности-идеалы, искусство обладает «целящей силой красоты» (термин Е. Н. Трубецкого). Однако процессы секуляризации культуры (особенно в XX веке) привели к нивелировке в искусстве того, что связано с вертикалью человеческого духа. В условиях современной массовой культуры американизированного типа сегодня активно внедряются образы, движущиеся в сторону «обезьяно-человека» (Н. А. Сетницкий), т. е. утверждающие псевдоценности массовой культуры. Именно поэтому воспроизводится личность, которая все более утрачивает цельность духовной жизни, у нее возникает «внутренний раскол, душевная расщепленность» (И. А. Ильин).

Поэтому древнерусское искусство сегодня — это поистине живительный источник высокой духовности и «живой доброты» (И. А. Ильин). Когда В. С. Соловьев возвестил идеал «теургического искусства», то, по словам Е. Н. Трубецкого, Россия еще не знала, какими художественными сокровищами обладает. По мысли философа, у нас уже было теургическое искусство, русские иконописцы видели красоту, которой спасется мир, и увековечили ее в красках. В самой идее «явленной и чудотворной иконы» давно уже живет мысль о «целящей силе красоты». Пророческими в этой связи звучат слова Е. Н. Трубецкого: «Будем же утверждать и любить эту красоту! В ней воплотится тот смысл жизни, который не погибнет. Не погибнет и тот народ, который с этим смыслом свяжет свои судьбы. Он нужен вселенной для того, чтобы сломить господство зверя и освободить человечество от тяжелого плена».

О. Ф. ПЕТРОВА,

профессор кафедры искусствоведения СПбГУП, кандидат искусствоведения

ДРЕВНЕРУССКОЕ ИСКУССТВО И СОВРЕМЕННОСТЬ

Древнерусское искусство на протяжении семи столетий обладало неизмеримыми художественными ценностями. Это был огромный вклад национальной культуры в мировую сокровищницу искусства (только в художественных музеях страны: Русском музее, Третьяковской галереи и др. хранятся сотни тысяч икон, фресок, предметов резьбы по дереву и прикладного искусства). Если к этим существующим коллекциям присоединить архитектуру соборов, храмов, их интерьеры, иконостасы, прикладное искусство, включив коллекции монастырей (во многом утраченные), то измерить эти богатства невозможно.

Древнерусское искусство — это духовное творчество, обращенное к вечности. Его основным содержанием была вера в божественное благословение, которое приближает к пониманию истины, добра, гармонии, красоты, и потому в традиции русского искусства совершенство рассматривалось как способ приближения к истине, к Богу. Именно эти представления легли в основу зримых изображений (будь это икона, фреска, мозаика) как первообраза Христа, святых, Богородицы. Эти представления легли и в основу создания «подлинных икон». По преданию, евангелист Лука создал до тридцати подобных икон («прозрение духовными очами»). Это во многом определило систему средневекового искусства, символику цвета, жеста, композиционное решение и другие особенности,

которые передавались в лицевицах и рукописных вариантах; явилось выражением духовных характеристик образа, повторяемых во множестве произведений, а потому всегда узнаваемых.

Способность средневекового искусства выявить основные духовные черты культуры обусловила возможности формирования национального идеала (Борис и Глеб, Сергий Радонежский и особенно почитаемые иконы Георгия и Николы — Россия, Св. Дени — Франция, Св. Франциска — Италия, Св. Патрика — Англия).

Проблемы национального и интернационального в творческой деятельности актуальны не только для средневековой культуры, но и культуры нашего времени. Вопрос о традициях всегда включал в себя широкое понимание источников художественного творчества, которые никогда не были ограничены каким-либо единым местом и временем. Так, средневековая Русь органично впитала в себя византийское, античное, славяно-языческое наследие и целый ряд влияний Ближнего Востока, которые соединялись в ней вследствие целого ряда хорошо известных исторических событий. Все эти источники сыграли важную роль в становлении собственно православной культуры.

Для христианской религии в целом и православной как специфической ее формы чрезвычайно показательна идея объединения. Представление о единстве христианского

мира получило выражение как в религиозных символах и образах, так и в идеологии средневековой Руси (Троица, архитектура храма, городская среда вокруг храма, Сергей Радонежский и его почитатели).

Эта идея единства унаследована современной христианской культурой, что прозвучало в выступлении римского папы в Афинах, Дамаске, Палестине. Эта же идея воплощается сегодня на уровне Организации Объединенных Наций, деятельность которой направлена на упразднение этнической розни, утверждение конвергенции и толерантности в современном обществе.

Религиозные идеи, лежащие в основе средневекового искусства, не ставят преград проникновению в него образов светской культуры. Единство религиозных представлений и светского знания было положено в основу европейского гуманитарного образования. Так, наиболее известные современные учебные заведения сформированы на основе средневековых университетов, которые, в свою очередь, возникли на базе религиозных школ (Сорбонна, Оксфорд, Пражский университет и др.).

Русское искусство XX века с огромным вниманием относилось к наследию древнерусской культуры. Среди авторов, работающих в этой традиции, следует особое внимание уделить К. С. Петрову-Водкину, который сумел практически все основные характеристики древнерусского искусства осмыслить в контексте современных представлений, создав тем самым собственную систему живописи, являющуюся наглядным примером роли древнерусского искусства в современной культуре. Для Петрова-Водкина особенно важным в традициях древнерусского искусства было формирование отношения к миру ценностных представлений (ценности нравственности, отношение к труду, подвигу, природе). Следует отметить появление своеобразных «житийный икон» (например, полотно «Полдень»), созданных на иной пластической основе, в его собственной системе живописи.

В настоящее время целый ряд художников обращаются к традициям русского искусства. Особая роль в освоении древнерусского наследия принадлежит художникам-монументалистам.

Н. М. КОЗЫРЕВА,

заведующая отделом рисунка и акварели Государственного Русского музея,
член Союза художников России, кандидат искусствоведения

НОВОЕ ПРОЧТЕНИЕ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Академик Д. С. Лихачев считал памятник «Слово о полку Игореве» кульминацией всех идейно-стилистических особенностей русской литературы XII века. В «Слове» отчетливо проявился стиль «монументального историзма», который передавал широкое видение русской земли, особое «панорамное зрение». Оно «охватывало Русь одновременно в разных ее концах и заставляло воспринимать происходящие в ней события в глубокой исторической перспективе».

«Слово» посвящено походу 1185 года новгород-северского князя Игоря Святославича на половцев, и безымянный автор сумел соединить в своем произведении «лирическое отношение к Руси с эпическим, историю Руси с походом Игоря, рассказать о несчастных последствиях одного, казалось бы, небольшого похода для всей Руси».

Очень небольшой по размерам текст «Слова» насыщен образами и событиями, переданными с глубоким пониманием особых форм народного творчества, таких как церемониальность (плач, слава) и монументализм (в изображении действия как столкновение сил, стремительное перемещение воинов). Географическое пространство Руси становится ге-

роем поэтического произведения, а такие понятия, как «печаль», «тоска», — воспринимаются почти материально.

«Слово о полку Игореве» неоднократно привлекало к себе внимание художников. Прекрасным классическим примером изобразительной интерпретации текста «Слова» являются цветные гравюры на дереве, исполненные В. А. Фаворским в 1950 году. Фаворский синтезировал поэтику легенды и исторический документ, по словам современника, в его иллюстрациях «реализм рассказа о трагедии Игоря воспринимается как нетленная сказка, исполненная песенной прелести».

Известный петербургский художник Юрий Люкшин впервые обратился к тексту «Слова» как источнику размышлений в 1993 году, когда он воплотил некоторые мотивы в эскизах академика Д. С. Лихачева. В 1999 году были созданы первые станковые листы на тему «Слова о полку Игореве». С тех пор автор продолжает работать над циклом, стилистическую форму которого он определил как «современный русский духовный лубок». Ныне цикл состоит из нескольких серий, условно обозначенных как «христианская» (около 60 листов), «славянская» (около 15 листов)

и «половецкая» (6 листов). Для воплощения задуманного художник избрал привычную для себя технику акварели на печатном фоне. Впервые эти работы были представлены на выставке в Ярославле во время празднования 200-летнего юбилея издания текста «Слова о полку Игореве», осуществленного в 1800 году графом А. И. Мусиным-Пушкиным, А. Ф. Малиновским и Н. Н. Бантыш-Каменским.

Злосчастный поход Игоря Святославича явился для современного художника (так же, как для древнерусского автора) поводом раздумий о трагической судьбе русской земли, о горе, которое до сих пор приносят междоусобные раздоры. Главными темами изобразительной поэмы стали образы Половецкого поля, на котором пали русские воины, плач Ярославны и покаяние Игоря, пришедшего поклониться Богородице Пирогощей.

Люкшин внимательно и бережно воссоздает символику древнерусского мышления, одухотворявшего окружающий мир, природу, животных и птиц. Действие происходит в бесконечном пространстве, в котором все подвижно. Недвижны герои: плачущая Ярославна, молящийся Игорь, застывший каменный идол. Соединение «лирического и эпического», о котором писал Лихачев, становится лейтмотивом произведений художника. Люкшин стремится сохранить образную систему «Слова», характерное для текста сочетание тонкого лиризма и гражданского пафоса.

Работа художника над одним из наиболее значительных древнерусских памятников не окончена. Творческие поиски Юрия Люкшина приводят его к новым открытиям глубинных смысловых и образных пластов, из которых состоит «Слово о полку Игореве».

С. М. ГРАЧЕВА,

доцент кафедры искусствоведения СПбГУП,
кандидат искусствоведения, член Союза художников России

ВЛИЯНИЕ ТРАДИЦИЙ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЖИВОПИСИ НА СОВРЕМЕННУЮ ДЕРЕВЯННУЮ СКУЛЬПТУРУ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

В «Заметках о русском» Д. С. Лихачев пишет об идеале древнерусской культуры, отмечая огромный разрыв, существовавший между идеалом и действительностью: «У людей Древней Руси была удивительная любовь к миру при одновременном признании этого мира греховным, суетным, “мимотекущим” и “злым”. Древнерусское искусство было свободно от “всякого рода претворений в жизнь”, но при этом воплощало “высокие идеалы святости и нравственной чистоты”¹. Эти размышления особенно актуальны применительно к сегодняшнему искусству, не всегда сохраняющему стремление к нравственному идеалу, а иногда и вовсе пренебрегающему им.

Последние десятилетия в Санкт-Петербурге постепенно возрождаются традиции религиозного искусства, о чем свидетельствуют открывающиеся вновь храмы, отреставрированные и написанные заново иконы и созданные различные предметы церковного обихода, огромное количество изданных книг. Ежегодно проводимые выставки «Русь православная» демонстрируют многообразие устремлений современных мастеров, работающих в рамках церковного канона. С каждым годом на этих выставках, наряду с откровенно кустарными церковными изделиями, появляются произведения достаточно высокого

художественного уровня, созданные в мастерских Александро-Невской лавры и других монастырей, в мастерской церковно-исторической живописи Института им. И. Е. Репина, коллекции медалей ЗАО «Межнумизматика», работы отдельных иконописцев.

Существует широкий круг художников, ориентированных именно на православное церковное искусство, сохраняющее лучшие традиции культуры Древней Руси. Превосходные результаты возобновленного православного искусства были продемонстрированы участниками выставки «Современная религиозная живопись Санкт-Петербурга», проходившей в Музее городской скульптуры в 1999 году². Значительное количество участников выставки, более тридцати человек, обширная экспозиция, включающая произведения высокого качества, — все это убедительно доказывает, что многие мастера пытаются заново творчески осмыслить великие традиции византийской и древнерусской живописи.

Разумеется, влияние древнерусских традиций обнаруживается не только в сфере канонического православного искусства. Прочные связи с корнями отечественной культуры мож-

¹ Лихачев Д. С. Заметки о русском. 2-е изд., доп. М.: Сов. Россия, 1984. С. 37–38.

² Данная выставка была проведена по инициативе Н. С. Кутейниковой, профессора Академии художеств, специалиста, исследующего именно этот слой искусства, и при поддержке Санкт-Петербургской Духовной академии и семинарии, Иконописной школы и церкви Св. Екатерины в Академии художеств.

но обнаружить и во многих современных произведениях петербургских художников, не связанных исключительно с церковью. Ярko проявляется эта преемственность, в частности, в петербургской современной скульптуре.

Среди довольно большого числа современных петербургских скульпторов, создающих произведения на религиозные сюжеты, так или иначе отдающих дань традициям древнерусского искусства, можно назвать имена С. Алигува, Д. Каминкера, О. Панкратовой, Г. Писаревой, Б. Сергеева, П. Шевченко.

Обратимся к творчеству одного из них — Б. Сергеева. Важно подчеркнуть, что его скульптурные произведения не только тематически связаны с традициями древнерусской живописи, но и отличаются глубоким проникновением в суть религиозных образов. Иногда автор работает по церковным заказам (резной деревянный иконостас для Валаамского монастыря, киот для трапезной Новодевичьего монастыря, резной деревянный крест для строящейся церкви Св. Пантелеймона г. Иванова), но все же чаще создает выставочные скульптуры, не ограниченные только рамками православного канона. Художник считает проблему воплощения идей древнерусского искусства в современном церковном искусстве одной из острых и не до конца осмысленных.

Представим существование некоего современного православного храма, где основное пространство будет заполнено исключительно скульптурой — именно там найдется место произведениям Б. Сергеева, потому что в них есть иконографическая четкость, художественное мастерство, острая выразительность. Они словно иконы или фресковые росписи, только воплощенные в пространственных формах.

Не случаен и материал для таких работ — дерево, имеющее почти культовое значение. Деревянная скульптура так же, как и фресковая живопись, по убеждению мастера, не любит длительной обработки. Поэтому важно уметь безошибочно и быстро сформулировать идею в материале. Существует стереотипное утверждение, что православие отрицает скульптуру в храме как идолопоклонство, вместе с тем в Древней Руси существовали уникальные скульптурные традиции, которые практически не прерывались, о чем свидетельствуют серьезные исследования Г. К. Вагнера¹. Стиль монументального историзма (определение Д. С. Лихачева),

характерный для русского искусства XI–XIII вв., и особенно памятники Владимиро-Суздальской Руси с их «пластическим примитивизмом» наиболее близки Б. Сергееву.

Почти все сюжеты его работ узнаваемы благодаря острому проникновению в смысл библейского и евангельского текстов и отличному знанию истории и художественной культуры. Вместе с тем в них отсутствует намеренная архаизация образного языка, что было бы логичным при такой тематике. Автор, учитывая богатейший опыт многих скульпторов, в том числе и мастеров XX века А. Матвеева и С. Коненкова, напротив, стремится к современной манере исполнения, иногда вступая с ними в диалог.

Характерно, что и в выборе формальных приемов Б. Сергеев опирается не только на язык древнерусской пластики, но и на иконопись, и стенопись. Его образные решения отличаются монументальностью и скульптурной лаконичностью. Формальный поиск практически никогда не является самоцелью, хотя в произведениях достаточно активно использованы смелые приемы обработки материала — элементы некоторой незавершенности, почти эскизность, лаконичность, некоторая фрагментарность композиций. В них присутствуют даже попытки передачи эффекта «обратной перспективы», например в сцене «Рождество».

Скульптуры «Благовещение», «Рождество», «Сретение», «Усекновение головы Иоанна Предтечи», «Врата Рая» — сложные многофигурные композиции, состоящие из нескольких частей. Каждая фигура или группа выполнена из отдельного блока дерева и имеет как самостоятельное значение, так и глубокую смысловую и формальную связь с остальными персонажами.

Стоящие друг подле друга Мария и Архангел Гавриил в сцене «Благовещения» (1985, ГРМ) будто бы совсем недавно были частями одного цельного ствола дерева. Фигура Богоматери словно символизирует принадлежность земному миру, она объемна, архангел же — миру горнему, он бесплотен, и его бестелесность подчеркнута контррельефом. Столпообразность фигур, вытянутость пропорций, намеренная условность и даже некоторая схематичность в изображении создают впечатление вневременности происходящего. Основное напряжение передается за счет «блочной» формы и фактуры.

В сцене «Рождества» (1995), решенной скульптором в духе православного иконописного канона, тщательная, почти математическая продуманность композиционного решения сочетается с нарочито упрощенной формой, даже некоторой грубоватостью в

¹ Вагнер Г. К. От символа к реальности. Развитие пластического образа в русском искусстве XIV–XV веков. М.: Искусство, 1980; Вагнер Г. К., Владышевская Т. Ф. Искусство Древней Руси. М.: Искусство, 1993.

моделировке фигур и непроработанностью деталей. Такой прием заставляет вспомнить о традициях народной деревянной резьбы и об исканиях неопримитивистов начала XX века, в частности о живописи Н. Гончаровой. Одна из особенностей этих скульптур состоит в том, что при строгом соблюдении традиций древнерусского искусства в них легко узнаваема рука современного художника.

Большое значение в деревянных скульптурах Б. Сергеева имеет полихромное решение. Он убежден, что скульптура должна быть цветной, поэтому активно внедряет полихромиию в свои работы. Цвет позволяет добиться символической выразительности и экспрессии, подчеркнуть пластику, выделить отдельные детали и использован в таких композициях, как «Святой Георгий», «Распятие», «Воин», «Андрей Рублев», «Сергий Радонежский», «Архангел», «Сергий и Герман Валаамские» и других.

Композиции из камня, созданные скульптором Сергеевым, родственны деревянным произведениям, что, вероятно, объяснимо технологией высекания. Он чутко относится к специфике этого материала, который отличается разнообразными достоинствами — монолитность и целостность небольшого мраморного пилона, красота его гладко отполированной поверхности в «Симеоне-столпнике»; округлость и шероховатость туфа, разнообразие фактуры — в «Давиде-псалмопевце».

Используя традиционные христианские сюжеты, современная деревянная скульптура находит их оригинальное воплощение, применяя выразительные средства иконописи и стенописи в круглой пластике. Даже когда скульптуры не являются сугубо церковными произведениями, они выражают высокую идею православного искусства, сочетая современную форму с истинным пониманием духовных ценностей.

И. Н. ГРЕБЕНШИКОВА,

преподаватель кафедры искусствоведения СПбГУП

ПОЧИТАЕМЫЕ ОБРАЗЫ АФОНСКОЙ БОГОМАТЕРИ В ВЯТСКОЙ ЕПАРХИИ В XVIII – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В настоящее время важно, следуя научной традиции, основоположником которой является Д. С. Лихачев, более внимательно рассмотреть наследие древнерусского искусства, в том числе замечательные образы Афонской Богоматери.

Афон — Святая Гора — место сосредоточения монашеской жизни, где существовало (ныне восстанавливаются) более 20 больших монастырей, 12 скитов и до 700 отдельных келий. Монашеская община Афона начала формироваться на полуострове Халкидики в X веке. И уже с этого времени это место становится особо чтимым и посещаемым христианами монахами; здесь пишутся иконы, посвященные образам Божией Матери, покровительнице св. Афона; создается особый культ почитания чудотворных образов и расходятся святыни по всему христианскому миру. Слова Пресвятой Богоматери: «Сие место да будет мне в жребий, данный мне от Сына и Бога моего! Благодать Божия да пребудет на месте сем!» И действительно, слова Ее оправдались на судьбе Афона полностью; он стал инокской страной, где все ежесекундно славит имя своей Небесной Покровительницы.

Поэтому огромной честью считалось для русской православной церкви создание своих монастырей на территории Святой Горы, правда, временные рамки касаются не раннего периода истории русской церкви, так

как на это были свои особые причины, а затрагивают историю нового времени, хотя паломничества совершались постоянно и святыни, привозимые как драгоценные жемчужины, окружались особым почитанием на Руси с момента принятия христианства. Так, с 1705 года русской православной церкви принадлежит монастырь св. Пантелеймона. На скит св. Андрея Первозванного в 1841 году приобретают право владения (от Ватопедского монастыря) русские монахи из г. Брянска — Иларион и Варсонофий. Русский скит святой Илии основан уроженцем г. Полтавы старцем Паисием Величковским около 1746 года.

Каждый из вышеперечисленных монастырей будет иметь свои особые святыни и чудотворные иконы Богоматери. Но очень часто в русской традиции иконы Божией Матери различных изводов, привозимые с Афона, получают общее название Афонская икона Пресвятой Богородицы, поэтому особый интерес представляет проблема выяснения изводов и списков образов Богоматери; их точное соотнесение с афонскими прообразами и исторические реалии, связанные с распространением тех или иных изводов и списков. Интересен и другой поворот в исследовании — распространение культа почитания афонских икон не в крупных центрах Российской империи — в Санкт-Петербурге или в Москве, а почитание этих образов в далекой Вятской

епархии. Изучая архивные материалы и периодические печатные издания («Вятские епархиальные ведомости» с 1863 по 1918 гг.; «Труды Вятской ученой Архивной комиссии» с 1905 по 1914 гг.), можно указать на целый ряд почитаемых образов Божией Матери, привозимых со Святой Горы, и создание уже на Вятской земле местных традиций почитания.

Икона «Утешение в скорбях и печалях»

Составляет святыню общежительного Андреевского Русского скита на Афоне; она дарована ему в благословение при основании его, 11 октября 1849 года, от братии Ставропигиального Ватопедского монастыря. Отправляясь в Россию за сбором добротных подаяний, иеромонах Андреевского скита Паисий взял с собой святыню скита, чудотворную икону Богоматери, с которой путешествовал по разным русским городам. В г. Вятку в Вятский девичий монастырь прибыл о. Паисий 15 ноября 1863 года, а вечером 16 ноября прибыл вместе со святыней в Слободской девичий монастырь для преподавания благодатного утешения от афонской святыни игуменья этого монастыря Пульхерии (родитель которой, схимник Клавдиан, жил и скончался на Афоне). 19 ноября 1863 года в этом монастыре происходит чудо исцеления от немоты молодого живописца Владимира Неволина принесенным чудотворным образом, и тогда же этим мастером пишется точный список; а позднее о. Паисий передает сребропозлащенную ризу с различными камнями в Слободской девичий монастырь, и именно ту, которая была на иконе на момент исцеления. Риза торжественно возложена на точный список с чудотворной афонской иконы благочинным вятских монастырей, архимандритом Иосифом. И как отмечают епархиальные ведомости: «Память об этом образе Царицы Небесной до ныне весьма жива; какая церковь в Вятке, в Слободском, Котельниче, Орлове не имеет теперь подобия чудотворной иконы Афонской?»

Особенным праздником в честь иконы «Утешение в скорбях и печалях» считается в Слободском девичьем монастыре — 19 ноября, а в Вятском — 12 декабря, день прибытия чудотворной иконы в Вятку из Слободского — 25 января, когда в нашей церкви совершается празднество в честь святой иконы Божией Матери, называемой: «Утоли моя печали». «А на Афоне, в Благовещенском храме Ватопедского монастыря, почитание образа проходит 21 января, и в сборниках по иконографии данный образ Пресвятой Богоматери именуется как «Отрада, или Утешение, Ватопедская».

В 1890 году с Афона присылается святой образ Божией Матери, именуемый «Отрада и Утешение», в единоверческий храм в г. Сарапуле.

Икона Раифской Божией Матери

Данный образ находился в небольшом селе Пышкакском, где ранее была мужская пустынь. Царь Федор Иоаннович пожаловал икону, написанную на кипарисной доске на святой горе Афонской, в новоустроенный Раифско-Богоявленский храм. Образ незадолго до прихода в Москву старцев из пустыни был прислан с Афона царю в благословение.

Икона Богоматери «Скоропослушница»

В Христорожественском женском монастыре в г. Слободском находится список с афонской иконы Божией Матери, именуемой Скоропослушницей, посланной из Афонского Андреевского Русского скита в 1853 году в благословение игуменья Пульхерии с сестрами. На Афоне образ почитается в Дохиарском монастыре. Празднество в г. Слободском прежде совершалось 3 октября, в день получения святой иконы с Афона. В 1900-е годы здесь была устроена церковь в честь Божией Матери Скоропослушницы при новой трапезе и празднование перенесено на 9 ноября — день прославления иконы.

Икона Богоматери «Достойно есть» («Милующая»)

В г. Сарапуле афонская икона Божией Матери «Достойно есть» («Милующая») — передана из русского монастыря св. Пантелеймона уроженцем г. Сарапула старцем Денисием. На Афоне прообраз иконы находится в Карейском монастыре.

Икона Богоматери «Домоустроительница»

Афонская икона Богоматери «Домоустроительница» с предстоящими святым князем Александром Невским и святой Марией Магдалиной. Икона приобретена с Афона (из какого монастыря точно не известно) по приговору сельских обществ (в память венчания на царство Благочестивейшего Государя императора Александра Александровича) часовни Зиминской около г. Нолинска. На Святой Горе данный образ находится в Афонской лавре, при этом пред Богородицей предстоят святой Афанасий и святой Михаил Синадский. Изображение соименных святых императора и императрицы указывает на заказной характер произведения.

Икона Собора Пресвятой Богородицы

В 20 верстах от г. Слободского и в 30 верстах от г. Вятки, в селе Совье Слободского уезда, был устроен теплый храм вместо старого малопоместимого, где находились два придела: правый — в честь преподобного Алексея, человека Божия, а левый — в честь Собора Божией Матери. Храмовая икона левого придела — Собор Богородицы — весьма художественной работы Афонского Ильинского монастыря.

Е. В. ГЕРЦМАН,ведущий научный сотрудник Российского института истории искусств,
доктор искусствоведения, профессор кафедры искусствоведения СПбГУП

О ВИЗАНТИЙСКОМ В ИСТОКАХ ДРЕВНЕРУССКОЙ МУЗЫКИ

Д. С. Лихачев создал методологическое основание изучения русской христианской культуры. Наша задача — продолжить эту линию современной науки.

Общеизвестно византийское происхождение русского христианства. В период XI – XII вв. на Русь из Византии хлынули миссионеры. Именно они способствовали тому, что первые церковные установления, организация служб, да и сам церковный обиход во многом были связаны с византийскими традициями. Естественно, что церковная музыка также стала предметом их заботы. Поэтому нет ничего удивительного в сообщениях Степенной книги (1563) о том, что к Ярославу «придоша <...> от Царяграда богоподвизаемии три певцы Гречестии с роды своими». Судя по всему, таких случаев было достаточно много, поскольку и в более ранних источниках можно обнаружить почти аналогичные свидетельства (Софийская, Воскресенская и Никоновская летописи). Однако эти сообщения не дают конкретных данных, которые при научной обработке стали бы реальным инструментом познания. В них все сводится к общим фразам о влиянии греческих миссионеров на первоначальные шаги русской церковной музыки. Но в чем выражалось это влияние? Насколько оно было глубоко? Как долго оно продолжалось? Эти вопросы всегда оставались без ответа и оказывались зияющим «белым пятном», с которым трудно было свыкнуться отечественной науке о музыке. Ведь отсюда, собственно, и начинается русская профессиональная музыка, которую мы знаем.

Поэтому в XIX и XX столетиях о византийском влиянии на становление русской церковной музыки высказывались самые различные точки зрения. Не было ни одного специалиста по древнерусской музыке, не затронувшего этот вопрос. Анализ всех мнений может стать темой интересного самостоятельного исследования. Однако сам вопрос до сих пор остается не разрешенным. Основная трудность заключается в том, что на пути поиска истины стоят почти непреодолимые трудности. Уцелевшие материалы, которыми располагает наука, не дают возможности даже близко подойти к освоению столь труднодоступного вопроса. Поэтому единственный сохранившийся путь состоит в том, чтобы попытаться понять, что могла и чего не могла заимствовать отечественная церковная музыка из Византии. А понять это можно только в том случае, если четко определить, в чем

заключаются смысл, цель и задачи богослужебной музыки.

Цель богослужебной музыки — создать некую, непередаваемую словами ауру, благодаря которой человек способен, хотя бы на время, освободиться от житейских забот и полностью отдаться искренней беседе с Всевышним. Без подлинной искренности не может быть ни молитвы, ни богослужения. Поэтому главная задача звучащей под сводами храмов музыки как раз и заключается в том, чтобы помочь верующему стать самим собой. А это может не всякая музыка, а только та, интонации которой близки и хорошо понятны находящимся в храме. Если человек с детства приобщен к попевкам и мелодическим оборотам, если он вырос «в их окружении», то они несут ему ясную и отчетливую информацию (радость, горе, боль, страх и т. д.). Если же слышна необычная и малознакомая музыка, то слух (а вместе с ним и сознание) настораживается, создается некая напряженность, требующая (пусть даже неосознанно), чтобы мышление освоило и оценило ее. Появляется волнение и беспокойство. Возникающая в результате этого ситуация не способствует раскованности, и создается неблагоприятная для проявления искренности обстановка. Следовательно, богослужебная музыка, если она хочет успешно выполнять свою функцию, должна базироваться на национальных интонациях. Только в этом случае можно рассчитывать на нужное эмоционально-психологическое воздействие.

История христианства полностью подтверждает изложенное наблюдение. Когда в странах Средиземноморья создавались церкви, то первые апостолы принесли с собой не только новые гуманистические идеи, но и традиции, сформированные той средой, которая их воспитала. Среди прочего была и так называемые «тегила» — стихи, которые читались и пелись у них на Родине. Но чтобы эти «тегила» были понятны новообращенным христианам — сирийцам, египтянам, грекам и римлянам — они должны были быть переведены на их языки. Прошло немного времени и уже никто не знал, что такое «тегила», но все прекрасно знали эти переведенные стихи, получившие на европейских языках новое греческое название — «псалмы». Более того, когда в первых храмах Средиземноморья они зазвучали уже не как стихи, а как песнопения, то их пели местными, понятными народу интонациями. Значит, всеми

христианами из Израиля были заимствованы не песнопения, а певческо-поэтический жанр. А жанр, как известно, способен «акклиматизироваться» в любой национальной среде, впитывая местные особенности. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить любой из художественных жанров (начиная от сонета и вальса и кончая романом и оперой).

То же самое происходило в XI — XII столетиях на Руси. При заимствовании норм христианских богослужений из Византии были переняты певческие жанры: канон, кондак, тропарь, ирмос, стихира и т. д. Но они могли выполнять свои функции богослужебных певческих жанров только в том случае, если были наполнены национальным музыкальным содержанием. Но это еще не все. Факты говорят о том, что в первоначальных формах русских нотаций (до сих пор остающихся нерасшифрованными) многое заимствовано из византийской. Даже в более поздних разновидностях русской нотной системы присутствует достаточное количество знаков, ко-

торые по своему начертанию и названиям напоминают византийские. И в этом нет ничего удивительного. Византийская музыкальная культура к X веку приобрела многое из того, чем русская еще не обладала, в том числе и нотацию. Поэтому при распространении богослужебных обрядов, сопровождающихся песнопениями, заимствовались и способы их записи. Однако, будучи только средством записи, нотация лишь в очень незначительной степени влияет на самую суть музыкального материала.

Таким образом, есть все основания утверждать, что при становлении древнерусской церковной музыки речь может идти только о технологическом влиянии византийской культуры. Оно проявилось в заимствовании христианских церковных жанров и активном влиянии византийской нотации на формирование отечественных форм нотного письма. Сам же музыкальный материал, наполнявший церковные жанры, должен был оставаться традиционно русским.

Г. П. ОВСЯНКИНА,

доцент кафедры звукорежиссуры и музыкального искусства СПбГУП,
кандидат искусствоведения

КОЛОКОЛЬНАЯ СЕМАНТИКА В ФОРТЕПИАННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Г. УСТВОЛЬСКОЙ, Г. СВИРИДОВА, Б. ТИЩЕНКО

Д. С. Лихачев не только открыл культуру Древней Руси во всем многообразии, но и доказал необходимость ее диалога с современной художественной жизнью. В этой связи нельзя обойти вниманием такое явление, как колокольные звоны. Издревле на Руси они имели огромное социально-общественное и религиозное значение. Будучи провозвестниками различных событий, колокольные звоны с течением времени становились все разнообразнее, приобретая стойкие семантические черты, а мастерство звонаря — статус художественной традиции.

Русская музыка, начиная с периода расцвета, постоянно обращается к традиции колокольной семантики. В фортепианном жанре она впервые была блестяще воплощена в «Богатырских воротах» из цикла «Картинки с выставки» М. Мусоргского. Достижения Мусоргского плодотворно развиваются во второй половине XX века в фортепианном творчестве композиторов школы Д. Шостаковича: Г. Уствольской, Г. Свиридова, Б. Тищенко.

В 1947 году Г. Свиридов пишет две партии, в которых старинный западноевропейский жанр обогащается новым для него русским музыкальным мышлением. И здесь,

наряду с интонацией, иными жанрами, элементами подголосочной полифонии, следует отметить введение колокольного начала. Во многом благодаря его семантическому спектру воплощается по-свиридовски масштабное, лирико-эпическое содержание. Стихия колокольности не только пронизывает отдельные разделы, но и в Партите фа-минор формирует самостоятельную часть под названием «Торжественная музыка». Ее масштабная середина включает пять вариаций, развивающих разнообразные колокольные фактурные формулы. И завершается партия мощным трезвоном, воскрешающим оптимистические колокольные образы.

В выразительном языке шести сонат и цикла «12 прелюдий» Г. Уствольской, наряду с монодийными распевами, хоральными образами, разнообразно трактуется трагедийная колокольность: в виде гулких басовых октав, аккордов и кластерных сочетаний. Она становится «знаком» авторского стиля, появляясь уже в Сонате № 1. Нередко ее призывы играют роль «предвестника», как в Прелюдии № 8, в колокольных интонациях которой предвещаются катаклизмы, воплощенные в следующей прелюдии.

Апогеем колокольности становятся поздние сонаты (1986, 1988). В нетрадиционной по форме Сонате № 5 (в десяти разделах, отмечает автор) ведущим является набатный образ. Сочетание в крайних разделах набатного и ораторского начал как бы отождествляется с объективным божественным предопределением и выстраданным личностным.

В основе звукотворческой идеи Шестой сонаты лежит варьирование — развитие экспрессивной колокольности. Она проходит через ряд трансформаций, будучи сначала выражена отдельными, предельно подчеркнутыми звуками, а по мере развертывания формы преобразуется в мощные кластеры. Основная семантическая роль колокольных структур у Уствольской — акцентирование трагедийного пафоса.

Из десяти сонат Б. Тищенко разнообразное проявление колокольной семантики слышится в первых восьми циклах. В Сонате № 1 она предвещает появление побочной партии. В Сонате № 2 напряженно-звонкие колокольные вертикали наполняют первую часть, особенно в разработке, где остинатные перезвоны создают полифонию регистровых пластов. Одинокое созвучие, вызывающее ассоциации с погребальным звоном, появляется во второй части, в развертывании основной темы. В первой части Сонаты № 4 в образном «перерождении» ее тем определяющую роль играют приемы остинато и драматической

колокольности. А завершается финал этой сонаты праздничным перезвоном кластерных созвучий.

Вершиной претворения колокольной семантики следует считать Сонату № 7. Тищенко вводит в нее (возможно, впервые в фортепианной музыке) партию колоколов: обычных — в первую часть, трубчатых — во вторую и колокольчиков — в финал. Они усиливают лирико-трагедийную сущность масштабного сочинения, посвященного безвременно ушедшему искусствоведу и врачу А. Губареву. В первой части колокола подчеркивают героическое начало, во второй — придают суровый тон, в третьей — создают иллюзорно-эфемерный колорит потустороннего мира. Подобные тембровые аналогии до Седьмой сонаты встречались лишь в симфонической музыке. Важны не только тембровые краски колоколов, но и их роль в образовании тематизма и драматургии в целом.

В заключение следует отметить: хотя колокольные созвучия и их мотивные структуры в творчестве Г. Уствольской, Г. Свиридова и Б. Тищенко разнообразны по семантической сути, они всегда апеллируют к знаковости исторических прообразов. Часто они выполняют драматургическую функцию «предвестника», что тоже восходит к древней культурной традиции. А главное, колокольные образы являются ярким символом национальной определенности музыкального языка.

И. А. АЛДОШИНА,

профессор кафедры звукорежиссуры и музыкального искусства СПбГУП,
доктор технических наук;

С. В. ПУЧКОВ,

доцент кафедры звукорежиссуры и музыкального искусства СПбГУП;

А. Б. НИКАНОРОВ,

кампанолог, научный сотрудник Российского института истории искусств

КОМПЬЮТЕРНЫЕ МЕТОДЫ ЗАПИСИ КОЛОКОЛЬНЫХ ЗВОНОВ И ИХ АКУСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА¹

Колокол в русской культуре — один из наименее изученных и один из загадочных музыкальных инструментов. Это единственный инструмент, используемый православной церковью, тесно связанный с христианским обрядом, — стал важным элементом русской народной музыкальной культуры. На Руси сложился особый тип ритмической игры на колоколах, где ведущая роль принадлежит не мелодической линии в ее традиционном понимании, а гармонии и тембру. Та-

кая музыка не характерна для европейской культуры. В наше время наблюдается значительный рост интереса к русскому колокольному искусству как в России, так и за рубежом. Заслуга в этом принадлежит знаменитым музыкантам-исследователям народной церковной музыки: С. Т. Рыбакову, С. В. Смоленскому, А. Д. Кастальскому, а также малоизвестным подвижникам: ростовскому священнику А. А. Израилеву, новгородскому регенту и композитору А. М. Покровскому, московским звонарям П. Ф. Гедике, Л. В. Кусакину, К. К. Сараджеву. За последние два десятилетия появился ряд серьезных ис-

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ. Проект № 00-06-80162

следований — Л. Д. Благовещенской, А. Н. Давыдова, В. В. Кавельмахера, Ю. В. Пухначева, С. Г. Тосина и др.

Большое количество публикаций, появившихся за последнее десятилетие, может создать иллюзию, что многое в этой области уже известно. Однако большая часть публикаций носит информационно-справочный характер и не может претендовать на серьезные теоретические обобщения. До сих пор не сложилась терминология, способная адекватно отражать явления русского колокольного искусства. Не четко сформулирована система жанров колокольного звона. Не получила серьезной разработки проблема акустическо-эстетического феномена русского колокола, его национальной специфики.

Инструментарием решения подобного рода научных проблем, по мнению авторов доклада, может служить методика исследования акустических параметров образцов колокольных звонов, сэмплы которых, записанные в цифровом виде, подвергаются акустическому анализу. Проблемы записи, сохранения и акустического анализа колокольных звонов являются актуальными на протяжении уже длительного периода времени. Усилия западных и отечественных кампанологов и акустиков позволили накопить к настоящему времени достаточно большой фактический материал. Однако появление нового поколения цифровой звукозаписывающей аппаратуры, новых компьютерных технологий обработки, реставрации и записи звука позволили перейти к решению этой проблемы на качественно ином уровне, дали возможность поставить задачи реставрации, спектрального и временного анализа колокольных звонов и сохранения их на современных цифровых носителях (CD-ROM, HDD, FDD и др.).

В рамках данной работы авторами были выполнены записи звонов колоколов во Владимирском соборе (Санкт-Петербург), в Ярославском музее-заповеднике, в музее г. Углича, в Федоровском кафедральном соборе г. Ярославля, в Толгском женском монастыре с использованием цифровых магнитофонов фирмы Sony формата DAT и стереомикрофонов фирмы Sony (ECM-S 220). В качестве носителя информации была использована компакт-кассета в формате DAT (Digital Audio Tape) фирмы Maxell.

Записи были получены в цифровом формате DAT, сохранены на жестком диске компьютера в виде файлов в формате wav и подвергнуты реставрации (чистке от помех, шумов и т. д.) с помощью современных цифровых методов реставрации (программы Dart Pro, Wave Lab, Cool Edit Pro и др.). Для ана-

лиза акустических характеристик записанных звуков была использована специализированная компьютерная программа Wavanal, предназначенная для спектрального и временного анализа форм колебаний колоколов. Программа позволяет определить спектральный состав звуков колокола, используя средства, доступные для любого персонального компьютера. Она также позволяет исследовать способы для изменения настройки колокола и соответственно его результирующего звучания. На основе этой программы была разработана методика количественного определения волновой формы звукового сигнала, расчета его амплитудного спектра, идентификации частоты и амплитуды его обертонов и сравнения с классической голландской системой настройки. Кроме того, разработанная методика позволила рассчитать и визуализировать структуру изменения амплитуд отдельных обертонов в процессе затухания. Оцифровка записи осуществлялась аналогово-цифровым преобразователем магнитофона с высокой частотой дискретизации (44 кГц). Следовательно, при переносе записи в персональный компьютер запись вторично не переоцифровывалась, а копировалась по цифровому кабелю, что позволило сохранить качество записи. После записи в ПК звук каждого колокола был записан в виде отдельного звукового файла и переведен в режим монозвучания для последующей обработки. Каждый файл включает короткий период полной тишины и затем не менее 10 секунд звучания из-за длительного времени затухания обертонов.

Реставрация записи, удаление шумов и других помех, имеющих место при записи на открытом воздухе, осуществлялась пакетом программ редактирования звуковых файлов ПК, таких как Dart Pro Windows 95, Cool Edit Pro, Wave Lab, Sound Forge 4.5. Наиболее часто встречающиеся дефекты — это импульсные помехи (щелчки) и городские шумы (транспортные и производственные фоны), фоновые шумы (шипение магнитофонной ленты), вызываемые плохими условиями хранения или недостаточно хорошим качеством первоначальной записи материала. Анализ звука колокола осуществлялся программами Wavanal, Sound Forge 4,5, Wave Lab, Cool Edit Pro, в том числе исследовался процесс затухания амплитуды каждого обертона. Программа Wavanal обрабатывает, воспроизводит звук колокола, автоматически отображая на экране основные обертоны с названиями Simpson partials. Она также сохраняет, обрабатывает, воспроизводит четыре вида информации о звуке колокола:

1. Форма волны колокола, эквивалент wav файла.

2. Ее спектр, амплитуды обертонов в полном диапазоне частот.

3. Частоты обертонов и интервалы между ними.

4. Структура переходных процессов, т. е. информация относительно того, как амплитуда каждого обертона изменяется во времени. Звук сохраняется как серия значений при выбранной частоте дискретизации. Каждое значение дает амплитуду звуковой волны.

Н. С. СЕРЕГИНА,

ведущий научный сотрудник Российского института истории искусств,
доктор искусствоведения

К ВОПРОСУ АВТОРСТВА ПЕСНОПЕНИЙ ОБ ЕВФРОСИНИИ ПОЛОЦКОЙ¹

Евфросиния Полоцкая — христианская подвижница Древней Руси, вскоре после своей кончины (1173) прославленная церковью как святая. Она была внучкой полоцкого князя Всеслава, о котором рассказывается в «Повести временных лет» и в «Слове о полку Игореве». Согласно тексту жития, Евфросиния была примирительницей всех враждующих². В каноне Евфросинии говорится о том, что она «пресекала» вражду князей: «Князем сродником, друг на друга дерзающе подъята мечь, возбранила еси, яко оружие обоюдоостро пресекающим, словесем божиим устрашающим»³. В стихирах Евфросиния прославляется как «осѣняющая дрѣво и неокопаное корение Русьстѣи земли»⁴.

Ею были основаны два монастыря в Полоцке. Приглашенный Евфросинией зодчий Иоанн построил храм Параскевы, церковь Бориса и Глеба и Спасо-Преображенский собор, сохранившийся до наших дней как действующий. В нем были найдены фрагменты фресок, свидетельствующие об уникальной художественной ценности и полноте сохранности росписи храма⁵. По заказу Евфросинии мастером Лазарем Богшей был сделан крест ювелирной работы — вклад Евфросинии в 1161 г. в Спасо-Преображенский собор⁶. При монастыре Евфросинья основала школу для девочек, заложила основы библиотеки, сама переписывала книги. В преклонных годах Евфросиния совершила паломничество в Иерусалим, но там заболела и вскоре умерла, а в 1187 г. ее мощи были перевезены в Киево-

Печерский монастырь, тогда же была предпринята попытка канонизации Евфросинии Полоцкой, создана служба — канон, кондак, стихиры и т. д. Служба выявлена в небольшом количестве списков. Был обнаружен список стихиры XII века, тем самым удалось подтвердить древнее происхождение службы.

Известно, что в каноне Евфросинии Полоцкой автор зашифровал свое имя, на что имеется указание в заголовке: «...творение кир, имея разум да разумеет»⁷, однако имя это до сих пор не удалось разгадать (составители описания рукописей Горский и Невоструев признают, что «по началу тропарей нельзя открыть, кто сей кир, составивший канон»⁸).

Действительно, по начальным буквам тропарей пока не удастся прочесть какого-либо слова или имени. Однако разгадка содержится в тексте икоса, входящего в канон, где автор говорит о себе в первом лице: «**Аз** же ныне в пѣснехъ **хвалю** боголюблицу Евфросинию». И этот «аз» по тексту икоса — некая **мужелюбивая жена**, сотворяющая **своему мужу** две ризы и молящаяся за всех вместе с Евфросинией. Приведем текст икоса полностью:

Премудрость Соломон примѣ от Бога
Хвалить в притчах **мужелюбиву жену**,
Яко **своему мужеву** двое ризы сотворяющу.
Аз же ныне в пѣснехъ **хвалю** боголюблицу Евфросинию,
В ночь и в день подымающу подобнии длани к Богу,
Да огня избавит негасимаго,
Зубнаго же скрежета,
И всея муки вѣрующих,
Насъ ради дата себе жертву отцу благоприятну⁹.

Из женских имен, причастных поэтическому творчеству конца XII века, сравнительно недавно стало известно имя княгини Марии

¹ Выполнено при содействии WTAS-97-2167.

² Костомаров Н. Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Кушелевым-Безбородко. СПб., 1862. Вып. 4. С. 176.

³ РГБ, ф. 304, № 565, л. 359–360.

⁴ Серегина Н. С. Песнопения русским святым. СПб.: РИИИ, 1994. С. 126–127.

⁵ Селицкий А. А. Монументальная живопись Полоцкой земли XI–XII вв.: Автореф. дис. ... канд. искусствоведения. М., 1985.

⁶ Алексеев Л. Полоцкая земля. М., 1966. С. 224.

⁷ Горский А. В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1855–1896. Т. 2. №. 485. С. 185; РГБ, ф. 304, № 565, л. 358 об.

⁸ Горский А. В., Невоструев К. И. Описания славянских рукописей... С. 185.

⁹ РГБ, ф. 304, № 565, л. 359–360.

Васильковны, по гипотезе Г. В. Сумарукова, являющейся автором «Слова о полку Игореве». Версия Сумарукова включена в обзорную статью Л. А. Дмитриева о предполагаемом авторе «Слова о полку Игореве»¹. Позже Сумаруков опубликовал свое исследование в полном виде. Он показывает, что у автора «Слова о полку Игореве» женский «почерк», что автор, вероятнее всего, принадлежит к роду полоцких князей и состоит в родстве с полоцкими князьями Изяславом и Брячиславом, из чего следует, что это Мария Васильковна, жена князя Святослава, которая считалась одним из информаторов автора «Слова о полку Игореве»². Сумаруков приводит аргументацию, опирающуюся на предлагаемые им чтения нескольких неправильных акростихов с краегранесием «Мария», акростиха «сие писа Мария», повторенного дважды, причем во второй раз Сумаруков видит угловое краеостроичие «Сие писа сестра Брячислава ни другаго Всеволода»³.

Особого внимания требует тот факт, что в последнем краеостроичии проявляется тот же прием шифрования имени автора, что и в каноне, посвященном Евфросинии Полоцкой — через упоминание ближайшего родственника. Только в «Слове» автор словно бы проговаривается случайно, а в каноне — зашифровывает свое имя в загадке, уподобленной притче и основанной на цитате из цикла притч Соломона, посвященных похвале добродетельной жене: «добродетельная жена <...> не боится стужи для семьи своей, потому что вся семья ее одета в двойные одежды» (притчи Соломона, 31:21). «И какие же **риз**ы сотворяет та, что открывает уста с мудростью?» Она сотворяет священные песнопения, словно сплетая защищающие ее мужа одежды. Ведь плетение словес — как плетение ткани⁴.

Сравнение поэтического творчества с ткачеством, прядением в христианской гимнографии хорошо известно (Матхаузерова, Александр Паченко, Лозовая). Но вспомним и русские сказки: сотканная с помощью небесных сил рубашка делает надевшего ее неуязвимым для врагов, побеждающим колдовские силы⁵. Так и мужелюбивая жена, воздающая хвалу Евфросинии, творит (пле-

тет, тклет) молитву о своем муже-князе и всех его чадах — христианах.

Д. С. Лихачев при определении жанровой природы «Слова» отмечал, что оно «очень близко к народным “плачам” и “славам”»⁶. Именно в «Слове» находим и жанровое определение такого плача. Это плач, который можно назвать плачем-каяннем. К значениям глагола «*каять*» — порицать, жалеть, осуждать; осуждать, жалеть; корить, хулить, клясть, укорять, поносить, исповедать, считать жалеемым, несчастным, оплакивать, соболезновать, освобождать от беса, врачевать молитвой⁷ — необходимо прибавить звуковое наполнение плачевого пения, порожденного древним ритуалом корения во имя исцеления. *Каяние* — плач по живым, плач во имя исцеления от ран и исправления сотворившегося зла. Известно, что «во все времена слагательницами и исполнительницами плачей на Руси были женщины»⁸, и не только на Руси⁹. Во времена обострения междоусобных войн и внутренних распрей, кто, как не женщина, возопит о прекращении вражды? Эпоха XI–XII вв. дает нам возможность видеть в женщине сильное творческое и одновременно воинственное начало.

Мария Васильковна принадлежала к ветви образованнейшего полоцкого княжеского рода, имеющего византийские корни. Ее бабка — великая писательница Византии Анна Комнина (1083–1153(55?)) вошла в историю благодаря произведению воинского жанра — сочинению «Алексиада», прославляющему воинские подвиги ее отца Алексея Комнина (1081–1118), а также память ее матери и матери ее отца, бывших «украшением рода человеческого»¹⁰ — обладавших ораторским даром, волей, умением «одним

⁶ Лихачев Д. С. Жанр «Слова» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 2. С. 173–181.

⁷ Дмитриев Л. А. Глагол «каяти» и река Каяла в «Слове о полку Игореве» // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. IX. М.; Л., 1953. С. 30–39.

⁸ Сумаруков Г. В. Затаенное имя. С. 19.

⁹ Ашхотов Б. Г. Гъыбзэ — особая стилистическая форма адыгского фольклора: Дис. канд. искусствоведения. СПб.: РИИИ, 1996; Серегина Н. С. «Песни дев осиротелых» // Христианская культура. Пушкинская эпоха: Сб. ст. по материалам традиционных христианских Пушкинских чтений / Ред. и сост. Э. С. Лебедева. 1997. Вып. 13. С. 29–32; Серегина Н. С. Понятие каяния и его интонационные аспекты в жанре стихов покаянных в древнерусской традиции // Традиционная и духовная музыка. Наследие человечества: Тез. докл. междунар. музыковедческого симпозиума. Посвящается 1700-летию принятия христианства в Армении / Сост. и ред. А. Аревшатян, С. Саркисян. Ереван, 1999. С. 50–52.

¹⁰ Сокращенное сказание о делах царя Алексея Комнина: Труд Анны Комниной / Пер. под рук. проф. В. Н. Карпова. СПб., 1859. С. 158; Анна Комнина. Алексиада / Пер. с греч. Я. Н. Любарского. СПб.: Алетейя, 1996. С. 130.

¹ Сумаруков Г. В. Мария Васильковна, жена Святослава Киевского, — возможный автор «Слова о полку Игореве» // Тез. докл. и сообщ. зональной конф. «Слово о полку Игореве» на Урале». Пермь, 1988.

² Дмитриев Л. А. Мария Васильковна // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 3. С. 220.

³ Сумаруков Г. В. Затаенное имя. Тайнопись в «Слове о полку Игореве». М.: МГУ, 1997. С. 41–45.

⁴ Сумаруков Г. В. Затаенное имя. С. 21.

⁵ Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. М., 1985. № 104, 108, 110, 208, 209, 264, 295, 542.

взглядом смирить дерзость мужей, вдохнуть мужество в людей, охваченных страхом»¹.

Наличие писательского дара у Марии и следование этой традиции вполне естественно. Выйдя замуж за великого киевского князя Святослава Всеволодича, Мария Васильковна оказалась в самом центре культурной и политической жизни Древней Руси. Высокая культура рода проявилась и в их потомках. Внук Марии и Святослава — впоследствии один из известнейших русских святых Михаил Черниговский. Одна из дочерей Михаила Черниговского — княжна Марья, вышедшая замуж за Василька, героически погибшего вместе с русским войском на реке Сить, принимавшая участие в составлении Ростовского летописного свода, способствовавшая про-

славлению мученического подвига в Орде отца своего Михаила Черниговского и боярина его Феодора; вторая дочь Михаила Черниговского, отрекшаяся от мира подобно своей прапрабабушке Евфросинии Полоцкой, впоследствии тоже была прославлена как святая Евфросиния Суздальская.

Таким образом, образ Марии Васильковны связывает воедино главные нити византийской, киевской и полоцкой культуры с культурой Руси в трагическую эпоху первых десятилетий ордынского ига.

И если система нашего доказательства достаточно убедительна, то в лице Марии мы имеем автора канона Евфросинии Полоцкой, автора «Слова о полку Игореве», — великого писателя и поэта Древней Руси.

А. Н. ЗОЛУХИНА,

проректор Всероссийского государственного
института кинематографии, кандидат искусствоведения

ДРЕВНЯЯ РУСЬ: КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКИЕ ОСМЫСЛЕНИЯ ИСТОРИИ

Создание экранного произведения на материале далекого прошлого требует от авторов, сценаристов и режиссеров знания исторического материала. В таких фильмах соединяется историческая действительность и конкретная личность, которая оказывается в центре повествования. Исторический фильм в идеале должен являть органическое соединение разнообразных знаний об эпохе и о конкретной личности. Образ — характер героя должен быть «дописан» точным воспроизведением эпохи и проникновением в существо деятельности исторического персонажа.

Рассмотрим особенности кинематографического осмысления истории в фильмах С. М. Эйзенштейна «Александр Невский» и «Иван Грозный», в картине А. Тарковского «Андрей Рублев». Оба режиссера обладали незаурядной эрудицией, обратились к очень сложному материалу.

В преддверии войны в 1937 году С. Эйзенштейну было предложено снимать фильм «Русь». Первый вариант сценария был написан писателем П. Павленко. Русь XIII века. Центральный эпизод — Ледовое побоище. Главный герой — князь Александр Невский. Глубоко проникая в историческое прошлое, Эйзенштейн все отчетливее осознает патриотическое значение своей работы. Чем глубже уходил он в историю, в XIII век, тем яснее чувствовал современные задачи.

П. Павленко, работая над сценарием, пользовался летописями (или их пересказом Карам-

зиным, Беляевым), очень осторожно вводил в сюжет элементы новгородских былин (Кулачи бои, Садко, Буслай). Об Александре Невском и Ледовом побоище советской литературы не было. Существовало «Житие святого Александра Невского», составленное в конце XIII века монахом Рождественского монастыря в городе Владимире. Д. С. Лихачев писал об «эпическом времени» X–XII вв. — об идеализированной народом эпохе Владимира Святославовича и Великого Новгородца. Фольклорные традиции эпического времени питали и создателя «Жития святого Александра Невского», лично знавшего благоверного и великого князя.

Конечно, этих источников для написания полнометражного художественного сценария было мало. С. М. Эйзенштейн продолжал свои исследования в этой области. Второй вариант сценария «Русь» написан при его непосредственном участии. В поисках напряженного драматизма, как в классической трагедии, после кульминации — Ледового побоища и спада действия в сценах боя и триумфа — строит резкую перипетию: победитель ведет себя как покорный вассал, русский патриот выполняет татарские обряды, воин становится дипломатом.

Образ Александра Невского постепенно усложнялся и обогащался. Фильм приобретал более сложные психологические оттенки. Поездка в Орду соответствовала исторической правде. Но завершить фильм сценами покорности было невозможно. Вспомним международную обстановку тех лет — крестоносцы ассоциировались с германскими фашиста-

¹ Анна Комнина. Алексиада. С. 122.

ми. Эйзенштейн делает новые рисунки, пишет новые варианты сценария. Особенно его волновал финал, способы перехода от драматической смерти героя к эпическим кадрам его боевого бессмертия, к Мамаеву побоищу. С. Эйзенштейн буквально бился над заключительной частью сценария. Время и заказчик требовали идеализации Александра Невского. Эйзенштейн стремился сделать Александра не ясновельможным феодалом и не купеческим вождем, а выразителем общерусских интересов. Он привлекал к работе историков, археологов, филологов. Ему необходимо было воссоздать дух эпохи, атмосферу. В записях режиссера находим: «Обломки мечей, один шлем да пара кольчуг — вот все, что сохранилось в музее от далекой эпохи».

Снимая фильм, С. Эйзенштейн меньше всего стремился к буквальной достоверности в архитектуре, одежде, предметах быта. Его волновало воссоздание на экране самобытной красоты древней культуры.

С. Эйзенштейн шел наперекор традиционным формам драматургии, наперекор господствующему в 30-х годах увлечению психологизмом, драматургией характеров. Он продолжал традицию монтажного, эпического кино 20-х годов в новых условиях звукозрительного кинематографа. Безошибочным было приглашение С. С. Прокофьева, писавшего музыку в зависимости от характера и стиля изображения, при этом разбираясь в монтаже, в нюансах актерской игры, постоянно экспериментируя и изобретая.

Финал фильма эффектен, пафосен, несколько театрален. Слова «...Но если кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет: на том стоит и стоять будет русская земля!» стали плакатными в период Великой Отечественной войны. Как видим, пройден достаточно длинный путь утрат и обретений от сценарного замысла до режиссерского решения.

Спустя некоторое время Эйзенштейну предстояло новое испытание историей. XVI век. Иван Грозный. Работу над сценарием режиссер начал в 1940 г. Успех «Александра Невского» воодушевлял Эйзенштейна. Фигура Ивана Грозного пользовалась в то время особым вниманием писателей, драматургов, театральных режиссеров. Повышенный интерес стимулировался и направлялся взглядами на государственность и историю, существовавшими в 30–40-х годах. Особую остроту в произведениях о Грозном приобретает тема, развившаяся в фильме восклицанием Ивана: «Нет невинно осужденных!»

В разные периоды разными людьми — историками, писателями критиками — высказывались противоречивые суждения о лич-

ности Ивана Грозного. Карамзин высказал мысль, что Иван Грозный «губительной рукой» коснулся самых будущих времен: ибо туча доносителей, клеветников, кромешников им образованных, оставила злое семя в народе, и если иго Батыево унизило дух россиян, то, без сомнения, не возвысило его царство Иоаново».

В 30–40-х годах возобладала позитивная оценка деятельности Ивана IV. Каким же путем шел С. Эйзенштейн, каким ему виделся образ Ивана IV? Сценарный материал был обширен. Из исторических материалов, фактов режиссер отбирал для каждого эпизода материал «в пользу Ивана». Сопоставление сюжетных мотивов фильма Эйзенштейна с историческими фактами позволяет говорить о существенных расхождениях, но требовать от художника следования историческим фактам было бы неправомерно. Режиссер имеет право на художественный вымысел — задачи искусства не тождественны научным.

В трактовке Эйзенштейна Иван Грозный — человек, одержимый «одной великой страстью», чуждый житейских интересов. Отсюда — монументальность и трагедийность. Создание индивидуального стиля произведения не было для режиссера только формальной установкой. В понимании Эйзенштейна стиль являлся ключом выразительности, эстетическим эквивалентом идеи, концепции фильма. Потому-то в «Александре Невском», а еще в большей степени в «Иване Грозном» единый стилистический принцип пронизывает все слагаемые картины, ее сюжет и композицию.

События фильма охватывают более чем двадцатилетний период царствования Ивана Грозного. В изобразительном плане единое ощущение проходящего времени отсутствует. Внешний облик героев изменяется в разных темпах. Отсутствие единого временного масштаба — еще одна примечательная стилевая особенность этого фильма. Время, как и прочие условия развития трагедии, определяется здесь не заданной внешне реальностью событий, а внутренней реальностью поэтической мысли, идеи, внутренней динамикой сюжета и образов. Иван — единственный герой фильма, в чьем облике отражается лихорадочный бег времени. Кажется, время ускорило бег в иссушающей душу борьбе. В конце фильма ему только 40, но у царя согбенная, изможденная фигура, высохшее лицо, поредевшие седые волосы.

Тема власти пронизывает весь фильм, ей служат все художественные средства. Иван — олицетворение власти, и эта мысль проходит лейтмотивом через весь образ. Образ Ивана Грозного — плод творчества режиссера,

актера (Н. Черкасов), гримера, оператора — творение совершенно оригинальное.

16 января 1945 года первая серия фильма, вышедшая на московские экраны, удостоена Сталинской премии. В декабре 1945 года была завершена вторая серия. Фильм на экраны не вышел, был запрещен. В постановлении ЦК ВКП(б) от 4 сентября 1946 г. об Эйзенштейне сказано: «Режиссер С. Эйзенштейн во второй серии фильма “Иван Грозный” обнаружил невежество в изображении исторических фактов, представив прогрессивное войско опричников Ивана Грозного в виде шайки дегенератов, наподобие американского Ку-Клукс-Клана, а Ивана Грозного, человека с сильной волей и характером, — слабохарактерным и безвольным, чем-то вроде Гамлета».

Власти, заказавшей фильм, не понравился созданный режиссером образ Ивана IV, в нем хотели видеть моральное оправдание любых средств борьбы за интересы государства. Но художественная логика, историческая правда были против такой концепции. Вторая серия «Ивана Грозного» вышла лишь в 1956 году.

Андрей Тарковский создает фильм об Андрее Рублеве в более благоприятное время — начало работы совпало с периодом «оттепели» («Иваново детство», первый фильм режиссера, на фестивале в Венеции в 1962 г. получил главный приз — «Золотого льва»).

Фильм «Андрей Рублев» — скорее поэтическая стилизация, чем историческое исследование, ибо исторических сведений о жизни художника очень мало. Ни одна биография великих деятелей культуры не таит столько неясностей и тайн, как биография Андрея Рублева. К примеру, дата смерти 29 января 1430 г. стала достоянием исследователей уже после создания картины.

Основополагающим в фильме является художественный вымысел, но не историческая конкретность. Фильм начинается с полета над землей воздушного шара. Связь этого эпизода с последующим повествованием имеет не логическую, а поэтическую ассоциацию. Создание воздушного шара в России в XV веке было делом безумным, обреченным на провал, преследование, гибель. Все же шар был сотворен, и полетел на нем мужик Ефим и увидел землю. Мечта стала былью. Наперекор всему остались на земле творения Андрея Рублева.

Основной конфликт в фильме — созидание и разрушение; творчество и обреченность творений на гибель. Все действующие лица разделены на творцов и губителей творчества. Картины народного созидания — подвига народа — необыкновенно выразительны. Известный ученый В. Г. Нащупто, научный консультант картины, писал: «Этот сценарий — вид художественной историографии».

Все: и исторические события, и судьбы людей, и притчи, и метафоры — соединено в картине не причинно-следственными связями, как было в сценарии, а прежде всего мощным потоком чувств и мыслей режиссера, творящего поэтическое сказание о былом, настоящем и будущем — о вечном.

После окончания работы над фильмом в 1966 году Андрею Тарковскому было предложено сделать поправки. Фильм вышел на экраны спустя пять лет, в 1971 году, после «выполнения поправок».

Фильмы С. Эйзенштейна и «Андрей Рублев» А. Тарковского лишь приподняли завесу, скрывающую тайны активного, образного познания истории и познания личности во всей совокупности разнообразных аспектов ее целутверждающего бытия.

Д. Н. КАТЫШЕВА,

профессор кафедры хореографического искусства СПбГУП,
доктор искусствоведения, Заслуженный деятель искусств РФ

МОТИВЫ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ И ХОРЕОГРАФИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО XX ВЕКА

Работы Дмитрия Сергеевича Лихачева дают сильный импульс к исследованию разных художественных жанров, развивавшихся на Руси. И потому, обращаясь к размышлениям о танцевальной культуре Древней Руси, мы с благодарностью вспоминаем замечательные идеи Дмитрия Сергеевича об эстетике древней культуры, ее удивительной глубине и особенностях художественной выразительности.

Народные танцы родились, подобно музыке и песне, как потребность в выражении чувства прекрасного, чтобы в гармонической форме ритмически организованного движения выразить красоту жизни, наполненную трудом, жаждой общения и любви. В V–XII веках народные танцы исполнялись на «игрищах» (сходбищах). Славяне собирались, веселились, совершали языческие обряды, обожествлявшие природу, поклоняясь земле,

воде, солнцу и другим стихиям и силам природы. Как правило, эти обряды сопровождались пением, хороводами, плясками. В Древней Руси природу обожествляли, считали, что от нее зависит благополучие. Торжества, посвященные солнцу, отмечались особо и сопровождались танцами. С религиозным культом солнца связан древнейший культовый танец — хоровод. Он содержал элементы заклинаний, а позже игры. Эти культы древнего «ликования» органично вошли в христианский календарь, когда каждый хоровод имел отношение либо к имени того или иного святого, либо к церковному торжеству.

Среди участников обрядов, игрищ не могли не появиться наиболее одаренные в искусстве плясать, петь, играть на музыкальных инструментах, отпустить шутку, поговорку, присказку, сыграть сценку или пантомиму. Таким умельцам народ давал имена — плясец, игрец, «ломака», «сопельник». Так формировались будущие скоморохи, прародители актеров, танцовщиков-профессионалов на Руси. Именно они — сочинители новых песен, игр, плясок — будили интерес к народному танцу, без которого не обходился ни один праздник. Скоморохи-плясуны — первые профессиональные исполнители русского народного танца, изобретатели танцевальных, технически сложных приемов, передававшихся из поколения в поколение (присядки, дробы, сложные прыжки, верчение). А. В. Луначарский верно отметил присутствие художественного в семейно-обрядовой поэзии (свадьбы, похороны), которая, «оставаясь проявлением практической жизни и ритуала, регламентировавшего практические акты, также обнаруживает художественные начала в тесной связи с обширным кругом религиозно-магических понятий»¹.

Мир Древней Руси, ее ритуальная культура стали источником для хореографических постановок в начале века легендарного В. Нижинского («Весна священная» на музыку И. Стравинского), совершившего переворот в балетном искусстве. Несмотря на то, что балет прошел всего восемь раз (пять представлений — в театре на Елисейских полях, первое — 29 мая 1913 г.; три — в лондонском театре Друри-Лейн в том же году, и это все), он признан предвестником современного танца, открывшего дорогу новой хореографии XX века. Еще до этого события, в период премьеры балета В. Нижинского «Послеполуденный отдых фавна», знаменитый скульптор Огюст Роден заметил: «...мы восхищаемся Лой Вуллер, Айседорой Дункан и Нижинским потому, что они возроди-

ли душу традиции, основанной на уважении и любви к природе. Именно поэтому они способны передать все движение души человека» (Нижинская Б. Ранние воспоминания. М., 1999. С. 213).

Эта природная и народная традиция, к которой обратились художник Н. Рерих и композитор И. Стравинский, вдохновила В. Нижинского: «Теперь, когда я работаю над “Весной священной”, — искусство Рериха вдохновляет меня не меньше, чем мощная музыка Стравинского, — его картины “Идолы”, “Дочери земли” и особенно <...> “Зов солнца”... Рерих много рассказывал мне о цикле картин, где он показывает пробуждение души первобытного человека. В “Весне священной” я тоже хочу воскресить дух древних славян» (Там же. С. 225).

Рерих, создавая программу балета (сначала он назывался «Великая жертва»), подчеркивал, что собственно хореографическая часть заключается в ритуальных плясках. В. Нижинский, как вспоминает его сестра Б. Нижинская, начал со второй картины, с соло Избранницы «Священной пляски», которую хореограф определил как ритуальная жертвенная пляска. Ей предшествовало кропотливое, по отдельным музыкальным фразам изучение партитуры И. Стравинского, чтобы прежде всего запомнить ритм. Как подчеркивает Бронислава Нижинская, «ритм движений, придуманный Нижинским, никогда не использовался ни одним хореографом» (Там же. С. 226). Следуя «дыханию музыки», хореограф, вдохновленный археологическими изысканиями Н. Рериха в области древнерусской культуры, его живописными полотнами, с историческими пейзажами, плоскостным изображением, изобретал новый язык танцевальных движений. Избранница в ритме ритуального танца умирала от изнеможения ради спасения земли. Н. Рерих в интервью «Петербургской газете» в 1910 году заметил: «Эта вещь будет первой попыткой, без определенного драматического сюжета, дать воспроизведение старины»¹. И далее В. Красовская комментирует: «В острых напряженных ритмах музыки, в неистовстве их повторов властвовала дикая природа. Она виделась как бы глазами первобытного человека... Человеческое множество бормотало магические заклятия, охваченное стихийным ужасом перед властью земли и стихийно опьяненное ее весенним расцветом»².

Репетируя Избранницу, Б. Нижинская пыталась одухотворить танцевальные движения,

¹ Вера Красовская. Павлова. Нижинский. Ваганова. М., 1999. С. 248.

² Там же. С. 248.

¹ Луначарский А. В. Собр. соч.: В 8 т. Т. 4. С. 36–37.

изобретенные Вацлавом Нижинским. Суть их заключалась в том, чтобы стремительными, сильными самопроизвольными движениями выстроить энергетическую защиту земле от угрозы надвигающегося с небес («Мое тело должно вобрать в себя, поглотить неистовство этой бури»).

Спустя многие годы, ко времени 100-летия со дня рождения В. Нижинского, некоторые зарубежные труппы пытались реконструировать «Весну священную» и, естественно, искали оставшихся в живых участников этой легендарной постановки. В буклете к балету «Весна священная» в постановке американской труппы «Джофри балле» М. Ходсон рассказывает о своей встрече в Лондоне с Мари Рамбер, помощницей Нижинского по ритмике. Рамбер отметила как основу всей хореографии позу, при которой «тело как бы завернуто вовнутрь и согнуто. Вопрошающая поза. Кисти рук, собранные в кулак... Понимаете, Нижинский как бы сцепил руку с ногой, сделав основную позу безумно трудной»¹.

Помимо движений с «ногой-мотыгой», сложность представляли прыжки из стороны в сторону с подогнутыми, завернутыми ногами и руками. Ходсон, наблюдая за движения-

ми Рамбер, делает очень важный вывод — об энергетической составляющей хореографии Нижинского, что отличало всегда священнодействующие ритуалы в Древней Руси: «поза концентрировала энергию земли, в буквальном смысле слова черпала силу из нижнего центра тяжести» (нижней чакры). Таким образом, поза Нижинского была не обычной стилизацией, но средством передачи физической и психической энергии². Позы-медитации, подобно позам Айседоры Дункан, становились средством генерации энергии движения — такова подоплека открытий В. Нижинского. На материале ритуальных плясок Древней Руси В. Нижинский заглянул в XXI век, в котором энергетические возможности танца еще предстоит открыть.

Другие открытия В. Нижинского относятся к кордебалету. Сама тема «Весны священной» с образами древней дохристианской Руси, предполагала рассматривать участников массовых сцен как единое целое, исключая симметричные построения и повторяющиеся комбинации. Это были открытия, которыми воспользуются будущие хореографы бессюжетных симфокомпозиций. И среди них Дж. Баланчин, Дж. Ноймейер, М. Эк.

Н. А. КАРЛИК,

старший преподаватель кафедры гуманитарных и социальных наук
Института управления и экономики, кандидат философских наук

«КРУГ ЧТЕНИЯ» Л. Н. ТОЛСТОГО И ТРАДИЦИИ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Д. С. Лихачев неоднократно отмечал, что вся новая и новейшая отечественная литература связана с литературой древнерусской. Среди писателей, оказавшихся особенно восприимчивыми к влиянию традиций древнерусской литературы, следует назвать Л. Н. Толстого. В начале XX века им была создана из произведений афористических жанров, а также из художественных, публицистических и философских творений, в том числе своих собственных, оригинальная религиозно-философская книга — «Круг чтения».

В творчестве писателя «Круг чтения» занимает особое место как произведение итоговое, хронологически, логически, мировоззренчески и эмоционально подводящее черту под всем написанным в послепереломный период его литературной деятельности. Задачи, которые преследовал Толстой в «Круге чтения», не исчерпываются практической на-

правленностью на духовное обновление общества, но включают в себя и реализацию плана самосовершенствования. Книга создавалась Толстым как одно из последних произведений, в котором ему хотелось наиболее полно представить основные положения своего учения.

Расширение контекста «Круга чтения» через обращение к культурной системе средневековья открывает дополнительные возможности как при анализе содержательных особенностей произведения, так и при выявлении принципов расположения в нем афористического материала. Способы идеологического и эмоционального воздействия на читателей, использованные Толстым, также могут быть рассмотрены с точки зрения того общего, что, несомненно, у них есть с приемами внушения, воздействия на публику, которыми пользовались несколько столетий назад отечественные ораторы.

«Круг чтения», как и ряд других произведений позднего Толстого, до последнего вре-

¹ Ходсон Миллисент. В поисках «Весны священной» // Театр. 1990. № 12. С. 151.

² Там же. С. 151.

мени находился на периферии научных интересов. Что же касается других произведений писателя, которых не обошли вниманием исследователи, то преемственность, сопрягающая их и древнерусское искусство, уже давно была установлена. Проблема влияния на Толстого древнерусской литературы неоднократно поднималась на страницах отечественной критики. В частности, варианты решений вопроса о значении контекста средневековой литературы при определении жанровой природы таких произведений писателя, как «Война и мир», народные рассказы, «Исповедь», «Азбука» рассмотрены в работах Д. С. Лихачева, Б. М. Эйхенбаума, А. А. Сабурова, Э. Г. Бабаева. Из возможных методов, которые исследуют влияние традиций древнерусской литературы на творчество Толстого, наиболее перспективным при изучении «Круга чтения» выглядит метод, предложенный Е. В. Николаевой: в своих исследованиях она делает особый акцент на выявлении неявных форм культурной преемственности, выходящей за пределы «заимствований» и «влияний».

Толстой не ориентировался при создании «Круга чтения» ни на четьи книги, ни на другие архаические литературные формы. Произведение Толстого в значительной степени отличается от «душеспасительных чтений» древнерусских авторов. Сопоставив «Круг чтения» с Четьими Минеями Дмитрия Ростовского, можно сделать вывод: несмотря на то, что в древнерусском календарном цикле и во многих других сборниках литературный материал распределен по дням и месяцам, логика календарного круга в них иная, чем в произведении Толстого.

У Толстого «Чтения» расположены просто в порядке чисел месяца (с 1 января по 31 декабря); в древнерусских же четьих сборниках — по дням памяти святых и церковных праздников. Что касается монологизма исследуемой книги, то он обусловлен желанием Толстого представить в ней главные положения своего учения; монологизм же древнерусской культуры определяется ее ориентацией на библейские истины.

От четьих книг, являющихся по сути сборниками житий, «Круг чтения» отличается и качественным составом представленного в нем материала, и его жанровым своеобразием. Толстой, хотя и подбирал для своей книги разного рода биографии-жития мучеников, святых, и даже неправославных, в окончательный текст их не включил. Традиционным житиям не нашлось места в «Круге чтения»: единственная дань житийной форме — «недельное чтение» о Паскале. Жизнеописание французского мыслителя построено Толстым по законам именно житийного жанра: харак-

тер, композиционная и стилистическая структура этого произведения имеют много общего с агиографическими памятниками средневековья. При том, что Толстой соблюдал в чтении о Паскале почти все требования канонического жития, он в этом произведении смоделировал и типичный сюжет собственной жизни и жизни многих своих героев. Жизнь Паскаля осмыслена им как переход от желания славы к осознанию ее ничтожества, к разочарованию в ней и в конечном счете — к простоте.

При анализе влияния древнерусской литературы на творчество Толстого особое внимание следует уделить сопоставлению его риторического идеала с представлениями средневековых авторов о том, какой должна быть образцовая речь. И в отношении к слову, и даже в отношении к молчанию у автора «Круга чтения» и древнерусских авторов было много общего. Среди вспомогательных средств, использованных Толстым при реализации в текстах риторического идеала, можно встретить образы, популярные у древнерусских риториков, например: образ огня, образ пути, образы агонального характера и др. Такого рода совпадения в произведениях, разделенных несколькими веками, объясняются спецификой жанра философского изречения, предъявляющего авторам определенные требования (дидактика, использование архитектурных образов).

Из древнерусских риторических произведений толстовским чтениям по содержанию, форме и языку более всего близки поучения и беседы. Если сравнить с чтениями Толстого поучения «к простой чади», например «Почтение философа, епископа Белгородского», то можно заметить при решении сходных задач одинаковое использование авторами разного рода риторических фигур и конструкций. Анализ авторского обращения к кружку молодежи «Любите друг друга», включенного в книгу в качестве «недельного чтения», демонстрирует целый ряд специфических риторических приемов, явно заимствованных Толстым из арсенала древнерусских риториков.

Построены чтения Толстого так же, как и поучения, слова и беседы древнерусских авторов: в эксординуме оговаривается характер обращения, формулируется главный тезис; в наррации этот тезис доказывается, в том числе и с помощью опровержения враждебной точки зрения; в конклюдии читатель получает советы, рекомендации, напутствия, связанные с применением на практике полученных знаний. Очевидно, что жанровая специфика «составляющих» определяет роль, которую они должны были играть в чтении. Учитывая тот факт, что каждое чтение построено Толстым

как риторическое обращение к читателю и состоит из частей, традиционных для ораций подобного рода, можно сделать вывод, что жанр для своих произведений Толстой выбирал с учетом цели, ради которой они создавались.

Так, например, риторическая традиция предполагала любое обращение к аудитории начинать с пропозиции — объявления темы и определения содержания будущей орации. Естественно, что произведение, созданное в жанре афористического фрагмента, вряд ли могло претендовать на это. Зато афоризм, в отличие от других афористических жанров, ничего не доказывающий и не аргументирующий, как нельзя более подходил для этой роли. Оригинальным оформлением мысли о всем известном предмете или явлении он сразу привлекал внимание читателей. Дефиниция также была уместна в приступе: читатель с первых слов узнавал, что представляет собой предмет, о котором пойдет речь. Для наррации и конклюзии необходимо было подбирать произведения с учетом тех задач, которые решались в каждой из этих частей.

Цикловая форма построения «Круга чтения» является традиционной и для древнерусских сборников. Цикл толстовской книги строился нанизыванием на один стержень всего, что соответствует мировоззренческой концепции ее автора, подобно тому, как в древнерусской литературе произведения одних жанров «наращивались» произведениями других жанров. В результате и у древнерусских составителей, и у Толстого получалось новое жанровое образование, единство которого поддерживали риторические скрепы: с помощью разных приемов и средств (у Толстого даже из уст разных мыслителей) читателю внушалось, как жить хорошо, а как дурно.

Выявление связей русской литературы с древнерусской и определение духовных ис-

токов отечественной словесности является одной из наиболее актуальных задач, стоящих на сегодняшний день перед исследователями. Включение поэтической системы позднего Толстого в контекст подчительной традиции и риторической практики средневековья может быть рассмотрено как один из возможных вариантов решения этой задачи.

При этом, исследуя реминисценции древнерусской литературы в произведениях автора «Круга чтения» (образы, символы, нравственно-этические суждения), важно иметь в виду, что отдельные точки соприкосновения Толстого с древнерусскими авторами далеко не исчерпывают связи писателя с литературой прошлого. Д. С. Лихачев находил проявление древнерусского начала у Толстого не только в «этическом оптимизме» его «древнерусского» взгляда на историю, но даже «в его внешности, в манере одеваться (особенно в старости), в манере себя держать».

Предостерегая исследователей от узкого понимания факторов влияния на Толстого средневековой литературы, Д. С. Лихачев подчеркивал, что Толстой «был весь связан с тысячелетними устоями русской жизни», что для него древнерусская тема «не ограничивалась, как это обычно считается, его увлеченным использованием патериков, четких миней, легенд, летописей и былин». Реализацию тех многовековых традиций русской литературы, в русле которых Толстой жил и писал, Д. С. Лихачев видел прежде всего в этической заданности художественных решений его произведений. В соответствии с этим задачей исследователей становится не поиск частных случаев заимствования Толстым в древнерусской литературе тех или иных тем и сюжетов, а выявление в его произведениях общих способов разрешения конфликтов и религиозно-нравственных вопросов в духе моральных и художественных основ «предания».

Г. А. АРБАТОВ,

Почетный директор Института США и Канады РАН, академик РАН

ЭКОНОМИКА И СОВРЕМЕННОСТЬ

Сейчас я завершаю второе издание своей книги полумемуарного характера. Мне предстоит дополнительно осветить два периода, в течение которых руководителями были М. С. Горбачев и Б. Н. Ельцин. Мне более или менее ясно, о чем следует писать в связи с руководством страной М. С. Горбачева. Сложнее обстоит дело с описанием тех новаций, которые произошли в период президентства Б. Н. Ельцина. Я до сих пор нахожусь в поисках того, что можно отнести к прогрессивным направлениям его деятельности. Одну сторону его деятельности я знаю. Во время путча, в 1991 году, его поведение, решительность, смелость спасли страну от больших неприятностей. Уже одно это делает его видным политическим деятелем.

Затем последовала целая цепь политических шагов с гораздо меньшим положительным эффектом, то есть шагов негативных. Как известно, началом этих преобразований была экономическая реформа, проводимая с помощью «шоковой терапии». За десять лет она нанесла стране ущерба больше, чем за сорок лет «холодная война» и гонка вооружений. Пострадала прежде всего экономика: в два раза упало производство; возникла страшная поляризация общества, в результате жертвами стали образование, наука, культура и пр. Когда-то, размышляя над экономическими проблемами, российские предприниматели, купцы считали, что для новой экономики нужны, прежде всего, образованные здоровые работники. До настоящего времени в Москве функционируют крупнейшие больницы комплексы, созданные на средства российских капиталистов. К сожалению, у современных богатых людей на эти благотворительные цели денег нет. Они не думают о целесообразности вложений в социальную сферу — в школу, в науку или другое благородное дело, поскольку предпочитают купить виллу на южном побережье Франции или на Средиземноморье.

Самая большая библиотека в стране, до недавнего времени Библиотека Ленина, не работает уже около 10 лет. Мне кажется, что не в лучшем положении находится Российская национальная библиотека в Петербурге.

Если задать себе вопрос: какое министерство, какое ведомство в США получает больше всего денег из бюджета, то, представьте себе, не военное. Это министерства образования, социального обеспечения и здравоохранения; потому что от их деятельности зависит благополучие огромного количества людей и, соответственно, требуются большие расходы. В России приоритеты не определены до сих пор. Но о плохом состоянии армии знают все. Поэтому решено выделить деньги не на закупку нового оружия, а на повышение жалования военным.

Как решить проблемы радикального образования и радикального здравоохранения? Как решить проблему культуры? Никто не знает ответов на эти вопросы. Более того, даже настоящей дискуссии по этим вопросам в обществе не было. Между тем истинная сила государства и будущее России, в общем-то, состоят не в количестве вооружения. Я не хочу противопоставлять одно другому. У нас и современных ракет, и ядерного оружия не было бы без образования, без культурной среды, которые способствовали достижениям в науке, технике, выдающимся разработкам ученых и специалистов, формированию большой армии.

Статус великой державы создает России в большей мере культура, наука, нежели многие другие вещи, на которые мы не жалеем денег. Проблемы образования, культуры, здравоохранения затрагивают интересы общества, его будущего. Поэтому они должны найти отражение в законах. Должны последовать практические решения. Я надеялся, что с приходом нового президента будут приняты радикальные решения в экономике. Но оказалось, что его быстро «обволокли» либералы. Они нашли опору в близких президенту людях. Как показал первый год правления В. В. Путина, никаких изменений в экономической политике не видно. Это очень прискорбно, потому что с каждым годом отставание от западных стран увеличивается.

У меня есть один хороший знакомый — инженер-космонавт. Я у него спросил: «Когда мы все-таки нагоним Запад?» Он ответил: «Уже никогда». И я боюсь, что такая точка зрения

очень распространена. В авиастроении приняты решение о создании гигантских холдингов. Не знаю, что из этого получится. Но боюсь, что и здесь мы приближаемся к точке падения. Даже самолеты, которыми мы особенно гордимся, такие, как «ТУ-204», комплектуются в основном деталями неотечественного производства. Нам просто невозможно терять время. Сколько можно испытывать терпение народа? Народ заслужил видеть хоть какую-то позитивную тенденцию. И мне представляется, что сегодня это вопрос из вопросов. Это радикальный пересмотр взгляда на все происходящее.

Ругают программу «500 дней». Но в ней как минимум было одно преимущество, заключающееся в том, что в любой момент можно было остановиться, подумать и, может быть, отойти назад от края пропасти. Нынешние реформы можно сравнить с прыжком в пропасть. Быть может, возможно было обойтись без таких радикальных мер. Как ни обидно это будет слышать Гайдару, Немцову, Хакамаде и многим другим реформаторам, но был другой путь.

Сейчас мы находимся в подобной ситуации. Только разрешив ее, можно будет решать другие задачи. Наше богатство — это образованные люди. Они получили бесплатное высококлассное образование. Многим странам нужны молодые здоровые люди с хорошей специальностью. Поэтому наши специалисты,

видимо, уедут в Канаду или в Австралию и будут там работать, создавать интеллектуальный капитал. Два года назад я был на Тайване. Один парламентарий пригласил меня в маленький городок посмотреть аквакультуру, которая у них очень развита. Поскольку близилась выборы, то парламентарий хотел извлечь для себя какую-то выгоду из нашей встречи. Он попросил меня присутствовать на пресс-конференции, по окончании которой ко мне подошли два человека. По их застенчивости я сразу понял, что это наши — россияне. Они представились как профессора математики Московского университета. Я знаю, что в этом маленьком богом забытом Тайване нет не только университета, но даже колледжа, и это значит, что они, в лучшем случае, преподают в средней школе.

Выступая в американском университете или колледже, также почти всегда встречаешь бывших соотечественников. Самый ценный товар, который у нас есть, — это люди с приличным образованием и желанием работать. Если ситуация в стране не изменится, то люди, получив образование, будут уезжать на работу в Канаду, Австралию, США или в Африку, что очень невыгодно для России.

Сейчас ведется атака на наше образование. Ситуация такова, что мы можем вскоре остаться без специалистов, нужных нашему государству.

Р. А. ИСЛАЕВ,

профессор Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета, доктор экономических наук

СТРАТЕГИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА И КУЛЬТУРЫ МЫШЛЕНИЯ

Ни для кого уже не секрет, что сегодня Россия стоит перед необходимостью исторического выбора: либо она возродит недавнее величие и могущество, либо станет, по выражению З. Бжезинского, «лишней страной» и продолжит прозябание на периферии мировой экономической и социально-политической жизни.

Реальный выбор между хорошим и плохим далеко не прост, если учесть, как велик разброс мнений в современном российском обществе, насаждаемый не только некоторыми ангажированными средствами массовой информации, но также политическими и властными структурами, казалось бы, обязанными с максимальной ответственностью относиться к проблемам стабилизации российского общества.

Суть разногласий известна. «Левые» зовут во вчерашний день — в «советизацию», в отказ от рынка. Но, как известно, дважды в одну и ту же реку войти невозможно. В частности, ни мирным, ни военным путем невозможно возродить такие политические структуры, как Советский Союз, СЭВ, Варшавский пакт. Другие же — «Союз правых сил» — призывают продолжать «курс либеральных реформ». Общеизвестны результаты этого курса: уже почти десятилетия экономика России, двигавшаяся «без руля, без ветрил», переживает тяжелейший кризис, основная часть населения — в состоянии обнищания. Именно в результате так называемых реформ в стране появился новый слой населения — «люмпен-интеллигенция».

Между этими крайними (если не считать отечественных эстремистов) — «левыми» и «правыми» силами — расположился широкий спектр движений, блоков, партий и т. п., которые вообще не предлагают стране какого-либо стратегического выбора, шарахаясь от «поклонов» и «реверансов» «цивилизованным странам экономики» до принятия горделивых поз «великой державы». Больше всего путаницы при этом вносится в такие жизненно важные вопросы, как роль государства в экономике (государственное регулирование рынка), государственная поддержка отдельных сфер экономики (в частности, ВПК и сельского хозяйства), место государства в недропользовании и т. п.

Между тем для подавляющего большинства специалистов достаточно очевидными стали объективные предпосылки устойчивого развития России, ее движения по стратегической прогрессивной траектории:

— Россия по-прежнему остается страной, располагающей крупнейшими в мире и наиболее разнообразными природными ресурсами — как сырьевыми, так и энергетическими;

— несмотря на разруху 90-х годов, Россия все еще располагает крупными и в основном конкурентноспособными потенциалами: производственным, научно-техническим, интеллектуальным;

— несмотря на значительное ухудшение ряда геополитических условий, Россия сохраняет основную, имеющую всемирно-историческое значение, геополитическую позицию: остается великим евразийским мостом, т. е. продолжает располагать крупнейшим геополитическим ресурсом, который ничем невозможно заменить.

При таких предпосылках развития Российское государство не только имеет основания, но и обязано взять на себя ответственность за регулирование экономики страны. Лишь повседневное и многостороннее регулирование экономики, не только государственной, но и частной сфер, позволит преодолеть псевдорыночный хаос, эффективно использовать внутренние ресурсы для возрождения и дальнейшего развития национальной экономики.

Говоря о роли государства в регулировании экономики, необходимо помнить, что в рыночной экономике Запада принцип государственного невмешательства давно и решительно отвергнут. Еще недавно декларировавшаяся неограниченная свобода в экономике («свобода рынка») заменена плановым вмешательством государства в экономическую сферу общественного развития.

Конкретно для России государственное регулирование должно означать:

— целенаправленное управление государственными (речь идет о государственном предпринимательстве при решающей роли государства), занимающими ведущие позиции (лидерская), ключевыми отраслями экономики;

— приоритет государственных заказов предприятиям частного сектора, имеющим принципиальное значение для удовлетворения потребностей России;

— внедрение идей реализации аналогичных подходов на региональном уровне.

Следует подчеркнуть два обстоятельства: во-первых, государственное регулирование (и даже государственное управление) не должно означать отказ от внедрения и развития рыночных отношений. Более того, в ряде сфер и отраслей государство должно лишь определять «правила игры» — и не более того (в частности, это относится к малому и, возможно, среднему предпринимательству); во-вторых, самое широкое распространение должны получить разнообразные формы косвенного государственного управления, осуществляемого на основе стратегической государственной налоговой, кредитной, финансовой политики.

Уже давно пора определиться Российскому государству в таких вопросах, как отношение ко всевозможным свободным (прежде всего оффшорным) зонам. Эти зоны могут быть опорными пунктами частного предпринимательства, венчурных инвестиций, экономического оживления. Но в сегодняшних российских условиях эти зоны играют роль не «дрожжей экономики», а «черных дыр», через которые из страны буквально «вылетают» десятки миллиардов рублей ежегодно — суммы, значительно превышающие размеры кредитов.

Широко обсуждаются проблемы возрождения сельского хозяйства страны (или еще шире — АПК России). Это задача, которую неизбежно придется решать. Но при этом нужно помнить, что в стратегическом плане идеи фермеризации в нечерноземной зоне России абсолютно бесплодны (по крайней мере, в ближайшие 15–20 лет, а возможно — в течение первой половины XXI в.). Это связано с тем, что во всем мире фермерское хозяйство требует огромной и систематической государственной финансовой и организационно-экономической поддержки: прямые дотации, разнообразные льготы, создание необходимой для развития АПК инфраструктуры и т. д. и т. п.

В России сегодня нет ресурсов, необходимых для организации такой поддержки фермеров. Но в России есть условия и ресурсы для того, чтобы сельское хозяйство было

возрождено на оперативной основе. Для этого есть и традиции, и уже существующая (хотя и разрушенная) инфраструктура, в значительной мере оправданная специализация производства и целый ряд других условий. Разумеется, полностью это относится к сельскому хозяйству Ленинградской и соседних областей.

Конечно, вопрос стоит шире: подъем не только сельского хозяйства, но и в целом агропромышленного комплекса страны. Это важно не только в экономическом, но и в

социально-политическом плане, а также с позиции государственной безопасности.

Подчеркнем, что решение этих задач неизбежно требует введения ограничений на импорт сельскохозяйственной (и в целом — продовольственной) продукции. Это, с одной стороны, даст дополнительные ресурсы для развития АПК, а с другой — защитит российского потребителя от импортного «мусора».

Такой подход может быть обеспечен только за счет особой профессиональной культуры мышления.

В. Т. РЯЗАНОВ,

заведующий кафедрой экономической теории СПбГУ,
доктор экономических наук, профессор

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ОБЩЕСТВА

Соотношение и взаимосвязь экономического и неэкономического факторов в общественном развитии давно интересует не только экономистов, поскольку заключает в себе много теоретико-методических, не выясненных до конца проблем, не говоря уже о сугубо практической значимости. В условиях усиления маркетизации хозяйства существует определенная опасность упрощения проблемы ценой игнорирования национальных и исторических особенностей. В проблеме взаимосвязи экономического и неэкономического особо значима роль культуры. Надо отметить, что многие аспекты этих взаимосвязей изучаются представителями разных обществоведческих направлений.

С экономической точки зрения роль культуры в истории общества может трактоваться как взаимосвязь общего и особенного. Способом разрешения этой своеобразной коллизии экономического и неэкономического является представление экономики как формы выражения общего. Но это общее всегда представит как цивилизационно-особенное в своем культурном своеобразии. Это своеобразии, присущее каждой неабстрактной, но реально действующей экономике, присутствует в хозяйственном и общественном устройстве любой страны. Именно через призму общего (рыночного) и особенного (культурно-своеобразного) следует изучать хозяйственно-экономические процессы.

Как зафиксировать эти соотношения общего и особенного в экономической теории и в экономической политике?

В связи с этим необходимо напомнить, что сугубо экономический принцип, который представляет экономику как нечто автоном-

ное (отрывает экономическую сферу от других общественных процессов), сформировался на основе методического индивидуализма, представлении о рациональном поведении хозяйствующих субъектов рынка. На этом базируется неоклассическая школа, которая стремится зафиксировать общие моменты, присущие любому хозяйственному устройству, и стандартно воплощается вся зависимость, начиная с конкретных природно-географических и национально-культурных условий.

Я убежден, что такой подход должен быть преодолен — исторический опыт других стран и практика реформирования экономики России последнего десятилетия убедительно подтверждают, что сугубо стандартные и экономические подходы к реформационным процессам в экономике обречены на неудачу. Есть все основания говорить о крахе той модели реформирования, которая была предложена в России 1990-х годов, так как не учитывалось своеобразие нашей страны.

Каковы предпосылки и возможности экономической теории для разрешения проблемы взаимосвязи общего и особенного?

Один из способов разрешения связан с выделением особенного в качестве основного объекта и, следовательно, на его основе теоретического анализа формирования экономической политики с учетом влияния многих факторов на экономические процессы. Именно при учете исторических особенностей формируется национальная школа экономической теории как основа решения конкретных социально-экономических проблем страны. Именно в этом русле формировалась российская школа экономической мысли, которая имеет

свои традиции. Наша задача эти традиции поддерживать и развивать.

Отметим ряд этих традиционных особенностей. Прежде всего — активная роль государства в хозяйственной жизни страны, начиная с Петра I. Другая важная черта России — усиленное внимание аграрным проблемам; и сегодня наша страна остается существенно аграрной. Россия дала миру многих экономистов-аграрников, которые значительно обогатили мировую аграрную экономическую теорию. Еще одна традиционно сильная черта российской экономической теории — идея циклического развития. Хотя этой проблеме уделяли внимание ученые разных стран, но по объему и полноте исследований циклизма Россия внесла весомый вклад. Можно найти и другие своеобразные черты, которые определяют специфику национальной экономической школы в России, при этом принципиально важно, что все они являлись ответами на реальные проблемы развития нашей страны.

Поэтому, если мы желаем возрождения экономики страны, ее экономической науки, то не следует копировать абстрактные теоретические положения, разработанные в странах с действительно рыночной экономикой.

На недавней научной конференции прозвучал вопрос: «Была ли вообще российская экономическая школа?» Один из ответов таков: «Экономической мысли в России было много, но не было экономической науки». Вышеприведенные доводы также дают ответ на этот вопрос.

Еще одна конкретная теоретическая проблема: можно ли сочетать классическую политэкономия и неоклассическую школу — в реальной жизни положения этих школ тесно переплетены. Воплощением этого синтеза является новый институционализм. В рамках нового институционализма надо искать решение задач российской экономики. Однако проблема современной экономической мысли — в отсутствии координации множества существующих школ.

Еще одна важная проблема — переход от теоретической мысли к ее инструментальному воплощению. Современный институционализм, восприняв методы неоклассики, нашел пути включения идей особенного в экономическую теорию и практику. В этом отношении важна идея экономических институтов и организация национального хозяйства на базе экономических институтов, что, в свою очередь, связано с изучением трансакционных издержек. В современном институционализме подчеркивается роль не только чисто рыночных (трансформационных) издержек, но значение внерыночных отношений.

Вместе с тем следует учитывать, что современный институционализм, по сути, сдал свои принципиальные позиции перед неоклассикой, и поэтому конвергенции этих школ в действительности не произошло.

При разработке национальной экономической мысли эту реальность современного институционализма надо учитывать.

В. А. ПЕШЕХОНОВ,

профессор кафедры экономической теории СПбГУП,
доктор экономических наук

О СООТНОШЕНИИ МАТЕРИАЛЬНОГО И ДУХОВНОГО В АГРАРНОМ СЕКТОРЕ

Из общей проблемы соотношения материального и духовного начал в общественной жизни я остановлюсь на аграрной сфере, т. е. условиях жизни и деятельности сельских жителей, составляющих значительную часть российского населения. Хотя в России, как и в мире в целом, в последние десятилетия происходил ускоренный процесс урбанизации, тем не менее в настоящее время на селе проживают 39 млн человек в 153 тыс. различных поселений (большинство из них связано с сельскохозяйственным производством — той сферой экономики, из которой берет начало 3/4 потребительского фонда, в том числе — 90% продовольствия).

Общеизвестно положение о том, что социальная среда, т. е. совокупность условий

жизнедеятельности людей, среди которых важное место принадлежит культуре (в широком смысле слова), играет весьма существенную роль в эффективности труда и производства, обустройстве домашнего быта, охране здоровья, условиях отдыха и т. д. — факторы, которые активно влияют на работоспособность людей, результаты их трудовой деятельности.

Мы с известной долей зависти и должным уважением говорим о высокой эффективности сельскохозяйственного производства в группе развитых стран (так называемых странах «золотого миллиарда»). В них проживает 30% населения мира, а производят они 60% мирового объема продовольствия, причем в этих странах непосредственно в сельском хо-

зяйстве занято лишь от 4 до 8% общего числа работников. Успехи в аграрном секторе объясняются не только высоким уровнем технической оснащенности сельскохозяйственно-го труда, использованием прогрессивных технологий, но и не менее высоким уровнем социальных условий. Образовательный ценз фермеров составляет 13–14 лет, компьютерная подготовка не уступает подготовке работников промышленности, обустройство домашнего быта, медицинское обслуживание, доступ к литературе и другим источникам информации, возможность посещения музеев, выставок, театров и других центров культуры мало отличается от возможностей городских жителей.

Когда-то (в 60–70-е годы) наши обществоведы много говорили и писали о том, что в социалистическом обществе идет интенсивный процесс «стирания существенных различий между городом и деревней», причем и на практике предпринимались шаги к реализации данного положения, например путем ликвидации так называемых «бесперспективных деревень» (инициатива академика Т. Заславской) и строительства «агрогородов». Это, конечно, был «заскок», поскольку страна и с точки зрения экономических возможностей и по менталитету наших сельских жителей (уровню их общей культуры) не была готова к решению данной задачи.

Деревня в советскую эпоху значительно отставала от города по характеру и условиям труда, уровню доходов, особенно по социальному обустройству, образу жизни. Отсюда и стихийный отток молодежи из сел и деревень. Сейчас из 39 млн сельских жителей половина — пенсионеры. Правда, нельзя не отметить, что все же в деревне в 60–80-е годы происходили и определенные позитивные изменения: была обеспечена возможность всеобщего среднего образования, в быт сельских жителей прочно вошли электричество, телевидение, строились дороги, школы, больницы и медпункты, расширялась сеть культурно-просветительских учреждений (дома культуры и народного творчества, клубы, библиотеки, музыкальные школы и т. д.).

Пожалуй, наиболее важно отметить, что среди сельских работников неуклонно возрастал удельный вес людей квалифицированного труда — механизаторов, электриков, механиков, инженеров, агрономов, зоотехников, которые вместе с другими представителями сельской интеллигенции определяли интеллектуальный облик деревни.

Однако все это, к сожалению, в прошлом. Что принесли нашему аграрному сектору реформы, осуществляемые с начала 90-х годов? Если охарактеризовать их экономиче-

ские результаты, то коротко можно сказать так: обвал производства почти всех видов сельскохозяйственной продукции, какого страна не знала со времен Гражданской войны, и деградация производственных сил начиная с земли, материально-технической базы и вплоть до человека, его образа жизни, духовного облика.

В связи со свертыванием деятельности агросервисных предприятий и организаций и резким сокращением машинно-тракторного парка в деревне появился значительный слой безработных (до 10% от числа трудоспособных), причем это люди преимущественно квалифицированного труда — трактористы, шоферы, комбайнеры, механики, электрики и т. д. В настоящее время город не в состоянии поглотить этот избыток сельских работников, и они вынуждены перебиваться случайными заработками или «копаться» в своих огородах, что неизбежно ведет к их деквалификации и резкому снижению диапазона (прежде всего духовного) интересов. За 1991–1999 гг. число специалистов с высшим и специальным средним образованием в сельском хозяйстве сократилось на 30% (340 тыс.), квалифицированных работников — от 40 до 70%. Значительно уменьшилось и число руководителей хозяйств, имеющих высшее образование. Это неизбежно снизило общую культуру труда и производства. Поэтому производительность труда сельских работников за рассматриваемый период сократилась в два раза.

Не говоря о безработных, и у работающей части населения очень низкий уровень заработной платы, который составляет лишь 42% от средней по народному хозяйству. И другие не слишком обильные социальные блага неуклонно сокращаются.

За 1991–1999 гг. в деревнях было закрыто 1150 школ, число неучащих детей измеряется десятками (если не сотнями) тысяч; закрылось 70 тыс. магазинов и лавок, 32 тыс. столовых, 9500 клубов и домов культуры; 45 тыс. сельских поселений не имеют телефонной связи; деревня забыла не только о концертах артистов, но даже и о кинофильмах. Государство прекратило финансирование социально-культурной сферы на селе на уровне федерального и регионального бюджетов, переложив эту заботу на плечи хозяйств или местных (муниципальных) властей. Но большинство хозяйств крайне бедны (около половины их вообще убыточны), а бюджеты волостей и сельских округов настолько малы, что и рубля не могут выделить на содержание учреждений культуры.

Поэтому, не опасаясь впасть в преувеличение, можно сказать, что деревня дичает

по образу жизни своих жителей: последние находят «утешение» в небывалом росте пьянства, причем пьют в основном брагу, самогон и другие «паленые» суррогаты. Отсюда и моральная деградация, болезни, высокая смертность. Число умирающих в деревне в последние годы в два раза превышало число рождающихся.

Пожалуй, самое печальное состоит в том, что в деревню проникла наркомания, чего никогда раньше не было. (В этом я убедился, посетив недавно родную Тверскую область.)

Известно, что природа не терпит пустоты: из деревни практически ушла культура, и ее место заняла антикультура. Такова невеселая картина деревенской жизни. Село нуждается в неотложной и существенной помощи со стороны государства, и не только для восстановления своего производственного потенциала, но и крутого перелома в социально-культурной жизни. Нужно иметь в виду, что деревня на Руси всегда была важным источником физического и нравственного здоровья нации, и эту ее роль необходимо возродить.

Д. Ю. МИРОПОЛЬСКИЙ,

профессор Санкт-Петербургского государственного университета
экономики и финансов, доктор экономических наук

УСТОЙЧИВЫЕ СТЕРЕОТИПЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ И РОССИЙСКИЕ РЕФОРМЫ

Существует феномен российского менталитета, который не вписывается в логику радикальных рыночных преобразований. В основе курса реформирования — поведение рационально действующего субъекта — экономического индивида как центра современной зарубежной экономической теории.

Как преодолеть противоречие между российским менталитетом, сопротивляющимся духу реформ, и теорией оптимально экономического поведения субъекта. Профессор В. Т. Рязанов подчеркивает, что в рамках существующей теории это противоречие преодолимо. Необходимо искать какое-то другое теоретическое разрешение проблемы. Известно, что, помимо теории сознательного поведения индивида, есть целый класс теорий неосознанного поведения; и если обратиться к теории неосознанного поведения, то противоречие между менталитетом и радикально действующим индивидом может быть разрешено.

Основателем теории бессознательного был Зигмунд Фрейд. Продолжили ее развитие Юнг, Адлер. Э. Фромм приблизил теорию бессознательного к экономике. Он создал теорию социально ориентированного поведения как адекватную основу для поведения человека в рыночной среде. Основной его аргумент — социально-экономические условия, фильтруемые психологическими мотивами (включая сексуальное влечение), формируют неосознанное поведение индивида. У Фромма, таким образом, экономическое поведение опосредовано неэкономической сферой.

Я полагаю необходимым устранить эту неэкономическую опосредованность и рассматривать прямое влияние экономической струк-

туры общества на структуру неосознанного экономического поведения. В основе экономического поведения индивида — неудовлетворенность плюс потребность. В совокупности они формируют экономически обусловленное бессознательное — невозможность до конца осознать то, что люди совершают в хозяйственной сфере.

Существует два типа хозяйства — рыночное и плановое. Если мы исходим из того, что социально-экономическая структура непосредственно через систему фрустраций влияет на бессознательное поведение индивида, то, соответственно, есть два противоположных хозяйствующих типа поведения — рыночное и плановое.

Тип рыночного поведения индивида ориентирован на личный успех; результаты других индивидов интересуют рыночного субъекта только лишь с позиций конкурентной борьбы. Поведение субъекта плановой экономики ориентировано на успех не индивида, а некоего социума, вплоть до национальной экономики. Субъект рыночной экономики жестко рассчитывает на свои собственные ресурсы; субъект плановой — полагает использовать ресурсы в рамках социума, т. е. считает нужным делиться ресурсами с теми, кто не обладает ими в данный момент. То же в сфере потребления — рыночный субъект ориентирован сугубо на личное потребление, положение других его не интересует. Субъект плановой экономики рассматривает потребление благ или услуг через призму их распространения в обществе. Таким образом, перед нами два стереотипа экономического поведения.

Исторически Россия тяготеет к стереотипу планового поведения с акцентами на примат

социума. Существенно важен также временной горизонт: субъект рыночного типа ориентирован на ближайший успех, короткий временной отрезок; субъект плановой экономики — на глобальные проблемы вековой давности. Приведенные два архетипа хозяйственного поведения — схема; в реальной жизни в поведении любого человека сочетаются черты и той и другой модели. Складывается трудноразрешимое противоречие. Например, человек в плановом обществе не осознает глубоко подавленные рыночные мотивы; в то же время плановые мотивы осознаются, и в их пределах человек действует достаточно успешно.

Но если мотивы подавленного рыночного поведения начинают вытеснять плановые, то налицо индивидуальный экономический успех в решении текущих хозяйственных задач. Человек плановой системы может быть эффективен в решении долговременных и глобальных задач, но неудачен в решении текущих хозяйственных проблем. Таким образом, модель хозяйственного субъекта отражает противоречивое и ограниченное в сознании экономическое поведение.

Комплекс планового поведения формируется идеологией и входит в сферу сознания.

Он закрепляется в системе и структуре институтов общества, которые эту плановую идеологию поддерживают. В связи с этим, на мой взгляд, не протестантская этика создала капитализм, но практика рыночных отношений сформировала протестантскую этику поведения. Вначале бессознательные рыночные мотивы поведения постепенно закрепились в стереотипы, а последние превратились в идеологию реформаторства. Такой же процесс происходит в нашей стране. В ходе реформ высвобождается энергия ранее подавленных бессознательных мотивов — они переходят в сферу сознания; формируется новая рыночная идеология. Однако этот новый «рыночный» тип человека только начинает учиться «ходить» (отсюда поведение «новых русских»). Происходит резкий прорыв рыночной мотивации в сферу полуосознанного поведения, «предсознания».

Итак, доктрина рационально действующего субъекта неадекватна практике. Она должна быть замещена доктриной нерационально действующего индивида, в поведении которого сочетаются элементы бессознательного и осознанного. Культура как образ действий (поведения) в экономике оказывается подчиненной стереотипу неосознанного экономического поведения.

Ю. Н. ОСИПОВ,

профессор МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор экономических наук

ХОЗЯЙСТВО КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ

Экономика и культура гораздо более важны и глубокие аспекты жизни общества, чем нам может показаться на первый взгляд. Если посмотреть на то, что происходит в нашей стране, то так или иначе мы увидим громадный конфликт между экономикой и культурой, характерный для нашего общества. Происходящее в обществе объясняется столкновением экономического начала и культурных доминант (в том числе доминант антикультурных).

Хозяйство, философия хозяйства трактуется, собственно, как жизнь, а жизнь трактуется, как хозяйство, то есть берется самая глубокая и самая широкая в данном случае установка — смысловая. Это означает, что жизни человека без хозяйства нет, а хозяйство человека и есть его жизнь, жизнеотправление.

Культура — тоже хозяйство. Понятие хозяйства не противоречит понятию культуры. Без культуры нет хозяйства, хозяйства нет без культуры, поскольку они органично свя-

занные элементы. Культуру в данном случае я трактую максимально широко, не как сферу деятельности, а как принадлежность человеческого бытия. Все, что окружает человека, все, что им создано, что им получено, возможно — от Господа Бога, все это является человеческой культурой, имеющей совершенно различные выражения.

Необходимо подчеркнуть органическую взаимосвязь всего сущего: человека, жизни, культуры, хозяйства. Разорвать эту взаимосвязь невозможно, ибо жизнедеятельность есть и хозяйство, и культура. Человек создает и изменяет среду своего обитания во всех многообразных направлениях.

Для философии хозяйства — экономики — есть частный случай жизни человека, его особая организация, основанная на разделении трудовой деятельности, обмене продуктами и в итоге в ведении хозяйства на основе денежного расчета. На мой взгляд, хозяйство, ведомое на основе денег, и является экономикой. Экономика — это особая организация

хозяйственной жизни человека в единстве всех сторон его деятельности. Элементы экономической цивилизации известны со времен античности, но основные современные ее системы формировались в эпоху Возрождения. С тех пор человечество живет под знаком развивающейся экономической цивилизации. В данное время она приняла характер финансовой цивилизации, ибо финансовая сфера доминирует относительно сферы либерального производства.

С реформами 1990-х годов в Россию входит экономическая цивилизация как воплощение денежного хозяйства. Отсюда столкновение денежной экономики и хозяйства, понимаемого в широком смысле, — как синтез традиций всех стран нашего общества.

Подчеркнем, что в ходе реформ хозяйство нашей страны «открылось» перед лицом зарубежной финансовой цивилизации, которая оказывает мощное влияние на хозяйство нашей страны. Возникает вопрос: как и в каком качестве мы выстоим в этой ситуации? Будет ли развиваться наше хозяйство как воплощение культуры и традиций?

С точки зрения хозяйства, в случае его естественного развития оно не находится в конфликте с культурой. Экономическая цивилизация вступает в конфликт с культурой, которая связана с неэкономическими началами хозяйства. Она способна даже воевать с культурой, приспособлявая ее под себя. Экономическая цивилизация имеет свою культуру. К примеру, американские фильмы — это продукт американской экономической цивилизации, которые идут непрерывно по нашему телевидению. Я согласен с тем, что экономическое начало лежит в основе всех переворотов — политических, культурных, религиозных. Здесь уместно вспомнить К. Маркса. Не в смысле его догматический трактатовки (экономика все определяет), а в том, что в исторические переломные периоды экономика формирует цивилизацию со всеми ее атрибутами, адекватную и соответствующую ей.

Сейчас наша страна попала в зависимое пространство — возникает вопрос: как из него выбраться?

С экономической точки зрения, у нас, вроде бы, все есть: деньги, кредит, бюджет, банки, капитал — экономика как бы вращается. Но вот хозяйство работает против населения, против его жизненных интересов, таким образом, хозяйство, как жизнь, не реализуется в полной степени. Прежде всего это обусловлено тем, что отсутствует перспектива для общества. Какова перспектива для

молодежи? Допустим, получить высшее образование. А что дальше? А если нет перспектив, то получается, что жизнь, хозяйство утрачивают смысл (причем отсутствует и личная перспектива, и национальная). Как следствие — люди покидают страну, ее пределы. Мы выступаем как доноры: наши деньги и наши капиталы также уходят за границу, вращаясь в сфере другой экономики. Характерно при этом, что эти процессы происходят без какого-либо конкретного юридического собственника, они уходят через государственный долг, проценты и т. д. Такими образом, мы видим, что экономика и культура взаимосвязаны в хозяйствовании.

Я не случайно подчеркиваю, что понятие «экономика» отлично от понятия «хозяйство».. Это различие является центральной проблемой, которая важна для формирования национальных целей как в области экономики, так и культуры.

В связи с этим возникает важнейший вопрос о роли государства. Если государство отстраняется от регуляции деятельности различных сфер жизни общества, мгновенно приходит экономическая цивилизация и вершит все по своим законам. Противостоять ей может только государство. Оно должно, прежде всего, разобраться во всем многообразии хозяйства и установить контроль над экономическим пространством. Сейчас оно его не контролирует. Современное российское государство — это квазигосударство. Оно выполняет определенные охранительные функции, собирает налоги, часть из которых отдает в виде государственного долга. У нашего государства нет установки хозяйствовать ради людей в нем живущих. Наше правительство — это не хозяйствующее правительство.

Суть не в том, что не должно быть приватизации. Экономизация предполагает приватизацию. Однако отказ государства от всякой ответственности за состояние дел в экономике ставит под угрозу само существование общества как субъекта истории.

Как в условиях тотального разгосударствления воплотить национальную волю? Дело не в отсутствии концепции; главная проблема — это определение самой национальной государственной воли, без чего невозможен экономический и культурный подъем страны. Вопрос сейчас стоит таким образом: превратимся ли мы в объект приложения интересов других стран или сохраним себя как субъекта всемирной истории экономической цивилизации.

Это исторический выбор.

В. В. МЕДНИКОВ,заведующий кафедрой экономической теории СПбГУП,
кандидат экономических наук, профессор

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Процесс радикальной общественной трансформации 1990-х годов проявляется во всех сферах жизни постсоветского общества. Изменение природы общественного строя характеризуется абсолютным доминированием политических установок. В ходе этих изменений выявляется не только их глубина, но и (что принципиально важно) их взаимосвязь. Мы вправе говорить о радикальных изменениях культуры общества как совокупности культур.

Возникновение нового экономического механизма характеризуется резким разрывом с ранее сложившейся системой ценностей, норм, интересов, предпочтений. По своей сути культура той или иной стороны жизни общества (экономика, политика, искусство, мораль, право...) является продуктом эволюционного, длительного развития и, следовательно, в самой природе культуры заложен принципиально важный элемент традиционности.

Радикальные политико-экономические преобразования отрицают историческую преемственность и традиционность как существенное свойство культуры, в то же время абсолютизируя другое важное свойство культуры — свойство обновления.

В ходе «шоковой терапии», проведенной в невиданно сжатые сроки приватизации, лидеры реформ ускоренным образом прививают культуру рыночной экономики с ее опорой на частную собственность, индивидуализм, устранение государства из социально-экономической сферы. Таким образом, в практике радикальных рыночных преобразований игнорировано главное: формирование рыночного механизма, изменение всей культуры общества, как материальной, так и духовной.

В формировании нового рыночного стиля экономического поведения воплощается новая совокупность ценностей, интересов, потребностей, которые существенно отличны от ценностей и мотивов поведения, сложившихся на протяжении длительной истории России.

В связи с этим представляет особо важное значение такое понятие, как экономическая культура, включающая, по моему мнению, волевых, культуру хозяйственной деятельности и, во-вторых, культуру экономического мышления. Экономическая культура — совокупность общественных ценностей, потребностей, которые являются регуляторами экономического поведения индивидов и групп и которые сформировались в процессе экономического развития того или иного общества.

Экономическая культура оказывает влияние на процесс экономического развития непосредственно через экономическое поведение.

Культура хозяйственного поведения включает в себя систему мотивов, стимулов, норм, интересов, потребностей и формирует условия практической деятельности членов общества.

Культура экономического мышления относится к области формирования экономической теории развития общества и лежит в основе экономической политики, то есть экономического поведения государства, его роли в общественном воспроизводстве. Принципиально важным для формирования культуры экономического мышления является усвоение взаимосвязи общего (законов рыночной экономики) и национально-особенного (конкретных исторических особенностей развития хозяйства той или иной страны).

Имеющийся опыт реформирования 1990-х годов показал низкий уровень культуры экономического мышления лидеров реформаторского курса. Существенным свойством этого курса является продолжение ранее имевшегося дефекта советской экономической культуры — декларативность (как следствие — разрыв между провозглашаемыми целями и их реализацией на практике). Вторым принципиально важным недостатком культуры реформаторского экономического мышления является высокая степень заимствования зарубежной теории и практики, что ведет к прямому переносу абстрактных монетаристских моделей на российскую почву.

Таким образом, национальная культура, по существу, была отброшена, принесена в жертву высоко абстрактной рыночной экономической модели, применение которой продиктовано сугубо политическими императивами.

Виднейший современный социолог М. Кастельс в своем исследовании социально-экономических процессов в России 1980–90-х годов резюмирует: «Экономика потерпела крушение вследствие спекулятивных маневров номенклатуры ради собственной выгоды, вследствие безответственных рекомендаций о введении абстрактной политики свободного рынка со стороны Международного Валютного Фонда, некоторых западных советников и политически неопытных русских экономистов, которые внешне оказались на командных постах»¹.

¹ М. Кастельс. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000.

А. Г. СТОЛБОВ,

профессор кафедры экономики СПбГУП,

доктор экономических наук

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНСТРУМЕНТЫ АКТИВНОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ

Сложившаяся ситуация в области культуры характеризуется глубокими кризисными явлениями. Коммерциализация культурных ценностей, приводящая к деформации культурных потребностей населения, происходит как в мировой, так и в российской культуре¹. В России кризис культуры усугубляется сокращением бюджетного финансирования, что приводит к деградации многих учреждений культуры и искусства. За последние 10–12 лет только в Ленинградской области погибли десятки памятников истории и архитектуры². Обнищание населения, падение платежеспособного спроса привело к резкому сокращению потребления услуг предприятий культуры и искусства.

В этой ситуации государство оказалось бессильным и неспособным решить кризисные проблемы развития культуры. Главной причиной этого является пассивный характер культурной политики государства. В «Основах законодательства РФ о культуре» говорится, что «органы государственной власти и управления, органы местного самоуправления не вмешиваются в творческую деятельность граждан и их объединений, государственных и негосударственных объединений культуры»³. Ложно понятое «невмешательство» на практике превращается в бездействие государственных органов по отношению к учреждениям культуры и искусства. Государственные чиновники, отказавшись от тоталитарных методов командно-административного управления и финансирования культуры, не могут овладеть рыночными формами и методами государственного регулирования.

Для преодоления кризисной ситуации, для эффективного регулирования развития культуры необходимо сформировать активную культурную политику государства. Под активной культурной политикой мы понимаем социальное распределение приоритетов в государственном финансировании, активное использование экономических инструментов стимулирования культурной деятельности и

вовлечение работников культуры в процесс формирования культурной политики.

Бюджетное финансирование культуры по-прежнему осуществляется по «остаточному принципу». Законодательное закрепление нормативов выделения бюджетных средств на культуру (2%) не выполняется. Выделенные средства распределяются между учреждениями культуры без учета их социальной значимости. И те организации, которым трудно заработать на своих социально значимых услугах, и учреждения досугового, развлекательного характера (парки культуры и отдыха, клубы, кинотеатры) финансируются в одинаковой пропорции. При этом средства выделяются лишь на оплату труда (общеизвестны ставки в сфере культуры) и коммунальных услуг, хотя в «Основах законодательства РФ о культуре» имеется положение, что «в Российской Федерации обеспечивается *приоритетное* (курсив мой. — А. С.) выделение государственных капитальных вложений в укрепление и развитие материально-технической базы культуры»⁴.

Плохо используется такой экономический инструмент, как коммерческая деятельность, так как у организаций культуры нет в этом большой заинтересованности, а их работники не владеют методами предпринимательства. Самый распространенный способ зарабатывания средств — это сдача помещений в аренду. А производство вторичных продуктов, вложения в ценные бумаги, посредническая деятельность, депозиты применяются редко.

Использование кредитов для осуществления культурных проектов наталкивается на низкую эффективность вложений и длительные сроки окупаемости, что требует гибкой кредитной политики.

Не очень последовательно проводит государство налоговую политику. Налоговые льготы местные налоговые органы интерпретируют по-своему. В Санкт-Петербурге, например, налогом на прибыль облагаются все виды платных услуг культуры, тогда как некоммерческая платная деятельность освобождается от налога на прибыль.

Дополнительные доходы культурная сфера могла бы иметь от так называемой культурной ренты — определенный процент с доходов от реализации товаров на территории

¹ Морозова Е. Я., Столбов А. Г., Тихонова Э. Д. Кризисная ситуация в развитии культуры и искусства как объект экономического исследования // День науки в СПбГУП. Материалы науч.-практ. конф. «Гуманитарная культура как фактор преобразования России» 24–25 мая 2000 г. СПб.: СПбГУП, 2000. С. 89–92.

² Хмельник Т. Царские головешки // Аргументы и факты. 2001. № 20.

³ Закон Российской Федерации «Основы законодательства Российской Федерации о культуре». М.: Ось-89, 2000. С. 12.

⁴ Закон Российской Федерации «Основы законодательства Российской Федерации о культуре». М.: Ось-89, 2000. С. 21.

культурных организаций, памятников культуры, лицеев, заповедников, от реализации туристических услуг.

Плохо организованы спонсорство, благотворительность. Например, ООО «Цементно-бетонные изделия» готово взяться за реставрацию разрушенного временем Ропшинского дворца, если бы ему зачли потраченные на реставрацию средства при расчете арендной платы, которая составляет 50000 долларов в

год. Существующий порядок не позволяет решить эту проблему.

Квалифицированный менеджмент — важный экономический инструмент. Необходима федеральная программа переподготовки работников социально-культурной сферы. Только активная культурная политика государства позволит преодолеть затянувшийся глубокий кризис в сфере культуры и искусства.

Г. Ф. ФЕЙГИН,

доцент кафедры управления СПбГУП, кандидат экономических наук

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Современный этап развития мирового хозяйства характеризуется его глобализацией. Глобализация означает, что мировое хозяйство превращается в некое глобальное целое. В ходе всей предыдущей истории человечества мир представлял собой либо территориально раздробленные цивилизации, либо был расколот на противоборствующие хозяйственные системы (борьба капитализма и социализма в XX веке). Только с конца 80-х годов в мировой экономике появились тенденции, которые позволили говорить о начале становления единой мировой хозяйственной системы. Эти тенденции имеют качественный и количественный характер. Развитие информационных и коммуникационных технологий, образование экономических и торговых блоков, либерализация внешнеторговой политики во многих странах, а также распад мировой социалистической системы — все это свидетельствует о принципиально новом характере развития мирового хозяйства на современном этапе. В то же время с начала 70-х годов в мире наблюдается существенное увеличение темпов роста таких показателей, как объем внешней торговли, объем международных инвестиций, а также операций на международных финансовых рынках, значительно превышающих темпы роста мирового ВВП.

Эмпирические исследования результатов развития глобальных тенденций достаточно противоречивы. С одной стороны, развитые страны Запада в последние годы переживают стабильный экономический рост. На европейском континенте прогрессирует интеграционная тенденция, важнейшими этапами развития которой в ближайшем будущем станут введение евро (единой европейской валюты), а также расширение ЕС на Восток. С другой — еще не все страны приобрели ощутимую выгоду от глобализации экономики. Не случайно на Западе популярностью

пользуются такие термины, как «страны, выигравшие от глобализации» и «страны, проигравшие от глобализации».

Глобализация обострила проблему сохранения национальных культур. Остается открытым вопрос о судьбе культурных традиций и национальных суверенитетов различных стран в условиях глобализации. Этот вопрос принято рассматривать в контексте соотношения понятий «глобализация» и «регионализация» (речь идет о позициях и характере развития отдельных регионов в условиях глобализации). Условно можно выделить три аспекта проблемы сохранения национальных культур на современном этапе мирового развития:

— *Угроза сохранения культурных традиций.* В современном мире существуют нации, имеющие давние культурные традиции. Эти традиции составляют предмет национальной гордости и служат основой для патриотизма. Существует потенциальная опасность для сохранения и развития подобных традиций в условиях глобализации.

— *Усиление экономической зависимости отдельных стран от внешней экономической среды.* Глобализация сопровождается становлением региональных экономических и торговых блоков (Европейский Союз и др.), которые начинают проводить единую экономическую политику. В такой ситуации экономическая политика отдельного государства уже не является самостоятельной. Этот факт зачастую воспринимается как угроза дальнейшему развитию многих стран.

— *Подрыв национального суверенитета.* В современном мире существует около 200 суверенных стран, имеющих государственную границу, органы внешней безопасности, национальные секреты. Развитие глобализационных процессов до сих пор не было связано с ликвидацией суверенитетов. Однако правительства некоторых стран относятся с

недоверием к глобализации, считая этот процесс негативным с точки зрения национальной безопасности.

Сценарий решения перечисленных проблем в будущем неоднозначен. Теоретически можно допустить два крайних варианта:

— национальный суверенитет и культурные традиции постепенно будут ликвидированы и образуется единое государство с мировым правительством;

— существующее в настоящий момент антиглобализационное движение остановит процесс глобализации экономики.

Вместе с тем оба эти варианта маловероятны. Развитие глобальных тенденций в современном мире до сих пор не было связано с фактической отменой органов государственной власти. Даже в наиболее интегрированном на сегодняшний день западноевропейском пространстве, где практически отменены внутренние государственные границы, продолжают функционировать органы государственной власти и не ставится вопрос об их ликвидации в ближайшем будущем. Возможность учреждения мирового правительства также достаточно проблематична. После распада СССР единственной мировой сверхдержавой остались США, которые занимают ведущие позиции во многих сферах межгосударственных отношений (представительства в международных политических и финансовых организациях). Однако это не означает, что в ближайшее время в США может быть учреждено мировое правительство. Процесс глобализации сопровождается постепенным увеличением числа развитых стран, которые уже сегодня составляют серьезную конкуренцию для Америки. Наиболее сильным реальным конкурен-

том является Европейский Союз. Таким образом, более вероятным представляется развитие международных политических и финансовых организаций, в которых отдельные регионы будут отстаивать свои позиции, и при этом данные организации не примут форму мирового правительства.

Нереалистичность второго сценария вытекает из объективности развития глобальных тенденций в современной экономике. Так, можно выделить технологическую и экономическую предпосылки глобализации. Технологическая предпосылка означает, что современный этап научно-технического прогресса позволяет использовать все ресурсы земного шара, находящиеся в разных его уголках. Кроме того, НТП связан с развитием средств коммуникации, что способствует становлению системы глобального общения. Экономическая предпосылка определяется тем, что после распада мировой системы социализма мир обрел единую рыночную экономическую основу. Транснациональные корпорации имеют возможность реализовать свою продукцию во всем мире. Теперь следует исходить из того, что глобальные тенденции будут развиваться и в дальнейшем.

Однако объективность процесса глобализации вряд ли представляет угрозу для национальных культур, так как последние являются достаточно устойчивыми. Это доказывает тот факт, что отдельные культуры существуют на протяжении нескольких тысячелетий.

Таким образом, наиболее вероятным является сценарий, в соответствии с которым национальные традиции будут сохранены в условиях дальнейшей глобализации экономики.

С. И. ИВАНОВ,

профессор Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, доктор экономических наук

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДОЛГ И ФИНАНСИРОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ

Уровень развития культуры любой страны определяется качеством и масштабами деятельности людей в той сфере, в которой создается специфический вид вещественного и нематериального богатства, предназначенного для удовлетворения духовных потребностей общества и отдельных его членов. Производство любых видов благ в сфере культуры предполагает расходование труда, материалов и т. д., а следовательно, требует их возмещения. Особенность ряда отраслей культуры состоит в том, что их продукция, в основном услуги, не приносит дохода в ре-

зультате ее реализации на рынке или приносит доход, но недостаточный для возмещения затрат. Поэтому развитие культуры во многом зависит от размеров государственного финансирования.

Одно из негативных явлений бюджетно-финансовой политики, которая проводилась в условиях планово-административной системы, состояло в остаточном принципе бюджетных ассигнований на развитие культуры. Остаточный принцип сохранился и в условиях транзитивной экономики. Анализ структуры расходов консолидированного бюджета

Российской Федерации на 2001 г. показывает, что приоритетной статьёй расходов государства объективно выступает обслуживание государственного долга. Из общей суммы расходов государственного бюджета, равной 1193 млрд руб., 322,8 млрд руб. (27,1%) приходится на обслуживание государственного долга. В то же время на социально-культурные мероприятия запланировано выделить 156,5 млрд руб., из которых 100,6 млрд руб. предназначено на мероприятия социальной политики и лишь 55,9 млрд руб. — на мероприятия по поддержанию и развитию культуры, что составляет 4,7% расходов консолидированного бюджета. Сокращение выплат по обслуживанию государственного долга на 10% позволило бы увеличить ассигнования на развитие культуры на 32,2 млрд руб., т. е. на 58%, а соответственно, повлияло бы на радикальное улучшение условий развития этой сферы.

Нельзя, однако, не признать, что отказ от платежей по обслуживанию долга, даже незначительной их части, чреват весьма тяжёлыми последствиями для внешнеэкономического положения РФ и для состояния ее внутренней экономики. Поскольку колоссальные расходы по обслуживанию долга негативно сказываются не только на развитии культуры, но и других сфер деятельности людей, постольку формируется представление, что государственный долг и затраты на его обслуживание представляют собой большее или меньшее бремя, препятствующее развитию экономики, культуры, техническому прогрессу и т. д.

Опыт стран с развитой рыночной системой показывает, что образование и рост государственного долга служат не тормозом, а, напротив, немаловажным фактором экономического, культурного и научно-технического прогресса.

Известно, что доходы, получаемые фирмами и домашними хозяйствами, распадаются на потребляемую и сберегаемую части. Сбережения, в свою очередь, инвестируются в те или иные факторы производства. Одним из каналов привлечения сбережений является продажа населению государственных ценных бумаг. Полученные этим путем денежные средства инвестируются государством в такие факторы производства экономического роста, как образование, наука, медицинское обслуживание, информация, искусство и др. Особенность этих инвестиций состоит в том, что они не приносят непосредственной отдачи в виде увеличения выпуска продукции и роста доходов (прибыли, заработной платы и пр.). Их экономический эффект проявляется с определенным лагом, так как повышение уровня культуры экономически активной ча-

сти населения, т. е. его образованности, общего кругозора, способности к восприятию новых знаний, требует известного времени. Повышение эффективности производства, достигнутое на основе повышения уровня культуры экономически активной части населения, находит свое выражение как в увеличении объема ВВП, так и в росте доходов. Это, в свою очередь, расширяет налоговую базу и служит источником налоговых поступлений в государственный бюджет.

Если упрощенную структуру доходов государственного бюджета представить как сумму **налоги + займы**, то увеличение суммы заемных средств позволяет снизить сумму налоговых поступлений, т. е. снизить ставки налогов. Согласно кривой Лаффера, снижение ставок налогов стимулирует инвестиции, рост занятости и ведет к расширению налоговой базы, что с известным лагом приведет к росту налоговых поступлений.

Итак, государственные займы, порождающие образование и рост государственного долга, приносят средства, которые инвестируются в развитие культуры. Это приводит к росту национального дохода и увеличению доходов государственного бюджета. Таким образом, расходы по обслуживанию государственного долга представляют собой источник дополнительных доходов держателей ОФЗ, ОМЗ и др. При соблюдении отмеченных и некоторых иных условий государственный долг выступает как фактор благоприятствующий увеличению источников финансирования культуры и повышению ее значения как фактора экономического роста.

Негативные явления, связанные с ростом государственного долга РФ, порождены рядом специфических причин:

- 1) необоснованное принятие Россией всего внешнего долга СССР;
- 2) неэффективное расходование средств на сумму около 60 млрд дол., полученных от МВФ, членов Парижского и Лондонского клубов;
- 3) неблагоприятный инвестиционный климат в РФ и оценка капиталовложений в российскую экономику, в том числе и в государственные ценные бумаги, как вложений высокого риска, следствием чего явились высокие процентные ставки по государственным ценным бумагам;
- 4) утечка многомиллиардных сумм капитала за границу, следствием чего явилось низкое предложение капитала на рынке ценных бумаг и прежде всего — низкий спрос на государственные ценные бумаги;
- 5) недоверие населения к государственным облигациям, выразившееся в том, что значительная часть сбережений осуществляется в форме покупки СКВ.

Б. А. КОЛТЫНЮК,

профессор кафедры экономики СПбГУП, доктор экономических наук

СОЦИАЛЬНЫЕ НОРМАТИВЫ КАК БАЗА РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СФЕРЫ (СКС)

Огромные перемены, произошедшие за последнее десятилетие в нашей стране, преопределили необходимость преобразования всех институтов власти. Важнейшей задачей социальной политики стала задача максимально возможного поддержания уровня жизни населения и особенно его наименее социально защищенных слоев.

Либерализация экономики и устранение административных ограничений создали условия для роста экономической активности значительной части населения, появления у нее принципиально новых ценностных ориентиров при реальном выборе учреждений социального обслуживания: образования, медицинского обслуживания, страхования, отдыха и т. п. Наряду с традиционным общегосударственным бесплатным обслуживанием стал интенсивно формироваться рынок бесплатных услуг.

При всех прогрессивных начинаниях реформирования экономики страны в последнее десятилетие возникли проблемы значительного снижения эффективности промышленного производства, высокой инфляции, резкого роста потребительских цен, а в целом привело к дестабилизации экономики, сокращению платежей в бюджет, разбалансированию финансов, а следовательно, к снижению активности государственной социальной политики.

В этих условиях бюджетное финансирование стало осуществляться исходя из имеющихся финансовых ресурсов без учета норм, нормативов и социальных стандартов, установленных законами, указами Президента и постановлениями Правительства РФ.

Отсутствие правовой защиты в поддержке бюджетов разных уровней преопределило целесообразность построения в первую очередь системы государственных минимальных социальных стандартов (ГМСС). Эта система призвана стать одним из важнейших направлений управления социальными процессами, преодоления кризиса в социальной сфере и осуществления реформ по эффективному использованию бюджетных и внебюджетных средств с целью максимально возможного повышения уровня жизни населения.

Необходимость формирования правовой базы для установления и применения ГМСС обусловлена тем, что их использование предусматривается федеральными законами: «Об общих принципах организации местного са-

моуправления в Российской Федерации», «О прожиточном минимуме в Российской Федерации», «Бюджетный кодекс Российской Федерации» и др.

С помощью системы ГМСС появляется возможность создания механизма, позволяющего перейти к формированию защищенных местных бюджетов, на основе не только душевых норм затрат, но и адресного его расходования в целях оказания помощи в первую очередь наиболее нуждающейся группе населения. В свою очередь, это общество должно способствовать повышению эффективности использования бюджетных и внебюджетных средств и снижению социальной напряженности в обществе.

В соответствии с Указом Президента РФ от 23 мая 1996 года «Об организации подготовки государственных минимальных стандартов для определения финансовых нормативов формирования бюджетов субъектов Федерации и местных бюджетов» до 1 ноября 1996 г. Правительство РФ должно было разработать этот закон и внести в Государственную Думу для утверждения. Однако этот Закон до настоящего времени не принят. Отсутствие государственных федеральных нормативов повлекло за собой разработку и утверждение нормативов бюджетной обеспеченности учреждений СКС местными органами самостоятельно. Надо отметить, что Правительством РФ во исполнение Указа Президента Российской Федерации от 23 мая 1996 № 769 Распоряжением от 3 июля 1996 года № 1063-р одобрены до принятия Закона уточненные министерствами и ведомствами социальные нормы и нормативы, которые должны пересматриваться **не реже чем через пять лет.**

Как показали наши исследования, в ряде районов Северо-Запада России количественные показатели социальных норм и нормативов, представленные в Приложении к указанному Распоряжению, не отражают принятые на местах концепции социально-экономического развития. По глубокому убеждению автора настоящей работы, в состав норм и нормативов должны включаться не только учреждения, предоставляющие бесплатные услуги, но и частично платные (льготные), к числу которых можно отнести услуги следующих отраслей социально-культурной сферы (СКС): здравоохранения, образования и культуры.

В настоящее время в силу исторически сложившихся условий практически каждое

административно-территориальное образование имеет:

— свою специфику размещения объектов указанных отраслей;

— пропускную способность объекта, т. е. экономическую и техническую возможность предоставления услуг без изменения их функционального отраслевого назначения;

— объекты государственного, коммерческого и некоммерческого типа;

— объекты, функциональное назначение которых морально устарело;

— объекты, нуждающиеся в капитальном, среднем или других ремонтах;

— объекты, эксплуатация которых запрещена специальными органами надзора;

— объекты, строительство или капитальный ремонт которых временно прекращен из-за отсутствия средств.

Учитывая это обстоятельство, в первую очередь необходима инвентаризация объектов СКС с учетом их пропускной способности и целесообразности дальнейшей эксплуатации. Полученные в результате инвентаризации данные позволяют определить фактические возможности и нормативные потребности в предоставлении услуг учреждениями СКС, наметить мероприятия по сокращению объектов или, наоборот, их увеличению с учетом существующей и прогнозируемой демографической ситуации.

Нормативы финансирования отдельным учреждениям должны устанавливаться с учетом особенностей их целевой направленности и деятельности. При этом местные органы самоуправления, выделяющие в основном

средства для финансирования объектов СКС, должны учитывать специфику учреждения и региональную особенность бюджетной организации. Очевидно, что нельзя установить для всех учреждений единый уровень норматива без анализа деятельности каждого из них за прошедшие годы. В то же время это отнюдь не означает, что расчет норматива бюджетного финансирования необходимо выполнять для каждого учреждения СКС. Достаточно, на наш взгляд, при формировании финансового норматива использовать средне-взвешенные оценки с учетом инфляции, роста потребительских цен, изменений в оплате труда работников бюджетных организаций и др.

Основой для исчисления норматива финансирования по каждому элементу затрат служат, как правило, первичные финансовые нормы. Однако, как показали исследования автора, эти нормы не всегда отражают те организационные и инновационные изменения, которые произошли в социально-культурной сфере. Поэтому зачастую натуральные и стоимостные нормы потребности в финансировании не отражают расходы на содержание бюджетного учреждения, предоставляющего определенные бесплатные услуги населению. Следовательно, расчету нормативов финансирования должна предшествовать работа по уточнению базовых норм.

Социальные нормативы, в основе которых лежит седьмая статья Конституции РФ, должны формировать необходимую базу для финансирования бюджетных учреждений образования, культуры и здравоохранения.

Э. В. НОВАТОРОВ,

доцент кафедры управления СПбГУП, кандидат педагогических наук

ПРОБЛЕМЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ МАРКЕТИНГА ДЛЯ НЕКОММЕРЧЕСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ

Введение

Наряду с коммерческим и государственным секторами экономики в России стремительно развивается третий сектор экономики — частный неприбыльный сектор. Этот сектор представлен деятельностью независимых от государства неприбыльных организаций. Существуя, главным образом, за счет пожертвований и осуществляя услуги часто на платной основе, эти организации не преследуют цели извлечения прибыли.

Как правило, неприбыльные организации преследуют какую-либо общественную миссию и возникают там, где коммерческие структуры не могут извлекать прибыль, а государство испытывает недостаток бюджет-

ных средств. При этом государство, в отличие от налоговых структур, по отношению к коммерческим структурам не облагает налоговым бременем неприбыльные организации, поощряя тем самым их развитие при минимальной конкуренции. Кроме этого, государство ожидает от неприбыльных организаций самооплачиваемости в их деятельности и обязывает их вкладывать любую случайно полученную прибыль в развитие организации, а не в карман членов организации. В связи с ростом числа неприбыльных организаций среди российских маркетологов в последнее время обозначился интерес к теме «маркетинг для неприбыльных организаций» или «неприбыльный маркетинг», иногда называемый в литературе как

социальный маркетинг¹. Теоретические разработки в этом направлении в России начались еще в начале 1990-х годов², хотя на Западе исследования и дискуссии такого рода фиксируются началом 1970-х. Целью данной работы не является обсуждение достоинств или недостатков той или иной работы, посвященной этой теме. Скорее, целью работы является попытка познакомить российских исследователей неприбыльного маркетинга с современным состоянием дискуссии в западной маркетинговой литературе. За последние три десятилетия среди западных маркетологов сложилось неоднозначное отношение к понятию «неприбыльный маркетинг», и, по словам одного из комментаторов, это биполярное отношение можно охарактеризовать как «любовь — ненависть».

В первой части статьи на основе обсуждения понятий *коммерческого маркетинга, расширенного маркетинга, социального маркетинга* и *обобщенного маркетинга* рассматривается краткая предыстория возникновения и сущность концепции «неприбыльного маркетинга». Во второй части статьи обсуждаются главные аргументы, выдвинутые видными маркетологами против этой концепции. К сожалению, в связи с победоносным шествием работ и философии маркетинга многоуважаемого Ф. Котлера по книжным прилавкам России альтернативные точки зрения и контраргументы, выдвинутые другими многоуважаемыми западными маркетологами, не нашли своего должного освещения в русскоязычной переводной литературе по маркетингу. На наш взгляд, более сбалансированный и объективный подход к данной теме за счет обсуждения существующих контраргументов пойдет лишь на пользу исследователям, занимающимся этой проблемой.

Коммерческий маркетинг

Термин «маркетинг» образован от слова «маркет», или рынок. Рынок предполагает добровольные торговые отношения между многочисленными покупателями и продавцами на основе принципа «квид-про-кво», или «ты мне — я тебе». Эти отношения поддерживаются двумя основными принципами: коммуникации и добровольного обмена. Покупатели и продавцы свободно общаются между собой в поисках наиболее выгодных условий

добровольного обмена, используя деньги, товары и услуги как средства обмена. При рынке с наличием конкуренции у продавцов есть две главные стратегии для выживания в конкурентной борьбе. Первая — это изменение нужд покупателей под существующее товарное предложение. Вторая — изменение своего товарного предложения под существующие нужды покупателей. Первая стратегия известна как «ориентация на интенсификацию коммерческих усилий», или ориентация на продажи и нужды продавцов, а вторая как «концепция маркетинга», или ориентация на нужды потребителей. Хотя обе стратегии направлены на максимизацию прибыли, большинство маркетологов убеждены, что концепция маркетинга наиболее выгодна с точки зрения долгосрочной выживаемости бизнеса в конкурентной среде. Следовательно, одно из определений концепции маркетинга, или просто маркетинга, звучало как «процесс узнавания и перевода пожеланий потребителей в спецификации товара или услуги, а затем осуществления мероприятий по продвижению этих товаров и услуг с той целью, чтобы как можно больше потребителей смогли ими воспользоваться и получить удовлетворение»³. Практически все маркетологи были согласны с таким подходом вплоть до конца 1960-х и начала 1970-х годов, когда группа экономистов-выпускников Чикагского университета под руководством С. Леви и Ф. Котлера предложила достаточно смело и радикально для того времени расширить и обобщить такую общепризнанную трактовку маркетинга.

Расширенный маркетинг

В 1969 году Ф. Котлер и С. Леви публикуют статью, где утверждают, что некоммерческие и общественные организации, такие, как университеты, школы, церкви, музеи, политические партии, полицейские участки и т. п., осознанно или неосознанно вовлечены в маркетинговую деятельность. Соответственно, они предложили расширить концептуальную трактовку таких классических терминов маркетинга, как «товар», «деньги» и «сделка», чтобы суметь объяснить маркетинг для таких организаций и включить эти организации в сферу дисциплины маркетинга.

Так, например, под «товаром» стали понимать не только товары и услуги, а также «время», «энергию», «чувства» или любую другую «ценность», способную удовлетворить нужду. Оказалось, что деньги могут быть монетарными и немонетарными. Наконец, центральное понятие и единица измерения маркетинга —

¹ Андреев С. Н. Маркетинг в некоммерческой сфере: теоретический аспект // Маркетинг в России и за рубежом. 2000. № 4. С. 18–23; Андреев С. Н. Основы концепции маркетинга некоммерческих субъектов // Маркетинг в России и за рубежом. 1999. № 5. С. 18–23; Андреев С. Н., Мельниченко Л. Н. Основы некоммерческого маркетинга. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 256.

² Гордин В. Э. Социальная политика и социальный маркетинг. СПб.: Изд-во СПбУЭФ, 1993; Решетников А. В. Социальный маркетинг и обязательное медицинское образование. М.: Финансы и статистика, 1998.

³ Андреев С. Н. Маркетинг в некоммерческой сфере: теоретический аспект // Маркетинг в России и за рубежом. 2000.

«коммерческая сделка» между продавцом и покупателем — была трансформирована в нейтральное понятие «добровольный обмен» между любыми двумя сторонами. Поскольку классические термины маркетинга были расширены, то такая интерпретация маркетинга получила название расширенной.

Социальный маркетинг

Позже Ф. Котлер и Г. Зальтман предложили концепцию социального маркетинга для общественных организаций.

Обобщенный маркетинг

Годом позже Ф. Котлер предложил концепцию обобщенного маркетинга, включив в сферу маркетинга любую ситуацию, где можно различить по крайней мере двух участников, обменивающихся какими-либо ценностями. Именно такой нейтральный, расширенный и обобщенный подход к маркетингу изложен практически в каждой книге Ф. Котлера, переведенной на русский язык.

Теоретические противоречия неприбыльного маркетинга

Одними из первых критиков расширенного маркетинга были так называемые защитники классической трактовки маркетинга. Д. Лак в своей статье «Расширенный маркетинг — слишком далеко» утверждал, что в неприбыльном секторе не существует принципа «квид-про-кво», т. е. достаточно трудно установить условия купли-продажи, которые являются главной характеристикой маркетинга. Представитель северной школы маркетинга И. Арнд считал, что сфера применения маркетинга не должна включать в себя церкви, социальные агентства и учреждения культуры. По его мнению, если те действия, которые осуществляют эти организации напоминают маркетинг, то они должны быть концептуализированы с помощью политических наук и специалистов по общественному управлению. Р. Бартельс отметил, что если расширить трактовку маркетинга и включить в сферу его применения коммерческие и некоммерческие организации, то, очевидно, маркетинг как дисциплина должен будет называться по-новому. У. Такер поддержал эту точку зрения и предложил такие термины, как «перераспределение», «социальный инжиниринг», «обменная социология», «общественные отношения» или «правительство».

Д. Диксон считал, что расширенный маркетинг напоминает заблуждения Птолемея о сущности вселенной, согласно которым солнце вращается вокруг земли. Д. Диксон отмечает, что расширенный маркетинг предполагает, что неприбыльная и государственная организация (земля) независима от правительства (солнце) в своих решениях. Он напомнил,

что это правительство (солнце) является центром вселенной и определяет политику в отношении коммерческих и некоммерческих организаций (планеты солнечной системы, включая землю).

Другим аргументом была простая логика мышления канадского философа Д. Монисона. Он риторически спросил: «Если неприбыльные организации занимаются социальным маркетингом, то все остальные организации занимаются антисоциальным маркетингом, т. е. приносят вред обществу?»

Д. Лак также явился наиболее жестким критиком социального маркетинга, который он назвал «сложносоставленной путаницей». Другие комментаторы посчитали, что работы Р. Багази по адаптации теории социального обмена в маркетинговой сфере, во-первых, были поверхностны, а во-вторых, предполагают, что маркетинг является королевой всех общественных наук, подчиняя их себе. Голоса маркетологов были подкреплены голосами тех, для кого концепции социального и неприбыльного маркетинга были разработаны. Администраторы неприбыльных и общественных организаций не согласились с позицией Котлера, что между коммерческими и некоммерческими организациями существуют минимальные различия. Они отметили, что сходство существует, но в наименее значительных и важных аспектах деятельности. В целом же некоммерческие организации менее подвержены рыночной стихии, имеют больше формальных и легальных ограничений, монополистические и принудительные методы работы и меньше автономии для принятия решений.

Австралийские и британские комментаторы, не сговариваясь, пришли к одному и тому же мнению, что котлеровская трактовка неприбыльного маркетинга, по существу, есть лишь добавление к слову «прибыльный маркетинг» приставки «не». В остальном это все тот же прибыльный маркетинг.

Эмпирические исследования подтверждают критические аргументы. Р. Грахам установил, что после десяти лет существования многие некоммерческие организации из его выборки не приняли доктрину маркетинга в своих организациях. Е. Хайршман также отметила странную закономерность, которая заключается в том, что концепции социального маркетинга и сложного обмена были выдвинуты более двадцати лет назад, но практически никто из маркетологов за эти двадцать лет не захотел их эмпирически подтвердить. Почему-то маркетологи не хотят заниматься эмпирическими исследованиями в этом направлении.

УКАЗ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УКАЗ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ «ОБ УВЕКОВЕЧЕНИИ ПАМЯТИ Д. С. ЛИХАЧЕВА»	3
---	----------

ПРИВЕТСТВИЯ УЧАСТНИКАМ ЛИХАЧЕВСКИХ ЧТЕНИЙ

В. В. ПУТИН, Президент Российской Федерации	4
Г. Н. СЕЛЕЗНЕВ, председатель Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации	4
В. В. ЧЕРКЕСОВ, полномочный представитель Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе	4
В. А. ЯКОВЛЕВ, губернатор Санкт-Петербурга	4

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ, ректор СПбГУП, заведующий кафедрой культурологии, доктор культурологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, член-корреспондент РАО ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО	5
Н. Н. СКАТОВ, директор Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, главный редактор журнала «Русская литература», доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАН БОРЬБА ЗА ЛИТЕРАТУРУ ЛИТЕРАТУРООБРАЗУЮЩЕЙ НАЦИИ	8
М. Б. ПИОТРОВСКИЙ, директор Государственного Эрмитажа, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН и Российской академии художеств КУЛЬТУРА В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗМА	8
А. А. ВОЗНЕСЕНСКИЙ, поэт, академик РАО, лауреат Государственной премии СССР, Почетный доктор СПбГУП СТРАНА ПРЕОДОЛЕЕТ КРИЗИС, КОГДА ПРОЧТЕТ «СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»	9
Э. А. РЯЗАНОВ, кинорежиссер, Народный артист СССР и РСФСР, лауреат Государственной премии СССР, Почетный доктор СПбГУП ПОДВЕРГАТЬ ВСЕ СОМНЕНИЮ — ГЛАВНАЯ ЧЕРТА УЧЕНОГО	10
В. Л. ЯНИН, заведующий кафедрой археологии исторического факультета МГУ им. Ломоносова, доктор исторических наук, профессор, академик, член президиума РАН, Почетный доктор СПбГУП ПРОШЛОЕ — БУДУЩЕМУ	11
Н. Я. ПЕТРАКОВ, директор Института проблем рынка РАН, доктор экономических наук, профессор, академик РАН ОПОРА НА ИНТЕЛЛИГЕНЦИЮ — ЗАЛОГ ВЫХОДА РОССИИ ИЗ КРИЗИСА	14
С. А. ФИЛАТОВ, председатель Исполкома Конгресса российской интеллигенции, лауреат Государственной премии РФ ПОРТРЕТ Д. С. ЛИХАЧЕВА КАК РОССИЙСКОГО ИНТЕЛЛИГЕНТА	15
О. В. ТВОРОГОВ, главный научный сотрудник Отделения древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, доктор филологических наук, профессор, лауреат Государственной премии СССР ВОЗВРАЩЕНИЕ НАРОДУ ПАМЯТИ О СЕМИ ВЕКАХ СВОЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ	17

ИЕРОНИМ ГРАЛЯ, консул по культуре Генерального консульства Республики Польша, доктор исторических наук ВЕЛИЧИНУ БАШНИ ИЗМЕРЯЕТ ЕЕ ТЕНЬ	18
В. В. КРАЕВСКИЙ, академик-секретарь Отделения философии образования и теории педагогики РАО, доктор педагогических наук, профессор, академик РАО ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТЬ КАК ЦЕЛЬ И СОДЕРЖАНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ	20
Т. Г. МОРЩАКОВА, заместитель председателя Конституционного суда РФ, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Заслуженный юрист РФ ПРЕЗУМПЦИЯ ДОБРОПОРЯДОЧНОСТИ	23
В. А. ГУСЕВ, директор Государственного Русского музея, Заслуженный деятель искусств РФ УЧИТЕЛЬ С БОЛЬШОЙ БУКВЫ	24
 КРУГЛЫЙ СТОЛ	
В. Е. ТРИОДИН, заведующий кафедрой теории социально-культурной деятельности СПбГУП, доктор педагогических наук, профессор, председатель Санкт-Петербургского отделения Российского творческого союза работников культуры, Заслуженный деятель науки РФ, Заслуженный работник культуры РФ ГИМН ЛИЧНОСТИ	26
С. О. ШМИДТ, председатель Археографической комиссии РАН и Союза краеведов России, доктор исторических наук, профессор, академик РАО МИР ГУМАНИТАРНОЙ КУЛЬТУРЫ Д. С. ЛИХАЧЕВА И КРАЕВЕДЕНИЕ	27
Ю. А. РЫЖОВ, президент Международного инженерного университета, академик РАН НЕЗАУРЯДНОСТЬ ЛИЧНОСТИ	31
Я. А. ГОРДИН, писатель, историк, главный редактор журнала «Звезда» ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПТИМИСТ	32
Г. А. АРБАТОВ, Почетный директор Института США и Канады РАН, академик РАН ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ И ПРАВСТВЕННАЯ ГРОМАДА	33
В. В. КРАЕВСКИЙ, академик-секретарь Отделения философии образования и теории педагогики РАО, доктор педагогический наук, профессор, академик РАО ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТЬ КАК ИДЕАЛ ОБРАЗОВАНИЯ	34
Ю. В. ЗОБНИН, заведующий кафедрой литературы СПбГУП, доктор филологических наук ПОСТУПОК ИНТЕЛЛИГЕНТА	35
Э. А. РЯЗАНОВ, кинорежиссер, Народный артист СССР и РСФСР, лауреат Государственной премии, Почетный доктор СПбГУП ИНТЕЛЛИГЕНТ НЕ МОЖЕТ НАПИСАТЬ ДОНОС	36
В. Л. ЯНИН, заведующий кафедрой археологии исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор исторических наук, профессор, академик, член Президиума РАН, Почетный доктор СПбГУП ИНТЕЛЛИГЕНТ — ЭТО КУЛЬТУРНЫЙ ГЕНОФОНД НАЦИИ	37
А. В. ДАРИНСКИЙ, профессор Санкт-Петербургского университета педагогического мастерства, доктор педагогических наук, академик РАО Д. С. ЛИХАЧЕВ И КРАЕВЕДЕНИЕ	37

А. С. КУШНЕР, поэт, лауреат Государственной премии РФ, Пушкинской премии	
ПРОПОВЕДЬ ДЕЙСТВИЕМ	38
М. С. КАГАН, профессор СПбГУ, СПбГУП, доктор философских наук, Заслуженный деятель науки РФ	
УРОКИ ЛИХАЧЕВА	39
Т. Г. МОРЩАКОВА, заместитель председателя Конституционного суда РФ, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Заслуженный юрист РФ	
СУЩНОСТНЫЕ ЧЕРТЫ ИНТЕЛЛИГЕНТА КАК КРИТЕРИЙ АНАЛИЗА ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНСТИТУТОВ	41
А. П. МАРКОВ, профессор кафедры социально-культурных технологий СПбГУП, доктор педагогических наук, доктор культурологии	
ПЕРСОНИФИЦИРОВАННЫЙ ЭТИЧЕСКИЙ ИДЕАЛ КАК ПРОЕКТ ДУХОВНОГО ИСЦЕЛЕНИЯ	41
Б. Д. ПАРЫГИН, заведующий кафедрой социальной психологии СПбГУП, доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ	
ЧУВСТВО ЛИЧНОСТИ	43
Г. М. БИРЖЕНЮК, заведующий кафедрой социально-культурных технологий СПбГУП, доктор культурологии, профессор	
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ЗА БУДУЩЕЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ	44
А. А. ВОЗНЕСЕНСКИЙ, поэт, академик РАО, лауреат Государственной премии СССР, Почетный доктор СПбГУП	
ЗАВЕТЫ ЛИХАЧЕВА ДЕЙСТВУЮТ	45
О. В. ТВОРОГОВ, главный научный сотрудник Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, доктор филологических наук, профессор, лауреат Государственной премии СССР	
ПОРТРЕТ Д. С. ЛИХАЧЕВА ЗАПЕЧАТЛЕН В ЕГО ТРУДАХ	46
 Секция 1	
МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СОХРАНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ	
А. В. ЗИНОВЬЕВ, профессор кафедры государственного права СПбГУП, доктор юридических наук, Заслуженный деятель науки РФ	
АМЕРИКАНСКИЕ СТАНДАРТЫ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ В РЕАЛЬНОСТИ (на примере выборов президента США)	47
П. П. ГЛУЩЕНКО, декан юридического факультета СПбГУП, заведующий кафедрой государственного права, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ	
ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ	50
А. А. ВИХРОВ, заместитель заведующего кафедрой государственного права СПбГУП, доктор юридических наук, профессор	
ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА, ПРАВОВАЯ ИДЕОЛОГИЯ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО	53
А. Ф. БОРОВИКОВ, доцент кафедры государственного права СПбГУП, Заслуженный работник культуры РФ	
ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ПРОЦЕССЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ТАМОЖЕННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ	57
С. Ю. КРИЦКАЯ, доцент кафедры теории и истории государства и права СПбГУП, кандидат филологических наук	
ПРАВО БОЖЕСТВЕННОЕ И ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ: ПРАВА ЖРЕЧЕСКОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕСТАЛОК	59

Н. Г. МИТИНА, студентка 3 курса юридического факультета СПбГУП, член Клуба молодых юристов Санкт-Петербурга ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ, ПЕРЕМЕЩЕННЫХ В РЕЗУЛЬТАТЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	61
А. В. КИРСАНОВА, старший преподаватель кафедры государственного права СПбГУП МЕЖДУНАРОДНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ	62
Г. И. ГНИЛИЦКИЙ, доцент кафедры права предпринимательской деятельности СПбГУП, кандидат военных наук ПРОБЛЕМЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ	64
Е. М. ШЕСТЕРИН, старший преподаватель кафедры права предпринимательской деятельности СПбГУП ГОСУДАРСТВЕННАЯ НАЛОГОВАЯ ПОЛИТИКА КАК ОСНОВА ЗАЩИТЫ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ	65
А. Н. БАСАЛАЕВ, доцент кафедры правоохранительной деятельности СПбГУП, кандидат юридических наук ПОНЯТИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ СЛЕДОВ КАК СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ	66
А. В. БЕРЕЗКИН, доцент кафедры теории и истории государства и права СПбГУП, кандидат юридических наук РАННИЙ ЭТАП ФОРМИРОВАНИЯ КРИМИНАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ В АНГЛИИ	68
Т. Г. МОРЩАКОВА, заместитель председателя Конституционного суда РФ, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Заслуженный юрист РФ МЕСТО И РОЛЬ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В СТАНОВЛЕНИИ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ	69
П. П. ГЛУЩЕНКО, декан юридического факультета СПбГУП, заведующий кафедрой государственного права, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ	70
Секция 2	
СУДЬБА КНИГИ	
А. В. СОКОЛОВ, профессор кафедры теории социально-культурной деятельности СПбГУП, доктор педагогических наук, Заслуженный работник культуры РФ, ГУМАНИТАРНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И КНИГА В ХХІ ВЕКЕ	72
Г. Ф. ГОРДУКАЛОВА, заведующая кафедрой гуманитарной информации Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусства, доктор педагогических наук, профессор ВИЗУАЛИЗАЦИЯ ЗНАНИЯ: ПРОШЛОЕ И БУДУЩЕЕ	73
Т. В. ПЕТРУСЕНКО, заведующая отделом комплектования Российской национальной библиотеки, кандидат педагогических наук; М. И. ДЕМИДОВА, заведующая сектором депозитарного хранения Российской национальной библиотеки, кандидат исторических наук, Заслуженный работник культуры РФ ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ Д. С. ЛИХАЧЕВА В КНИЖНЫХ СОБРАНИЯХ БИБЛИОТЕК РОССИИ	76
А. С. АСВАТУРОВ, заведующий отделом национальных литератур Российской национальной библиотеки КОНЦЕПЦИИ Д. С. ЛИХАЧЕВА В ФОРМИРОВАНИИ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЙ КНИЖНОЙ КУЛЬТУРЫ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА	78

Ю. М. ТАРАСОВА, заведующая отделом изданий Академии наук Библиотеки Российской академии наук	
АКАДЕМИЧЕСКОЕ СОБРАНИЕ БИБЛИОТЕКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК: ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ	79
М. А. ЧЕРНЯК, доцент кафедры новейшей отечественной литературы Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, кандидат филологических наук	
СУДЬБА КНИГИ В XXI ВЕКЕ: К ВОПРОСУ О ФЕНОМЕНЕ МАССОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ...	81
И. А. МАНКЕВИЧ, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Ленинградского государственного областного университета, кандидат педагогических наук	
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА КАК ИСТОЧНИК КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ	83
О. Н. ИЛЬИНА, доцент кафедры гуманитарной информации Санкт-Петербургского гуманитарного университета культуры и искусства, кандидат педагогических наук	
ЛИЧНЫЕ БИБЛИОТЕКИ КАК ПАМЯТНИКИ КУЛЬТУРЫ	85
Ю. А. РАКОВ, член Союза писателей Санкт-Петербурга	
МИСТИКА ПЕТЕРБУРГА В ТВОРЧЕСТВЕ ПИСАТЕЛЯ	87
Т. Д. ДЯГИЛЕВА, аспирантка факультета культуры СПбГУП;	
Н. А. ЗИНКЕВИЧ, аспирантка факультета культуры СПбГУП	
КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА В ИНФОРМАЦИОННУЮ ЭРУ	89
С. В. ЦВЕТКОВ, директор издательства «Петербургский писатель», президент петербургского отделения Русского пен-клуба	
ПОСЛЕДНИЕ ИЗДАНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Д. С. ЛИХАЧЕВА В ПЕТЕРБУРГЕ	90
А. В. БУЛАХ, библиограф научной библиотеки СПбГУП	
НЕМЕЦКАЯ КНИГА В РОССИИ	91
С. О. ШМИДТ, председатель Археографической комиссии РАН и Союза краеведов России, доктор исторических наук, профессор, академик РАО	
Д. С. ЛИХАЧЕВ И КНИГА (по личным впечатлениям)	92
Е. П. ЕФИМОВА, директор научной библиотеки СПбГУП, кандидат педагогических наук	
ПРОИЗВЕДЕНИЯ Д. С. ЛИХАЧЕВА В ФОНДЕ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА ПРОФСОЮЗОВ	93

Секция 3

РОССИЙСКИЙ ИНТЕЛЛИГЕНТ КАК ЭТИЧЕСКИЙ ИДЕАЛ ВОСПИТАНИЯ

Б. Л. ВАСИЛЬЕВ, писатель, лауреат Государственной премии СССР	
БОРОТЬСЯ С НЕДОВРОМ — ОБЩЕСТВЕННАЯ МИССИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ	95
Г. М. БИРЖЕНЮК, заведующий кафедрой социально-культурных технологий СПбГУП, доктор культурологии, профессор	
РОЛЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ РОССИЙСКОЙ НАЦИИ	95

М. М. БОБРОВ, заведующий кафедрой физического воспитания СПбГУП, Заслуженный тренер РФ, Почетный гражданин Санкт-Петербурга	
С. Б. ТИХВИНСКИЙ, профессор кафедры физического воспитания СПбГУП, Заслуженный работник физической культуры РФ, доктор медицинских наук	
РОЛЬ ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ В ПОДГОТОВКЕ РОССИЙСКОГО ИНТЕЛЛИГЕНТА	97
М. Б. ПЛОТОВ, заведующий кафедрой социологии и психологии Государственной полярной академии, доктор социологических наук, профессор	
ПОНЯТИЯ «ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ», «ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТЬ», «ИНТЕЛЛИГЕНТ»	99
В. Г. ИВАНОВ, профессор кафедры философии СПбГУП, доктор философских наук	
МОРАЛЬНЫЙ КОДЕКС ДМИТРИЯ ЛИХАЧЕВА	99
М. С. КАГАН, профессор СПбГУ, СПбГУП, доктор философских наук, Заслуженный деятель науки РФ	
УРОКИ Д. С. ЛИХАЧЕВА	102
А. П. МАРКОВ, профессор кафедры социально-культурных технологий СПбГУП, доктор педагогических наук, доктор культурологии	
РУССКИЙ ИНТЕЛЛИГЕНТ КАК ТИП БЫТИЯ И НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ	103
Б. Д. ПАРЫГИН, заведующий кафедрой социальной психологии СПбГУП, доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ	
ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ КАК ИНДИКАТОР ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОГО СОСТОЯНИЯ ОБЩЕСТВА	105
П. И. СМИРНОВ, профессор СПбГУ, доктор философских наук	
ГАРМОНИЧНОЕ РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ: ВОЗВРАЩЕНИЕ К ПРОБЛЕМЕ	106
Г. А. ПРАЗДНИКОВ, заведующий кафедрой философии СПбГУП, кандидат философских наук, профессор	
МИР ЧЕЛОВЕКА И ЖИЗНЕННАЯ ПОЗИЦИЯ ИНТЕЛЛИГЕНТА	109
А. В. СОКОЛОВ, профессор кафедры теории социально-культурной деятельности СПбГУП, доктор педагогических наук, Заслуженный работник культуры РФ	
ПОСТСОВЕТСКОЕ ГУМАНИТАРНОЕ СТУДЕНЧЕСТВО: СОЦИАЛЬНО- ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ (результаты эмпирического исследования)	111
Ю. М. ШОР, профессор кафедры культурологии СПбГУП, доктор философских наук	
О КАЧЕСТВЕННОЙ СПЕЦИФИКЕ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ	112
 Секция 4	
ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО ДРЕВНЕЙ РУСИ И СОВРЕМЕННОСТЬ	
В. Г. ЛУКЬЯНОВ, профессор кафедры культурологии СПбГУП, доктор философских наук	
ЦЕННОСТНОЕ СОЗНАНИЕ В ДРЕВНЕРУССКОМ ИСКУССТВЕ (по материалам исследований русских религиозных философов)	114
О. Ф. ПЕТРОВА, профессор кафедры искусствоведения СПбГУП, кандидат искусствоведения	
ДРЕВНЕРУССКОЕ ИСКУССТВО И СОВРЕМЕННОСТЬ	115

Н. М. КОЗЫРЕВА, заведующая отделом рисунка и акварели Государственного Русского музея, кандидат искусствоведения	
НОВОЕ ПРОЧТЕНИЕ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»	116
С. М. ГРАЧЕВА, доцент кафедры искусствоведения СПбГУП, кандидат искусствоведения, член Союза художников России	
ВЛИЯНИЕ ТРАДИЦИЙ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЖИВОПИСИ НА СОВРЕМЕННУЮ ДЕРЕВЯННУЮ СКУЛЬПТУРУ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА	117
И. Н. ГРЕБЕНЩИКОВА, преподаватель кафедры искусствоведения СПбГУП	
ПОЧИТАЕМЫЕ ОБРАЗЫ АФОНСКОЙ БОГОМАТЕРИ В ВЯТСКОЙ ЕПАРХИИ В XVIII – НАЧАЛЕ XX ВЕКА	119
Е. В. ГЕРЦМАН, ведущий научный сотрудник Российского института истории искусств, профессор кафедры искусствоведения СПбГУП, доктор искусствоведения	
О ВИЗАНТИЙСКОМ В ИСТОКАХ ДРЕВНЕРУССКОЙ МУЗЫКИ	121
Г. П. ОВСЯНКИНА, доцент кафедры звукорежиссуры и музыкального искусства СПбГУП, кандидат искусствоведения	
КОЛОКОЛЬНАЯ СЕМАНТИКА В ФОРТЕПИАННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Г. УСТВОЛЬСКОЙ, Г. СВИРИДОВА, Б. ТИЩЕНКО	122
И. А. АЛДОШИНА, профессор кафедры звукорежиссуры и музыкального искусства СПбГУП, доктор технических наук;	
С. В. ПУЧКОВ, доцент кафедры звукорежиссуры и музыкального искусства СПбГУП;	
А. Б. НИКАНОРОВ, кампанолог, научный сотрудник Российского института истории искусств	
КОМПЬЮТЕРНЫЕ МЕТОДЫ ЗАПИСИ КОЛОКОЛЬНЫХ ЗВОНОВ И ИХ АКУСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА	123
Н. С. СЕРЕГИНА, ведущий научный сотрудник Российского института истории искусств, доктор искусствоведения	
К ВОПРОСУ АВТОРСТВА ПЕСНОПЕНИЙ ОБ ЕВФРОСИНИИ ПОЛОЦКОЙ	125
А. Н. ЗОЛОТУХИНА, проректор Всероссийского государственного института кинематографии, кандидат искусствоведения	
ДРЕВНЯЯ РУСЬ: КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКИЕ ОСМЫСЛЕНИЯ ИСТОРИИ	127
Д. Н. КАТЫШЕВА, профессор кафедры хореографического искусства СПбГУП, доктор искусствоведения, Заслуженный деятель искусств РФ	
МОТИВЫ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ И ХОРЕОГРАФИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО XX ВЕКА	129
Н. А. КАРЛИК, старший преподаватель кафедры гуманитарных и социальных наук Института управления и экономики, кандидат философских наук	
«КРУГ ЧТЕНИЯ» Л. Н. ТОЛСТОГО И ТРАДИЦИИ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ...	131

Секция 5

ЭКОНОМИКА И КУЛЬТУРА: ПРОБЛЕМЫ И ВЗАИМОСВЯЗИ

Г. А. АРБАТОВ, Почетный директор Института США и Канады РАН, академик РАН	
ЭКОНОМИКА И СОВРЕМЕННОСТЬ	134
Р. А. ИСЛЯЕВ, профессор Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета, доктор экономических наук	
СТРАТЕГИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА И КУЛЬТУРЫ МЫШЛЕНИЯ	135

В. Т. РЯЗАНОВ, заведующий кафедрой экономической теории СПбГУ, доктор экономических наук, профессор НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ОБЩЕСТВА	137
В. А. ПЕШЕХОНОВ, профессор кафедры экономической теории СПбГУП, доктор экономических наук О СООТНОШЕНИИ МАТЕРИАЛЬНОГО И ДУХОВНОГО В АГРАРНОМ СЕКТОРЕ	138
Д. Ю. МИРОПОЛЬСКИЙ, профессор Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов, доктор экономических наук УСТОЙЧИВЫЕ СТЕРЕОТИПЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ И РОССИЙСКИЕ РЕФОРМЫ	140
Ю. Н. ОСИПОВ, профессор МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор экономических наук ХОЗЯЙСТВО КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ	141
В. В. МЕДНИКОВ, заведующий кафедрой экономической теории СПбГУП, кандидат экономических наук, профессор К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ	143
А. Г. СТОЛБОВ, профессор кафедры экономики СПбГУП, доктор экономических наук ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНСТРУМЕНТЫ АКТИВНОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ	144
Г. Ф. ФЕЙГИН, доцент кафедры управления СПбГУП, кандидат экономических наук ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА	145
С. И. ИВАНОВ, профессор Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, доктор экономических наук ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДОЛГ И ФИНАНСИРОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ	146
Б. А. КОЛТЫНЮК, профессор кафедры экономики СПбГУП, доктор экономических наук СОЦИАЛЬНЫЕ НОРМАТИВЫ КАК БАЗА РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СФЕРЫ (СКС)	148
Э. В. НОВАТОРОВ, доцент кафедры управления СПбГУП, кандидат педагогических наук ПРОБЛЕМЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ МАРКЕТИНГА ДЛЯ НЕКОММЕРЧЕСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ	149

Научное издание

МИР ГУМАНИТАРНОЙ КУЛЬТУРЫ АКАДЕМИКА Д. С. ЛИХАЧЕВА
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЛИХАЧЕВСКИЕ НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ

Редакторы *Е. А. Иванова, М. С. Копяткевич, Т. В. Янова*
Художественное оформление *О. Н. Перминовой*
Техническое редактирование и компьютерная верстка *Е. Ю. Николаевой*
Корректор *Т. А. Лебедева*
Компьютерный набор *Е. С. Гурьевой, И. Е. Кустовой*

ЛП № 000372 от 30.12.99

Подписано в печать с оригинала-макета 27.12.01. Формат 60х90/8
Гарнитура Journal. Усл. печ. л. 20,0. Тираж 3000 экз. Заказ № 68

Издательство Санкт-Петербургского Гуманитарного
университета профсоюзов
192238, Санкт-Петербург, ул. Фучика, 15

Отпечатано в типографии издательства СПбГУП
192238, Санкт-Петербург, ул. Фучика, 15